

ЭЙЛИН ТОРЕН

ПРИЗЫВ
ВЕДЬМЫ

ЧАСТЬ II

Кажется, что уже ничего невозможно исправить.

Рэтар утопая в горе, рвёт магическую нить и отпускает жизнь своей чёрной ведьмы, которая исчерпала себя, спасая близких людей.

Милена в гневе наговорила того, что вполне возможно, может стать смертоносным, если сказано это было с ведьмовской силой. Возможно ли ей теперь что-то исправить и надеяться на прощение?

Чем дальше, тем больше испытаний...

Глава 1

Придя в себя, она ощутила невыносимую боль. Такую она уже чувствовала, в этом мире с ней это уже было. Шевелиться не хотелось. Открыв глаза и увидев незнакомую комнату, сначала стало не по себе, но осмотревшись и увидев перед собой, сидящего у стены Рэтара, стало спокойно и, несмотря ни на что, уютно.

Феран сидел в углу, привалившись плечом ко второй стене, глаза его были закрыты и он выглядел уставшим и осунувшимся, или это потому что не видела его долго, или потому что борода стала длиннее в этом его вояже на границу. Рэтар спал. А Хэла всматриваясь в его лицо, подумала, что соскучилась.

Ведьма снова закрыла глаза и попыталась вздохнуть, получилось не очень. Она прислушалась к себе. Болело всё. Голова, спина, грудная клетка, рёбра... свет резал глаза.

“Как с похмелья”, — усмехнулась она сама себе, хотя похмельем почти не страдала.

Воспоминания о том, что именно случилось, были какие-то рваные, словно это было не с ней, или как будто она смотрела со стороны.

А потом появилась боль, жгучая и нестерпимая, дальше холод, затем зов... она слышала как кто-то звал “Хэлу” и так завидовала этой самой “Хэле”, что она так сильно кому-то нужна, что над ней так кто-то убивается.

И вдруг поняла, что Хэла это же она! И Рэтар... это ведь Рэтар её звал?

Она снова попыталась нормально вдохнуть.

“Чёртовы маги!” — ругнулась про себя ведьма, сжавшись от боли.

— Хэла? — голос Рэтара был такой чужой, какой-то совсем глухой, потерянный. Он всегда был таким хриплым, низким, а сейчас — словно у него простуда.

Она открыла глаза и взглянула на него. Боже, как же много было в этих его невероятного цвета глазах. Или её просто слишком сильно приложили и ей мерещиться не весть что?

— Боги, Хэла, — он с какой-то пугающей осторожностью привстал и подойдя к кровати сел на пол, взяв её руку в свою. — Ты вернулась.

— Прости, я не хотела тебя будить, — у неё вообще не было голоса, даже не невнятный шёпот. — Ты выглядишь как человек, которому жизненно необходим сон.

Женщина попыталась улыбнуться, каждое слово отдавалось болью во всём теле.

— Болит всё, да? — Рэтар поцеловал её руку. — Потерпи немного, сейчас пройдёт.

“Так, Хэла... он тебе руку поцеловал? У него такой вид, что сам чуть не помер... Что, твою мать, происходит?” — в голове размножились вопросы и накатила паника.

— С Роаром что? — спросила она вслух, точнее попыталась вслух, получилось не весть что.

— Жив, — отозвался феран всё ещё сжимая её руку.

— Тогда, что случилось? — не понимала Хэла. — У тебя такой вид, будто что-то очень плохое случилось...

— Моя несносная ведьма чуть не умерла, вот что случилось, — ответил феран.

— Боги, Рэтар, ты чего меня пугаешь, — женщина улыбнулась и кажется хотела повести плечом... блин, зря! — Нашёл из-за чего переживать. Призвали бы новую, может была бы сносной, — пошутила она.

— Глупая моя Хэла, — и он повёл головой и был серьёзен, — мне другая не нужна...

В глазах его ведьма явно видела слёзы и это было так странно и безумно, что паника начала скручивать похлеще боли, которая, кстати, стала отпускать.

— Перестань, — вот к такому Хэла была не готова, что угодно, но не вот это.

“Можно как-то выключить меня снова?” — спросила она у Вселенной.

— Рэтар, — на глаза тоже навернулись слёзы. — Ну, ты чего, правда?

— Я... — он сплотнул, потом отвернулся, потом снова посмотрел на неё и опустил голову вниз.

И для Хэлы это было уже слишком. Она попала в другой мир? Может в этом, каком-нибудь, чёрт дерит, параллельном мире, этот вот другой Рэтар и вот какая-то там другая Хэла... а может она влезла в чьё-то чужое тело? Она бы вообще не удивилась этому. Ни разу. После всего того, что с ней произошло.

Может он вообще не с ней? И звал не её. И плакал не по ней? По ней вообще никогда никто не плакал — младшие сыновья, которых она как-то напугала до слёз, притворившись в шутку мёртвой, потому что достали её невозможно, не в счёт.

— Не надо больше умирать, Хэла, — попросил Рэтар и, к её невероятному облегчению, почти пришёл в себя, но только её желание сбежать от него никуда не делось.

Это было странно, ненормально. Она дразнила его, она вела себя иногда очень даже опрометчиво, но это, потому что ей нечего было терять, да и не был он таким человеком, которого можно было задеть так сильно, что... или она просчиталась? И ведь уже случалось с ней такое в её жизни. Но тогда казалось, что это проще пережить. А сейчас? Сейчас нет? Или что?

— Я не хотела, — ответила она, радуясь, что боль отступила. — Этот жуткий запах?

— Гарь, грязь, сырость... плоть, кровь, — ответил Рэтар.

— Это я, да? — нахмурилась она, думая, как бы пошутить.

Феран не ответил, только обречённо кивнул, всё ещё смотря на неё глазами полными такого невыносимого света, что хотелось спрятаться — куда угодно, только бы не видеть их.

А может это из-за того, что она спасла Роара?

“Да конечно, боги, Хэла, — выдохнуло её сознание догадку, — конечно! Рэтар просто благодарен, он же обожает своего тана, он для него всё...”

И от воспоминаний, как именно она его спасла, стало мерзко и жутко!

— А сколько я тут? — спросила ведьма, пытаясь отвлечься.

— Конкретно тут — вторую мирту.

И Хэла понимала, что надо ему сказать, надо. Но, боги, где найти силы, чтобы такое сказать?

— Рэтар, я... — она сжала его руку.

— Я хочу, чтобы ты стала моей, — он сказал это так чётко, словно выдолбил каждое слово в мраморе уже задолго до того, как она вообще сделала первый вздох.

— Что? — воздух, которым она с таким трудом заполняла лёгкие, вышел вон.

— Я хочу сделать тебя своей. Я хочу близости с тобой. Я хочу тебя, Хэла.

Удар. Удар. Пропуск. Удар. Сердце кажется сейчас проломит грудную клетку. Паника

— нет... нет... нет!

“Только не это! Только не сейчас. Только не сейчас и вообще никогда! Нет. Ты переиграла саму себя, вот ты дура!” — столько лет жила на свете, слышала и эти слова как-то тоже, но никогда не была ими так ошарашена.

Как же сильно в ней сейчас выло желание сказать “да”. Выключить всё рациональное, правильное, понятное... хотя, что вообще может быть понятным, когда ты находишься в каком-то другом мире, где порой нет ни грамма логики и почему-то есть страшная уверенность, что, если поискать, может и дракона можно найти?

Она была сейчас просто женщиной, естество которой стонало и готово было на всё, что угодно, когда этот мужчина был рядом. Можно было бы списать это на долгое воздержание, отсутствие этой чёртовой близости, физического контакта, тепла передающегося от тела к телу, энергии передающейся половым путём. Но вокруг неё было столько мужиков, которых она действительно могла затащить в постель, и все они были по-своему шикарны и прекрасны, но она хотела только одного конкретного, вот этого мужика и он... что? Он хотел её?

В топку правила и установки, в адово пекло всю эту ересь — только от одних этих слов уже хотелось скончаться от эйфории оргазма, чего уже говорить о том, что ей больше всего хотелось ощутить его руки, почувствовать его силу, хотелось вот этого проклятого единения и наплевать как, сколько, где, что... вообще на всё плевать!

В Хэле чеканили слова Скарлетт О’Хара “я подумаю об этом завтра”... или потом Совсем потом. А сейчас, боги, да разве можно сказать “нет”?

И всё это скакало в ней безумной девчонкой, кажется влюблённой по уши.

Но Хэла девчонкой уже не была. И Рэтар не был мальчиком. Да, в нём сейчас рвалось наружу это желание, которое он озвучил, через силу, вот в этой агонии, которая возникла от того, что он смотрел, на то как она умирает. Мало ли сколько ужасных воспоминаний всколыхнула в нём эта картина?

Хэла ведь не знала, она не хотела узнавать — она не смотрела внутрь его. Ведьма видела лишь его шрамы, невероятное множество шрамов видимых и скрытых и страшное, всё сметающее на своём пути, бордовое пламя, которое он усмирял, усмирял до поры до времени. И она не могла позволить себе... не могла допустить... чтобы её снова растоптали? Снова боль? Предательство?

— Хэла? — позвал он, вытащив её из этого вихря мыслей, лавиной сошедших на неё.

Женщина посмотрела в его глаза полные этого невообразимого желания, которым она хотела обладать, хотела получить и пусть будет полной дурой с разбитым сердцем, но... или...

— Я... Рэтар... — она мотнула головой. — Я... Я не буду играть в эти игры, я...

— Хэла, — он почти взвыл, прерывая её.

— Рэтар, послушай, я, — попыталась она объяснить, с надеждой дотянуться до того, что было так нужно.

— Нет, перестань. Я понимаю. И я... — он нахмурился, закрыл глаза и бессильно сел на пол, прислонившись к стене смежной с изголовьем кровати. — Ты свободна, Хэла.

Ведьма с трудом привстала и нахмурилась, всматриваясь в его лицо, пытаюсь понять

услышанное.

— Ты свободна, — повторил феран. — Я тебя отпускаю. Ты не связана больше условиями и правом призыва, ты можешь идти.

— Куда? — кажется он вообще не с ней говорил, а в пустоту.

— Ты можешь отправиться в Йерот. Свободные ведьмы могут заработать на жизнь, творя заговоры, они всегда востребованы. Их там немного, так что спрос есть, — и это было вообще не то, что она хотела услышать. — Или ты можешь пойти к Зеуру, да и к любому магу. Они ценят помощь. Ты сильная. Он будет платить тебе жалованье и я прослежу, чтобы он тебя не обидел...

Он вздохнул, так тяжело, что Хэле стало не по себе.

— Или... или ты можешь уйти в Налут. Это вообще не у нас, не в Кармии. Там всем всё равно на то, серая ты или нет, они совершенно спокойно относятся к чёрным ведьмам и пользуются их помощью. Ты сможешь заработать там, жить спокойно, — проговорил он, так и не посмотрев на неё. — И там тепло, ты же любишь, когда тепло...

Каждое его слово было, как гвоздь в крышку гроба. Дышать стало невыносимо, к горлу подступила жуткая жажда. А Рэтар чеканил слова, как не человек вовсе:

— Можно ещё в Сейт или в Фару, — никак не мог уняться феран. — Я дам тебе камней, на первое время.

— Ты меня выгоняешь, — ведьма скорее заключила это, чем спросила. На неё нашло какое-то дикое изумление. Не без труда удалось сесть и Рэтар наконец посмотрел на неё.

— Я больше не могу, Хэла. Я так больше не могу, — прошептал он с надломом. — Я сдерживаю себя из последних сил. Я просто однажды возьму тебя силой, я причину тебе боль и никогда, никогда, Хэла, себе этого не прощу. Поэтому пусть ты будешь где-то там, но ты будешь в порядке. И я не сотворю тебе зла, которое убьёт меня, потому что ты, Хэла, ты... ты моя личная бездна, ты моё безумие, ты моя отравка, которая перемещалась с моей кровью... просто уходи!

И это сродни мольбы, которая выворачивала её наизнанку. Как же она была виновата...

— Мне сказать куда? — спросила она.

— Лучше не надо. Потому что я взвою от тоски по тебе и найду, — ответил Рэтар. — Я рву право призыва только для того, чтобы не иметь возможности найти тебя, потому что я принесу тебе беду. Я так не хочу.

Но Хэле уже было больно. Вот она её беда. Как же больно от каждого его слова, от каждого вдоха. Она с трудом слезла с кровати и поплелась к двери.

— И когда мне отправляться? — поинтересовалась она, теряя себя, умирая от удушающей агонии.

— Когда придёшь в себя, — ответил феран. — Скажи мне и я дам тебе камни.

Она усмехнулась. Усмешка отдалась физической болью. Камни... А ведь...

И Хэла разозлилась: “почему мужики такие тупые, господа, да что за...”

— Не нужны мне камни, — она взялась за ручку двери. — И в себя уже пришла, спасибо — отрезвил.

Вот ведь... девочка внутри, та, что прыгала от счастья, слыша слова о желании, сейчас плакала навзрыд, и отчего-то стало так её жалко... вот эту свою маленькую девочку, за что её так?

Сколько раз дурочка вот так рыдала, что в итоге почти разучилась чувствовать и тут вдруг попала в другой мир и нашла вот такого вот, и что-то в ней щёлкнуло, что-то

дёрнулось и она снова поверила, почувствовала... эх, глупая!

— А знаешь, — она развернулась к двери спиной и бессильно к ней прислонилась. — Если бы мы были с тобой в моём мире, то я бы сейчас ушла. Пришла бы домой, разрыдалась... а потом взяла бы и написала бы тебе сообщение, где подробно описала бы, что со всем тем, что сейчас произошло, не так, и поверь мне, из этого сообщения ты сделал бы только один вывод, что ты идиот.

Она кивнула, попыталась сглотнуть. Пить хотелось безумно.

— Ты бы стал пытаться поговорить со мной, я бы игнорировала тебя, но в конечном итоге, ты бы меня дожал, а я бы сдалась, но мы бы поговорили, я бы снова порыдала и конечно у нас бы случился феерический секс, — она усмехнулась от обиды. — Потому что ну, а к чему всё это ещё могло бы привести?

Шмыгнула носом, повела головой.

— Но здесь не мой мир. Здесь нет мгновенных сообщений, которые можно истерично писать в ночи, пытаюсь сделать так, чтобы не утонуть в одиночестве. Я не смогу ничего тебе сообщить, да и будет ли это важно потом? Даже если ты не забудешь обо мне, спустя время. Что изменит понимание того, что ты дурак? — она не могла уже остановиться, её подмывало всё высказать. — И благо, что я давно не девочка, и благо, что могу позволить себе выглядеть как угодно, да и куда стрёмнее, чем сейчас, словно ты меня из могилы выкопал... поэтому я скажу.

И Хэла посмотрела в сторону всё так же неподвижно сидящего возле стены Рэтара, но что это было сейчас такое — заткнуться и свалить, вот что нужно было сделать.

Пламя внутри него не просто бушевало, оно рвало всё на части. Он уже не просто обречённо сидел, он был на взводе и не нужно было быть чёрной ведьмой и вообще какой угодно ведьмой, чтобы не понять, что она сейчас в миллиметре от конца своей жизни, на этот раз кажется бесповоротно и безвозвратно.

— Я продолжу с того момента, с которого ты меня перебил, и хотя сказанное тобой, перечёркивает мою надежду быть услышанной и правильно понятой, и уж тем более принятой, но чтоб меня, я тебе это скажу, — она перевела дух. — Я не буду играть в эти игры, я не собираюсь быть послушной, безвольной, на всё согласной, я не буду твоей наложницей, рабыней, бог знает кем ещё, я хочу равноправия между мной и тобой в этот момент.

Она чувствовала, что её манифест нахрен никому не сдался, скорее говорила ради себя, но ей было так важно, чтобы эти слова были сказаны, а надежда, что будут услышана — да, фиг с ней! Пусть бы он её съёл сейчас и свернул уже наконец шею.

— Вот там, вне того, что вы называете близостью, достопочтенный феран, можете требовать от меня чего пожелаете и я не буду вам перечить, но когда мы вдвоём... — и это было слишком, нечего было распинаться. — Я хочу, чтобы ты слышал меня, понимал меня и чтобы каждый из нас делал для другого то, что хочет, потому что я не буду разворачиваться к тебе спиной каждый раз, когда тебе приспичит трахнуть меня, я не буду как все твои женщины принимать всю эту ересь, как должное, потому что я не они, я так не хочу!

И Хэла понимала, что всё это тщетно, что это просто нелепость какая-то, в самом деле, но остановиться не могла. Она никогда не могла вовремя остановиться:

— И как бы меня не разрывало от желания сказать тебе, что я тоже безумно тебя хочу, я не пойду на это, если ты не готов быть со мной так, как этого хочу я... — она сделала обречённый вдох, может последний в жизни. — Значит, я это переживу. А вот теперь мне

пора...

Хэла не успела даже развернуться, но она и не верила в этот успех. Лицо Рэтара уже в середине этого нелепого манифеста, взывающего о равноправии в сексе, стало таким угрожающим, что если и нужно было пытаться спастись, то определённо тогда, да и тогда... вот уж от кого нельзя уйти.

Он был очень быстрым. Не то что развернуться, женщина моргнуть не успела, как всё её тело было с невероятной силой вдавлено в стену. Рука его легла на её шею и кажется никогда в своей жизни Хэла не чувствовала свою шею настолько тонкой, потому что рука у него оказалась такой огромной, что пальцы почти сошлись сзади.

Как может чувствовать себя мышка, которую поймала кошка... или нет... не кошка — сова. Одно движение и всё. Ты всего лишь добыча — вот что было истинной в его словах, вот что нужно было видеть между строк этого его полного боли признания о том, что он её нагонит и будет беда. Сама была виновата, сама разбудила этого зверя, сама не просто поленьев в огонь накидала, ещё и бензином сверху полила. Вот оно!

Ярость, с которой сейчас на неё смотрели его глаза была неизмеримой, желание теперь превратилось в жгучую страстную ярость, такую, что вообще нельзя осознать, особенно если перед тобой монстр, а ты ещё ничтожнее, чем его привычная добыча.

Но Хэла не была добычей, чёрт подери, она тоже могла много всего. Тем более, что он освободил её и она могла наговорить на него, теперь уже вообще без оглядки, бог весть чего, не говоря уже о том, что всегда можно было применить шоковую терапию — электрический ток никого ещё равнодушным не оставлял.

Но хотела ли она всего этого?

Хэла тонула в этих глазах цвета лазури моря, невообразимо прекрасных глазах, на когда-то невероятно привлекательном лице, которое сейчас было обезображено жуткой полосой шрама, кажется разделившей жизнь Рэтара на “до” и “после”.

— Ты хоть понимаешь, Хэла, что ты творишь? — прорычал он ей в лицо.

— Жду, когда ты свернёшь мне шею, — прохрипела она, потому что он конкретно душил её, не давая вздохнуть.

Кажется это его отрезвило и феран немного расслабил хват руки. Вторая его рука лежала на её спине и прижимала её плотно к нему и даже сквозь юбки платья она чувствовала насколько сильно её хотят.

Как там про бабочек? Нет, внутри Хэлы определённо плясали черти, потому что как только его рука перестала перекрывать ей воздух и больно прижимать её верхнюю часть к стене, она рванула вперёд, благо лицо его было к ней так близко.

Губы его были солёными и плотно сжатыми — уж к чему вот он точно не был готов, так это к тому, что она его поцелует. Дыхание Рэтара участилось, он издал какой-то полный муки рык, и Хэла запустила руки в его волосы, хватаясь за него, словно утопающий. Но, по сути, им она сейчас и была, только с той поправкой, что топил её именно тот, за кого она цеплялась.

Ведьма провела языком по его нижней губе и отстранилась. Она физически чувствовала жар его внутреннего огня, лютого и убийственного. Это было так странно и будило совершенно новое чувство внутри самой женщины.

Конечно она и раньше порой испытывала страстное желание и влечение, выворачивающее наизнанку, но сейчас, словно его огонь поглощал её саму, или может будил её собственный огонь, делал его таким же безумным, каким был сам. Может дело было в её

колдовстве?

— Ещё, — прорычал Рэтар, прижимая её сильнее к себе.

И Хэла снова прильнула к его губам своими и на этот раз он уже не был озадачен и удивлён, он ответил на её поцелуй и её унесло. Она стала терять себя, боль в теле, которая до конца не прошла, пронзила её всю от макушки до пяток.

Ведьма почувствовала, что сейчас вообще потеряет контроль, потеряет в нём себя, и всё, что было сказано, вообще не будет иметь никакого значения, а она хотела большего. Сама не понимая почему, она знала, что с ним можно попытаться найти то, что она всю жизнь так хотела получить.

— Пусти меня, — прошептала женщина, отстраняясь.

— Нет, Хэла, — упрямо мотнул головой феран. — Теперь уже нет.

— Пусти, Рэтар. Я никуда не денусь, но я буду стоять на своём, если ты вообще слышал меня...

— Я слышал тебя, Хэла.

— Тогда пусти и сядь, — она кивнула в сторону одного из диванов, находившихся в этой комнате. И они оба тяжело дышали, и им обоим было уже физически больно держать себя в руках.

— Ты же понимаешь, — прохрипел феран, — что даже оттуда тебе не удастся от меня убежать?

— Ты же понимаешь, — приподняла она бровь, — что ты меня отпустил и я вольна уйти? У тебя нет на меня права, Рэтар. Сядь. Если ты хочешь меня, отпусти и сядь.

Кажется он никогда ещё не делал над собой такого усилия. Сглотнув, он отпустил её и сделал несколько осторожных шагов назад.

Хэла видела, что зверь внутри него был в бешенстве, потому что как можно вообще отпустить свою добычу, которая была в руках? Но Рэтар усмирил себя и сел, хотя каждая мышца в его теле кажется была напряжена и готова к тому, что придётся ловить добычу снова.

Но именно этого ей так хотелось. Хэла хотела доказать, что она не добыча, она не просто несчастная девица теряющая сознание от одного только прикосновения или поцелуя.

Она прошла через многое на своём веку и самое мерзкое было то, что она так и не доказала себе, что вообще достойна наслаждаться близостью, тоже иметь право на желание, тоже иметь возможность брать, а не только отдавать-отдавать-отдавать... до тех пор пока ничего внутри не осталось.

Хэла оттолкнулась от двери и заговорила её, заперев, и наложив тишину на комнату, потому что вот совсем не хотелось гостей, потому что совсем не хотелось свидетелей, потому что хотелось ни о чём не думать, когда будет такая возможность, а утопая в страсти Рэтара она понимала, что возможность будет.

Нельзя наверное так мучить их обоих, но уж лучше так, чем потом грызть себя, что не смогла, что поддалась. А как было сложно не поддаться, чёрт, как сложно!

Оседлав колени Рэтара, Хэла снова его поцеловала. Жёстко, сильно, глубоко. Его руки легли на её талию и напряжение стало выходить за все возможные пределы. Ждать уже не было смысла и она стала, несмотря на это, сдерживая себя из своих последних сил, очень медленно прокладывая путь к его, находящемуся на грани, мужскому естеству.

А дальше...

— Хэла, чтоб тебя, — кажется это было ещё одно то, к чему он был вообще не готов.

— Остановиться? — прохрипела она шёпотом куда-то ему в ключицу, когда он заполнил её.

— Я убью тебя, женщина, богами клянусь, я тебя убью...

Она улыбнулась и стала двигаться, не для него, а для себя. Потому что так хорошо не было кажется никогда в жизни. Такого ощущения наполненности, острого, до тока на кончиках пальцев, ясного и живого, что пришлось с усилием заставить себя убедиться, что пальцы её не бьются реальным током.

— Хэла, — Рэтар отчаянно схватил её за ягодицы, но опомнился, замер.

— Можешь сильнее, — подначила ведьма, потому что ей было надо, а он просто осторожничал с ней.

— Останутся следы, — с трудом прохрипел феран.

— Их увидишь только ты, — отозвалась она, вцепившись в него до побелевших костяшек и уже почти дойдя до конца.

И Рэтар отпустил себя, и наверное это был первый в её жизни раз, когда оргазм случился так быстро: долгий, яркий, такой сильный, что всё вот это стоило того.

А главное Рэтар не сразу понял, что с ней случилось. Его рвануло к ней, в какой-то невообразимой тревоге, но так как внутри у неё сжалось, а потом разошлось невероятно мощной волной сладостного содрогания, он тоже не смог себя сдержать и излился в неё с каким-то совершенно диким хриплым рыком.

Глава 2

— Кажется теперь твоей душе уже не спастись, — прошептала она, когда смогла нормально дышать.

— Моя душа уже обречена, — отозвался он, всё ещё крепко прижимая её к себе. — Если она вообще всё ещё принадлежит мне. Кажется ты давно творишь с ней всё, что тебе вздумается.

Хэла тихо рассмеялась и поёрзала, пытаясь встать, но Рэтар её не отпустил. Феран отрицательно мотнул головой и ведьма к своему нескрываемому удивлению поняла, что он готов продолжать.

— Уверен, что хочешь грешить ещё больше? — спросила она.

— Ты слишком долго мучаешь меня, — парировал Рэтар, — и не думай, несносная моя ведьма, что я зря терпел.

— Хорошо, — кивнула она и, наклонившись к его уху, прошептала, — Тогда буду и дальше творить с твоей душой, и не только душой, что мне вздумается.

И Хэла пошла в наступление.

Преимущество было с избытком. Она уже давно разобрала на составляющие всю сексуальную жизнь своего нынешнего окружения: правильной была близость, когда мужчина был сзади, никаких излишеств в поцелуях, никаких особых прелюдий, ничего лишнего. Развлечения можно наверное было ждать от наложниц или ларевок, так тут называли содержанок или куртизанок, но и там всё было весьма ограничено в разнообразии. И ещё может в страсти кто-то кого-то обжимал больше разрешённого... всё. В чём была причина понять Хэле так и не удалось.

Заканчивалось всё одним и тем же — правда хотелось верить в применении на деле всего разнообразия позы “мужчина сзади”.

Но уже то, что почтенный феран разрешил ей быть к нему лицом во время близости, говорило о том, что ей можно идти дальше, пока идти, хотя иллюзий на какое-то

продолжение она и не особо строила.

Внутри Хэла искренне верила, что всё происходящее мимолётно и виной тому потрясение от того, что с ней произошло.

Она конечно видела, что между ними с Рэтаром “искрило” — она же не идиотка! Но когда есть определённые препятствия для того, чтобы дать себе волю, тут уж как не коротит — дальше искр не пойдёт. И потому внутри неё была непоколебимая уверенность, что просто отпустило тормоза, ничего другого, и это пройдёт.

В её жизни вообще всегда всё вот такое невероятное проходило моментально. И Хэла ждала — ещё немного и Рэтар придёт в себя, и она снова станет всего лишь чёрной ведьмой, и, к своей гордости, она точно знала, что одна из её неплохих способностей адекватно воспринимать подобные ситуации.

“Наслаждайся тем, что есть, а потом не смей настаивать на большем!”

Но сейчас ведь было можно, и наступление было весьма удачным — Рэтар не говорил, скорее молча с интересом наблюдал.

Сначала, правда, когда она встала с него, покрывая поцелуями его лицо, затем шею, перейдя на грудь, он попытался её не отпустить. Но настаивать не стал, и отпустил.

Хэла запустила руки под тёмно-синюю рубашу, задрала её и прошлась поцелуями ниже, потом сползла на пол, устроившись между его ног и, насколько могла мягко, завершила наступление тотальным уничтожением.

Это было невообразимо странным и удивительным, ведь когда живёшь в мире, где мужчины ждут от женщин всего и ещё чего-то сверху, начинаешь даже не задумываясь принимать всё это как должное. А тут было не так.

И вот ведь оказывается к такому даже феран был не готов. Рэтар дёрнулся, шумно втянул в себя воздух, внутри него зарычал его почти успокоившийся зверь, а огонь, который его питал, снова стал ревущим пожаром.

— Хэла, ты, — выдавил он из себя и схватил её за руки.

Она остановилась, подняла на него лицо, склонила голову набок и спросила:

— Уверен, что хочешь, чтобы я перестала? Я же только начала...

— Ты не доживёшь до завтра, — прорычал Рэтар.

— А может я и не планировала, — улыбнулась Хэла и, положив его руки на диван, продолжила.

Есть вещи, которые хочется делать, а есть от которых приходишь в восторг в процессе и, вот сейчас, делая ему приятно и видя, а ещё слыша, эту невообразимую реакцию, ей впервые в жизни было невероятно кайфово это делать.

“Что там в пошлых книжках про это пишут?” — ухмыльнулось её шальное я.

— Рэтар? — и внезапно понадобилось ощутить его силу и мощь.

Он лишь прохрипел в ответ, даже не открывая закрытых глаз.

— Сделаешь ещё кое-что для меня? — прошептала Хэла. — Наверное даже не придётся грешить...

Он открыл глаза и посмотрел на неё со жгучим вниманием. В этом взгляде было столько желания и безумия, что её начало трясти уже заранее.

Хэла развернулась к нему спиной и опустилась на мягкие шкуры, которыми был застелен пол в этом месте, изогнув спину, подобно кошке, уж насколько нужно быть сейчас не в себе, если уже одно понимание, насколько это пошло выглядит со стороны, доводило её до оргазма — кажется она действительно не доживёт до завтра... зато умрёт счастливой!

Объяснять, чего она хотела, было не нужно. Рэтар даже медлить не стал — вошёл в неё яростно и сильно, по полной, а дальше, наконец, отпустив себя, чувствуя данную ему волю и превосходство, жёстко довёл дело конца.

Никогда раньше она так вместе с мужчиной не кончала. Её снова пробила дрожь и бессилие — этот раз был ещё сильнее, чем предыдущий, голова кажется перестала соображать, а внутри была буря.

Как бы за свою жизнь Хэла не старалась, но кончить с мужчиной одновременно обычно не получалось. Бывало, что раньше, но чаще всего уже после, сама для себя, потому что не могла отпустить мысли, потому что чего-то не хватало. Да и вообще считала, что оргазм не самое главное в близости.

А тут — почему тут хватало? Что сейчас было, как надо? Или это просто так долго зрело внутри, что должно было произойти именно так? Да и два раза подряд — она точно умерла!

Хэла попыталась вспомнить, как дышать. С трудом оторвав голову от пола и повернув её в сторону Рэтара, она столкнулась с его взглядом. В нём была забота и беспокойство. Она улыбнулась и его отпустило. Побоялся, что был слишком жесток и груб?

— Прости, я не сдержался, — подтвердил феран её мысли.

— Всё хорошо, — отозвалась ведьма с трудом. — Тебе не за что просить прощения. Я знала, что так будет.

— Что не сдержусь? — уточнил Рэтар.

— Да, — и Хэла улыбнулась, расплываясь в блаженной неге. — Я этого хотела.

— Дальше будет, как хочу я, — отозвался он и поцеловал её в лоб.

— Дальше? — и она уставилась на него в недоумении. Он кивнул, потом перевалился на спину, потянув её за собой.

— Да, — подтвердил он. — Я только начал, Хэла.

— Действительно, не зря же ты столько мучился, — улыбнулась она, а Рэтар рассмеялся.

И Хэла так давно не слушала его смеха — его не было рядом целую вечность.

— За сколько ты можешь нагреть воду? — спросил он неожиданно

— Смотря сколько воды, — ответила Хэла, пытаясь понять к чему это он.

А потом, как поняла! Сейчас был самый грязный секс в её жизни, в прямом смысле грязный. Почему-то вспомнилась несчастная Милена, которая говорила о том, что обычно к сексу надо готовиться.

Ага. Подготовка... Хэла сейчас кажется выглядела как “труп невесты” от Бёртона, а всё равно вон как зацепило и провернуло.

— Ведро быстро, хотя, — она прищурилась. — Ты ж феран, фераны наверное в ванне моются?

— Фераны в реке моются, — усмехнулся Рэтар.

— Воду в реке я нагреть не смогу, да и как ты вообще собираешься меня туда тащить? — спросила Хэла, хотя была мысль, что если ему приспичит, то потащит без особого труда. — Сама я туда не пойду, не надейся.

— А вот это вообще не проблема, — ответил он, пожав плечами и всё так же ухмыляясь. — Но усложнять не будем.

Рэтар сел прямо вместе с Хэлой, а потом прямо вместе с ней на руках встал.

Вот о чём она подумала, какой труд, боги? Она для него словно ребёнок и это был такой

восторг, что она еле сдержалась, чтобы не запищать.

— Я умею ходить, — промямлила она вслух, пытаясь справиться со стыдом и неудобством, прикусила губу изнутри. Серьёзно — секс был удобен, а вот это уже слишком.

— Я знаю, — улыбнулся Рэтар и понёс её к двери, ведущей видимо в заднюю комнату.

Хэла искренне надеялась увидеть что-то вполне привычное, как у них в комнате серых, но может попрличнее, однако...

Никто из серых тут не бывал, домашние тут не убрали — покоями ферана в Трите, которыми Рэтар кажется не очень-то и пользовался, заведовал здешний его фор, другими словами личный слуга. У низ были какие-то там ранги и прочее. Вот этот конкретно — угрюмый дядька, который в этом доме ещё был кем-то вроде экономки Трита и имел невероятную способность быть невидимым и неслышимым.

Хэла знала, что когда замок пустовал, именно этот человек, имени которого она, как это ни странно, не знала, оставался в господском доме за главного. По крайней мере вот этой конкретной комнатой занимался точно только он, потому что — неужели серые забыли сказать ей, что тут есть купальня размером с бассейн, вашу мать?

— Твою ж налево, — вырвалось у ведьмы от изумления. — И ты моешься в реке?

— Я привык, — отозвался Рэтар.

— А это роскошь, которая тебя стесняет? — фыркнула ведьма.

Ванная комната была невероятной — она была большой, в ней было всё отделано чем-то очень похожим на привычную для Хэлы керамическую мозаику, но когда Рэтар поставил её на пол — он оказался не привычно ледяным, а наоборот тёплым.

— При моём данэ, — пояснил феран и она помнила, что кажется так тут называли деда, — который строил Трит, здесь была общая мужская купальня, но отец посчитал, что общей пользоваться ему не нравится и перестроил тут немного, так, что она стала только его личной.

— А все остальные моются в реке? — уточнила она, приподнимая бровь.

— Как-то так, — усмехнулся Рэтар. — Его вообще мало интересовали все остальные.

— Ни в чём себе не отказывал, — отозвалась Хэла, всё ещё с интересом рассматривая пол, стены и потолок, который тут тоже был не таким как в остальных комнатах дома. Потом взгляд её вернулся к грёбанному бассейну — интересно, сколько нужно будет времени, чтобы нагреть в нём воду.

— Она ведь ледяная, да? — скептически уточнила Хэла.

— Фог заполняет каждый раз по утрам горячей, но сейчас не утро, и она конечно уже давно остыла, — ответил Рэтар.

— И ты, имея в распоряжении целый горячий бассейн, всё равно тащишься купаться в ледяной воде реки? — спросила ведьма и феран наверное кивнул ей, но она не смотрела, всё хмурясь, изучая комнату. И зная теперь, что угрюмого дядьку зовут Фог. — И при всей твоей, хм, практичности, всё равно даёшь ему это делать каждый день?

— Я просил не делать, но он не слушает. С ним вообще сложно, — Рэтар подошёл к ней сзади и стал расстёгивать платье. — Он привык к тому, как жил отец — спорить бесполезно.

— Ты мог бы к его радости и попользоваться, раз такое дело, — отозвалась ведьма.

И Рэтар фыркнул, развернул её к себе.

С секунду Хэла пыталась понять или, нет, вспомнить, что вообще происходит, потому что пока они говорили, а она хлопала глазками по сторонам, достопочтенный феран полностью разделся.

“Убейте меня”, — тихо всхлипнула здравомыслящая женщина внутри неё, а глупая девчонка взвизгнула от восторга.

Хэла, конечно, приблизительно представляла себе, как всё обстоит на самом деле, даже вот задрав рубаху, изучая вполне себе такой отличный пресс, но... мамочки родные! Это было слишком — теперь во всей красе.

Этот его лицевой шрам внушительно перепаял, как она и видела раньше, правую часть мускулистой груди. Но это был не один шрам — у Рэтара их было много. И сейчас Хэла старалась не видеть этим своим ведьмовским взглядом те, которые были скрыты, но и без них было довольно. С десятков линий на сильных руках, пара на крепком плотном мужском торсе, несколько на стройных ногах. Возраст брал своё, и тело, понятно, отяжелело, но шикарности своей не потеряло, да и... Ему сколько? За сорок? Да. А он одной левой всех этих молодцов разделяет на тренировке — про реальный бой даже подумать было страшно.

Она разомлела, превратилась в кисель, но тут что-то щёлкнуло: “стоп, нет, ай!” Он её раздевал!

Как никогда раньше Хэле захотелось провалиться сквозь пол. Вот она такая замученная жизнью домохозяйка, с перекошенной фигурой: этими её жутким лишним весом, грудью, съеденной тремя детьми, слава богу хоть симметрично, резанным-перерезанным животом, предательски ненавидящим её кажется половину жизни.

И когда-то Хэла была красивой, но чувствовала себя таковой только пару раз, но и то быстро прошло, а потом и вовсе появилось чувство, что она эти момент придумала. Всегда так — любишь себя прошлую, потому что вот тогда-то и там-то было всё классно, а сейчас...

Как-то они болтали с серыми на эту тему и Хэла сказала, что никогда не стоит показывать мужчине, что что-то тебе в себе не нравится. Совет конечно охрененный, но как ей самой сейчас не сорваться в истерическую паническую атаку оттого, что придётся-таки оказаться объектом изучения? И красота в глазах смотрящего, да-да, но пусть бы этот конкретный смотрящий не был таким роскошным, каким Рэтара видела Хэла.

Впрочем, долго готовиться к панике ей не пришлось...

Фыркнул Рэтар ранее не от того, что она ему сказала про возможность искупаться в тёплой водичке к радости фора, а потому что ему надоело возиться с её разодранным и грязным платьем.

Поэтому, когда он её развернул, а она охренела от представшей перед ней обнаженной красотени, дальше пришлось охренеть от того, что достопочтенный феран, взяв платья за ворот с двух сторон, просто порвал его вместе с нижней сорочкой — одну верхнюю часть от другой, жух, а юбка и сама свалилась в ноги.

— Меня так быстро не раздевали даже когда реанимировали, — пробурчала Хэла первое, что пришло в её ошалевшую голову.

Он слегка нахмурился, не понимая о чём она, склонил голову набок.

— Не важно, — мотнула она, стараясь сфокусироваться на его лице, а не на всём этом мужском телесном богатстве, возвышающемся над ней. — Зачем ты порвал платье?

— А оно было тебе нужно? С дырой в боку с половину тебя? Собиралась зашить, Хэла? — он усмехнулся и скинул тряпки, которые так долго служили ей верой и правдой, в угол возле двери.

Паника от представления обнажённой себя, начала хвататься за хребет и медленно и верно расползаться по её вовсе не роскошному телу.

— И я очень тебя прошу, — он подошёл к ней вплотную и нагнулся, чтобы поцеловать, — в следующий раз будь любезна поменять платье, если я тебе об этом говорю, иначе его постигнет та же участь.

— Ты разоришься на моих платьях, — ответила она, пытаясь пошутить и тем самым побороть себя и подступающую дрожь.

— Не разорюсь, — ухмыльнулся Рэтар. — Я бы мог закупить тебе столько платьев, что в этой комнате места не останется. И серый для такой как ты, Хэла, весьма неправильный цвет.

— А какой правильный? — что угодно было сейчас важным, лишь бы он в глаза её смотрел, а не куда-то там ниже.

— Цвет колны или ранры...

— Колна — это как небо сейчас, сиреневый? А ранра — это тёмно-синий, как твоя одежда? — и он одобрительно кивнул, а она улыбнулась. — Мне нравится серый. В самый раз. А цвет ферана это слишком для такой, как я.

— Не слишком, Хэла, — он обнял её и поцеловал, мягко и очень бережно, но от этого сердце всё равно прыгнуло вверх, а потом ухнуло вниз. Кажется обширный инфаркт от всего этого гарантирован. — Готова?

К чему? Что? О, чёрт! Ну, точно — инфаркт.

А, нет, вода!

— Даже не смей меня туда кидать, пока она холодная, — угрожающе зашипела она, но было поздно, потому что уже в следующий миг они оба оказались в воде.

Вода в ёмкости была невероятно холодной и ведьму пробрало до костей, хотя в этом был свою неописуемый плюс — она моментально перестала думать о том, как выглядит и паники словно и не бывало.

— Я тебя скипачу в этой воде, достопочтенный феран, — отплевалась Хэла и нагрела воду так, что самой стало отчаянно горячо, хотя, это было кажется самое охрененное, что с ней случалось за всё то время, пока она тут... если не считать секс — раз, два, которые вот только-только были, конечно.

Но разве этого мужика можно пронять?

— Это достаточно быстро, Хэла, — он только посмеялся и сгрёб её в охапку. — Впрочем, я не сомневался.

— Совести у тебя нет, достопочтенный феран, — фыркнула она.

— Нет, — согласился он. — Кстати, мы снова грешим.

— Что на этот раз? — приподняла она бровь.

— Мужчина и женщина не могут одновременно быть в воде, — ответил Рэтар.

— Ты шутишь? — состроила Хэла кислую мину. — А с водой, что не так? Хотя я не до конца разобралась ещё, что не так с близостью лицом к лицу.

— Хмм, — он задумался, потом устроил её рядом и стал расплетать её волосы, которые кажется были заплетены во что-то напоминающее французскую косу, когда она попала во всю эту заварушку в Шер-Аштар, но теперь на голове было скорее воронье гнездо, или, судя по количеству грязи, — гнездо ласточки. — То, что с тобой было, это как я понимаю... благо Анат?

— Что? — и она глянула бы на него, но он не дал, удерживая её голову, чтобы было удобнее расплетать волосы. — Ты про оргазм что ли? Анат это разве не богиня какая-то?

— Да, богиня, — подтвердил догадку Хэлы Рэтар. — К ней водят девочек, чтобы они

стали женщинами. Точнее раньше водили к богине, а теперь просто девочки проходят через обряд, чтобы стать женщиной.

— Потому что богиня теперь не участвует в мероприятии, по какой-то одной ей ведомой причине? — фыркнула ведьма. — Блин, я правда до сих пор не очень понимаю, были ли у вас тут боги, или это все просто белены объелись и теперь порят эти сказки про богов и прочее.

— Почему сказки?

— Ну, знаешь, — и она снова захотела на него посмотреть, но он не дал. — У меня в мире тоже были древние цивилизации и сказания этих цивилизаций дошли до нас и там тоже сплошные боги по свету ходили, а потом вера в одного бога как бы победила, цивилизации исчезли и от богов только имена остались с храмами и скульптурами.

— А ты не предполагала, что может у вас в мире было так же как у нас? — спросил Рэтар.

— У нас в мире нет магии, — ответила Хэла.

— А ты уверена, что не было? — и этот вопрос её озадачил. — Может была, но как и у нас, стала уходить и исчезла до конца. Просто в твоём мире научились жить без неё?

Она хмыкнула, потом повела плечом и качнула головой. А Рэтар рассмеялся:

— Нечего ответить и решила как обычно меня до безумия довести? — он поцеловал её в плечо.

— Я? Нет. Ничего подобного, — потом она поняла, что это он про плечо, — это просто дурная привычка. Что там с пиками, точнее благами... ммм... Анат, да?

— Да, — и из теперь он принялся вытаскивать из её волос куски грязи. — В древних книгах есть упоминание о Фриме, это бог из низших, который служил Хэнгу, богу смерти, тьмы и хранителю грани. Как тебе известно, душа, попадая за грань, получает возможность переродиться, но бог Хэнгу любит копить души и считает их своим богатством. Поэтому ему не очень нравится, что они уходят от него.

— А если грешить, то не уходишь? — спросила она млея от его голоса и того, что он делал.

— Да, точно, — он усмехнулся, потом стал намыливать ей волосы. И это было так мило, что Хэле казалось нереальным, потому что это ж Рэтар в самом деле — суровый и невозмутимый. Может у неё предсмертный бред?

— Поэтому Фрим, — продолжил он своим спокойным, хриплым и таким обожаемым ею голосом, — как пишут, чтобы выслужиться перед своим хозяином вселялся в женщин во время близости. Когда женщина достигала блага Анат, а мужчина видел её лицо, Фрим клеймил его душу и та после смерти вечно оставалась за гранью.

— О, господи, серьёзно? — и Хэлу прямо подмывало взвиться, но Рэтар никуда её не пустил, придержал на этот раз одной рукой, а второй продолжил делать своё дело. — И поэтому сейчас, когда об этих богах уже все забыть забыли, всё равно все делают так, чтобы не только не видеть лицо женщины, но и чтобы она точно не достигла никаких пиков, благ, вообще желательно не получала от процесса никакого удовольствия? Почему все так не любят женщин? А что с водой? — ведьма развела руками, потом отмахнулась. — Хотя, я не хочу знать. Только скажи, а как быть с рекой? Или чётко по времени купаться можно?

— Время Изара — мужское, — спокойно ответил Рэтар, но ведьма была уверена, что у него на лице эта его ухмылка жутковатая и снисходительная, — время Тэраф — женское, или, если иначе нельзя, то мужчины должны быть выше по течению.

— А то от женщин женственностью заразится, — фыркнула Хэла, почувствовав, что он ослабил хватку и перестал мыть её волосы, нырнула в воду, чтобы смыть что-то вроде мыла, которым все здесь мылись.

Вообще это было что-то такое безумно спокойное, просто волшебное, до слёз, до истерики, которые Хэла так ненавидела в других и в себе. Вообще ненавидела плакать, хотя нет, у неё обычно и не получалось. А сейчас вот хотелось уткнуться в этого огромного сурового мужика и реветь белугой.

— А можно я останусь тут жить? — спросила она, вынырнув и уткнувшись ему в локоть.

— Здесь, это в воде? — уточнил феран.

— Да, это прям... — Хэла повела плечом и блаженно улыбнулась, — горячая вода... кажется это теперь моё любимое место в доме.

Он хмыкнул:

— Моя личная нарва? Я согласен.

— Нарва? — нахмурилась она, потому что не слышала этого слова прежде. — Кто это?

— Дух воды, — улыбнулся Рэтар.

— О, хорошо, что не рыба, — согласилась она. И феран рассмеялся, а Хэла улыбнулась, заслушавшись.

Потом он аккуратно достал её из воды и завернул в отрез ткани, похожий на простынь — тут такими все вытирались. Правда у Рэтара, оно и понятно, качество этих простыней было намного лучше, чем у всех остальных.

— А что будет с водой? — задала она нелепый вопрос, лишь бы не думать, что будет дальше.

— Стечёт, — ответил Рэтар.

— А потом твой нелюдимый фор по имени Фог всё здесь сделает так, будто ничего не случилось, — констатировала Хэла и глянула на воду, которая стала весьма невеселого цвета после её купания.

— Фог слуга отца, — вздохнул феран. — И поверь он видел в этой купальне столько всего, что его вообще ничем не удивить.

— То есть душа твоего отца вряд ли покинет грань?

— Определённо, — ответил феран и поднял её на руки.

— Я могу ходить, Рэтар, — снова смутилась Хэла.

— Знаю, — снова подтвердил он, ухмыляясь.

— Ты это уже говорил. Серьёзно, — она слабо запротестовала. — Я могу дойти сама.

Но Рэтар не послушал, и отнёс Хэлу на кровать и тяжёлый взгляд не сулил ничего хорошего... хотя, да кого она обманывает? Сулил... сулил очередную желанную бурю страстного безумия. И спасения уже не было. И кому какое дело хорошо это или плохо? Ей уж точно было наплевать.

Кровать была достоянием этой комнаты, она была действительно огромной, на ней можно было спать наверное впятером и при этом не задевать друг друга — Эрган Горан и вправду знал, как развлекаться.

Рэтар приподнял Хэлу одной рукой, а другой сдёрнул в сторону покрывало, сделанное из каких-то шкур, и так называемое одеяло, которым была на самом деле плотная ткань очень напоминающая хлопок, но плотная, как шерсть, и мягкая, как трикотаж. За ними отправилась и ткань, в которую она была завёрнута.

Прикрываться, стесняться, да и паниковать уже не было никакого смысла. Хэлу спасало

только то, что Тэраф уже почти зашла за горизонт и совсем скоро темень вступит в свои права, а магический свет в сферах, которыми пользовались в доме в жилых комнатах, был совсем неярким и горел обычно до середины времени срока темени, а потом потухал.

Но всё это было слабым и невнятным, потому что этого не хватало, чтобы успокоить себя и заставить поверить, что, если она возбудила его будучи грязной, в крови и в страшно пахнущем сыростью и затхлостью драном в клочья платье, то наверное не так всё страшно может быть в ней обнаженной.

А Рэтар тем временем как и обещал стал делать всё так, как хотел он и растянувшись рядом с ней стал, спасите и помогите, изучать её тело. И даже то, что в целом, если подумать, по сравнению с ним Хэла же была достаточно маленькой, но у страха глаза велики, а у придумывания для самой себя недостатков, намного больше доводов и козырей в рукавах.

— Откуда это? — спросил Рэтар проведя по небольшому шраму возле глаза.

— Это ветрянка, — и она уцепилась за ответ, пытаясь не поддаться панике. — Болезнь, противная, в основном в детстве ею болеют — покрываешься волдырями, которые чешутся, если скосырнуть болячку, то остаётся вот такая ямка.

— А это? — он перешёл к шраму на её правой ключице.

Хэла пыталась унять ненавидящую себя истеричку и поэтому просто расслабилась и попыталась уплыть, сосредоточившись на его голосе, приводящем её в состояние транса и тепле его внутреннего огня, который хотя бы сейчас горел хоть и сильно, но равномерно. Да и это действие было каким-то невероятно забавным.

— Это оскольчатый перелом ключицы, — ответила она. — Мне было четырнадцать лет и меня конь пытался убить передними копытами.

— Конь? — спросил Рэтар.

— Это, — она слегка улыбнулась, потому что от воспоминаний уже осталось так мало, словно это было даже не в другой жизни, а вообще не в её жизни вовсе, — такое ездовое животное, как тооры у вас. Только кони и лошади, ну, не знаю... изящнее, что ли. И насколько я могу судить, намного проблематичнее в общении, чем тооры.

— Тооры сложные, — заметил феран.

— Кони сложнее, поверь, — повела она головой. — А это... я ходила в конный клуб и на меня однажды напал диковатый жеребец двухлетка и, как говорится, спасибо, что жива, потому что метил он мне в голову, а получилось только в плечо. Добить он меня не смог, только потому что мой конь меня спас. Но благодаря этому я отдохнула пару месяцев, вообще не хрена не делаю, потому что руку нужно было жёстко фиксировать и я не могла заниматься всеми своими бесконечными привычными делами.

— А это? — от перешёл на живот.

— Это — аппендицит. Мне делали операцию, когда мне было лет восемь и было очень страшно, и в больнице я была одна, и в палате ползали тараканы, — её передёрнуло, а кожа покрылась мурашками. — И как видишь, воспоминания очень неприятные до сих пор, хотя уже тридцать лет прошло.

“А ещё мужику не надо говорить свой возраст...” — проговорила она у себя в голове.

— А это? — указал он на шрам по всему животу.

— Это ребенка из меня вырезали, потому что я умирала, — ответила Хэла. — Потом еще одного, потому что ждать было нельзя, пока он сам решит выбраться. Резали по тому же шраму.

— Хэла, — нахмурился Рэтар, встретился с ней взглядами.

— Не надо сейчас, — она покачала головой и коснулась его груди, — это было очень давно.

Рэтар поцеловал её в висок и в этом поцелуе кажется отражалась вся её боль.

— А это? — продолжил он, поймав её руку, что она положила ему на грудь и указав на шрам на предплечье, ближе к запястью. Хорошо, что не про другую руку спросил... соврать ему она сейчас не смогла бы.

— Упала и напоролась на стекло, — она подняла ногу и показала ещё один шрам на ноге, чуть ниже колена. — Мне было лет пять. Но всем можно таинственно говорить, что на руке шрам, как след от неразделённой любви.

Рэтар ничего не ответил, он нагнулся и поцеловал её грудь. Вот так — ну, а что такого? Просто. Сейчас шрамы. А дальше снова пропасть нестерпимого желания. Потом поцеловал другую, заставляя изгибаться дугой и тихо давиться стонами. Дальше ниже и вот в такие моменты чувствовать себя прекрасной, не важно, что там и как...

Она и сама не поняла, как так вышло, что он перешёл от нижней части её живота на внутреннюю часть её бедра, спустился к колену, оказавшись между расставленных ног.

Её снова накрыло, без оглядки на всю ту ерунду, которая была в голове, которая бывает в голове у сотен и даже тысяч женщин, всегда что-то не так, ведь правда? А это важно?

Вот в этот конкретный момент, она разбивалась на мелкие осколки только от простых поцелуев, которыми он покрывал её неидеальное тело и это было прекрасно, потому что ему это нравилось, потому что сама Хэла уже совсем забыла, кто она.

Ей очень хотелось быстроты, потому что она начала сгорать от пустоты внутри себя, которая так была необходима и которую мог заполнить вот этот мужчина, который теперь делал всё так, как хотелось ему, и она не могла бы ему перечить, потому что справедливо же... да и, чёрт побери, ей это нравится!

Когда мысли уже не слушались, а мест где не побывали губы Рэтара кажется не осталось, он всё-таки накрыл её тело своим и вошёл в неё, положив руки на талию.

Хэла отдалённо слышала, как он говорил что-то о том, как до умопомрачения хотел вот так вот взять её за талию, вот именно здесь его рукам самое место, что вообще она даже не представляет какая она красивая и как сводит его с ума...

“Правда? — пищала девочка внутри неё. — Правда-правда?”

Сдерживать стоны уже не было сил, да и что зря она наложила заговоры тишины на комнату?

Где-то около самой вершины, феран всё-таки потянул её на себя и она снова оказалась сверху, хотя двигаться ей не пришлось, лишь сильно, отчаянно вцепиться в него, потому что показалось, что вот сейчас уже совсем не останется сознания.

— Посмотри на меня, Хэла, — прохрипел Рэтар и, открыв с усилием глаза, она столкнулась с его затуманенным, словно в дурмане, взглядом. И Хэла снова содрогнулась, а спустя всего несколько толчков за ней содрогнулся и феран.

Глава 3

Отец всегда говорил, что Рэтар слабак, потому что чувствовал. Потому что умел сожалеть, умел понимать боль других людей. Да что там он даже тоору свою жалел — первого его тора сразили в бою и Рэтар был готов разрыдаться над телом несчастного, такого верного ему, зверя. Он сдержался, но отец был проницателен, презрительно фыркнул, видя сожаление сына. Тёрк по-братски пытаюсь ободрить похлопал по плечу, а Рейнар

посочувствовал и обнял.

Вообще в этом они были с танаром очень похожи. Как-то, уже будучи достаточно взрослым, Рэтар слышал, как отец спорил с младшим братом насчёт него, обвиняя Рейнара в том, что мальчишка растёт слишком мягким.

"Мягким, чтоб тебе, он был мягким", — даже от воспоминания внутри Рэтара начинала шевелиться злоба. Отец сделал всё и даже больше, чтобы сделать его жёстким.

Эарган Горан не мог допустить, чтобы его наследник был мягким, сочувствующим, умел ценить жизнь и чувства окружающих. Потому что самого Эаргана, это вообще не трогало. Он был жестоким и властным, ни с кем не считавшимся, идущим по головам и сметающим всё на своём пути. И в Рэтаре были черты его отца — он этого никогда не отрицал, ненавидел себя за это, но не отрицал.

Он действительно чуть не сломал Хэле шею, действительно в какой-то момент понял, что тонет в ярости и гневе, что ещё немного и разорвёт, сметёт всё на своём пути, как лавина, сходящая с гор... таким был отец, таким был Рэтар.

Неконтролируемая злость, жестокость, ураганом воющая внутри и уничтожающая всё живое вокруг — он всю жизнь боролся с этим. Бывало, что проигрывал, но чаще это было в бою, когда можно было отпустить себя. Однако страх, что в очередной раз проиграет, когда будет нельзя, жил внутри него всю сознательную жизнь.

И когда Хэла шла к двери, когда Рэтар сам оттолкнул, когда сам позволил, нет, заставил уйти, потому что боялся себя, он понял, что чудовище, что жило внутри не отпустит её. Хэла не смогла бы выйти в дверь, и, если бы не сопротивлялась, Рэтар её уничтожил бы... он бы убил её...

А он уже без неё не мог. И он спрашивал себя "почему", задавал себе этот вопрос столько времени, сколько боролся с желанием сделать эту женщину своей, и сейчас, когда вот она, лежит на нём, когда её голова покоится на его груди в районе сердца, а пальцы гладят кожу, бродя по шрамам, он перестал задавать себе этот вопрос.

Это стало не важно. Причин было много и половины Рэтар ещё не осознавал. Но точно знал несколько. Потому что Хэла не боялась его ярости, потому что она сопротивлялась, потому что она сама была способна устроить ураган, потому что она яростно раздувала этот пожар внутри него и, боги, при этом всё у неё как-то получалось делать так, чтобы рядом с ней ему было так спокойно, словно всегда было так, как сейчас и не хотелось, чтобы это заканчивалось.

А близость... в нём уже столько тиров не было желания, его так давно не задевало за живое что-то в женщине. Особенно с тех пор, когда по телу проехался меч орта и сделал то, что сделал. Но, по крайней мере после этого, страх перед Рэтаром Гораном уже никто не пытался скрыть, как это было до того, как шрам определил его сущность, честно и правдиво показывая окружающим, кем был Рэтар на самом деле.

Конечно, иногда внутри что-то начинало тянуть от того, что хотелось тепла, хотелось нежности женских рук, но, в очередной раз допуская до себя наложниц, Рэтар понимал, что ему нужно было не только женское тело, ему нужно было намного больше, а остальное было не настоящим и быстро отпускало, проходило без следа.

Ему было проще топить себя в очередной войне, в бою отдавая себя ненависти, ярости и страсти. И действительно никогда не хотелось вернуться домой, никогда не тянуло выбраться из этой смертельной пляски. Рэтару никогда не было страшно умереть и главное, что вот уж где внутреннее чудовище чувствовало себя прекрасно, хотя частенько

приходилось урезонивать его, чтобы не зайти слишком далеко, забывая об ответственности за чужие жизни, которые шли за ним.

— Хэла? — позвал он, слегка погладив её по спине.

— Ммм, — отозвалась она лениво и внутри снова дёрнулось желание. Она поёрзала. —

Тяжело? Лечь рядом?

— Нет, — он удержал её на себе. — Даже не думай.

— А если мне неудобно? — лукаво улыбнулась она.

— А мне удобно, — ответил Рэтар, действительно наслаждаясь этим.

— Эгоист, — буркнула она, надув губы.

Он нахмурился. Однако феран привык к тому, что она говорила совершенно непонятные ему слова, иногда целые предложения, в которых были ясны лишь связующие слова, а остальное было как неизвестный язык, иногда это, конечно, раздражало, но кажется без этого он уже тоже не мог.

— Это значит, что ты любишь только себя, — пояснила она и поцеловала его грудь.

— Если бы, — горестно ухмыльнулся он. — Я хотел спросить, давно хотел...

— О чём?

— Почему ты, — он попытался собраться с мыслями. Этот вопрос тревожил его с самой их первой встречи, но задать его он не мог. Теперь было можно, но странно, что он переживал из-за ответа. — Когда ты увидела меня впервые, ты посмотрела... не как все, не как обычно.

— Обычно это как? — нахмурилась Хэла.

— Я привык к тому, что на меня смотрят либо с отвращением, либо со страхом, — пояснил Рэтар. — А ты... посмотрела, так же как на Роара, например.

— Хмм... нет, — мотнула головой ведьма. — На деле я увидела тебя и подумала: “кошмар, вояка до мозга костей, меня призвали убивать” и меня это страшно испугало.

Она провела пальцем по шраму по груди, шее и дальше в бороду, пригладив её, положила руку на грудь.

— Но дело ведь не в шраме, боги, — улыбнулась Хэла. — А в том как ты стоишь, как ты себя держишь. Я очень сильно старалась не подать виду, потому что никогда никого не убивала, ну, кроме тараканов, мух и комаров, — фыркнула она и пояснила, — это паразиты. И первое время прямо жила в напряжении от ожидания, что ты меня потащишь на войну, и, чёрт, как я рада, что ошиблась на твой счёт.

Рэтар усмехнулся и поцеловал её ладонь, что гладила щёку.

— А шрамы... Они может и могут что-то о нас рассказать, но они нас не определяют — зачастую это просто рассказ и больше ничего, но мы меняемся под его влиянием, потому что окружающие придают этому рассказу гораздо более глубокий смысл, чем есть на самом деле, — Хэла сложила руки у него на груди и положила на них голову. — Это важно, не привязываться к внешнему, мне кажется. Если шрам так тревожит тебя, то почему маги не убрали его, они же могут?

— Я не позволил, — ответил Рэтар.

— Почему? — и она склонила голову на бок, стала очаровательной девчонкой.

— Из-за гордости, — пожал плечами, гладя её по голове.

— Гордости за шрам? — смешно нахмурилась ведьма.

— Нет, моей гордости, — феран подумал, — в смысле гордыни. А ещё глупости и злости.

Рэтар кажется ни разу не вспоминал об этом за столько тиров, никогда не возвращался к тому моменту. Просто смирился и забыл. Или нет?

— Мы были в осаде почти два луня, подмоги не было, наши ряды редели с каждым боем, на стороне гетнанов были орты. — и Хэла слегка нахмурилась. — Орты это такой народ, они живут обособленно — злые, воинственные, жестокие, живут передвигаясь пешком по пустыням или лесам, не у нас, а на той части оборота.

— Другой стороне света? — уточнила ведьма. И Рэтар согласно повёл головой, на деле очень приблизительно понимая о чём она говорит. Подумал, что надо пообщаться с ней о том, как выглядит её мир.

— Однако, — продолжил феран, — они считают, что если мужчина не был на войне, то он не достоин звания мужчины, и поэтому они всегда есть среди наёмников. Элат Ге-тнана небольшой, но воинственный, и всегда использовал наёмников — воинов, магов, драгов... Орты огромные, но проворные, и из-за того, что они такие здоровенные, невообразимо сильные.

— Здоровенные? — спросила ведьма. — В смысле они больше изарийцев?

— Хм, — феран задумался. — Тот, что ранил меня, был где-то, на половину корпуса меня выше...

— Что? — Хэла неожиданно подскочила и, сев рядом с Рэтаром, уставилась на него безумным взглядом.

— Что? — удивился он.

— Это он был такой большой, — пояснила ведьма, — или это они все такие большие?

— Все, — ответил Рэтар осторожно, всматриваясь в её странную реакцию.

— То есть где-то в этом мире есть целый народ, который выше здоровенного изарийского мужика в полтора раза, я правильно поняла? — она прищурилась.

— Да, — подтвердил он, — в среднем.

— Тут есть великаны, — заключила она и стала такой невообразимой. Чувства и мысли всегда были у неё на лице, она была всегда такая невообразимо непостоянная, живая. Завораживала его своими странными перепадами настроения и их подачей. — Отлично. А драконы? Я всё хотела спросить, раз мир такой едрить-колотить, сказошный, то драконы тоже есть?

— Драконы? — переспросил Рэтар, не удерживаясь от улыбки. Хэла была такая забавная.

— Ну, а что, — повела она плечами, — великаны есть, почему бы не быть драконам... вампирам, оборотням, некромантам, нежити всякой?

— А кто такие драконы? — он даже не пытался понять, что за слова она ещё наговорила. Разве что слово “нежить” было знакомо, но остальное...

— Это летающие ящерицы, плюющиеся огнём, — пояснила Хэла.

— Ящерицы? — и снова новое слово.

— Аааа, — взывала Хэла, закатывая недовольно глаза, потом упала на бок и натянула себе на голову укрывало.

— Хэла? — Рэтар рассмеялся и лёг на бок, потянув ткань на себя.

— Что? — буркнула она, показывая своё совершенно милое, хорошенькое, по-детски обиженное лицо.

И Рэтара переполняло чувство очарования ею, она была невероятно прекрасна... боги! Он потянул её к себе и обнял.

— Есть такие животные — ханги, — сказал он. — Они могут нагреваться сами и иногда выплёвывают огненные шары.

— Большие животные? — настороженно спросила Хэла.

— Вот такие, — он расставил руки на расстояние равное длине от её запястья до локтя.

— О, — она одобрительно кивнула, прищуриваясь. — Небольшие. Ладно.

Рэтар рассмеялся. Внутри разливалось тепло. Это тепло он не чувствовал так давно. Последний раз в детстве? Или вовсе не в этой жизни. Простые разговоры, простые улыбки, простые вещи, дарящие лёгкую невесомую радость — всё это было ему нельзя. В войне, в правлении эти вещи недоступны. Его чувства и желания не в счёт — он отвечает за других, они на первом месте.

— В Зарне есть книга, — проговорил он, — в которой нарисованы и описаны большинство существ нашего мира, когда будем там, я могу тебе показать.

— Ловлю тебя на слове, — Хэла блаженно улыбнулась, устроившись, словно место поудобнее себе делала, рядом с ним. — Что дальше было?

— А? — он забыл о чём они говорили. Ухмыльнулся сам себе.

— Мы остановились на великанах, — напомнила ведьма, — но если не хочешь, можешь не рассказывать.

— Ты же можешь сама всё увидеть, — и это был второй вопрос, который он хотел ей задать. Задать так, чтобы она не отшучивалась, как было с Роаром, а сказала честно.

— Я же сказала, что не хочу, — ответила Хэла.

Он всмотрелся в её лицо. Было непонятно почему, но отрадно, что нет.

— Знаешь, я наверное всегда этого боялся, — сказал ей Рэтар. — Что ты согласишься и увидишь то, что испугает тебя, и я уже никогда не смогу даже надеяться на то, чтобы ты не просто была рядом, чтобы ты смотрела на меня... просто смотрела...

— Рэтар? — Хэла посмотрела в его глаза, и этот взгляд, полный такой грозовой бездны, полный необъяснимого понимания, мудрости... вот ради него он так хотел вернуться, впервые за всю жизнь, он так хотел вернуться. И его так боялся потерять.

— Орт, с которым я сражался, вымотал меня, — и он продолжил рассказывать, чтобы как-то успокоить себя. — В какой-то момент, он просто опустил свой меч, а у меня уже не было сил отбить удар, да и у моего меча тоже не осталось сил.

Рэтар повёл головой, уходя в тот бой, снова думая о том, мог ли он что-то тогда сделать другое.

— Я просто поднял меч, просто, а он раскололся от удара, но это спасло меня от того, чтобы быть разрубленным пополам, — проговорил он. — Меч орта соскользнул и прошёл по касательной. В пылу сражения я даже этого не заметил, я просто обошёл его меч и воткнул осколок своего ему в бедро. Выдернул. И тут меня залило кровью. Его, моей. Орт пошатнулся и упал прямо на меня.

И кажется всё же Рэтара не отпустило это, потому что рассказывая, он вспомнил это ощущения, когда захлёбываешься в крови, когда тебя прижимает тело, больше чем твое раза в полтора.

— Так я пролежал под ним, пока меня не нашли, — продолжил рассказ феран. — Нашего мага к тому времени уже убили и остались только лекари. Они кое-как обложили рану травами, которых тоже не хватало. Я лежал так несколько дней. Рана начала кишить паразитами, я до сих пор помню это чудовищное ощущение, когда внутри тебя копошатся маленькие твари, пожирающие тебя заживо.

Он невольно поморщился.

— И я уже молил всех богов, каких только мог вспомнить, чтобы послали мне смерть, — вздохнул Рэтар. — Но пришла подмога. Прорвали окружение и раненых доставили в Йерот. В том бою погиб Рейнар. И в портал я попал митаром, а вышел фераном. Не просто фераном, а фераном Изарии, самого большого и богатого ферната Кармии.

И он ухмыльнулся, вспоминая, как гонял магов Тёрк, чтобы шевелились с лечением Рэтара.

— Надо ли говорить, что маги ринулись спасать меня, потому что понимали, чего им может стоить моя благодарность, — повёл бровью феран и посмотрел на Хэлу. — Лечение обычно проходит не сразу. Сначала нужно было меня вытащить с грани и очистить рану, потом затянуть её, потом уже убрать след за один или два раза. Мне, если честно, было как-то наплевать, что ли... я был безумно расстроен тем, что погиб Рейнар. В сущности он был не просто моим танаром, он был намного ближе мне, чем отец, а ещё он был моим другом.

Рэтар тяжело вздохнул.

— У меня тогда были отношения с одной леревой. Ты же знаешь кто это?

— Содержанки? — уточнила Хэла. — Они живут за счёт мужчин, которые их... ммм... посещают?

— Да, — кивнул в знак её правоты феран. — Но я её не содержал. Я был митаром, хотя мог позволить себе, конечно, но у неё было два ферана, а я... не знаю... мне казалось, что я был у неё для души...

Он усмехнулся.

— Я думал, что любил её. С ней было хорошо. Я не про близость, хотя это тоже, — и Хэла понимающе повела головой. — Она была умная, много читала, умела слышать. С ней можно было говорить на любые темы, не касающиеся войны, особенно. А это, знаешь, в моём положении было... удивительно.

И Рэтар пожал плечами, вспоминая то время.

— И мне оставалось только убрать шрам, но навалилось, столько всего случилось, что мне необходимо было с кем-то поговорить. Нужно было не знаю, — он попытался объяснить, скорее себе, чем Хэле. — Понимание, нет... Такое тепло, что ли, участие. Я не дождался конца лечения и пришёл к ней со шрамом, он был почти такой, как сейчас, ну может более свежий, что ли. И...

Рэтар нахмурился, вспоминая глаза девушки, когда она его увидела. Тот самый взгляд, к которому он позднее привыкнет, и он уже не будет задевать или трогать. Тот взгляд, которым так и не посмотрела Хэла.

— За то короткое время, которое я пробыл у неё, она смотрела куда угодно только не на меня, — проговорил Рэтар. — Она посмотрела мне в глаза всего дважды — когда встретила и когда проводила. Встретила с ужасом, а проводила с жалостью. И меня это задело. Я вернулся к магам и сказал, что убирать шрам не надо. Они что-то там ещё подлечили и я отправился домой. И получил по полной ужаса, отвращения, жалости... Но это была моя гордыня, моя заносчивость, моя спесь. Я оставил всё как есть.

— Как шрамы на спине? — нахмурились она, спрашивая о старых шрамах от плети на его спине.

— Да, — согласился он. — Да, Хэла, как шрамы на спине. Они напоминают мне с жестокости моего отца и о том, что я не хочу быть, как он.

— Ты с ней больше не говорил?

— Она написала письмо, в котором было много слов о том, как ей стыдно, что она так себя повела, что-то про чувства, — Рэтар хмыкнул. — Когда Тёрк его увидел, он усмехнулся, потому что написано оно было в тот день, когда меня официально объявили фераном Изарии.

— Это могло быть совпадение, — тихо заметила Хэла.

— Могло, — согласился феран. — Но в совпадения я не верю.

— Ты можешь убрать его в любой момент, — заметила она.

— Могу, — подтвердил он. — Просто я слишком упрям для этого.

— Мой папа был пожарным, — тихо проговорила ведьма. — Это люди, которые тушат пожары. И я всегда говорила о папе и его работе с гордостью. Когда я была маленькой, совсем маленькой, мне было года два, не больше, папа тушил пожар и обгорел. У него были ожоги на спине, руке, шее. Он всегда старался скрывать их, как мог, потому что не хотел смущать других людей.

Она грустно усмехнулась, а Рэтар замер, потому что она говорила о себе, и ему так отчаянно хотелось узнать о ней хоть что-то, хоть немного, потому что ничего не знал. Почти ничего не знал.

— Однажды, было лето, мне было наверное четыре или пять, и мы с ним гуляли в парке, на детской площадке, на нём была футболка, это одежда с коротким рукавом, — и Хэла улыбнулась так грустно, что ему захотелось обнять её сильнее, но с другой стороны боялся спугнуть. — В кой-то веки он надел футболку, потому что было очень жарко. Он сидел на лавочке и читал книгу, а я играла в песочнице с двумя другими девочками. Одна из них вдруг сказала, показав на папу, что он страшный и уродливый.

И ведьма нахмурилась, потом посмотрела на Рэтара:

— А я знаешь как взбесилась? Потому что у меня был красивый папа, — и она стала защищать своего отца, словно была сейчас в этот момент там, в том месте, о котором говорила. — Он был действительно красивым мужчиной, это я не потому что я его дочь, это я как женщина, говорю. А эта жуткая девчонка, — фыркнула ведьма, — с этими её бантами, китайским платьем красным, в белый горошек, и вышивкой на груди, сказала про него такое.

Искреннее и по-детски открытое возмущение Хэлы было почти осязаемым и таким прекрасным.

— Я взяла совок с песком и со словами “сама ты уродливая, а папа у меня лучше всех!” высыпала ей песок на голову.

Рэтар искренне рассмеялся. Кажется в этом была вся Хэла, потому что совершенно не сложно было представить маленькую обиженную девочку, которая мстит за злые несправедливые слова в адрес своего отца.

— Тебе смешно, а там такое началось, — она улыбнулась. — Подбежала мама этой девчонки и стала так сильно кричать, эта засранка стала реветь, все стали суетиться. Папа предложил помощь этой мамочке, но она на него тоже наорала и, он попросив прощения, просто утащил меня оттуда, — ведьма привычно повела плечом. — И я помню как он меня за руку тащил за собой через парк, а он был высоким, на полголовы ниже тебя, и я не успевала за ним, кажется даже не бежала, а прям летела, чтобы поспевать и не плюхнуться на асфальт.

Хэла смущённо потупила взгляд и снова грустно улыбнулась.

— Я рыдала, потому что чувствовала, что папа злиться на меня, а внутри меня было понимание, что я была права. А потом, уже при выходе из парка, папа остановился и присел

передо мной на корточки. И я просила меня простить и всё терла глаза кулаками, руки были в песке, я делала только хуже, — прошептала ведьма. — А он обнял меня и сказал: “не плачь, птенчик, не плачь, всё хорошо”, и я посмотрела на него и знаешь, в его взгляде было что-то такое, не знаю, он был горд тем, что я сделала. Мне так показалось, просто не мог одобрить мой поступок.

Хэла уткнулась в грудь Рэтара, и хотя она улыбнулась, он был уверен, что в глазах у неё были слёзы. Он прижал её к себе — как бы ему хотелось, чтобы в её глазах не было больше печали. А ещё он слышал внутри голос, который говорил, что её можно потерять, что всё это мимолётно, что утро заберёт у него это спокойствие, это тепло...

Дыхание ведьмы стало ровным и глубоким, она заснула, и Рэтар выбрался из под неё, настолько аккуратно, насколько мог, чтобы не разбудить.

Глядя на неё, внутри всё сжималось и кажется никогда он не мог подумать, что внутри есть так много нежности, он искренне был уверен, что всё это давно уже вытравлено, уничтожено, выжжено. Но, боги, оно было. Даже этот его хищник внутри был переполнен этим неестественным для него чувством.

Рэтар нехотя оставил Хэлу, потянулся, надел на себя штаны, сапоги и рубаху. Выйдя в рабочую комнату, он выглянул в коридор, в котором стоял Брок. Было время поздней темени.

— Тёрк вернулся? — спросил Рэтар у юноши, после того, как тот поклонился.

— Да, почтенный феран, — кивнул он. — Позвать?

— Да, ещё Роара, Элгора и Шерга.

— Они наверное спят, — заметил Брок.

— Мне плевать, — с этими словами феран закрыл дверь.

Глава 4

Первым пришёл Тёрк. Он нахмурился ещё в дверях:

— Только не говори, что она умерла, — давно Рэтар не видел у брата такого взгляда.

— Не говорю, — ответил феран. И Тёрк выдохнул, кивнул и прошёл к столу.

В дверь влетел, на ходу надевающий на себя рубаху, Роар:

— Хэла умерла? — выдохнул митар.

— Нет, — ответил Рэтар и сделал над собой усилие, чтобы не улыбнуться.

Митар тоже выдохнул. А Тёрк хохотнул.

— Как она? — спросил Роар, пройдя внутрь.

— Спит, — ответил феран.

— В смысле спит? — Роар навис над столом и в недоумении уставился на Рэтара.

— Пришла в себя и сейчас спит, — пояснил он.

— Давно пришла в себя? — никак не унимался тан. — Ты не мог сказать?

— Некоторое время назад. Вот сейчас сказал. Сядь и заткнись, — рыкнул на него феран.

Роар видимо хотел ещё что-то сказать, но осмотрительно промолчал.

— Что там с Шер-Ашгар? — спросил Рэтар у Тёрка, когда митар наконец сел.

— Да как тебе сказать, — повёл плечами старший брат. — Отчёт составлял Стирг. Они думали, что ведьму ты к ним отправил, потому что хотел избавиться.

— Что? — одновременно спросили феран и митар, уставившись на старшего мужчину.

— Вот так, — Тёрк хищно ухмыльнулся и развёл руками. — Мол она же неуправляемая, скверная, говорит лишнего много и ферана не слушается. И поэтому, когда её ранили, Стирг решил, что ферану и незачем сообщать об этом, мол помрёт и ладно. Зачем такая сложная

баба нужна, даже если и чёрная ведьма.

— И как там Стирг после этого, — угрюмо спросил Роар.

— Как, — Тёрк почесал бороду и хмыкнул. — Жрать нормально наверное какое-то время не сможет, как и вздохнуть, мама наверное его не узнает, если увидит... Но я, в отличии от обнаглевших средних командиров, знаю, где заканчивается моё право и где начинается право моего ферана.

— А Кард? — спросил Рэтар.

— А Кард, мне кажется, даже не смотрел в эти отчёты, — ответил старший брат. — Он их просто подписал и отправил.

— Вот же, — ругнулся Роар и с досады ударил себя по колену.

— Действительно, — зло ухмыльнулся Тёрк, — достопочтенный митар, вот же до чего дошло, а?

— Что ты хочешь мне сказать, Тёрк? — взвился тот.

— Что? — прохрипел он и Рэтар видел, что старший брат сдерживает себя, чтобы не обрушить на Роара всю мощь своего голоса и гнева. — А это не твоя работа, достопочтенный? Не ты за отряды отвечаешь в фернате? Или всё феран должен делать, пока ты и твой брат, девкам задницы наминаете?

— Тёрк, — митар стиснул зубы, сжал кулаки, готов был ринуться в бой, хотя надежды на успех выпада не было.

— Где это видано, — продолжал нещадно давить Роара Тёрк, — чтобы старший командир, проверяя списки, не заметил, что в них нет имени раненной чёрной ведьмы? Не какого-нибудь сельского мальчишки из безымянного места на карте Изарии, а чтоб тебе, достопочтенный митар, ведьмы! Чёрной! Это же такая ерунда, правда?

И он сдерживал себя, был в ярости, сейчас становился таким, какого Тёрка лучше было обходить стороной.

— Он мог не проверять списки, рваш с ним, но понять, что о такой вещи ферану не сообщать это преступление, он должен? — Рэтар видел, как бурлит у брата внутри, потому что обожал Хэлу, обожал и такого отношения к ней не простил бы никому. Но дело было не только в этом. — Или они у нас сами теперь за феранов? Митаров? Бронаров? Может кровь в себе знатную нашли? Это до какой степени нужно страх потерять, а, Роар?

Митар ничего не ответил, он сам душил в себе вспылчивого мальчишку, потому что было стыдно, было больно. Кровь подступила к его щекам, это было видно даже в неярком магическом свете, лицо стало суровым, грубым.

— Тёрк, — стараясь быть спокойным отозвался Рэтар, хотя его выворачивало не меньше, чем брата и тана. — А разве Стирг не тан Ворга?

Мужчина нахмурился:

— Тан, — кивнул он, глянув на ферана.

— Чтоб меня, — взвился Роар, ударяя кулаком по подлокотнику кресла.

— Что? — не понял Тёрк, повёл головой, ожидая объяснений.

Но не получил их, потому что в комнату зашли всклокоченные Элгор и Шерга.

— А до утра не ждало? — спросил последний, зевая.

— Не ждало значит, — тут уже Тёрка вырвало с корнем, потому что Шерга он бы и без особого повода пришиб, а сейчас брат попал под ярость старшего из сыновей Эаргана. — Совсем потерялся? Печаль какая — с баб тёплых их сняли. Простите, что делами своими незначительными, помешали вам задницы девок мять...

— А ты как видно не мял уже очень давно, раз ревьешь тоорой, — взвился на него Шерга. — Может расслабишься пойдешь, легче станет. А?

— Я сейчас лицо тебе помну кулаком и расслаблюсь.

— Выслуживаешься, Тёрк?

— Тихо, — приказал феран. — Элгор, рассказывай про обозы торговцев.

Младший тан выглядел подавленным, был тихим и казался скорее расстроенным мальчишкой, чем дерзким бронаром. Он уже пытался всё объяснить, когда их прервал Роар, вывалившийся полумёртвым из портала.

— Я говорил с главным по обозу, — начал Элгор. — Он выглядел, как обычно. Я виноват, я не заметил ничего такого, не знаю, подозрительного.

— Шерга, — глянул на брата феран. — Обозы проверял ты?

— Я, — ответил тот.

— Что с оружием у них было, с охраной?

— Да ничего, — Шерга был взвинчен и, как обычно, пытался перейти в наступление до того, как это вообще будет необходимо. — Обычно всё было.

— Сколько было нападавших? — спросил Рэтар, глянув на Тёрка.

— Пятьдесят два, — отозвался Тёрк. — Двадцать шесть сейчас в подземельях сторожевых башен, четырнадцать мы убили на площади, остальные сбежали.

— Искали?

— Конечно, — ответил старший брат. — Гир искал, Мирган. Нашли четверых. Убрали. Остальные к сожалению ушли.

— Сколько было торговых обозов? — спросил феран, переводя взгляд на Шерга и Элгора.

— Сорок три, — ответил бронар глухо.

— То есть, Шерга, — Рэтар был взвинчен до предела. — На сорок три обоза, было пятьдесят два нападавших и у них было, насколько я понимаю, пятьдесят два меча? И ты их не нашёл?

— Рэтар, — начал было он.

— Достопочтенный феран, Шерга. Я твой феран! — отрезал он и глянул на Тёрка. — Где сейчас обозы?

— Во внутренних дворах корт, — ответил тот. — Опись мы сделали, чтобы торгоши нам не предъявили, да и служивые не стащили чего. Сами торгоши там же, где и шальные. Отдельно, конечно.

К Рэтару вернулась головная боль, а он уже забыл о ней.

— Просмотри обозы, Тёрк. Забери то, что может нам пригодиться и что соразмерно нанесённому нападением ущербу. Всё зафиксировать письменно. Когда сделаешь, сообщишь мне и я поговорю с главным торговцев.

Старший брат кивнул.

— Роар, — митар встретился с фераном взглядами, — Гиру подготовить патрули. Шерга поступит к нему средним командиром, до моего особого распоряжения...

— Ты шутишь, достопочтенный феран? — запротестовал командир отряда ферана.

— Раз так хочется, значит простым воином, — отрезал Рэтар и Шерга понял, что лучше промолчать. Тёрк довольно ухмыльнулся в бороду. — Элгор, сколько времени надо, чтобы ты собрал дом для возвращения в Зарну?

Бронар нахмурился, как и другие присутствующие мужчины, но никто ничего не

спросил и не возразил.

— Думаю чуть больше половины луня, — ответил младший тан.

— Десять дней, Элгор, — приказал феран. — Но сначала ты поможешь Тёрку с обозами и зафиксируешь всё, что нужно будет забрать.

— Да, достопочтенный феран, — кивнул Элгор. Шерга недовольно фыркнул, но Рэтар решил даже не награждать его своим вниманием.

— Шальных, тех, что изарийцы, заклеить и отправить в Хар-Хаган, — продолжил феран. — Не изарийцев казнить. Элгор, спроси у корт, если кто захочет их выкупить — поставь клеймо и продай.

Бронар кивнул.

— По Шер-Аштар, — Рэтар попытался унять себя, потому что снова полыхнула ярость, а хищник внутри начал клацать зубами. — Роар, расформировать отряд Карда — раненых переправить сюда, будут в сторожевых башнях Трита, остальных как тебе угодно, но чем дальше, тем лучше, хоть вообще по домам отпусти. В Шер-Аштар отправить отряд из Картары. С Карда снять регалии, предложить выбор — или он остаётся при Шер-Аштар, или отправляется в Хар-Хаган младшим командиром. Со Стирга снять регалии, висечь отрядом, плетей в два раза больше, чем было у Ворга. Хотя, Тёрк, за то, что он хороший тан, десять можешь снять. Если выживет отправить в Хар-Хаган.

— И всё это из-за ведьмы? — усмехнулся Шерга.

— Нет, Шерга, — рыкнул Рэтар, и чувствовал, что ещё немного и его уже будет не остановить. — Всё это из-за того, что я не терплю укрывательства сведений от меня. И раз уж ты решил об этом поговорить, то может дашь мне понимание того, как так вышло, что главный командир моего отряда и мой бронар решили не сообщать мне о ранении моего митара?

Даже при слабом свете было видно, как побледнел Элгор. Шерга взвился, он хотел что-то сказать, выставил грудь, но возможно понимая и видя ярость ферана решил-таки промолчать.

— Нечего ответить? — внутри Рэтара зудело желание уничтожить, но схватившись за головную боль, он унял себя. — Роар, Тёрк, решите, кого отправить в Шер-Аштар, чтобы проследить там за всем.

— Может Миргана? — предложил старший брат.

— Хорошо, — согласился феран. — Тогда сам ему всё скажи.

— Дать ему вольную? — спросил Тёрк.

— Дай, согласно его положению, — ответил феран и его брат недобро усмехнулся, кивая.

Все поклонились и вышли, кроме Тёрка.

— Рэтар? — повернулся старший брат.

— Тёрк, — нахмурился феран, понимая на деле, что хотел сказать мужчина.

— Нет, я должен был тебе сообщить, я твой старший фор, я твой хранитель, я, наконец, старший здесь. Но у меня и в мыслях не было, что они этого не сделали. Я закурился с нападением и в итоге так ошибся, — и Рэтар знал, что Тёрк сейчас грызёт себя, потому что подвёл, потому что всегда, как и сам феран, предугадывал, был прозорливым и внимательным. — И с Хэлой... я не проверил её, я должен был. И ведь видел, что она разбитая была вся, не в себе, но...

— Тёрк, — остановил брата Рэтар, — отправь Миргана, и займись остальным. С Роаром

всё хорошо. С Хэлой тоже.

— Объясни, что с Воргом? — попросил Тёрк. — Знаю, что ты его наказал за ложь ферану — он сорок плетей получил, регалий лишился.

— Это из-за Хэлы, точнее из-за серой. Ворг полез к девчужке, а она влюбилась. Хэла тут, — Рэтар махнул рукой по комнате, — его прижала при всех командирах, думаю рассказывать не нужно.

— Не нужно, — ответил Тёрк.

Старший брат не стал больше ничего говорить, он склонился корпусом, приставив кулак правой руки к груди и вышел, оставив ферана одного.

Какое-то время Рэтар сидел и смотрел в пустоту, потом он поднялся и вернулся в комнату, где наткнулся, на не пророчащий ничего хорошего взгляд проснувшейся и сидящей на кровати Хэлы. Она была завёрнута в ткань и смотрела на него, словно затравленный зверь. Рэтар понял, что она всё слышала.

— Хэла, — начал он. Сам себе не поверил — он хотел оправдаться!

— Это не правильно, — перебила его ведьма.

Рэтар ругнулся про себя и тяжело вздохнул.

— Я не буду с тобой это обсуждать, — мотнул он головой. — Это не буду.

И было не важно, что Хэла будет думать, пусть все они будут благодарны, что феран никого в клочья своими руками не порвал.

— Я виновата, Рэтар, — её голос был глухим, надломленным, — это моя вина, а не их. Не надо было так.

— Как? Мне нужно было спустить им то, что они бросили тебя умирать, что не сообщили мне об этом? — и её привычное упрямство было сейчас не к месту. — Нет, Хэла, я был слишком мягок, потому что надо было за это со всех командиров спустить шкуру, ясно?

— Я же сама... тогда и меня накажи!

— И я бы сделал это, Хэла, сделал! Но я считаю, что нахождение на грани смерти достаточное наказание за твою глупость, — он выставил руку, словно отгораживаясь от неё, на деле оберегая её, чтобы не причинить в гневе вреда. — А в моё право ферана не лезь. Они обязаны были сообщить, что ты в Шер-Аштар, и уж тем более, что ты ранена, я хочу знать, что происходит! Я ненавижу оказываться в неведении, для меня это равносильно тому, что меня держат за идиота, а ещё я ненавижу терять то, что принадлежит мне.

— Будто я всего лишь твоя вещь? — её обречённый шёпот больно резанул.

— Мне плевать, как ты это видишь, — Рэтар мотнул головой, хотя на деле так не считал, но что он мог поделать с этим? — Хочешь думать так, прошу тебя, это твоё право! Это не меняет ни того, что они сделали, ни моего отношения к этому. За провинность будет наказание. Наказание за то, что подумали за меня, наказание за то, что решили будто у меня есть проблемы, которые я могу решить только с их помощью.

И он втянул воздух, стараясь унять себя, но получалось плохо, потому что объяснить ей это было очень сложно — Рэтар видел и злился ещё сильнее.

— Это не просто дерзость, Хэла, это неуважение ко мне как к их ферану! И я молчу о том, что в конечном итоге это привело к таким последствиям, — он перешёл на какое-то жуткое рычание. — Поверь мне, они должны сейчас молиться всем богам, что ты жива, ведь если бы ты умерла — отряд Карда перестал бы существовать, потому что я не пощадил бы ни-ко-го!

Он сорвался — внутри была яростная буря, злость, чистая и жуткая. В голове стучал

молот. Рэтар видел, как Хэла уменьшилась под его напором, и ненавидел себя за то, что стал причиной её состояния. В бессилии опустившись на один из диванов феран попытался прийти в себя.

— Моя мать, Хэла, была очень сильной женщиной, — проговорил он, сражаясь с болью. — Стойкой, непоколебимой, да и как могла бы другая выдерживать моего отца столько времени и всегда быть на его стороне. Она болела горячкой четыре раза. Первый раз в свой первый холодный сезон здесь. Потом после рождения Ривана и ещё раз после рождения Элары. Отец даже сказал ей, что больше детей она от него не получит, потому что ещё одна горячка будет для неё излишней. Знал бы он, какие это были слова...

Воспоминания давались так тяжело, что каждое слово было словно приговор, а ведь Рэтар думал, что это давнее уже не трогает его, но ошибся.

— Когда война не велась на границах Кармии, она велась в совете элата. Фераны грызлись из-за передела своих прав. Эла был молод и не хотел принимать участия в этой грызне. А мой отец, как обычно, не собирался уступать того, что имел, да и был не против ухватить ещё больше, — и Рэтар горько ухмыльнулся. — Я был здесь, как бронар, я помогал матери во внутренних делах ферната. Но ещё я был командиром отряда ферана, и в какой-то момент отец вызвал меня в столицу, чтобы моё присутствие дало понять остальным феранам, что он не постесняется применить силу, чтобы охладить пыл соперников.

Он нахмурился, глянул на Хэлу, которая словно застыла, не шевелясь.

— Я не помню сколько времени я там пробыл, но немного, — прошептал Рэтар. — Я до сих пор могу рассказать тебе, как выглядел тот стражник, который подошел ко мне как-то в один из дней и сказал, что меня ищет мальчишка. По описанию я понял, что это Роар. Он пришёл через портал. Точнее убежал из Зарны через портал по просьбе Миты, которая послала его к нам, чтобы сказать, что в доме что-то происходит. Роар сказал, что его не пускают ни к танире, ни к тане. Мы с отцом оставили Роара с Рейнаром в столице и вернулись домой.

Он замолчал. Воспоминания одарили его тем страшным запахом смерти, которые он почувствовал, когда попал тогда в дом.

— Было невыносимо тихо. Такая щемящая тишина, Хэла, знаешь, пугающая до жути. Отец пошёл в комнату матери, а я пошёл к сестре, — и он улыбнулся, вспоминая Элару. — Знаешь, она всегда была такой маленькой. Отец часто ворчал, что она не изарийка вовсе. Она была такой хрупкой, слабой, но при этом упрямой и такой смышлёной. А ещё она меня безумно любила. Уж не знаю, что я ей такого сделал, но когда я бывал дома, она от меня не отходила. Как-то, ей было тиров пять, она сказала мне, что когда вырастет станет моей супругой. Я рассмеялся, говорю, что так нельзя. А она мне “почему?” Я отвечаю, что она моя сестра, а сестра не может стать супругой. Да и зачем?

И слёзы мерзко защипали глаза.

— Она обиделась до слёз и сказала, что не хочет меня терять, или с кем-то делить, — он усмехнулся, прикрыл глаза. — Я ей говорю: “Элара, я всегда буду твоим, и никуда от тебя не денусь, я же твой брат... супруга это мелочи, а вот сестра это же намного больше”, и ты бы видела, как она на меня посмотрела. Так сначала с недоверием, а потом просияла, обняла меня и спрашивает “обещаешь?”, а я ей: “конечно обещаю”...

Рэтар устался в пол, проклиная свою память, которая сейчас дала ему почувствовать руки сестры на шее.

— И когда я тогда пришёл, — голос пропал, — к ней в комнату, она лежала на кровати

и мне показалось, что она уменьшилась, что ей снова пять, вместо десяти. Такая худая, бледная... У неё уже был бред, хотя она меня узнала и попросилась на руки. Она не понимала где она, думала, что на башне над моей комнатой в Зарне и прошептала: "смотри, Рэтар, какое небо красивое, со звёздами", а я ей: "красивое, Элара, красивое". Она попросилась к маме, показать небо. И я отнёс.

Он кивнул сам себе, нахмурился.

— У мамы в комнате стоял отец. И знаешь, я никогда не видел его таким. Вот буквально некоторое время назад, в столице, он был жесток и непреклонен, угрожал всем кругом расправой, а тут стоял посередине комнаты, смотрел на маму, лежащую в постели, и его руки тряслись, а вид был, как у ребёнка, который потерялся, — Рэтар потёр глаза. — Я прошёл мимо, подошёл к маме и она протянула руки и я положил с ней рядом сестру, а мама схватила меня, сжала мои пальцы и сказала: "прости, Рэтар, но этот раз не как прошлые". А я был с ней в те, прошлые, и после Рива и после Элара, я сидел возле неё, пока она болела, но не в этот раз.

Горячая рука матери кажется до сих пор жгла его руку. Больше двадцати тиров прошло, а он ещё так ясно это помнит.

— Это я позвал мага, я с ним говорил, потому что отец не мог. Нашим магом тогда был тан матери. Он её очень любил и я знал, что он бы сделал всё и намного больше, чтобы спасти её, но он не смог. — Рэтар уставился в пол и сцепил дрожащие пальцы. — Он тогда сказал, что если Элара умрёт, мама не будет бороться, она уйдёт за ней. Так и было. В темень не стало сестры, а с первыми лучами Изара ушла мама...

И феран упрямо мотнул головой, снова утопая в злобе.

— Всего пары дней, Хэла, даже одного, было бы достаточно, чтобы спасти их обеих. Если бы лекари не решили, что беспокоить отца из-за обычной, по их мнению, горячки, глупо и опрометчиво. А это была не обычная горячка. Это была горячка, которой не болеют изарийцы, но болеют артинцы, то есть моя мама. И она всегда смертельна, если не знать что это и не звать магов, — и Рэтар вспомнил тела, наказанных отцом людей. — Мой отец казнил пять лекарей, шесть стражников, четверых домашних, трёх наложниц и трёх серых. Всех, кто видел, что мама и сестра больны...

Боль стала невыносимой, он даже не заметил, как Хэла слезла с кровати и подошла к нему, чтобы обнять его голову.

— Я говорю тебе это не для того, чтобы оправдаться, а для того, чтобы ты понимала причины моей непреклонности в этом вопросе, — проговорил феран с трудом.

Боль стала отпускать — Хэла заговорила его голову, в очередной раз...

— Я не хочу спорить, — тихо прошептала она в его голову. — Просто я действительно виновата в том, что случилось. Мне очень жаль.

— Почему Шер-Аштар? — спросил Рэтар.

— Не знаю, — ответила ведьма. — Меня туда потянули тени...

— Если случится следующий раз, Хэла, я тебя очень прошу — сначала я, а потом тени, которые тащат тебя невесть куда, хорошо? Сначала дойди до меня.

— Хорошо, — ведьма кивнула.

— И я не сказал тебе благодарность за спасение Роара, — он поднял на неё взгляд, немного отстранил от себя, высвобождаясь из объятий

— Не надо, — скромно повела головой Хэла.

— Надо, — Рэтар заглянул ей в лицо. — Тем более, что он считает себя виноватым в

том, что случилось.

Она нахмурилась.

— Ты ушла, — пояснил феран, не понимая до конца, что именно смутило ведьму. — Сказала, что тебе жаль, просила у него прощения...

— Что? — Хэла побледнела, глаза её наполнились какого-то неопишемого страха.

— Хэла?

— Нет, стой, — повела она головой, — Роар помнит, как я его спасла?

— Да, — кивнул Рэтар.

— И ты знаешь, — шёпот стал совсем неслышим.

— Да.

— Когда? — выдохнула ведьма.

— Что когда, Хэла? — внезапно Рэтар осознал, что её состояние начинает пугать его, словно женщина ускользает.

— Когда ты узнал? — пошевелила она губами, смотря на него взглядом полным какого-то неподъёмного обречения.

— Когда ты лежала при смерти, — Рэтар попытался её прижать к себе, но не успел, потому как Хэла дёрнулась и отскочила от него на приличное расстояние.

Он встал. А её начало трясти: руки, ноги, а глаза безумно забегали, словно она была не в себе, дыхание стало неестественным, словно вдохи давались с трудом.

— Хэла, иди сюда, — Рэтар протянул руку, понимая, что это бесполезно.

Она мотнула головой и стала пятиться от него, как от хворого.

— Хэла, — позвал он.

— Ты знал, — прошептала она, — и ты всё равно, ты всё равно...

На глаза ей навернулись слёзы.

— Всё равно что? — и стало страшно самому.

— Всё равно допустил, чтобы между нами это произошло?

— Какое это вообще имеет значение? — Рэтар безумно хотел понять, что происходит, и успокоить её, но эти слова, которые он произнёс, вдруг стали чем-то совершенно жутким, потому что Хэла внезапно замерла, потом подняла на него свои глаза, изумлённые, полные слёз, её рот открылся в попытке, что-то сказать, но она не смогла, а потом её взгляд умер.

Он никогда такого не видел, словно она ушла от него, словно вот была живая, а потом раз и её не стало, несмотря на то, что вот она стоит, смотрит на него, по её щеке течёт слеза, но глаза мертвы, будто он убил её.

— Хэла, — феран мотнул головой, словно пытаясь стряхнуть жуткое видение, но оно не уходило и глаза ведьмы не оживали.

Так приходит смертельное смирение. Такой взгляд бывает у приговорённых к смерти. Рэтар видел его, он знал этот взгляд, но чтобы кто-то стал таким за мгновение. И он всё пытался понять, что... что он такого ей сказал, боги?

Хэла моргнула, потом подобрала ткань, в которую была завёрнута, так, чтобы та не мешала ходить.

— Простите меня, достопочтенный феран, — проговорила она. — но можно мне уйти?

Голос стал глухим, высохшим, не её вовсе, мёртвым, как и взгляд.

— Нет, — запретил он и страх скрутил его в узел.

Ведьма склонила голову, осунулась... феран не заметил, как она оказалась возле стены, хотя она кажется сама этого не заметила, потому что, прислонившись к камню спиной,

вздогнула.

— Хэла, что случилось? — спросил Рэтар.

— Ничего, достопочтенный феран, простите мне мою дерзость.

Рэтар выдохнул и с этим воздухом вышло всё, что его сдерживало, потому что внутри всё взвыло и он сорвался. Не сейчас, не здесь, нет... но его уже ничто не могло остановить. Он подскочил к Хэле, схватил её за руку.

— Что, чтоб тебя, ведьма, — прорычал он ей в лицо, — случилось?

Но Хэла лишь ещё ниже опустила голову, отрицательно повела, пряча взгляд.

Рэтар сам не успел понять как, но его рука легла ей на шею, и в следующее мгновение он уже был готов уничтожить её, но, если в прошлый раз он встретил сопротивление — её глаза пылали, открыто и ярко, то теперь она не сопротивлялась. Она была готова умереть по его прихоти и это пугало до леденящего кровь ужаса. Его кулак врезался в стену, но Хэла даже не дёрнулась — её взгляд был всё так же пуст и мёртв.

"Покорство наложниц..." — всплыло в голове и его почти вывернуло.

— Хорошо, я могу и так, — прохрипел он ей в лицо. — За что ты просишь у меня прощения, Хэла?

Ведьма мотнула головой, потом закрыла глаза.

— Нет, смотри на меня и отвечай, — тряхнул её Рэтар. — Раз ты теперь послушная и на всё согласна. Я требую ответа.

— Я посмела подумать, что наша близость имеет значение.

Рэтар с шумом втянул воздух и выпустил его — нет, кажется эта женщина доведёт его до крайности и он действительно когда-нибудь её убьёт... Он попытался успокоить себя, хотя ярость и бессилие жестоко рвали его на части.

Рэтар попытался провести нить от того, что сказал, что вызвало такую реакцию и того, что она сейчас ответила.

Что, рваш, произошло?

И тут он вспомнил, как Роар говорил о реакции Милены. Им, Хэле и Милене, было важно это? Хэла восприняла произошедшее между ней и Роаром как что-то неприемлемое.

В голове прокручивались слова тана, снова и снова: Хэла просила у него прощения. Потом слова Тёрка: Хэла просила передать, что ей жаль...

В их мире всё могло быть иначе, всё могло быть не так, как у них. Магические обряды были частью его жизни и в том, как именно Хэла спасла Роара было странно только то, что это был обряд смерти, а не жизни. Хэле было стыдно за произошедшее, она восприняла это как близость, и она не могла понять, почему его, Рэтара, это не трогало. Или не трогало, так как ей казалось должно было бы трогать?

Всё это возникло в голове как вспышка, яркая, до боли в глазах слепящая.

— Хэла, боги, Хэла, — он отпустил её и прижал к себе. — Глупая моя, несносная ведьма. В тебе же столько мудрости, Хэла, откуда такая...

Он нагнулся, чтобы видеть её лицо, всё такое же до содрогания мёртвое.

— Посмотри на меня, Хэла, — прошептал Рэтар. — Прошу тебя, Хэла, пожалуйста.

Это было только её слово, никто так здесь не просил, кроме неё. Но ему было так страшно не достучаться до неё.

— Наша близость имеет значение, имеет, — легонько встряхнул её Рэтар. — Не надо так, Хэла. Посмотри на меня, как всегда, Хэла... вернись ко мне.

Она моргнула, сжалась и осела на пол, заплакала, и когда он, сев перед ней на колени,

взял её за подбородок и поднял на себя её лицо, её глаза снова ожили.

— Прости меня, я просто не думал, что ты так близко приняла это к сердцу, я не мог подумать. Прости, — он погладил её по мокрой щеке. — Послушай меня, не важно, как именно ты спасла Роара. Не важно. Потому что...

Рэтар в бессилии сжал кулак, пытаюсь найти слова.

— Для меня Роар не просто тан, Хэла. Он больше чем брат, он для меня, как сын, понимаешь? Всё, что он умеет и знает, всему этому его научил я. Он один из самых дорогих для меня людей в этом мире, Хэла. А их, тех, кто важен и дорог, очень мало, — и никогда в жизни он так сильно не хотел, чтобы его поняли. — И глядя на тебя, независимо от того, что будет между нами происходить, я буду видеть женщину, которая спасла Роара, женщину с которой я никогда не смогу расплатиться за то, что она сделала.

Хэла мотнула головой, словно пытаюсь что-то сказать, не согласиться, возразить, но слёзы душили её и попытки оказались тщетны. Рэтар притянул её к себе и сел на пол.

— Не надо так. Я знаю, что тебе не всё равно на него, что ты была готова отдать свою жизнь, лишь бы спасти его, потому что то как ты это сделала, вполне могло кончиться для тебя очень плохо, глупая, — он мотнул головой. — Я не знаю, что для меня наша близость, я не могу пока сказать тебе, что происходит, но боги, Хэла, дай мне слово, что больше никогда так не сделаешь.

Она что-то всхлипнула.

— Больше никогда не смотри на меня так, я прошу тебя, Хэла, дай мне слово... не надо так, — он посмотрел в её заплаканное лицо, она кивнула. — Это... боги, Хэла... ты сказала, что не будешь наложницей, рабыней, кем бы то ни было, и не надо, мне не надо. Потому что я тебя хочу, Хэла. Такую, какая ты есть. Тёплую, нежную, мягкую, настоящую, живую, Хэла, несносная моя ведьма, Хэла, моя, слышишь...

И всё дёрнулось и потянуло за собой — всё, лишь бы не потерять её тепло, нежность, мягкость... Как он вообще без этого жил? Он падал в бездну и находил в себе то, что уже давно должно было истлеть.

Боги, он и вправду призвал её только для себя...

Глава 5

Хэла проснулась, когда на горизонте уже показалась Тэраф. Ночью был ледяной дождь, поэтому сейчас в открытые окна тянуло свежестью холода. Кажется она никогда не спала здесь так долго, в смысле, когда с ней было всё хорошо. А сейчас было вообще просто замечательно.

Рэтар мирно спал рядом — её голова покоилась на его руке, а его нога весьма надёжно сковывала её движения, лежа на ней.

Хэла прислушалась к себе. Это было странно, но вот ничего не болело, а ведь подозрение, что после такого секс-марафона, она развалиться к чертям собачьим, было очень даже реальным.

Вчера, точнее до того, как они уснули, а уснули они уже практически на рассвете Изара, их снова смело в какой-то невообразимый безумный и отчаянный поток страстного желания, более яростный, чем стихия снаружи.

А до этого, твою ж, Хэла, налево, они поругались! Это же была ругань, да?

Вообще её реакция на его слова о том, что то, что случилось между ней и Роаром ничего не значит, её саму, пожалуй, удивила. Но с другой стороны в ней жило предательство той прошлой жизни. По сути, несмотря на то, что было ощущение, что сидит в этом мире

вечность, на деле она здесь совсем недолго. Всего несколько луней, сколько? Восемь? Девять? Меньше тира. А этого недостаточно, чтобы ушла боль прошлого, чтобы что-то поменялось в ней самой.

Хотя сейчас она признавалась себе — ей было охрененно хорошо, лучше всех в этом мире! И ощущения не портили даже внутренняя тревога и беспокойство, что как только он откроет глаза, её эйфория, которую она испытывала находясь с ним рядом, улетучится. Интересно, а он заставит её уйти теперь?

Впрочем Хэлу это не пугало. Наверное так будет лучше, потому что слышать голос этого мужчины и не надеяться услышать его шепот, предназначенный только для неё, обжигающий, пробирающий до самой глубины её души, заваленной свалкой из осколков её покалеченного сердца, будет ой как тяжело.

Кажется Хэла погорячилась, когда сказала себе, что её умение абстрагироваться будет очень кстати. Но даже если и так... а если не прогонит? Да понятно, что она останется, потому что, глупая, расшибётся ради него в лепёшку.

Хэла вздохнула и его руки тут же пришли в движение, чтобы прижать её к себе сильнее.

— Куда это ты собралась? — пробурчал Рэтар сонным голосом, не открывая глаз.

— Вообще я только вздохнула, — прошептала и улыбнулась Хэла.

— Хорошо, — проговорил он.

— А ты не собираешься работать?

— Нет, я решил, что могу позволить себе отдохнуть, — глаз он так и не открыл.

— Прекрасно, — ухмыльнулась она, а Рэтар пробурчал что-то согласное.

Хэла подумала, что столько времени не было в ней этого невероятно похожего на идиллию состояния мира и покоя. Внутри было столько боли и печали, что они грозились затопить её с головой. Женщина кажется боролась с этим состоянием всю сознательную жизнь, пытаясь отстоять у себя же самой право на то, чтобы просто счастливо улыбаться.

Ей казалось, что происходящее последние сутки просто придумано ею. Может Хэла померла-таки в Шер-Аштар и это рай? За какие заслуги правда не очень понятно, но кто ж спорит с богами, если они действительно есть, когда они решают хорошая ты была или плохая, и чего больше достойная рая или ада. Тут как говориться...

Но нет, пожалуй в раю не хочется в туалет.

“Были бы спички — был бы рай,” — вспомнились слова анекдота и она усмехнувшись про себя, всё же попыталась выбраться из под Рэтара, не разбудив его.

И вот, чтоб ей провалиться — получилось. Ведьма озадаченно посмотрела на спящего мужчину. Как так-то? Она сощурилась, ожидая подвоха, но нет, феран действительно спал спокойно и размеренно дыша. Хэла хотела фыркнуть, ухмыляясь, но подумала, что вот это его точно разбудит и поэтому отправилась в ванную комнату, чтобы... О, чёрт, бассейн с тёплой водой же!

— Как у тебя это получилось? — вернувшись в комнату, ведьма увидела озадаченное лицо ферана и прям почувствовала себя героем-победителем.

— А вот так, — повела плечом Хэла и улыбнулась.

— Иди сюда, — Рэтар протянул руку и она послушно нырнула к нему под бок.

— Подумал, что я сбежала? — спросила она.

— Угу...

— В простыне, что ли? — фыркнула Хэла.

— Я бы не удивился, — ответил Рэтар, улыбаясь.

— Я не стала бы так шокировать окружающих, — ответила Хэла, а он рассмеялся и обнял её.

Его огромная всё же ладонь прошлась по её телу и, когда дошла до талии, Рэтар издал какой-то невероятно довольный урчащий звук.

— Что в этом месте на моём теле такого? — хихикая от щекотки, спросила Хэла.

— Не знаю, — ответил он и глянул на её талию. — Но тут вот не могу сдержаться, я бы вовсе оттуда своих рук не убирал.

Кажется она покраснела от смущения, поэтому предусмотрительно спряла лицо, уткнувшись ему в грудь.

— Знаешь, я тут подумал, — проговорил он ей в волосы, — что это первый раз, когда в моей постели спит женщина.

— Что? — Хэла озадаченно уставилась на мужчину. Вот это офигеть! — Как так?

— Не было такого ни разу, — он лишь пожал плечами. — Сестра не в счёт — она приходила спать ко мне в постель почти всегда, когда я бывал дома. Как ей не запрещали, она всё равно под утро оказывалась у меня и преудобно спала прямо на подушках и на моей голове всегда были или её ноги или её голова.

Хэла рассмеялась, потом нахмурилась:

— Но подожди, а наложницы, содержанки эти ваши, знатные всякие. Словно у тебя не было женщин.

— Были, — он усмехнулся, — Но близость одно, а спать другое... Наложницы не спят с хозяином, только если он приказывает, или сам спит в харне, но наложницы это не моё. Спать в одной постели с ларевой можно только, если ты её содержишь, а в других случаях твоего права на это нет. И у меня никогда не было ларев, кроме той, о которой говорил.

— Но ты её не содержал, — проговорила Хэла, а Рэтар кивнул.

— С благородными — так тем более...

— Сделал дело и свалил, — заключила она.

— Как-то так, — феран недовольно поморщился.

— То есть я первооткрыватель? — сказала Хэла как можно серьёзнее и она не могла сделать над собой усилие и не пошутить, боги, ну, это же просто... аaaa!

Несколько секунд он хмурился, а потом расхохотался до слёз.

— Да, Хэла, — согласился феран, прижав к себе и поцеловав в макушку. — Отважный первооткрыватель.

Это же невообразимо прекрасно, когда мужчина понимает твои шутки!

— Но сказал я про это по другой причине, — продолжил он, всё ещё посмеиваясь. — Я решил, что мне нравится, когда ты спишь рядом.

— Что? О, нет! — Хэла театрально закатила глаза, а Рэтар устроил её на себе, как уже делал и ей было от этого так невообразимо кайфово, что она прям задыхалась от удовольствия, готовая урчать, словно кошка, которую чешут за ушком. — Я кажется из этой комнаты не выберусь?

— Я бы привязал тебя к кровати, Хэла, — заметил феран. — Или к себе, чтобы ты была в безопасности и пределах моей видимости. И, поверь, я страшно сражаюсь с собой, чтобы этого не сделать, но если ты обещаешь, что ночь будешь проводить в моей постели, я подумаю над тем, чтобы дать тебе немного свободы и выпустить отсюда в ближайшем времени.

— Ваше великодушное не знает пределов, достопочтенный феран, — она качнула головой и положила голову на сложенные на его груди руки. — Рэтар... я не могу тут спать, ну, правда!

— Почему? — совершенно беззаботно поинтересовался он.

— А что люди скажут?

— Люди? — удивился он. — Я хотел бы посмотреть на того бессмертного, который решит что-то сказать про это ферану или чёрной ведьме.

— Рэтар, перестань, — и как бы она не была сейчас довольной и счастливой до чёртиков женщиной, но это было против законов этого мира, так было нельзя.

— Иначе, я буду спать там, где будешь спать ты, — ответил он. Вот упрямец!

— Отлично, — кивнула головой Хэла и усмехнулась.

— Да, — проговорил феран. — Думаю серые будут в восторге от меня, растянувшегося на полу посреди комнаты.

— Почему на полу? — Хэла приподняла бровь.

— Потому что кровати в вашей комнате маловаты для меня, — он снова вернул свои руки на её талию и нахмурился. — Надо сказать Зеуру, чтобы убрал шрамы от ранения.

— Не надо, оставь как есть, мне не мешает, — фыркнула она. — Лучше бы он мне вес подправил и изменил размер и вид ноги.

— Вес? — Рэтар нахмурился, а потом на лице его появилось какое-то совершенно удивительно прекрасное выражение, которого Хэла никогда не видела раньше. Он просиял. — Подожди, ноги — я забыл!

Он снял её с себя и сел.

— Так, куда Фог вещи задевал? — феран пробежал глазами по комнате и нахмурился.

— Рэтар? — позвала его Хэла.

— Тихо, — он поднял на неё палец и шутливо пригрозил им. — Не шевелись.

Хэла рассмеялась — он был похож на мальчишку, вот совершенно милого, очаровательного мальчишку. Почесав затылок он снова нахмурился и пробурчал:

— Меньше всего хочется идти и искать этого вредного старика, чтобы спросить об этом, — он пригнулся и снова осмотрел комнату. — А, вон они!

В дальнем углу лежали сложенные вещи, которые Рэтар брал с собой, когда отправился на границу. Он соскочил с кровати и, подойдя к вещам, стал что-то искать. Хэла была очарована этой милейшей картиной, потом внутри зародилась паника — он ей что-то привёз? Да, ладно!

— Вот, — феран встал и в руках у него была пара сапог.

— Сапоги? — удивилась Хэла и вот это было прям реально нереально.

— Я надеюсь, что правильно прикинул размер, — он подошёл к кровати и, поймав Хэлу за ноги, притянул её к себе.

Кажется вот сейчас они оба были похожи на детей, потому что в этом странном действии было столько какого-то безумия и веселья... господи, кажется она правда умерла.

— О, боже, — она села уставившись на ногу с сапоге.

У Хэлы всегда были проблемы с обувью. Там, в прошлой жизни, она молилась на ту обувь, которая ей подходила, потому что найти что-то в чём удобно ходить, было для неё волшебством. Беременности вообще скорректировали её желания и возможности под только им нужный и понятный формат — про сапоги Хэла забыла вовсе, оставаясь рабой исключительно ботинок на шнуровке. Ботинок размера сорок с половиной... но в итоге

преимущественно мужских, размера сорок один.

Попав сюда, она столкнулась с той же проблемой. Несмотря на то, что в Изарии был большой выбор обуви большого размера, но это были сапоги! А ботинок-то конечно не было — прогресс не доехал пока.

Но сапоги, которые на неё сейчас натянул Рэтар, были другими, не такими какие носили простые люди, это была обувь сделанная для знатных и это было невероятно — размер ей подходил!

— Это, — выдохнула Хэла.

— Подошёл? — спросил он, внимательно изучая её ноги.

— Я... это прям магия, словно босиком, вообще! Это сунга тоже, да? Как на плаще? — сапог был мягкий, со шнуровкой на половину голенища и нереально приятным к ноге.

— Да, это сунга, — у Рэтара был вид триумфатора. — Я переживал за размер.

— Откуда ты их взял, божечки? — спросила она, хмурясь, потому что была смущена. — Только не говори, что ты специально для меня купил дорогушие сапоги из редкого и бесценного меха!

— Хэла, боги, даже если и купил, — он сел на кровать и натянул на неё второй сапог. — И что?

— Это слишком, — ответила она, а Рэтар обречённо качнул головой.

— Хэла, просто скажи своё “спасибо”, — улыбнулся он ей. — И если тебе будет спокойнее, то я взял их в Зарне, где они уже достаточно давно лежат никому не нужные и их вообще никогда никто не надевал.

— Почему? Отличные же сапоги, — она уставилась на ноги, которые вообще словно были без обуви. Теперь понятно, как знатные себя чувствуют.

— Потому что тот, для кого они были сшиты, до них просто не дорос, — ответил Рэтар.

— Кто? — спросила Хэла скорее по инерции, хотя понимала, что спрашивать не надо. — Прости, не надо.

— Ничего, — Рэтар повёл головой и потёр глаз тыльной стороной руки. — Итра, мой сын.

— Подожди, я думала у тебя только один сын, — и она была рабом своей несдержанности в словах. Мужчина нахмурился, глядя на неё. — Брок.

— Откуда, — начал было феран, потом махнул рукой, — а ладно...

— Что? — повела головой и плечом Хэла. — Я же ведьма, Рэтар, и ты ещё спроси откуда я знаю, что Тёрк, Гир, Мирган, Шерга твои братья. Да и не надо быть ведьмой, чтобы понять, что мальчик твой сын.

Он согласно кивнул.

— Просто никто никогда не говорил, что у тебя есть ещё сын. Стой... он сын от брака? То есть и жена... в смысле супруга есть? — Хэла и рада была остановиться, но молчание действительно не было её благодетелью. Она всплеснула руками. — Всё, прости, я молчу. Ничего не говори. Спасибо за сапоги.

Она уткнулась в пол, чувствуя себя совершенно нелепо и прямо даже отвратительно. Это ж надо было с ничего залезть ему в душу — он же не зря ничего об этом не говорил! А что если все умерли? Да скорее всего — тут только так у всех. А что если он их любил?

“Твою мать, когда ты научишься молчать!?” — отругала она себя.

— Хэла? — позвал её Рэтар. И она подняла на него глаза. — Что там ползает в твоей голове?

— Сожаление, — буркнула она, ей было стыдно, несмотря на то, что лицо его было таким же, как когда он надевал на неё сапоги. Словно настроение вообще не поменялось. — И оно не ползает, оно скачет, как ошалелое. Мне жаль, что я влезла куда не надо...

Рэтар глухо рассмеялся и лег на спину на кровать, подложив под голову руки.

— Мой брак организовал великий эла, в обход правила, что браком митара и бронара занимается феран, — проговорил мужчина. — Если бы был жив отец, то конечно это было бы невозможно, но его уже тир не было в живых, а Рейнар не обладал тем влиянием, каким обладал отец, поэтому перечить эла не стал. До того, как нас с ней обвязал верховный эйол, я видел её лишь однажды.

— Один раз? — Хэла уставилась на него в недоумении. Конечно она понимала, что природа династических браков в этом мире такая же как и в её мире в средневековые времена, но один раз...

— Да, — подтвердил Рэтар спокойно. — Она была из семьи одного не самого богатого ферната, была какой-то там по счёту дочерью, но в целом эта сторона вопроса меня вообще не волновала. Хотя обычно все подобные браки должны заключаться с выгодой для дома и ферната. Нас обвязали, у нас была близость, как и положено, два раза, а потом я ушёл на войну.

— Стой, два раза, как положено? — Хэла легла на живот, растянувшись рядом с Рэтаром.

— Да, первый раз при заключении брака, — ответил он. — Второй, как бы, не знаю, чтобы все были уверены, что брак точно скреплён близостью.

— И ты не спал с ней в одной постели?

— Нет, — он пожал плечами. — Супруга мне была не нужна. Я не знал её, она не знала меня. Вообще, была от меня в ужасе.

— Но ведь, — Хэла прикусила губу.

— Что?

— Не знаю, странно всё равно... была в ужасе... — она фыркнула. — Словно ты не человек.

— Меня многие боялись. Как и сейчас, — ответил Рэтар. — Да и мне проще было на войне. У меня никогда не было чувства дома, меня туда не тянуло вернуться. Мне было лучше внутри сражения. Да и сейчас так же. А тогда... в бою мне сообщили, что она ждёт ребёнка. Я кивнул и пошёл воевать дальше. В бою мне сообщили, что начались роды. И мне, так положено, надо было вернуться. В крепости, которую мы защищали был портал, поэтому я смог отправиться сразу. Когда попал домой, мне сунули в руки голого кричащего младенца.

Он ухмыльнулся.

— Чтобы ты понимала — меня выдернули практически из боя, я был в грязи и крови, от меня разило потом, гарью и смертью.

— Самое время потискать новорожденного, — буркнула она, а Рэтар улыбнулся.

— Так заведено, отец должен подтвердить факт рождения ребёнка, на деле, я даже опоздал, потому что должен был наблюдать сам процесс рождения.

— О, правда? У нас в мире мужчины бегают от этого, как чумные, — фыркнула Хэла. — А тех, кто идёт на роды с женой, считают чаще всего немного странными.

Рэтар развёл руками.

— Я кивнул на него, подтвердил, что это мальчик, правда он был маленький, но мне сказали, что он родился раньше срока. Я это принял. Да и хорошо, потому что сама знаешь,

как у нас дела обстоят с рождением наследников. С моей супругой всё было хорошо, она уже спала, и я был счастлив, что не надо к ней идти и доводить своим видом до испуга, граничащего с ужасом.

— Ты просто ушёл? — уточнила ведьма. — Воевать?

— Да, — подтвердил феран.

— Захватывающие отношения, — вздохнула Хэла.

Рэтар усмехнулся.

— А в следующий раз я попал домой, когда эйол возлагал руки на моего сына. На обряд имянаречения.

— Это же в пять тиров происходит, правильно? — она ошарашенно уставилась на него.

— Всё верно, — улыбнулся Рэтар, встречаясь с её полным шока взглядом.

— Тебя не было дома пять тиров? — ей было необходимо уточнить.

— Да, — терпеливо подтвердил феран.

— И ты всё это время воевал?

— Не всё, но почти, — ответил Рэтар. — Были кое-какие моменты затишья, но в это время эла требовал, чтобы армия была в столице, потому что время было весьма беспокойным.

— Что-то говорит мне, что особо ты и не скучал.

— Наверное, хотя и особо мирного времени было не так много. А потом случилось ранение, случилась смерть Рейнара, я стал фераном... Когда я был у магов, — он помолчал, кажется пытаюсь найти правильные слова, — мне сообщили, что моя супруга прибыла в Йерот, ко двору.

— К тебе? — и почему-то захотелось, чтобы она волновалась за него, хотя было понятно, что, судя по их возвышенным отношениям, его жёнушка видимо прибыла бы уверится, что Рэтар помер, а она стала молодой вдовушкой.

— Нет. Я тоже так подумал и честно сказать, был очень удивлён, но потом, — Рэтар горько ухмыльнулся. — Она до меня так и не добралась. Мне сообщили, что она была на охоте великого и с ней произошёл несчастный случай и спасти её не удалось.

— Она погибла? — уточнила Хэла, хотя и так всё поняла.

— Да.

— Это, — и ведьма запнулась, пытаюсь найтись, что сказать.

— Бывает, — проговорил Рэтар. — Я вернулся в фернат, потому что нужно было провести обряды прощания с ней и Рейнаром, а также вступить в свои права ферана. Это не быстро. Когда я вернулся, то Итра, увидев меня, просто до крика и слёз испугался.

— Сколько ему было?

— Где-то семь или восемь, — нахмурился феран. — И за это время он видел меня всего лишь дважды — один раз младенцем, а второй на обряде имянаречения. Так себе история знакомства.

Он вздохнул.

— В конечном итоге, я просто отправил весь двор из Зарны в Трит, чтобы как можно меньше встречаться со взглядами полными страха или сожаления. У него были няньки, воспитатели, учителя. А с отцом ему не повезло, — и Хэла видела, что Рэтару тяжело и горестно. — Я видел его очень редко. Он был умным, любил читать, но был слабым, особенно в представлении изарийцев. Он плохо владел мечом, был не выносливым, плохо держался в седле. Он даже ни разу не залез на вот это дерево, которое растёт перед

главными воротами Трита, а на это дерево даже моя сестра залезала без проблем, когда была намного меньше него.

— Некоторым очень тяжело даётся то, что легко другим, — заметила ведьма.

— Хэла, нет, — и он мотнул головой. — Это не было для меня каким-то разочарованием, я не ждал, что он станет первым воином Изарии или Кармии. Я не стремился к этому. Хотел читать — да пусть.

— Что случилось? — и она думала, что надо было посмотреть самой, не тянуть из Рэтара жилы. Но ей так не хотелось — она категорически запретила себе лезть к ним всем в головы и очень старалась этого правила придерживаться. Да и сейчас он говорил то, что хотел, а так она бы увидела и то, что Рэтар захотел бы скрыть.

— Это было самое начало последней из крупных войн, которые вела Кармия, — ответил он. — Было большое сражение. Потом были ещё, но то... одно из ключевых. И эла, спросив у меня про Итру, заявил, что мальчику уже “пора проявить себя”. Обычно я всегда был в наступлении. Но тогда, мне пришлось быть позади, среди всех этих феранов и митаров, которые просто наблюдают за этим праздником смерти, а потом рассказывают как дело было.

Мужчина замер на мгновение, прищурился:

— Знаешь, я потом много раз проигрывал в голове этот момент. И каждый раз мне казалось, что я мог что-то сделать. Мог столкнуть Итру с тооры, мог... — он зажмурился и выдохнул. — Да, конечно, я ничего не мог. Стрела попала ему прямо в глаз, пробила голову, выстрел был такой силы, что его вышибло из седла. Он умер, ещё до того, как упал наземь.

— Рэтар... — она очень силилась, чтобы не разреветься, но это было что-то ещё. Внутри него было что-то ещё, кроме сожаления о смерти сына, к которому он кажется не имел никакого отношения. — Ты не был его отцом...

Хэла сказала это в трансе, словно озвучила мысль, которая была в Рэтаре, но он не то, чтобы не признавал её, она была завёрнута в плотную оболочку из злости и бессильной ярости, и пока о ней молчали её словно и не существовало.

Феран посмотрел на неё совершенно спокойным взглядом своих невообразимо красивых глаз, в них было сожаление и ни грамма удивления на то, что ведьма сказала.

— Прости, — виновато прошептала она, порой на эмоциях было сложно контролировать свою ведьмовскую силу.

— Не надо Хэла, — отозвался Рэтар. — Поэтому про них никто и не говорит. Потому что о том, что Итра не был мне сыном, знали все, и порой мне даже кажется, что они думают будто я об этом до сих пор не догадываюсь.

И он усмехнулся, повёл головой.

— Знаешь, я знал эла с детства. Отец привёл его в наш дом и он какое-то время жил с нами, на правах равного нам, хотя конечно, он был элинин и мы делали для него всё, чего он хотел. Я был приставлен к нему, как хранитель. И вот тот момент, когда я его впервые увидел у нас дома, в Зарне, — Рэтар задумался на мгновение. — Он сидел у огня в главном зале и читал. И, богами клянусь, Хэла, когда я вернулся домой после ранения, то нашёл Итру сидящим в главном зале Зарны у огня, читающим книгу, и я словно попал в прошлое.

— Его отцом был эла...

— Да. Он сделал ребенка моей тогда ещё будущей супруге, но он не мог позволить себе признать его, но и дать ей родить будучи не обвязанной, было нельзя, — пояснил феран, а Хэла захотела как минимум придавить этого их правителя. — Это изгнание, это может быть

даже смерть, в зависимости от законов ферната. Да и я не отрицаю, что может у него были к ней чувства. Если бы он сказал мне, как есть. Я бы не отказал, я бы сделал для него и это и намного больше. Но он соврал. А потом...

И Рэтара так рвануло, что задело и Хэлу. Потеря мальчика, несмотря на то, что он не был его родным сыном, была не затянувшейся раной внутри мужчины.

— Я до сих пор не понимаю зачем, — проговорил ферна. — Зачем он потребовал, чтобы мальчик присутствовал в том сражении. Для чего? Что нужно было сказать или доказать? Или это была попытка указать мне моё место... не знаю. Но я так виноват...

— Ты не виноват, ты не можешь отвечать за выпущенную стрелу, это было, — прошептала ведьма, в глазах у неё стояли слёзы. — Это всё что угодно, но не твоя вина, Рэтар.

— Я виноват не в этом. Я виноват, что разозлился, — он встретился с ней взглядом. — Я виноват, что поддался на этот вызов. Я должен был сказать ему “нет”. Я должен был отказать эла в его просьбе. Просто сказать, что мальчишка не готов, или, что я сам решу, когда ему стоит вступить в эту часть жизни. Да ему и не стоило вообще в это влезать. Он бы стал отличным фераном. У него отлично работала голова. А махать мечом за него было бы кому. Всегда есть кому убивать. Но я... я взвился, я не смог унять себя, меня так разозлило, что великий требует, что он хочет.

— Разве эла можно отказать?

— Нет. Но я должен был попытаться отстоять мальчишку. Хотя бы... Видят боги, я даже не пытался понять, что случилось с моей супругой, я даже тело её не изучал, чтобы не... чтобы просто остаться в себе, понимаешь?

Она закивал с пониманием.

Рассказов о великом эла здесь все избегали, но внутри было какое-то чувство, что правителя Кармии тут не просто не любят, его не воспринимают вовсе, и это было так странно, ведь изарийские воины были основой кармийской армии. Хэле всегда казалось, что что-то не так, что-то нечисто...

И вот одна из причин вылезла на поверхность — сын их обожаемого Рэтара Горана похож на эла. Это же предательство. Ведь мужчину, лежащего сейчас с ней рядом, обожали. Это было реальностью. Он был отличным фераном и люди были готовы ради него пойти на смерть даже не раздумывая.

Эта преданность была практически фанатичной и пугала саму Хэлу, хотя она понимала почему так. Но главное женщина видела, что самому Рэтару на эту фанатичную любовь было не то, чтобы наплевать, она его стесняла, он считал, что всё, что делает для своих людей, это норма. Эдакое взаимное жертвоприношение. Потому что сам феран Изарии Рэтар Горан был готов без раздумия отдать свою жизнь за свою землю и живущих на ней людей.

— Я слышала, что эла и ты друзья, — вспомнила ведьма что-то выдернутое когда-то из разговоров вокруг неё.

— Нет, — слегка нахмурился феран. — Пока он был элинином, может и можно было так сказать, но скорее я всё-таки был его слугой, который несколько раз спасал ему жизнь, но не другом. А когда он стал великим эла... весьма опрометчиво считать правителей друзьями, Хэла.

— Угрожающе, — повела она головой, а Рэтар ухмыльнулся. — Ты не устал от всех ждать подвоха?

— Я привык. Да и не от всех. От тебя вот не жду.

— Спасибо, — Хэла поцеловала его в плечо и в момент оказалась подмятой под его внушительное тело.

— Я тут подумал... — он приподнялся на локтях и взглядом пробежал по её телу, завёрнутому в так называемое одеяло, внутри заёрзло желание. — Я хочу есть.

— А? — рассмеялась она его внезапному заявлению.

— А ты хочешь? — спросил он, приподняв бровь.

— Нет.

— Правда? — Рэтар глянул на неё с недоверием.

— Правда, — есть действительно не хотелось. — Мне бы кофе со взбитым молоком.

— Я ни слова не понял и мне жаль, но такого нет, — и поцеловал её в подбородок. — Только вяленое мясо, сушёные овощи и вода.

— Пища богов, — рассмеялась Хэла, когда феран, надев штаны, достал из своих походных вещей самую простую из доступных воинам еду. — Почему не попросить Миту, у неё наверняка для тебя куча всякого вкусного наготовлена?

— Это вкусно, — он развалился на одном из диванов, положил ноги на подлокотник другого и помахал перед Хэлой полоской сушёного мяса.

— Не верю, что другие фераны едят то же самое, — улыбнулась Хэла, заплетая себе косу, хотя закрепить было и нечем, но волосы вились и коса более менее держалась.

— Я не прихотлив, я всю жизнь в походах, — проговорил он жуя. — И вообще не очень понимаю смысла этих пиршеств.

— Сколько тебе было, когда ты попал на войну, — она соскользнула с кровати и, подойдя к нему, выпила воды.

— Отец забрал меня с собой сразу после того, как эйол возложил на меня руки, — ответил он.

— Стой. Что? — она опешила, уставилась на него, разве что рот не открыла от удивления.

— Что? — спросил Рэтар, всматриваясь в неё.

— Ты попал на войну в пять тиров? Ты ведь про это возложение рук? Другого нет, так?

— Да, — спокойно ответил он и отпил воды. — Обряд имянаречения.

Внутри что-то разорвалось. Перед ней сидел человек, который действительно всю жизнь провёл на войне. Это было так страшно, что не было сил даже вздохнуть. Хэла уставилась на него и ей стало так невообразимо больно, глаза защипало, хотя она прекрасно знала, что жалость это последнее, что ему нужно, да и не нужно вовсе. Но она так отчётливо видела ребенка внутри хаоса битвы, хаоса смерти, что... как вообще можно сохранить рассудок в таких условиях?

— Хэла? — она очнулась от захлестнувших образов и уставилась в его по-искреннему озадаченное лицо. — Ты чего?

— Зачем? — прошептала она.

— Я не спрашивал, — он пожал плечами, — но я догадываюсь, что он хотел вытравить из меня чувства, которые по его мнению были причиной моей слабости.

— В пять лет. О какой слабости или силе можно говорить, когда ребенку пять лет?

— Чем раньше, тем лучше, — ответил Рэтар. — Мой отец считал, что я слишком привязан к матери, слишком сочувствую окружающим, слишком вникаю в быт простых и свободных людей. Всё это неприемлемо для ферана, тем более ферана Изарии.

— А твоя мама не была против?

— Была, — проговорил он. — Но тогда родился Риван и ей было сложно перечить отцу. Единственно, чего она добилась, это того, что отец дал ей обещание, что Ривана он не заберёт.

Она хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Она была расстроена и зла.

— Хэла, эй, всё хорошо, — он протянул к ней руки и несмотря на желание сопротивляться, она конечно же не смогла ничего поделать, потому что кажется этому мужчине она теперь точно не сможет сопротивляться.

Она давно уже была в восхищении от того, как феран Изарии держит себя в руках, в ситуациях, когда любой человек вышел бы из себя, она столько раз натыкалась на эту стену тёмного, непроницаемого гнева, который физически ощущала благодаря ведьмовской силе, она видела это пламя яростного огня, готового спалить всё вокруг к чертям, но он держался. И каждый раз она дивилась — как, как у него получалось? А тут... она поняла его горькие слова о том, что он не хочет, чтобы она смотрела внутрь его, потому что конечно там можно было увидеть только ужас и смерть.

— Твой отец жуткий человек, — проговорила она, уткнувшись в его плечо.

— Да, не самый лучший отец на свете, но и я тоже так себе, — он так легко этому усмехнулся и, поцеловав Хэлу в шею, пересадил её на диван рядом с собой. — Никуда не уходи.

— Могу отправиться с тобой, — улыбнулась ведьма, понимая куда он пошёл.

— Твоего слова будет достаточно, хотя я не удивлён, что тебя это вообще не смущает. Такое чувство, что это ты провела на войне всю жизнь, а не я, — и он закрыл дверь.

— Может и так, — сказала Хэла в пустоту комнаты.

Вышел он мокрый.

— Ты поступился принципами и решил-таки залезть в свой персональный домашний пруд? Вода там после меня ещё тёплая, скорее всего. И, — ведьма улыбнулась своему новому умению, — кажется я умею её очищать. Или слишком странно для тебя?

— Что ж делать, пришлось пострадать, — он улыбнулся и развёл руками.

Он вытерся. Потом задумался:

— Знаешь, я всегда был для отца разочарованием. Что бы не делал, как бы не старался доказать, что что-то могу, но всё было бесполезно. Лишь пару раз он сделал то, что можно наверное расценить как, не знаю, признание того, что я не так плох. Первое это то, что я стал старшим командиром отряда ферана наверное тиров в двенадцать, — Рэтар ухмыльнулся. — А однажды, мне было наверное около пятнадцати. Я уже был бронаром. Отец с войском был в Шрате, они ждали подмоги от других фернатов, я был вызван им из дома, вместе с несколькими отрядами. В городе на меня напали и мы не придали этому значения. Это не было чем-то из ряда вон выходящим. А потом так случилось, что на меня напали ещё раз, но на этот раз вне города, за его пределами, они подождали, чтобы я был достаточно далеко от лагеря, чтобы там не услышали бой. Их было сорок два.

— Сорок два человека на тебя одного? — как там говорят — подбери челюсть с пола... — Пятнадцатилетнего?

Он улыбнулся и закивал:

— Я убил двадцать одного, — он прищурился, словно вспоминал о прогулке, а не о том, как его пытались убить, — кажется. Восьмерых серьёзно ранил. До того как мне пришли на помощь. Я был истыкан весь. Кажется на мне не было живого места и тогда отец отправил меня к магам и приказал Тёрку проследить, чтобы они не просто вылечили меня, но убрали

все раны без следа, чтобы не осталось ни шрама. Но это всё. На большее он не был способен.

— Я вижу эти шрамы, — прошептала Хэла, понимая теперь почему одни убраны, а остальные нет.

— Что? — нахмурился Рэтар.

— Это ведь единственные шрамы на твоём теле, которые убрали маги? — спросила она.

— Да, — он был озадачен.

— Я вижу их все, — пояснила ведьма. — У всех. Иногда смотрю и вижу. Они как... они как полосы, которые, не знаю, светятся как свет в магических сферах. Я вижу все. И те которые есть, и те, которые убрали. Они просто по разному светятся.

Рэтар подошёл к ней, она стояла на коленях на сидении дивана.

— А ты, словно не в шрамах, а в трещинах... весь. Вот тут, и тут, и тут очень большой...

Она медленно проводила пальцем по светящимся полоскам на чистой коже Рэтара, иногда перепаханной другими шрамами и было так невыносимо больно и печально. Она понимала, что это его боль, старая, он уже и сам не помнил о ней, это тело помнило, истерзанное до невозможности.

Рэтар перехватил её руку и поцеловал тыльную сторону ладони, а другая рука обняла её и притянула к нему.

— Хэла, прости меня, — в его глазах было столько вожделения, что стало не по себе.

— За что? — действительно не поняла ведьма.

— За то, что выдернул тебя из твоего мира, — ответил он. — Прости меня.

— Рэтар, — мотнула она головой, сделав невнятную попытку выпутаться из его рук.

— И за то, — он конечно не отпустил, — что я не испытываю достаточно сожаления или стыда, потому что ты самое невероятное, что со мной случилось за мою жизнь и я не могу, сказать себе, что я бы не поступил так ещё раз, если бы у меня появилась возможность сделать всё иначе. Прости. Я...

— Не надо, — страх взметнулся внутри и скрутил её в узел, — не надо, пока ты ничего не сказал, всё будет просто. Поэтому не говори ничего, хорошо?

Рэтар не ответил, он наклонился к ней и поцеловал, сначала нежно и почти невесомо, осторожно, но когда её руки легли на его шею, он стал настойчивее. Подхватив Хэлу, которая обняла его своими ногами, он отнёс её в постель.

Мысли снова сорвались в безумную пляску — когда-нибудь её отпустит от сумасшествия, которое дарили его руки, губы, его шепот, но это потом, где-то там далеко, может она даже не доживёт до этого момента, а сейчас в топку всё рациональное, в пропасть правильное. Хотя она так старалась не потерять нить реальности, но кажется это было вообще невозможно и как так получилось, что она словно девчонка, которую тянет за собой водоворот необузданной страсти, такой, что кажется будто ещё немножечко и умрёшь?

Надо было как-то встряхнуть себя, но тут уже Рэтар удивил её, потому что прижав её за шею к постели, перешёл в наступление, как она вчера, когда довела его до бездны и пожара — его пальцы, его губы и этот его взгляд... боже, господи, пожалуйста, вот можно сейчас, именно сейчас умереть?

Ей было и стыдно, как всегда когда с ней такое редко, но случилось в той жизни, потому что невозможно отпустить себя в такие совсем интимные моменты, когда мужчина меняет позицию и свободно делает то, к чему ты совсем не привыкла и что смущает и выносит одновременно шквалом, потому что и хорошо до безумия, и изьяны твои вот они прямо перед ним во всей красе.

Одна рука хвасталась за простыни, другая вцепилась в его руку, лежащую на её шею, властно, доводя до одури, потому что кажется ему можно её убить и она действительно будет счастлива, особенно вот в этот момент яростного безумия от его пальцев, губ и языка, доводящих её естество до иступления и истомы.

Внутри, голос стыда пытался ещё сопротивляться и говорить “нет”, но в бездну всё это, когда всё остальное оглушительно выло, стонало, теряло волю и сознание, и в конечном итоге содрогнулось под бурными волнами судорожного оргазма.

— Хэла? — прошептал Рэтар, обжигая шепотом уже её ухо.

Она с трудом открыла глаза, чтобы встретиться с хищником, который сейчас так внимательно её изучал, что любому стало бы не по себе, но её кажется этот хищный зверь только ещё, куда же ещё больше, возбуждал. Она задыхалась от этого взгляда, ей ни на секунду не верилось, что вот это всё для неё, всё это её.

— Моя ведьма, моя... Хэла, — он вошёл в неё так сильно и жёстко, как только наверное мог себе позволить, будучи на грани.

"Твоя, Рэтар, твоя... — хотелось орать криком, что есть мочи, но не было сил даже вздохнуть, — пропала, совсем пропала. Затянула в бездну и сгинула вместе с тобой..."

Глава 6

Всё это время внутри Милены была невообразимая пропасть. И казалось, что всё это длится уже невозможное количество времени, а никак не несколько дней. Девушке не хотелось жить. Она даже порывалась что-то с собой сделать, но Лорана, Грета и Карлина за ней так пристально следили, что не давали возможности даже выйти из комнаты серых, в которой она оказалась после того, как наговорила всего того ужаса Роару.

У неё случилась жуткая истерика, когда он ушёл. Девочка из домашних, что заметила её, рассказала обо всём серым, которые в свою очередь забрали белую ведьму к ним в комнаты. А когда поняли, что она не в себе, то и вовсе перестали оставлять её одну, присматривая за ней и днём и ночью.

Первый срыв случился, когда сообщили, что почтенный митар вышел из портала с открывшейся раной. А второй, когда стражник сообщил, что Хэлу из портала принёс феран и она кажется была мертва.

Все серые замерли, внутри их маленькой семьи билось горе, потому что Хэлу любили все, и даже хмурая Йорнария стала ещё более отстранённой и подавленной, хотя она к чёрной ведьме относилась не очень хорошо, но видимо на пожелания смерти ума хватило только у Милы.

На белую ведьму накатил очередная истерика, только была она такой жуткой, что все серые девушки переполошились и серьёзно думали стоит ли сообщать о происходящем господам.

Это была даже не истерика. Это было какое-то помешательство.

Милену уничтожала мысль, что она пожелала Хэле сгинуть... пропасть пропадом! Хэле!

Скручивало так, что невозможно было терпеть боль. За всю её не очень длинную жизнь она так мало встречала людей, которые относились к ней по-доброму совершенно о ней ничего не зная. И уж тем более любили её!

Милена на самом деле никогда не чувствовала столько тепла от окружающих, как здесь. Все эти девочки, которые были в таком же положении, как и она, но соперничали, и Хэла, которую вырвали у семьи, у детей... а всё равно она была добра, внимательна, проницательна...

У Милены никогда не было друзей. Никогда. Она всегда была одна, несмотря на то, что у неё были брат и сестра, несмотря на то, что была вхожа в какие-то дружеские компашки, но всегда в них была тем, без кого тоже вполне хорошо. И всю жизнь она так хотела понравиться окружающим. В детском саду, в школе, в институте... она из кожи вон лезла лишь бы заслужить внимание.

Вся эта её тяга к идеальности тела, внешности, была обусловлена лишь тем, что внутри была какая-то железобетонная установка — любят только красивых, умных, скромных, стройных, подтянутых.

“Ты никогда не будешь никому нужна, если будешь толстой, страшной, не умеющей держать себя в руках”, — внутри Милены это сидело стальным несгибаемым прутком.

Держи спину.

Держи голову.

Держи себя.

Будь скромной.

Будь вежливой.

Будь уступчивой.

Всегда улыбайся.

Всегда будь послушной.

Всегда будь в форме.

И никогда не позволяй себе ничего лишнего.

(Чтобы это не значило...)

Из неё получился бы отличный солдат и как же это смешно — в её-то семье.

Милена всегда была исполнительна и внимательна. Её обожали воспитатели, учителя, преподаватели ВУЗа. Но только они.

Дети в саду её избегали, девочки считали её задавакой. В школе одноклассники избегали дружбы с ней, потому что боялись, что она наябедничает. А ещё всех раздражало, что она стремиться быть хорошей и лучшей, несмотря на то, что у неё это не очень-то получалось и чёртов экзамен в школе она не завалила каким-то чудом, набрав неплохие триста пятьдесят с чем-то там баллов. Но разве это был достойный результат для её мамы? Нет, конечно, потому что “могла бы по всем предметам набрать не меньше девяноста”.

А одноклассники в универе хоть и относились к ней нормально, но это скорее было чем-то подкреплённым чисто корыстными побуждениями, ведь у прилежной студентки любимицы преподавателей, всегда можно что-то узнать или списать.

А Милена не отказывала. Она была рада. Она считала, что её любят. Искренне считала. До того самого жуткого дня и “последней” вечеринки года, когда она внезапно осознала, что нет, не любят таких как она, и это же не потому, что она недостаточно красива и стройна, умна и скромна... нет, это просто то, о чём ей всегда говорила мама: “Недоразумение, а не дочь!”

Недоразумение, а не человек, потому что, а как можно назвать кого-то, кто за добро, внимание, участие и тепло оплатил жгучей неблагодарностью, пойдя на поводу у жгучей ревности, превратившейся в одно мгновение в ненависть?

Роар... Хэла... самые дорогие для неё здесь люди, и она наговорила такого! А теперь они могут умереть.

Она бесновалась до тех пор, пока Куна не плюнула на это и не пошла к бронару, точно он был единственным, кого смогла найти серая при том, что происходило в доме.

Элгор, как это не странно пришёл к серым и хотя вероятно мало кто из них был уверен в правильности решения Куны, но сообщить-то надо было, потому что, а вдруг что и тогда уж точно никому из них несдобровать.

Когда он пришёл, Милена как раз в прямом смысле слова рвала на себе волосы, выла и билась о стены, отчаянно прося дать ей умереть.

— Выйдите, — приказал Элгор.

— Достопочтенный бронар, она убить себя хочет, — отозвалась Грета, которая вместе с Донной из последних сил держали Милену, чтобы та себе не навредила.

— Идите, — ещё раз сказал бронар, а потом удивительно, но мягче добавил, — я позову.

Серые ушли, и Милена, осознав, что её больше никто не держит, решила, что вот её шанс всё заковать. Она метнулась к стоящему возле неё кувшину с водой и, расколотив его, взялась за осколок. Конечно, Элгор её остановил, скрутив и взяв на руки, он сел с ней на пол.

Милена шипела, выла и кажется даже хотела его укусить, но рука его перехватила её горло, чтобы зафиксировать голову так, что при попытках шевелиться, она сама себя начинала душить.

И тут в ней всколыхнулось что-то яростное и совсем нечеловеческое — он же может её убить, это же выход, пусть так, но за попытку кинуться на Элгора, она получила пощёчину и боль остро привела её в себя.

Милена с пару секунд смотрела на него с удивлением, а потом разрыдалась. Бронар обречённо повёл головой и ослабил хватку, просто обняв.

— И что ты творишь, девочка? — спросил он, когда она немного прорыдалась.

— Я... — Милена захлёбывалась слезами, ей отчаянно не хватало воздуха. — Я... Роар... Хэла... я сказала... я... им пропасть... я так виновата...

И она снова завывала.

— С Роаром всё хорошо, — отозвался Элгор, тяжело вздохнув. — Про Хэлу не знаю ничего, потому что она с фераном, но она не мертва вроде. Пока, по крайней мере. И я не думаю, что она умрёт.

Милена отчаянно замотала головой, пытаясь найти в себе силы, чтобы ему объяснить, но что и зачем кажется сама не знала.

— Да уймись уже, — цыкнул он и снова её поцеловал.

Она метнулась прочь, но тщетно, потому что его руки обнимали крепко, не давая возможности что-то сделать, и она снова его укусила. Как тогда, когда он поцеловал в первый раз, но тогда она убежала, а сейчас?..

Элгор отстранился и ухмыльнулся.

— Солёная, — он облизнул губы, одна из них была в крови. — Сладкой ты мне больше нравишься.

— Ты, — прошипела Милена, и если бы взглядом умела убивать, то убила бы его.

— Давай, — ухмыльнулся он, — мне тоже пожелай от души.

Она подавилась словами.

— Раз ты снова готова к бою, и готова убивать всё вокруг, а не себя, то я могу удалиться, — он встал с ней на руках и усадил её на кровать. Потом нагнулся и проговорил прямо в лицо: — И очень тебя прошу — будь благоразумной. Ещё раз меня к тебе позовут и я тебе обещаю, что только поцелуями я не ограничусь, ясно?

На лице Элгора расцвела злая, не предвещающая ничего хорошего, улыбка, а потом он отстранился и вышел.

С тех пор Лорана, Карлина и Грета стали следить за ней день и ночь, и Милена была уверена, что это было не только их решение, что это был приказ бронара, а ещё наверное он потребовал сообщить ему, если снова случится истерика.

Белую ведьму начинало трясти каждый раз, когда она прокручивала у себя в голове обещание Элгора, но она отчаянно держалась, чтобы окончательно не сойти с ума.

Как так вышло, что она из хорошей, спокойной, воспитанной девушки превратилась в бесноватую, похотливую, падшую, злую истеричку?

А потом к ним пришла девушка из домашних и попросила одежду для чёрной ведьмы. После того, как служанка забрала суетливо собранные серыми нижнюю сорочку и платье, в комнате воцарилось какое-то невообразимое, почти осязаемое физически ожидание чего-то необъяснимого.

Ведь они так и не знали, что там с Хэлой и никто кажется не мог поверить, что с ней всё хорошо до тех пор пока сами её не увидят живую и здоровую.

Они ждали, замерев, смотря на дверь. Но наступила ночь и ничего не произошло. Все легли спать, хотя никому не спалось. Грета следила за Миленой, остальные просто не могли успокоить в себе чувство тревоги.

— Девочки, а вдруг Хэла умерла? — тихо проговорила Аня, побледнев и испугавшись собственных слов.

— Ты что такое говоришь? — взвилась Лорана. — Не умерла она, вещи ведь попросили. Зачем мёртвой платье?

— А может для похоронного обряда? — отозвалась Маржи и заплакала.

— Не верю я, — махнула головой Грета, хотя на глаза её тоже навернулись слёзы. — Тут специальной тканью обтягивают тело.

Милена лежала тихо, словно пошевелиться было чем-то ужасным, чем-то что натворит ещё больше беды, чем есть сейчас. Ей отчаянно хотелось, чтобы Хэла жила. Она внезапно осознала, что она может попытаться, просто попробовать говорить про себя, словно это заговор, "просьбу ко Вселенной", чтобы Хэла не умерла, чтобы она жила, чтобы вернулась.

Так они все и провалились в какое-то забытье, даже Грета под утро дремала, хотя должна была не спать, не спуская глаз с Милены, которая всю ночь лежала бормоча себе под нос что-то по мнению девушек нечленораздельное, видимо совсем сойдя с ума, а потом тоже провалилась в тяжёлую тёмную черноту.

Проснувшись она оттого, что кто-то взвизгнул. Открыв глаза она увидела всех серых стоящих посредине комнаты и обнимающих Хэлу. Хэлу! Живую! Смеющуюся и обнимающую всех девушек:

— Куропатки мои, — шутливо проворчала она, — что вы тут устроили? Это что за мокрое дело? Тише, ну же, задушите меня, девки!

Она поцеловала каждую и на глаза Милены навернулись слёзы — как бы ей тоже хотелось, чтобы Хэла её обняла. Как бы ей хотелось иметь такую маму...

Она уткнулась в подушку и сделала вид, что спит. Она слышала, как Хэле говорили, как они испереживались по женщине, как испугались, что вещи взяли не для неё живой, а для мёртвой. Потом Оань пожаловалась, что хараги не ели всё это время, только пили и вообще не вставали, лежали в своём углу во дворе и лишь смотрели на дверь во внутренний двор, ждали. Хэла что-то ответила, Милене даже показалось, что спросила про неё, но так и не поняла, что там ответили серые, а может ей вообще всё это показалось.

Когда белая ведьма решила посмотреть вокруг, то никого не оказалось — Хэла ушла к

своим чудищам, а серые в невероятном возбуждении побежали делать работу, чтобы побыстрее освободиться и побыть с чёрной ведьмой вечером.

С Миленой оставили Анью, а Грета легла спать.

— Милена, ты видела? С Хэлой всё хорошо, — проговорила девчушка. — Она живая! Ты теперь перестанешь расстраиваться? Правда?

Маленькая ручка легла на голову белой ведьмы, чтобы погладить волосы.

— Не плачь больше, ты такая красивая, такая удивительная, мне так жаль, что ты плачешь.

Откуда же этой доброй девочке, которая всю жизнь голодала, терпела домогательства отца и чуть не была продана им в рабство к своему приятелю, знать из-за чего именно рыдает и истерит Милена.

Красивая... удивительная...

Анья и вправду смотрела на белую ведьму с каким-то нескрываемым восхищением и это было странно и смущало до жути.

“Ну, а что ты хочешь, ты же и вправду, как принцесса настоящая,” — ответила Миле Хэла, когда как-то раз девушка сказала об этом при женщине.

Она и принцесса? Впрочем злобная, вредная, из сказок, где добро побеждает, а такая, как она, остаётся ни с чем, в лучшем случае.

Анья, как и все, плохо спала ночью, поэтому, немного посидев возле Милены, в конечном итоге задремала и вот у Милены появился шанс уйти отсюда... уйти и... что?

Девушке всё ещё хотелось умереть. И теперь ещё больше хотелось, потому что, а как смотреть в глаза Хэлы? Она теперь никогда-никогда не сможет посмотреть ей в глаза!

Ей нет места в этом мире. В её не было, и в этом она тоже не нашлась. Ну и пусть, всё равно, что они призовут кого-то другого, пусть... плевать! Может та, другая, будет лучше, чем Мила, может они призывом её спасут, как бедняжку Анью, может она сделает им эту грёбанную весну и сможет дарить жизнь!

Милена поднялась на самую высокую башню Трита и аккуратно вылезла на небольшую площадку, которая окружала башню. Голова закружилась, ветер здесь был грозным и пронизывающим насквозь. Она посмотрела вниз, перегнувшись через зубцы бойниц.

— Это моё место, — голос обжёг, полоснул по внутренностям, его рука схватила её за пояс платья, так, чтобы она с испугу не ринулась вниз, а потом развернула её спиной и прижала к стене зубца.

Взгляд чёрных глаз был жёстким, яростным.

— Решила прыгнуть? — усмехнулся рот с опухшей после её укуса губой.

— Ты... ты, — задохнулась Милена, — оставь меня, я хочу умереть!

— Напомню, что я тебе обещал, что если ты ещё раз устроишь истерику, то я тебя иначе буду в себя приводить.

— Давай насилуй, а потом скинь меня и дело с концом.

— Нет... по ряду причин, — он снова усмехнулся. — Да и насилуем это назвать будет нельзя, потому как почти сразу, ты не захочешь, чтобы я остановился.

Элгор пригнулся к ней и проговорил в ухо:

— Тебя же скручивает от желания, чтобы я тебя сделал своей, — его шёпот обжигал. — Ты будешь выть, стонать и просить, чтобы я не останавливался. И только забота о твоём шатком эмоциональном состоянии, меня держит от тебя на расстоянии. Хотя ты кажется меня преследуешь и даже здесь нашла. Но тут скажу, что приятно было хотя бы так спасти

твой очаровательный зад.

— Какое тебе вообще есть до меня дело? — прошептала Милена с горячностью.

— Понимаешь, как сказать? Всё ведь не так просто, как тебе кажется, — хмыкнул бронар. — Во-первых, вот проблема, есть Роар. И как же нам с тобой его расстроить? Я не могу. Честно, меня по-настоящему сдерживает только он.

Его колено раздвинуло её ноги и она, выдохнув, вцепившись в рукава его куртки, оказалась на его ноге верхом.

— А так давно бы уже, — он по-хищному ухмыльнулся. — Но выбрать между девкой и братом... сомнительно. Даже, если это до притов красивая девка. И это, если я тебя попорчу немного, а если ты помрёшь, он расстроится ещё больше. А ещё расстроится Хэла.

И Элгор фыркнул, ухмыляясь.

— А, боги меня спасите, расстраивать чёрную ведьму нельзя, тем более такую сильную, как Хэла. А ещё, если расстроятся Роар и Хэла, расстроится феран, — и Элгор повёл бровью и головой. — И вот тут, девочка, ты не представляешь, какого дерьма ты подкинешь всем окружающим. Вот такое мне есть дело. Потому что расстроенный Рэтар, или злой Рэтар... лучше тебе не знать, что это такое.

Милена попыталась выбраться.

— Во-вторых, — продолжил он, не замечая её попыток освободиться, — могу разочаровать — возможность убиться, прыгнув отсюда, весьма мала, а вот покалечиться о крыши и зубцы, упав на них, весьма действительна.

Бронар ухмыльнулся, сильнее сжав её шею, всматриваясь в лицо:

— Так ты рада тому, что ваша обожаемая Хэла жива? Решила подкинуть ей работёнки, чтобы она и тебя тоже полечила? Или это такой коварный план, как от неё вовсе избавиться? Потому что после этого, она точно не воскреснет.

На глаза Милены навернулись слёзы.

— Ты обожаешь плакать, да? — спросил он, усмехнувшись.

— Пусти меня, — попросила Милена обречённо.

И Элгор отпустил, он сделал шаг назад и расставил руки так, будто он сдаётся.

— Давай, лети, девочка. Честно. Тебе тут не выжить, — мотнул он головой. — Ты прям прирождённая жертва. Такая вся несчастная, в слезах, ты заводишь, а потом пытаешься сбежать!

Он прищурился.

— Только знаешь, играть с хищниками добыча не может. Тебя загонят и сожрут, — проговорил он жёстко. — Мне только одно не понятно, насколько ж нужно не любить себя, чтобы вот так себя всё время чувствовать? Тебя совсем никто не любил, может и родители от тебя были не в восторге?

Эта его кривая усмешка, как бы ей хотелось врезать по его надменному лицу, как бы хотелось... но он же был прав. Её никто не любил. И она не была достойна. Она и вправду может только хотеть — даже умереть смелости не хватает.

Слова Элгора были такие жгучие, словно клеймо на ней поставили. Даже, если бы он ударил её, не смог причинить такой боли, как когда сказал такое.

Милена отшатнулась назад, пожалев, что за её спиной оказалась стена — может было бы лучше, чтобы не было, ведь если бы она упала, просто вот так нечаянно упала, Элгор бы не успел среагировать и поймать... но даже в этом её ждала кривая усмешка судьбы?

И она просто ушла. Милена действительно сдалась. Сдалась, потому что была тем, кем

её воспитали. Хорошая девочка. Послушная. Но внутри наверное всегда мерзкая и всегда никчёмная, всегда ни на что не годная...

— Подожди, — Элгор поймал её на верхних ступенях винтовой лестницы башни.

Милена не сопротивлялась, поэтому он легко выдернул её обратно на верхний этаж башни, той его части, что была под крышей. Наверное он был готов к тому, что она даст отпор, потому что не встретив его, пошатнулся с ней в руках и сел на пол, возле лестницы, а Милена села на него, спиной упираясь ему в грудь.

— Прости, — пробурчал он ей в шею, обнимая крепко, видимо, чтобы она не дёргалась. Мила замерла, как настоящая добыча притворилась мёртвой и уже на всё согласной. — Правда, прости. Я не должен был вот этого говорить. Про родителей. Прости. Это было слишком.

Глаза снова наполнились слезами. Да что ж такое, в самом деле? И она заплакала. Тихо, без воя и воплей, без истерики, просто, как плачут сами с собой, когда сил больше нет.

Она и сама не заметила, как Элгор её развернул к себе боком, он всё повторял “прости... прости...”, а его руки гладили её голову, спину, качали словно маленькую. А потом он стал её целовать, не так как обычно, а мягко, почти невесомо, с такой невообразимой нежностью, что сердце стало ныть и плакать вместе с ней. Милена обняла его и кажется сознание покинуло её.

Элгор никогда таким не был, она даже не могла подумать, что может. Она терялась всё больше, уплывала, словно легла на воду и течение реки уносит прочь. Прочь от реальности, от проблем, от горестей...

Бронар положил Милену на деревянный пол, навис над ней и всё целовал-целовал... И она отвечала, когда он целовал в губы и старалась не стонать, когда его губы целовали лицо, когда прошлись по её шее, целуя под подбородком, а потом ямочку, где сходятся ключицы и Мила никогда не знала, что это у неё такое чувствительное место и внутри всё поднялось и ухнуло, а Элгор что-то прошептал, а потом перешёл к её уху, одному, потом пройдя цепочкой поцелуев по лицу, перешёл к другому.

Руки его гладили её тело, даже через ткани сорочки и платья каждое прикосновение будто прижигало. Он не пытался её раздеть, но от этого ощущения были не менее острыми. Им было нельзя. В голове был чёткий запрет, но от этого безумия страсти становилось только больше.

Она чувствовала себя девчонкой-подростком, которая целуется со своим первым мальчишкой где-то в тёмной парадной, пытаюсь понять и познать запретные вещи, от которых захватывает дух, не только когда занимаешься этим, но и когда думаешь, и надеясь, что их никто не застукает. Руки самой Милены обнимали его и цеплялись за рубаху, слово она упала бы, если бы не хваталась.

Это была такая сладостная, невыносимая в своей эйфории, пытка, что время словно остановилось. Разорвало её саму и его... почему он такой и почему бывает другим? Боже, и почему она такая ужасная? Ниже уже не упасть... Она же любит Роара? Любит?

— Достопочтенный бронар, — отрезвляющий гулкий зов внизу вырвал их в леденящую реальность.

То, что с ними произошло, было как полёт в свободном падении, но результат у него всегда один — ты разбиваешься о землю.

— Тшшш, — Элгор обнял её, словно закрывая собой, хотя судя по всему никто наверх даже не пытался подняться.

— Достопочтенный бронар? — зов был почти у лестницы.

Юноша прочистил горло:

— Да, — голос был охрипшим от возбуждения.

— Вас достопочтенный феран ищет. И Тёрк тоже.

Элгор вобрал в себя воздух, потом выпустил его и крикнул:

— Передай, что иду.

Мужчина внизу ничего не ответил, шаги удалились от лестницы и стало так оглушительно тихо, что показалось будто всё умерло. И она тоже умерла. Упала и умерла. А может он её и не ловил на башне?

— Прости, — бронар снова её поцеловал, мягко, нежно. Глаза его были полны такой невыносимой тоски. А у неё не было силы ответить. — И за слова, и за вот это тоже прости.

И Элгор снова поцеловал, потом так отчаянно прижал её к себе и уткнувшись в шею прошептал:

— Сходи к Хэле, Мила.

Белая ведьма попыталась замотать головой.

— Сходи, — он посмотрел ей в глаза, проведя рукой по лицу. — Тебе станет легче, ты совсем себя загнала, но это всё только внутри тебя, сладкая, только в твоей голове. Ты сходишь с ума, девочка, даже не имея на то веских причин.

— Я... она меня не простит, — упрямо бессильно проговорила Милена.

— Хэла? — Элгор улыбнулся... улыбнулся по-настоящему! — Простит. Хэла простит.

Девушка зажмурилась, чтобы снова не разреветься.

— И ты... ты светлая, знаешь... смотришь и можно ослепнуть... такому как я к тебе нельзя. С таким как я, ты пропадёшь, — он ещё раз её поцеловал и встал, а потом всего в несколько шагов оказался внизу, а потом с нижней площадки башни вышел в коридор.

— Ты чего такой всклокоченный, Элгор? — спросил какой-то мужчина, видимо из стражников. О, боже, они были так близко!

— А вы все тут что делаете? — взвился бронар, выходя на этаж, и она услышала всё тот же дерзкий заносчивый голос. — На свои места расходитесь, давайте! Собрались, рващ, дел нет? Кому отдыхать, валите отдыхать, а не сидите тут как бабы, перемывая всем кости.

— Оторвали достопочтенного бронара от занятий важных, — отозвался кто-то.

— Молча завидуй, что я могу поспать, когда хочу и где хочу, — рыкнул Элгор. — А вот для того о чём ты подумал у меня девки есть сколько хочу, а у тебя только правая и левая. Сказал же вон отсюда!

Мужчины засмеялись, потом голоса стихли, и послышались удаляющиеся шаги.

Милена всё лежала и не шевелилась, она понятия не имела сколько времени пролежала вот так на полу, смотря в уходящий вверх конус крыши. Потом она собралась с силами и спустилась вниз.

На этом этаже под крышей никого не было, девушка никем не замеченная спустилась ниже, туда где были жилые комнаты ферана и митара, где был портал... Здесь была стража, но внимания на неё никто не обращал.

Милена прошла мимо двери в комнату Роара и её захватило невыносимое чувство отчаяния.

— Милка, а ну хватит мокрое дело устраивать, — голос Хэлы был полон веселья.

Белая ведьма увидела женщину сидящей на привычном месте, на площадке внешней стены и вышла туда из коридора.

— Э, нет, — покачала головой чёрная ведьма. — Гнарк!

За спиной Милы, замершей почти на пороге, выросла фигура одного из стоящих на этаже стражников.

— Да, Хэла? — бробасил воин.

— А дай-ка, дорогой Гнарк, нашей белой ведьме свой плащ, будь так любезен, — улыбнулась Хэла.

Милена услышала смешок и на её плечи лёг плащ.

— Так намного лучше, — кивнула женщина. — Спасибо, Гнарк, милый!

И он был жутким, но ни разу не милым, но кивнул женщине, довольно улыбаясь в густую бороду и усы, потом встал на своё место в коридоре.

— Хэла... — Милену прорвало. — Хэла, пожалуйста, прости меня, Хэла, я такая ужасная, я такая глупая, я такая...

— Тшшш, ну-ну, что за бред, солнышко моё, — она протянула к ней руку. — Иди сюда, бедовая моя! Да поскорее, а то тяжко руку так долго на весу держать, это ты у нас комсомолка, спортсменка, красавица, а я так... старая больная женщина...

И Милена схватив протянутую руку обречённо упала в объятия Хэлы, снова разрыдавшись, но теперь от рыданий становилось так легко, там спокойно.

— Ну-ну, что ты тут натворила, детка моя? — чёрная ведьма гладила её по голове, покачивая. — Ох, сколько ж с вами проблем, с детьми неразумными...

Глава 7

Роар сидел уставившись в стену. Пустота внутри росла и пугала, как ничто на свете. Как вообще у него получилось так потерять голову, чтобы это привело к таким вот отвратительным последствиям? Всё это началось с него.

Роар был виноват. Рэтар оставил на него фернат, оставил дом, а он вместо того, чтобы делать то, что надо, как мальчишка поддался чувствам, которые утащили под воду, выбили почву из-под ног и словно погасили всё разумное.

Митар понимал, что нельзя было доверять Шерга, нельзя было оставлять всё на Элгора. Нельзя было лезть к белой ведьме. Нельзя. Запреты существуют не просто так. Влезешь в это, и конец будет вот таким.

У Роара сердце болело, когда он вспоминал, как из Милены выплеснулось столько боли и злобы. И его ярость на это... он вышел из себя. А теперь внутри был клубок из гнева, отчаяния, страдания, непонимания, страха и сожаления.

И Роару было страшно даже представить, что могло бы произойти, если бы белая потемнела. Если бы внутри неё родилась ненависть, она спалила бы огнём весь внутренний свет и явила тьму. Такое было... поэтому белых и не призывали, а если призывали, то старались обращаться с ними как с даром богов, потому что последняя призванная белая ведьма была доведена до сумасшествия, почернела, стала неутраваемой угрозой, и по приказу эла была казнена... по приказу того самого эла, который её и сломал.

И вот сам Роар кажется почти натворил такой же беды. Вот же дурак! Он был так зол на себя, на девчонку, на весь свет. Но началось с него.

— Что в стене такого интересного? — Элгор нагнулся и из-за плеча брата уставился в стену.

— Ничего, — отозвался Роар. Брат выпрямился и подойдя к столу налил себе воды. — Был с Тёрком?

— Был, — буркнул парень, скривившись.

— Что, так плохо? — усмехнулся Роар.

— Он изучает каждый обоз и кажется я сойду с ума, пока он доделает это, — закатил глаза Элгор. Роар рассмеялся, потому что Тёрк умел быть невыносимо дотошным. — Что? Я состариться успею, а мне ещё дом в Зарну собирать. За десять, десять, Роар, дней! Он шутит?

— Он никогда не шутит, — ответил митар, на деле разделяя нервозность младшего брата и понимая, что Рэтар приказал сделать практически невозможное. Потом нахмурился, увидев у Элгора распухшую губу. — Что у тебя с губой опять? Кто там у тебя такой кусачий?

— Завидуешь? — приподнял бровь бронар.

— Пфф, — фыркнул Роар. — Просто думал, что ты ещё в прошлый раз с этим разобрался.

— Зачем? — Элгор облокотился на край стола. — Люблю девок с характером. Это у тебя кроткие в цене, а мне дерзкие больше по душе.

— Ага, — ухмыльнулся старший брат.

— Ладно, — вздохнул парень и потянулся, — пойду, а то Тёрк небось, как обычно, влил в себя пару-тройку плошек похлёбки, вот и весь обед. Вообще не понимаю, как такой орт, как он, так быстро жрать умудряется.

— Ты сам-то поел? — спросил митар.

— Не хочется, — Элгор пожал плечами, а потом ухмыльнулся, — но не переживай, мамушка, если захочу, могу и в селении поесть.

Роар, не среагировав на шутку, кивнул и брат, похлопав его по плечу ушёл, оставив одного.

— Кстати, — он заглянул обратно, — а что там у Рэтара-то происходит? Тишина, как в гробнице древних магов.

— Не знаю, — ответил митар.

— А ведьма-то точно жива?

— Жива, — ответил Роар брату, тот правда никак не отреагировал, может разве что пожал плечами, а потом всё-таки ушёл.

Хэла была жива. Это было наверное единственным, что радовало. Хотя вот то, что она так долго находится с фераном, конечно тревожило.

Впрочем... во-первых, магическое лечение всегда по-разному влияло на людей и кто-то сразу мог идти в бой, а кто-то не дружил с головой и телом некоторое время, пытаясь побороть слабость. К тому же Хэла была ведьмой и внутри у неё было много магии, колдовства, другого вида, не такого как у магов, и это вполне возможно могло стать причиной определённых последствий, например, магической лихорадки или пустого сна.

А во-вторых, Роар видел, что тан был на грани, когда чёрная ведьма лежала при смерти, когда держал небесную нить, когда говорил о том, что не заметил её отсутствия... Рэтар был на грани.

Митар видел, что феран изводит себя влечением к Хэле. И Роар позволял себе шутить над таном и подничивать его этим, но не думал, что всё так серьёзно. Просто увлечение, но, рваш, как же глупо — это же был Рэтар... у него не могло быть просто увлечений. И как Роар мог не заметить, насколько всё далеко зашло?

Но Хэла действительно была невероятной, сам митар наверное позволил бы себе сойти с ума рядом с ней, от неё можно было потеряться. Просто она держала расстояние, и сам Роар не позволил бы себе его преодолеть.

Но Рэтар мог, особенно если перестал бы себя контролировать, он преодолел бы любое

расстояние и любое препятствие и, боги... наверное, если бы это была не Хэла, то можно было бы переживать. Но, чтоб Роара задрали хараги, эта женщина явно была способна остановить того, кого обычно нельзя было остановить.

И даже если митара волновали последствия того, что сейчас происходило в комнате ферана, то он никогда никак это не прокомментирует. Кто он такой, чтобы в это лезть? И он был ей должен — Хэла спасла его жизнь.

В голове всё всплывал её взгляд полный отчаяния и сожаления. Глаза полные слёз. Ей было жаль, как она сделала это... и Роар провёл долгое время в рассуждениях о том, что же было не так.

Ведь она не сожалела о том, что его спасла? Мужчина знал, что Хэла отдала бы за него жизнь, как отдала бы жизнь за многих здесь. Это он знал. Но что же тогда её мучило?

Ему так хотелось с ней поговорить, так хотелось спросить... и Роар осознал, что ему не хватает просто разговоров с ней, не хватает её песен весёлых, грустных и, рвущих, поучительных.

Он вспомнил, как Хэла пела песню про птицу и ведь была права — ему нельзя было трогать ту самую, задевающую за живое, птицу. Надо было оставить её, не надо было... а он поймал и сломал. И теперь ему даже в глаза ей было страшно посмотреть. И потому что зол был до сих пор и потому что сердце выло от тоски.

— Достопочтенный митар, — на пороге замялся один из стражников. — Там Мирган прислал послание из Шер-Аштар, говорит, что ждёт от вас распределения. Что ему передать?

Роар вздохнул — тяжёлые мысли могли мучить до бессознательного состояния, а вот работу надо было выполнять.

Тёрк был прав, когда высказал ему про распущенность командиров. Это была обязанность митара, а Роар и здесь оплошал. И оплошность эта чуть не стоила жизни Хэлы и митара передёргивало каждый раз, когда он думал об этом.

В отряде Карда всегда всё было хорошо. Это был не самый слабый отряд ферната Изарии, боевой, командование состояло из матёрых вояк, которые прошли не одну войну. И тут такое! И если допустить, что со Стиргом было всё понятно, то от Карда ожидать такого митар никак не мог. Да и как бы Тёрк не плевался — он тоже не мог. И Рэтар тоже не ожидал.

А главное, отчего разбирала ярость, так это то, что Хэла не была злой. За что с ней так жестоко? Да, у неё были свои принципы — она стояла горой за серых, считала, что мужчина не может себе позволить обидеть женщину, пусть и была часто груба, слишком откровенна в высказываниях, злилась на несправедливость, на положение серых, но никогда, ни разу не колдовала просто так, просто потому что ей хотелось сделать кому-то плохо. В отличии от предыдущей.

И ведь все эти воины помнили старую чёрную ведьму. Многие из них получали от неё ещё будучи мальчишками, и ненавидели люто, боялись, и её точно бы бросили умирать без помощи, потому что вот кто заслуживал за свою черноту безразличия. Но Хэла...

Роар приходил в ярость и просто не понимал, как мог Кард не заметить её имени в отчёте? Пусть доверился Стиргу, пусть решил, что феран избавился от ведьмы, отправив куда подальше, но приказа не было, как можно было не сообщить, не уточнить?

Это была не просто глупость со стороны Карда. Это было прямое оскорбление ферана, и то, что Рэтар всего лишь снял с него регалии, было весьма мягким наказанием. Хотя выбор

остаться в Шер-Ашгар простым воином или отправится в Хар-Хаган младшим командиром — весьма непростой выбор, но равнозначно плохой.

В первом случае это была верная смерть. Шер-Ашгар находился в злом месте. Там нападали и шальные и приходящие с моря боевые корабли с наёмниками, среди которых были маги. Прорвать оборону самого Шер-Ашгар было очень сложно, но потери людьми там были всегда очень внушительные и конечно выжить тем, кто был там постоянно практически не представлялось возможным.

Но и про Хар-Хаган говорить не стоило. Младший командир это чуть лучше, чем простой воин. А кто простой воин в Хар-Хаган? Шальные люди. Впрочем условия в Хар-Хаган были тоже шальные — там всегда было холодно или очень холодно. И может и не защищали бы там ту часть границы, потому что горы сами могли уничтожить любого, кто решил бы их преодолеть и напасть на Изарию, но там в горах добывали тонг, один из самых прочных металлов.

Хар-Хаган был не просто одним из пограничных оплотов, это была защита поселения рудокопов. Те трудились добывая тонг в нечеловеческих условиях, но труд их всегда был востребован и оплачивался очень высоко, поэтому желающих заработать на жизнь, если не себе, так семье, всегда было с избытком.

Что до воинов, то по началу туда отправляли отряды, как и в другие заставы, но в итоге один из предыдущих феранов решил, что нечего вешать шальных и рубить им головы, что пусть лучше они служат в Хар-Хаган, защищая там границу и поселения добытчиков руды. А чтобы не убежали, их клеймили связующим с Хар-Хаган заклинанием, и это не давало им возможность не только убежать, но вообще по сути уйти за стены Хар-Хаган.

Однажды это даже привело к трагедии, когда сошла лавина и все шальные, что были внутри крепости, погибли, потому что не смогли спастись, выбежав за пределы стен оплота. Но кому интересна судьба тех, кто в прошлом грабил, насиловал и убивал?

Расформировывать отряд Карда было сложно, но необходимо, и митар это понимал. Особенно после того, что произошло с Хэлой и уж тем более после наказания Стирга.

— Скажи, что сегодня до захода Тэраф передам, — ответил он воину.

— Да, почтенный митар.

— И ещё отправь кого уточнить, отправился ли отряд из Картары в сторону Шер-Ашгар, — приказал Роар.

— Да, почтенный митар.

Стражник ушёл, а он постарался наконец вернуться к тому, что так необходимо было сделать, но чего делать так не хотелось.

— И как оно? — в дверях появился Гир.

— Никак, — вздохнул Роар, изучая списки с именами воинов. — А у тебя что?

— Шерга достал, — фыркнул недовольно Гир и уселся на стул рядом, повёл головой, вытянул ноги.

— Держись, — ухмыльнулся митар своему первому командиру.

— Только скажи за что, — отозвался недовольный Гир. — Он ведёт себя, словно это он командир, а не я. Он не снял регалии первого командира отряда ферана, не сменил куртку. Просто нет слов — ещё немного и я его вскрою.

Роар с сочувствием повёл головой.

— Думаешь надолго это? — спросил первый командир его отряда.

— Не знаю, спроси Рэтара.

Гир рыкнул.

— Очень смешно. Меня он за это отправит воином в Шер-Ашгар?

— Да, брось, — усмехнулся митар.

— Не, надо было вместе с Шерга обозы проверять, — с горечью проговорил Гир, потом перевёл взгляд на списки. — Чего ты с ними мучаешься? Отправь на границу подальше и дело с концом.

— Да меня знаешь как выводит из себя всё произошедшее? — закусил челюсть Роар. — Вот наткнулся на имя командира, который мне говорил, что Хэла никак помереть не может, крепкая оказалась... и мне хочется убивать.

— Так этого домой отправь, — ответил на это Гир. — Откуда он?

— Селение на границе Хэжени, — проговорил митар.

— Отлично. Вернётся без регалий, без средств, землю возделывать будет.

Митар глянул на своего командира.

— Вот, — кивнул Гир, ухмыляясь. — Не будет. Правильно! Потому что пока там вырастет чего, он с голоду помрёт. А если у него семья там, так и они с ним. И?

— Он пойдёт в шальные, — проговорил Роар, понимая к чему клонил его командир и тан.

— Так что возьми себя в руки и отправь его в Ханот простым воином, он там с тоски вззоет через лунь, а средств полученных там хватит только, чтобы семья здесь не померла, но ему сверху и не надо. Его фернат кормит.

— Просто у тебя всё, Гир, — невесело буркнул митар.

— Роар, потому что всё просто, — ответил тан.

— Они просто бросили её раненую в грязь...

— Роар, — Гир недовольно выдохнул, сел как положено, наклонился к митару, — ты не понимаешь?

— Тебе тоже всё равно?

— Нет, — возразил командир. — Если бы был на твоём месте, понятия не имею, как бы себя повёл. Потому что я тоже хорошо отношусь к Хэле. Но слушай, мы и они... не ровняй — мужика простого из селения на границе Изарии и тебя, или, хорошо, меня. Я вырос в доме, я серых выдел каждый день, я отношусь к ним, как к просто людям, а для всех этих свободных простых — они нелядь, хуже нежити. А тут чёрная ведьма! Да ты должен быть удивлён, что они её к мёртвым перенесли, а не оставили в том месте, где она раненая упала.

Роар нахмурился, со злостью стиснул зубы и сжал кулаки.

— Хочешь поменяться? — предложил Гир. — Я распределением займусь, а ты в поля с патрулями вместо меня?

— Хочешь, чтобы я прибил Шерга? — спросил Роар, ухмыляясь.

— Тебе за это ничего не будет, — кивнул первый командир отряда митара и встал. — Пойду, найду за что подержаться.

— Не перетрудишься, — сказал в спину Гиру митар.

К заходу Тэраф, передав распоряжения о распределении в Шер-Ашгар, Роар наконец спустился вниз, где заглянул к Мите. Та, увидев его, всплеснула руками:

— Ты не ел, мальчик?

— Мита, — он улыбнулся, качнув головой, стоя прислонившись к дверному косяку.

— Что? Ну-ка, садись! — нахмурилась она и указала на место за столом. — А то один не ест, второй не ест, третий! Вы меня извести пытаетесь, детки?

— Детки? — переспросил митар, садясь за стол.

— А то, кто ж ты мне? — возмутилась Мита. — Или братец твой, грубиян?

— Мы с Элгором ладно, но феран? — Роар повёл головой. — Ты тут поаккуратнее будь, мамушка.

Он принял еду, потому что уж лучше было поесть, чем не сделать этого, иначе Мита становилась совершенно невыносимой.

— А что? — подбоченилась женщина. — Феран, ни феран, а заботится о нём тоже кому-то надо, а то как выброшенная корка, боги храните.

— Так уж и корка? — ухмыльнулся Роар.

— Он когда последний раз ел? Ты знаешь? — спросила она и митар отрицательно качнул головой. — Вот и я не знаю. А сколько он уже там сидит, с Хэлой-то? И жива она вообще? Ты хоть проверял? Всем дела что ли нет?

Стряпуха всхлипнула и уселась на скамью.

— Да жива она, он сам сказал, — ответил Роар, оторвав кусок лепёшки.

— А чего они там сидят? — шепнула она.

— Мита, ну какое тебе дело? — пожал плечами митар.

— А вот как бы дурного не вышло!

— Дурного — это чего? — фыркнул Роар и принялся за еду.

— Как чего? — возмутилась Мита. — Хэла несмотря на то, что ведьма, женщина красивая, да и серые вон сколько раз говорили, что Рэтара к ней тянет. Что там у них случится может?

Роар чуть не поперхнулся.

— И хотя феран у нас умеет держать себя в руках, но не каменный же он? — покачала головой женщина.

— Мита, — митар усмехнулся, уставившись на неё. — И что?

— Как что, мальчик? — нахмурилась возмущённо стряпуха. — Мужчина, тем более феран, и чёрная ведьма — это против закона!

— Какого закона? — удивился он. — И какое тебе дело до этого?

— Роар, — она была недовольна, повела головой. — И тебе, тебе-то точно должно быть дело, потому что это запрещено, да и вдруг захворает он? Что делать тогда будем?

— Во-первых, — ответил Роар, — ты не знаешь, что там происходит, а во-вторых, это же Хэла! Ты же дружишь с ней, ты же знаешь, что она добрая! С чего Рэтару захворать от близости с ней, если уж такое случится?

— Чу, мальчик! Хэла может и добрая, — отрезала Мита. — Но она чёрная ведьма, этого не изменить.

— Мита? — он уставился на женщину и поверить не мог, что слышит что-то подобное. — Ты только не смей такое сказать ферану, ясно?

— А чего это?

— Потому что, Мита, это не твоё дело, — проговорил он жёстко. — Не тебе ферану указывать. Надо было наверное Хэле умереть? Ты расстроена, что она жива? Или что Хэла мне жизнь спасла?

— Боги с тобой, сыночек, я просто... — на глаза женщины навернулись слёзы. — Я люблю Рэтара, поэтому переживаю. Хэла мне дорога, и благодарности ей, что тебя от смерти отбила... но вы же мои! Дороже нет никого! Ясно? И никому я не желала смерти.

Она расплакалась. А митар тяжело вздохнул.

— Ну-ну, перестань! — смягчился он, обнимая женщину. — Просто не бросайся такими словами, ты знаешь, что ферану указывать нельзя, даже если ты его знаешь так давно.

Стряпуха что-то ещё всхлипнула, постепенно успокаиваясь, а внутри Роара появилась тревога. Если от воинов можно было ждать непонимания или какой-то мужицкой тупости что ли, то уж от Миты... от Миты, которая любила Хэлу, ему казалось, что действительно любила...

Плохо проспав ночь, Роар проснулся потому что услышал пение Хэлы. Но одевшись и выйдя в коридор он увидел, что там полностью пусто, потому что было утреннее время, когда сменялась стража и некоторые из воинов разминались со старшими командирами или с бронаром, митаром или фераном.

Роар вышел во двор. Было холодно, потому что две ночи подряд шёл ледяной дождь и сейчас воздух был полон этой пронизывающей легкие ледяными иглами свежести. Хараги Хэлы даже не подняли на него свои морды, повели ушами и снова потеряв к нему интерес.

В огороженной для тренировок площадке Гир беспощадно гонял Брока. Парень был неплох, он отбивался от первого командира отряда митара изо всех сил, а Тёрк, периодически показывающийся из крытых загонов для тоор подначивал обоих. На мгновение показалось, что всё как всегда, а потом кольнуло, что не как всегда...

— И чего ты замер? — голос Рэтара вывел его из состояния забытья.

Роар обернулся в удивлении и пропустил удар меча тана, который плашмя ударил митара ниже спины.

— А?

— Не зевай, — улыбнулся феран и перепрыгнул через ограждения на площадку. — Хорош, Гир, засранец, парня гонять!

С этими словами Рэтара встал напротив Гира, отеснив Брока, который хоть и сделал вид, что возмущён поведением ферана, но видно, что был рад возможности отдохнуть.

Младший брат Рэтара ухмыльнулся. Гир был хорошим мечником, хотя конечно ферану тут равных не было, а главное, что его тренировочные бои всегда заканчивались сразу же после начала, потому что вот чего он не любил, так это выпячивать своё мастерство, но бывали исключения, когда он был в хорошем расположении духа и принимал игру соперника, а тогда у него очень многому можно было поучиться. И сегодня был такой раз.

Гир вошёл в раж, Брок уставился на сражающихся во все глаза, да что там, сам Роар старался не упустить ни одного приёма или выпада. В конечном итоге Гир вымотался и сдался и митар принял вызов, но прежде чем он обнажил свой меч, всё во дворе пришло в невообразимое движение.

Сначала взвыли хараги. Мужчины разом обернулись на них, и увидели Хэлу, которая стояла посреди двора, а одна из её зверюг, перепрыгнув через ограждение загона, стояла, облизывая её лицо и тыкаясь мордой в шею, на задних лапах, положив передние Хэле на плечи. Саму ведьму даже видно не было под этой меховой горой, только её руки, которые обнимали тварь за шею.

Если бы кто сказал Роару, что такое возможно он бы рассмеялся ему в лицо, но вот оно — один из самых лютых хищников вёл себя как фицра или одомашненный курнат. Вторая харага стояла в загоне и опустив голову вниз не шевелилась.

— А этот не нападёт? — с беспокойством спросил Брок, который как и все внимательно и с удивлением наблюдал за этой сценой.

— Нет, — отозвался Рэтара. — Он просто обижен.

— Обижен? — юноша с сомнением уставился на ферана. — Это же харага.

— И что? — спросил тот. — Они по-твоему ничего не чувствуют? А это тогда что?

Хэла подошла к стоящему в загоне второму зверю и села перед ним на колени. Склонив голову на бок, она что-то ему сказала, зверь повёл ухом, что-то проурчал, его брат тыкнулся в Хэлу мордой, потом перебрал лапами и в конечном итоге видимо перебарывая своё возбуждение лёг рядом в ожидании.

Это было так странно, для всех них. Вот что в Хэле восхищало этих мужиков — человек говорящий с хищником, встречу с которым любой из них предпочтёт избежать. Харага мотнула мордой, потом хвостом и сделав шаг уткнулась в Хэлу носом, а потом, дав ей себя обнять, положила голову ей на плечо.

— Роар, сейчас ещё раз под зад влетит, — отозвался Рэтар.

— Да хорош, — взвился Роар.

Хэла прошла в сторону выхода, чтобы выгулять своих, как она говорила, “деток”, и Роар вспомнил, как детками его, Элгора, и боги не спасут, Рэтара, называет Мита. И тут все дёрнулись от совершенно невообразимого возгласа Тёрка.

— Хэла, чтоб меня, старого, хотры забрали, Хэла! Ведьмочка моя, — он не вышел из загона, он сгрёб чёрную ведьму прямо через перекладыны, прижав к себе и бурча что-то ей в плечо.

— Как харага прям, — прокомментировал ухмыляясь Гир.

— Так она нас так и называет обычно, — отозвался Роар.

Рэтар, глядя на это, издал какой-то странный, едва различимый звук, похожий не то на хрип, не то на рычание, но это услышал только митар, потому что стоял ближе всех.

Тёрк причитал, что Хэле надо его пощадить, потому что сердце у него чуть не остановилось, и ещё раз такое — и он не переживёт. На что ведьма, рассмеявшись таким привычным и наверное действительно любимым Роаром смехом, ответила, что сердцу Тёрка позавидуют молодые, а ещё заметила, что уж коли он так расстроен её “почти смертью” и другой не хочет, то можно было её отпустить, а то он её к “чертям” задавит.

— Мне вон сразу от ферана прилетит, — кивнул в сторону площадки Тёрк. — Он знаешь на какое расстояние меч может метнуть?

— Тогда хватит калечить меня, братец, и нервировать ферана, — отозвалась Хэла покачав головой, якобы с осуждением.

На что Тёрк рассмеялся, отпустил её и поцеловав в макушку, полный вызова глянул на Рэтара. Роар почувствовал, как внутри тана колыхнулась ярость, но он всего лишь усмехнулся и расставил руки, в одной из которых был меч, делая вызов Тёрку. Тот довольно ухмыльнулся и вызов принял.

Митар понял, что сегодня ему не повезёт сразиться с Рэтаром, но хоть посмотреть будет на что. У площадки собрались воины и кое-кто из домашних слуг-мужчин, рядом с Броком появился Элгор.

— Сегодня есть на что посмотреть? — спросил брат, когда Роар к нему подошёл. — А то обычно тан нам всем подзатыльников, как детям, развешивает, вот и вся учёба.

— Так мы и от подзатыльников увернуться не можем, — ответил митар, усмехнувшись.

Рэтар и Тёрк были злючими, матёрыми вояками, они знали друг друга как никто не знал. В жизни, в бою — они уже действовали идя на поводу своих чувств, а не какому-то навыку, казалось, что уж у них-то против друг друга не может быть ничего нового, но только казалось.

Тёрк в бою всегда подначивал, он всегда язвил и хватал за живое, а Рэтар был из тех кого сложно задеть, но ещё он был фераном и наверное никому другому не простил всех этих подковырок и попыток вывести его из себя, только своему единокровному старшему брату, который прикрывал его спину с того момента, когда Эарган забрал своего фернита на войну, а сына наложницы поставил ему в хранители.

Хорошо хоть у Тёрка ума хватило Хэлой ферана не задеть, но если бы тут не было столько свидетелей и они бились бы один на один... стало интересно, а смог бы Рэтар удержать себя в руках после этого? Хотя, вышедший из себя, он был намного страшнее, чем держащий в руках.

Тёрк проиграл, но заявил в привычной ему манере, что это всё, потому что не мог же он уделать ферана, в самом деле.

— Что с обозами? — спросил Рэтар, когда все стали расходиться.

— Мы с Элгором всё сделали, — ответил Тёрк, вытаскивая голову из ведра с водой. — Дело за тобой, достопочтенный феран. Как скажешь и мы можем к торговцам идти.

Рэтар кивнул, накинул на себя куртку и спросил:

— Роар, с нами не собираешься?

— Я хотел с Хэлой поговорить, — отозвался митар.

— Успеешь, — сказал Рэтар и кивнул в сторону башен. — Пошли.

Спорить Роар не стал.

— Брок, иди, парень, глянь, где ведьма с её тварями пропала, — приказал Рэтар жёстко.

Юноша хотел что-то сказать, но не решился, впрочем феран на него даже не посмотрел.

— Что бы с ней в окружении её голодных, как хотры тварей ещё случится могло? — буркнул Тёрк.

— Я за твоё сердце переживаю, вдруг и правда остановится? — ответил ему Рэтар.

Старший мужчина рассмеялся, за ним улыбнулся и феран.

— Ты не за моё переживай, а вон за Роара, а то вспороли брюхо, а видно, что прямо по сердцу проехали, — ухмыльнулся старший мужчина, когда они шли в сторону сторожевых башен.

— Отвали от меня, Тёрк, — недовольно повёл головой Роар.

Элгор ухмыльнулся, а митар встретил озадаченный взгляд своего тана. Митар повёл плечом, давая понять, что всё это просто слова и ничего больше, хотя ну кого он обманывает — Тёрк и Рэтар были самыми наблюдательными людьми в их доме. Только один всё время подмеченное в ход пускал, а другой молча копил внутри, но провести их было невозможно.

— Может делом займёмся, а то мне ещё в Зарну дом собирать, — проворчал на все их шутки бронар.

— Зачем ты решил дом в Зарну отправить? — став серьёзным, спросил Тёрк.

— Там безопаснее, — отрезал феран и тон его давал понять, что ничего другого они от него не услышат.

В подземельях под башнями было несмотря ни на что достаточно сухо. Часть шальных, тех что были изарийцами, уже приготовили к тому, чтобы заклеить и отправить в Хар-Хаган, остальные ждали решения корт о выкупах, а если нет — смерти.

Когда мужчины прошли по коридорам подземелья соединяющего две сторожевые башни Трита, то к решёткам в некоторых местах подскочили заключённые и, понимая кто перед ними, стали просить о милости. Но Роар точно знал, что к Рэтару бесполезно взывать с просьбой о милости — своих решений он никогда не менял.

В отдельной камере были торговцы. В основном это были семейные пары, кое-кто из них был с детьми, но в основном взрослые. К ним хорошо относились. В этой части подземелий были какие-то тюки с травой, на которых можно было спать, здесь было суше, чем в других камерах, а ещё были заговоры, потому что именно тут обычно могли бы спрятаться домашние, если бы на Трит напали, поэтому единственное на что могли пожаловаться торговцы это на то, что их держали взаперти.

Но каждый разумный человек должен был понимать почему это произошло — с ними пришли шальные. Да ещё и не два-три воришки, которые почти всегда были при обозах торговцев, а настоящие разбойники, которые могли разграбить и даже уничтожить менее укрепленное, в отличие от Трита, селение. Сейчас все эти люди могли радоваться, даже если феран их просто отпустит, с пустыми обозами, а может и вовсе пешими — это было в его праве, ровно как и убить всех за нападение.

Элгор указал на главного в обозе — это был грузный мужчина, средних лет, седой, с когда-то окладистой бородой, которая теперь больше походила на затертый клубок сухой травы. В него вцепилась мёртвой хваткой темноволосая молодая женщина.

— Только он как-то помоложе выглядел и не таким седым был, — заметил бронар.

— Станешь тут красавцем и не поседеешь, коли сидишь и ждёшь, чтобы тебе голову с плеч снесли, — усмехнулся Тёрк и, зайдя внутрь, вывел мужчину в коридор.

Дальше по проходу были кладовые с запасами: вяленое мясо, сушёные овощи, зерно и мука, бочки с водой и цнелей, а также оружие. Мужчину усадили за стол.

— Как звать? — спросил Тёрк, нависая над ним.

— Моё имя Таол Гнест, — ответил тот, сухим, дрожащим голосом. — Я торговец из Кирта. Мы почти все оттуда.

— Это почтенный феран Изарии Рэтар Горан, — представил Тёрк ферана, который встал к стене напротив торговца.

— Я так и понял, — отозвался мужчина, потом побледнел, разволновался и заикаясь произнёс: — Ох, простите, простите великодушно мою дерзость. Я... я... приветствую вас, почтенный феран Изарии, долгих тиров вам и благополучия вашему дому. Надеюсь на ваше благодушие и справедливость, о которых я так много слышал.

Тёрк фыркнул в бороду.

— Может мне тоже себе шрамень на всю морду занять? — ухмыльнулся он. — Нам тогда путать начнут.

— Я могу тебе помочь, — отозвался Рэтар.

— Почту за честь, — склонился корпусом Тёрк.

— И на какую именно справедливость ты, Таол Гнест, — проговорил феран, — надеешься, после того, как притащил в мой дом пятьдесят два вооружённых шальных человека?

— То, что произошло... почтенный феран, это... это недоразумение, это...

— Недоразумение? — перебил его Рэтар. — Ты считаешь, что почти смертельное ранение моего митара это недоразумение?

Торговец побледнел, ему стало тяжело дышать, он пытался найти слова оправданий и очень, очень старался выдержать тяжёлый взгляд ферана, но не смог.

— Я... позвольте, почтенный феран... — он опустил глаза, невнятно пояснил. — Они напали на нас на границе с Юргом, мы там почти ничего не продали, обоз шёл лесом и, когда мы ещё даже границу не успели пересечь, как они напали. Они приказали нам

двигаться в сторону Каменного тракта и возле Уэта к ним присоединилась ещё одна группа шальных. Мы были напуганы, достопочтенный феран.

Торговец снова обратил на Рэтара взгляд.

— Куда им надо было? — спросил Тёрк.

— Они хотели в Горщ, но я напросился в Трит заехать, сказал, что нас тут ждут, — он глянул на ферана, потом на Тёрка. — Я... чтобы не вызвать подозрений, мне говорили, что в Трите феран, я изначально хотел отправить обозы сюда, до нападения, а когда напали... я надеялся на помощь.

— То есть ты знал, что феран и его люди в Трите, — уточнил старший брат Рэтара, — а шальные нет?

— Никто из них не возражал, — ответил торговец. — Некоторые сказали, что в Трите можно будет пожить.

Тёрк нахмурившись переглянулся с Рэтаром. Впрочем, сказанное смутило и Роара с Элгором.

— Напомню тебе, торгаш, что ложь достопочтенному ферану вполне может караться смертью, а что до твоей дочки, — Тёрк кивнул в сторону камер, — то я вот только с границы, бабу не мял больше двух луней, развлекусь на славу.

Мужчина поднял на него полные ужаса глаза, он был готов расплакаться и практически терял сознание.

— А с чего мы должны ему верить, что торговцы были в Юрге, — отозвался Элгор. — И что сам он из Кирта?

— Да, не особо похож, а дочка и подавно на киртийку не тянет. Больше на изарийку, — кивнул Тёрк.

— Моя... моя... супруга, её мать была отсюда, — прошептал торговец.

— Откуда? — спросил старший брат ферана.

— Из Изарии, она была изарийкой...

— Откуда именно? — потребовал уточнения Рэтар.

— Из Хилда.

— Хилд большой, — покачал головой феран. — Точнее.

— Или ты не знаешь, где супруга родилась, и как её отца звали? — Тёрк не сдавал и давил мужчину. — Ты её на дороге нашёл?

— Нет, нет... — торговец покачал головой. — Из Хилда, из селения Изрит.

— Как имя по отцу? — спросил феран.

— Орита, её звали Миая Орита.

Рэтар одобрительно повёл головой.

Вот этому Роар всегда поражался — памяти тана. Он знал все названия селений в Изарии, даже таких, где было не больше пяти дворов, и их порой не было на карте, а ещё знал какие, где были имена. Сам Роар конечно не слышал ни про какой Изрит, и уж тем более не знал какие там живут люди и какие имена они могли бы носить.

— И я могу доказать, что мы были в Юрге, — просветлел торговец. — Достопочтенный митар Юрга, когда мы были в Юторге, купил у меня хилдский кинжал.

Тёрк снова посмотрел на Рэтара, а тот глянул на Элгора. Бронар понимающе кивнул и ушёл.

— Хорошо, — сказал феран. — Допускаю, что ты не лжёшь. Молись, чтобы митар Юрга вспомнил тебя и кинжал. Если вспомнит, то мы заберём часть товаров из обозов и отпустим

вас, проводя в сторону границы ферната Хэжени.

— А если не вспомнит? — прошептал торговец в спину уходящего ферана.

— А если не вспомнит, то у тебя не будет головы, а у меня будет добротная бабёнка, потому как дочка у тебя, что надо, — проговорил на ухо мужчине Тёрк, поднимая его под руку, и повёл обратно в камеру.

Роар догнал Рэтара на выходе из башен, за ними вышел Тёрк. Он был взвинчен и зол.

— Это что за, что вообще происходит?

— Давай потом обсудим, — отозвался Рэтар.

Вид у ферана был суровый, он снова вернулся к своему обычному состоянию, стал напряжённым и задумчивым. И Тёрк и Роар отлично понимали это состояние. Они вдохнули морозный воздух, в ворота влетала одна из хараг Хэлы, следом шёл Брок и сама смеющаяся ведьма.

— А ещё те, которые лечат ноги... при чём там прям несколько врачей, — смеялась она.

— Это вообще не естественно, — возразил Брок.

— Очень по-мужски, — кивнула она.

— С чего вдруг? — удивился парень.

— Ну потому что мужики вечно кричат, что врачи — фигня, — фыркнула Хэла. — А вот моя бабка, матэ по-вашему, которая врачей видела чаще, чем своих родных, своего мужа и сына пережила и умерла, когда ей было восемьдесят три!

— Сколько? — Брок опешил.

— Восемьдесят три. Это в четыре раза больше чем тебе сейчас, дружок!

— Ты представляешь, Тёрк, — паренёк повернулся к мужчинам. — У них в мире есть лекари на каждую часть тела и то, что внутри тоже. Это же надо столько о болячках думать.

— Зато вон живут по сколько, — гоготнул он.

— Думаешь? А может поэтому и Хэла тут, — сказал Брок, а она приподняла вопросительно бровь. — У тебя матэ может ведьмой была, потому и жила столько тиров.

На мгновение мужчины замерли. Роар явно ощутил, как Рэтар сжался, как обычно готовятся к прыжку перед атакой, Тёрк замер с ухмылкой на лице, хотя глаза его потемнели и Роар знал, что это не пророчит мальчишке ничего хорошего. Но Хэла рассмеялась, таким залиvistым и заразительным смехом, что всех сразу отпустило, а что до Брока, он даже не заметил как близко был к тому, чтобы ощутить на себе ярость Тёрка и, что намного страшнее, ферана.

— Ох, мальчик, — повела она головой, смеясь, — ты бы знал как страшна была моя бабка, ей и ведьмой не обязательно было быть, чтобы вокруг неё даже мухи дохли и цветы вяли, а страшна характером она была намного сильнее, чем твой достопочтенный феран. Ты чернее тётки в жизни не видал!

И Хэла развернулась, чтобы уйти.

— Хэла, — остановил её Рэтар. — Что это?

Брок побледнел, а чёрная ведьма замерла, но неохотно развернулась.

— А? — вид у неё был, как у нашкодлившей девчонки.

Роар и Тёрк переглянулись.

— Показывай, — вздохнул феран.

Она тоже вздохнула и вытащила из-под плаща птенца.

— Боги, Хэла, ну что за... ведьма, нельзя тащить в дом всё, что валяется в поле и ещё не померло. А ты? — он посмотрел на Брока.

— Это птенец гвирги, там на берегу гнездо, два умерли, а этот был жив, — ответил Брок. — Наверное течением принесло из-за Зарны.

— Так и надо было оставить там, в гнезде, что ты будешь с ним делать? — он перевёл взгляд на ведьму, повёл рукой. — Как кормить? Это же не харага, которой мяса кусок дай и больше ничего не надо.

Рэтар вроде говорил достаточно привычным тоном, таким как обычно отчитывал их всех, но почему-то Роар не мог отделаться от мысли что они все сейчас наблюдали ссору семейной пары.

Хэла повела плечом, потом сделала шаг, взяла руку ферана, посадила на неё птенца и сказала:

— Вот и неси обратно в гнездо, или просто убей его сам, раз уж на то пошло, — она развернулась и ушла даже не обернувшись.

Какое-то время тан боролся с собой, в недоумении смотря на голого и страшного птенца в своей руке, потом с угрозой и вопросом уставился на Брока.

— И? — рыкнул он.

— И? — Тёрк сложил руки на груди и уставился на Рэтара.

— Что? — раздражение ферана обратилось на старшего брата.

— Тебе жалко что ли? — спросил тот.

— А если он сдохнет? — спросил Рэтар, показывая птенца, который встрепенулся от холода. — Она расстроится.

— А так она счастливая ушла? — спросил Тёрк.

Роар подавил улыбку.

— Разреши, я его попробую выходить? — обратился к ферану Брок.

— Ага, может ты кортой ошибся? Может к скотоделам надо было идти? — ответил мальчику Тёрк.

Юноша насупился, уши и щёки у него горели огнём. Митар рассмеялся, потому что сил наблюдать за этим и пытаться сдержать себя было уже просто невыносимо.

— А ты чего давишься там? — сказал Тёрк, но тоже не сдержался и ухмыльнулся.

— Чем ты собрался его кормить? — спросил Роар у парня.

— Смесью мясной, у лекарей возьму, — буркнул тот. — Это же по сути протёртое мясо, а оно и нужно хищной птице.

— Дело говорит, — кивнул митар тану.

— Держи, — Рэтар сунул птенца в руки Брока. — Но твоих обязанностей это с тебя не снимает.

Брок просиял и прижал к себе гвиргу.

— Да, достопочтенный феран, — сказал юноша в спину ферана.

Тёрк фыркнул, а Роар уходя ободряюще похлопал парня по спине.

Уже когда стало темнеть митар нашёл Хэлу на обычном её месте, сидящую между бойниц. Она смотрела на надвигающиеся со стороны тучи.

— Хэла? — позвал Роар и внутри защемило, потому что он отчаянно хотел с ней поговорить, но одновременно безумно боялся этого разговора.

— А они вот откуда сюда тащатся? — спросила она внезапно.

— А? — не понял вопроса митар.

— Тучи, — пояснила ведьма. — Там откуда они идут, что?

Он посмотрел на темнеющее небо и сгущающиеся тяжёлые тучи несущие с собой

ледяной дождь.

— Там Ринта.

— И там тоже есть такие дожди? — спросила она. — Вот в Зарне так часто не было, а тут прям сил нет.

— В Ринте бывают, но реже чем в Зарне, — пояснил Роар. — У нас говорят, что Ринта собирает тучи, чтобы здесь на нас пролился смертельный дождь.

— Вот как, — вздохнула она.

— Хэла, я хочу поговорить, — сказал митар.

— А я не хочу, Роар, — ответила она и сделала этот привычный жест — повела головой и плечом.

— Хэла, — вздохнул он и ему было отчаянно горько. Словно она стала чужой.

— Нет, — упрямо и, как ему показалось, раздражённо проговорила она. — Мы квиты. Расплатились. Я спасла тебя, ты спас меня. Всё, разошлись. И мне не нужна благодарность ни твоя, ни от Элгора, ни от Рэтара, ни от кого бы то ни было ещё!

Она спрыгнула со своего места и попыталась спуститься, но Роар её не пустил. Он встал так, что лица их были на одном уровне и положив руки Хэле на талию удержал её на месте.

— Пусти меня, милый, — прошептала ведьма, но взгляда на него не подняла. — Я спасла тебя не ради благодарности, просто спасла, потому что ты мне дорог, а не за что-то там...

— Хэла, — он заглянул ей в глаза. — Но это не может не делать меня благодарным. Я что теперь не могу испытывать благодарность, за то, что меня спасла?

— Нет.

— Хорошо, тогда я хочу спросить, это можно? — и Роар начинал паниковать, потому что терять её не хотел, словно она больше не улыбнётся ему, не пошутит, не подденет. От этого становилось горько.

Хэла неуверенно кивнула.

— Я просто, — он пытался найти слова, потому что важно было понять, важно было сделать так, чтобы она всё ещё оставалась для него, он даже не знал кем, может другом? — Почему ты просила у меня прощения, Хэла?

Она помотала головой.

— Ведь не за спасение, — прошептал митар.

— Роар...

— Мне не хватало тебя, Хэла, — он был в отчаянии. — Я не хотел бы, чтобы ты исчезла и я очень рад, что ты жива. Но я не хочу, чтобы ты меня избегала из-за того, что... боги, я не понимаю... что произошло? Точнее, что в этом не так?

Она подняла на митара глаза, влажные от слёз.

— Потому что так нельзя, Роар, — прошептала Хэла. — Понимаешь?

— Нет, не понимаю, — честно ответил митар. — Я очень прошу тебя мне объяснить.

— В моём мире любое принуждение — это насилие, а это, — он нахмурилась, слёзы потекли по щекам. — Я понимаю, что спасала тебя, понимаю, но как мне жаль, что не было другого способа, что мне нужно было делать именно это... и... если бы хотя бы ты дал на это согласие... хотя легче не стало бы.

— Так плохо всё было? — спросил он, потому что это единственное, что в голову пришло.

— Что? — она заморгала.

— Боги, Хэла, ты невероятная, понимаешь? — ответил Роар, улыбаясь. — Надеюсь, что я не сплюшал. Рваш... как бы мне хотелось не быть без сознания!

— Роар! — ведьма нахмурилась, но глаза уже кажется просветлели.

— Что? — он пожал плечами. — У меня больше не будет возможности ощутить ничего подобного с тобой, и это то, о чём действительно стоит горевать.

— Ах, ты...

Роар рассмеялся и притянув Хэлу к себе обнял её. Он и сам до конца не знал, что же в ней такого было, но вот сейчас внутри была какая-то мужская зависть к Рэтару, потому что он этой женщины добился.

— Только Рэтару не говори, а то мне конец, — пробурчал митар ей в плечо, радуясь, что Хэла расслабилась, что с ней можно было вот так просто, что она всё понимала. — Он сегодня чуть не убил Тёрка за то, что обнимал тебя, а уж мне за вот эти слова головы не снести, точно!

— Прямо обязательно пойду расскажу, — улыбнулась ведьма, отстраняясь, но из рук он её не отпустил. — И про то, что сейчас так бессовестно меня тискаешь!

— И вот этого тоже очень не хватало, — митар погладил её щёку, вытирая слёзы.

Хэла была нужной, важной, такой родной. Роару так не хотелось, чтобы её угнетало то, как она его спасла, раз это для неё было чем-то неприемлемым. И как же не хотелось, чтобы она избегала его и не могла смотреть ему в глаза, потому что было уже достаточно, что он сам чувствовал себя разбитым и опустошённым, потому что сделал больно себе и белой ведьме.

— Я очень тебя люблю, Хэла! — улыбнулся Роар. — Я готов отдать за тебя жизнь и ещё сотню раз тебя спасать, но лучше давай без этого, хорошо?

— Только после тебя, — проговорила ведьма.

— У меня навряд ли получится, дав такое обещание, сдержать его, — пожал плечами митар. — Но хорошо, я постараюсь не умирать больше.

— Договорились, я тоже постараюсь, — и Хэла почти невесомо поцеловала его в губы. — Я тебя тоже очень люблю, Роар!

Глава 8

Рэтар никогда не любил эту комнату. Она была для него слишком. Всё в ней было слишком. Отец жил ни в чём себя не стесняя. Он был самовлюблённым засранцем и всё в этой комнате было сделано так, чтобы потешить это его самолюбие.

Кровать. Пфф... огромная для Рэтара, понятно и для отца, но она была сделана не для сна. Сыну было плевать на утеху отца и на то, что именно Эарган Горан делал со своими наложницами, правда точно знал, что матери в этой комнате никогда не было. Гобелены на стенах, шкуры на полу, аж три дивана, низкий стол для работы, сундуки вдоль стен...

Феран поморщился. Ему всегда хватало и спального места в рабочей комнате — благодаря отцу он привык к исключительно походной жизни. Спать на земле, есть то, что едят простые воины, подолгу не бывать дома. Рэтара это никогда не тяготило, он даже ловил себя на мысли, что ему этого не хватает, и он всегда был готов уйти с отрядом даже на границу, с большим удовольствием, потому что не умел иначе. Отец умел, а сын нет.

И так было пока он не призвал себе новую чёрную ведьму.

Это кажется было самой большой ошибкой в жизни Рэтара. Этот призыв стоил ему всей его привычной жизни, потому что с появлением Хэлы всё пошло кувырком. И вот уже отправившись туда, куда он так долго хотел, он не мог думать ни о чём, кроме возвращения.

И да, чутьё никогда его не подводило, и, когда уезжая, он чувствовал эту невыносимую тревогу, надо было послушать себя, как слушал всю жизнь и остаться, не уезжать. Надо было наплевать на приказ великого эла, сделать всё по-своему, сделать так, как говорило ему его нутро. Но он подумал, что это просто упрямство, он подумал, что нужно скорее отступить, потому что зверь внутри был на грани, потому что из-за чувств, что вытаскивала из него Хэла, Рэтар был на краю и готов был сорваться в бездну, окончательно потеряв контроль над собой и своей жизнью.

А в итоге он всё равно упал, всё равно отпустил себя и сейчас внутри было это странное для него новое ощущение обладания. Какое-то дикое и выводящие из себя ещё больше, чем то, предыдущее, когда он так хотел получить, но так боялся сделать это, потому что нельзя, и дело не в запретах на отношения с серыми и уж тем более с чёрными ведьмами, нет.

Дело в том, что ему так не хотелось увидеть в глазах Хэлы разочарование и, ещё страшнее, обречённое согласие. Он боялся этого до льда внутри, потому что она была здесь так недолго, она не могла за это время искоренить в себе тоску по дому, и желание вернуться, несмотря на то, что знала, что это невозможно.

Рэтар так неохотно признавался себе, что не может соперничать с тем её мужчиной, о котором он даже представления не имеет. А внутри был невыносимый зуд — какой он, насколько она любила его, чем он для неё был? И зависть...

Вот чувство, которое Рэтар внутри себя ненавидел до тошноты, чувство, которое для него было равно слабости. Но он завидовал. И своему младшему брату. И своему отцу. Даже танару, которого так сильно любил. Это были яростные, болезненные вспышки, которые он в себе тут же нещадно уничтожал, но отказаться от того, что они его порой душили и изводили он не мог.

И сейчас Рэтар завидовал вот тому мужчине, который был с этой женщиной половину её жизни. Обнимал её, целовал её, был с ней в близости.

От одной мысли внутри начинался ураган, который даже успокоить не хотелось. Потому что, чтоб ему быть сожранным этим ураганом, это обладание дарило ему такое осязаемое телесно и духовно удовлетворение, которого хотелось всё больше и больше.

И эта близость... впервые Рэтар понял своего отца. Он был удивлён сам себе, он, которому всегда было всё равно на это, сейчас просто с ума сходил от того, что происходило между ним и Хэлой. Так остро он никогда не чувствовал никого, теряя голову и контроль, теряя разум.

Проснувшись ночью от грохота ледяного дождя, он испытал животный триумф, почувствовав в своих объятиях эту женщину. Втянув, словно зверь, её запах, и слыша равномерное дыхание, чувствуя телом её тело, и открыв глаза, увидев...

Внутри всё выло, хрипело, скалясь — моё, не отдам, не отпущу. И при этом Рэтар испытывал какой-то невообразимый покой. Только этот момент был важен. И плевать, что его раздирало при этом в клочья.

И начав утро с очередного греха, как урчала об их близости Хэла, он уже не понимал, как вообще жил всё это время без неё, как у Рэтара получалось понимать этот мир без этой женщины в нём? Не целуя, не слыша её стонов, или не чувствуя, как она сдерживается, чтобы не разодрать ему спину ногтями, когда в очередной раз снова содрогается под ним. Не тонуть в её замутнённых, таких невероятных глазах...

И потом не видеть её улыбки, не слышать её смеха и её шуток, которые доводили его, потому что ни от одной женщины он бы никогда такого не мог слышать. Или её едва

уловимого пения под нос, пока она одевается, а потом невесомый поцелуй куда-то между его лопаток и Рэтар не успел её поймать, как Хэла выскользнула за дверь, оставив его одного с совершенно пустой головой и идиотской улыбкой на лице.

Ему давно не дышалось так легко.

А потом ударило... ревность.

Рэтар себя еле сдерживал, чтобы не затащить Хэлу обратно в комнату и не выпускать вообще.

Хараги эти её, взвинченный Роар со своими проблемами или, чтоб ему, Тёрк с этими его объятиями, специально выводил его из себя, хотя внутри шёпот разума и пытался донести понимание, что Тёрк безумно переживал за Хэлу, что... Но старший брат тоже её хотел. И пусть хотры утащат Рэтара за грань, если он этого загривком не чувствовал. Они все сжирали Хэлу взглядами и мыслями — Тёрк, Гир, Роар...

И внутри снова начало выть и биться, но так было нельзя, надо было брать себя в руки, нельзя было сходить с ума. А потом ведьма на него посмотрела — всего один взгляд, совсем немного, и осознание, что Хэла принадлежит ему, и ночью она будет его, и никуда не денется, потому что он отвоевал, он забрал себе, сделал своей и, боги свидетели, ни у кого и не получится её у него забрать.

И наверное на этой мысли можно было бы прожить до того самого момента, когда она к нему вернётся, если не всё это дерьмо с шальными и торговцами. И этот проклятый птенец...

— Ты же понимаешь, что это какое-то мутное рвашное варево, да? — Тёрк взвился, как только они трое зашли в рабочий кабинет ферана.

— Понимаю, — кивнул Рэтар.

— Откуда? — не унимался старший брат. — Вот они два тира изводили селения мелкими нападениями по всей Изарии, и вот это практически сформированный военный отряд, который решил напасть не на что-то там, а на, чтоб их всех порвало, Трит! А собирались в Горш?

— Я не верю, что они не знали, что здесь весь дом Горан, — отозвался Роар.

В комнату зашёл Элгор.

— И? — нахмурился Тёрк, глядя на парня.

— Я говорил, что митар Юрга мне не нравится? — спросил Элгор, который был мрачнее, чем обычно.

— Нет, не говорил, — ухмыльнулся в бороду Роар.

— Так вот — не нравится. Вообще отвратительно таких соседей иметь, знаете ли, — бронар сел. — Но Кейг Илста помнит торговцев и даже кинжал мне показал. Действительно хилдский.

— Значит, не соврал торговец, — отозвался митар и перевёл взгляд на ферана.

— Ничего это не значит, — сказал он.

— А может, пусть Хэла залезет в голову одного из шальных и узнаем всё? — предложил младший тан.

Рэтар и Тёрк уставились на юношу с нескрываемым гневом. Роар нахмурился.

— Что? — переглянувшись со старшими мужчинами, Элгор вжался в кресло. — Или пусть не к шальному, а к торговцу этому тогда. В чём проблема-то? Она же может и мы все это знаем.

— Нет, — отрезал Рэтар, пытаясь унять злость на Элгора.

Рано он выпустил Хэлу.

— Да как хотите, — фыркнул Элгор. — Носитесь со своей ведьмой чёрной, как с нитью небесной.

— Эта “нить” брата твоего спасла, — рыкнул Тёрк.

— А ещё у наложницы моей ребёнка забрала, — зло взвился парень, — так что...

— Хватит, — отрезал Рэтар, прерывая одного тана и опережая другого. — Ведьма это сделала по моему приказу. Хочешь злиться — злись на меня. Больше об этом слышать ничего не хочу, ясно?

Элгор ошарашено уставился на ферана и даже хотел что-то сказать, но подавил в себе это желание. Роар тоже решил промолчать.

— Если с этим разобрались, — проговорил феран, — то я хочу получить все отчёты о нападении в фернате за последние два тира.

— Это очень много, — отозвался Роар.

— Ничего. Справлюсь.

Митар и бронар кивнули и вышли.

— Я помогу, — сказал Тёрк. — Судя по всему твою дверь сегодня подпираю я, так что сяду здесь, если ты не против, и разгребу всё.

— Половину, — отрезал Рэтар.

— Хорошо, — согласно повёл головой брат.

— И отпусти торговцев, — подумав, решил Рэтар. — Скажи Гиру, чтобы он снарядил группу проводить их до Кэрома, а ты, найди кого-то из разведки пусть за ними проследят от Кэрома до границы.

— Сделаю, достопочтенный феран, — и Тёрк кивнул в почтении и уже хотел выйти, но потом остановился и обернулся. — С утра... я давно тебя таким не видел.

— Каким? — буркнул Рэтар, уставившись в окно.

— Живым, — ответил брат, а феран ухмыльнулся.

— Давно или никогда?

Тёрк тоже ухмыльнулся:

— Чуть до смерти меня не загонял.

— Так уж и до смерти? — феран тоже ухмыльнулся.

— Знаешь, ты поаккуратнее будь, Рэтар, — Тёрк стал серьёзным. — Они ведь её утопят, если упустишь.

— Они? — он нахмурился и посмотрел на брата.

— Люди, — пояснил тот.

— Кто попытается — разорву, — ответил Рэтар.

— А ты уверен, что узнаешь? — сказал брат и феран развернулся к нему. — Это же Хэла, Рэтар, она не будет жаловаться, ей будет плохо, больно, а она улыбаться будет и говорить, что всё хорошо.

Они постояли в напряжённой тишине, а потом Тёрк нарушил молчание и сказал:

— Я тебе скажу вот что, скажу не как своему ферану, а своему младшему брату, уж никогда не было такого, — и он развёл руками, — а сейчас надо... Я тебя уважаю, Рэтар, жизни за тебя не пожалею, знаю, какой ты. Но я также понимаю, что бывает, когда накатывает на нас — мы живые, порой тяжко бороться с чувствами, порой до смерти надо человека рядом.

И Тёрк вздохнул.

— Но если это просто голову снесло тебе, если ты просто не смог себя в руках удержать, то остановись сейчас, не иди дальше. — он нахмурился. — Потому что они её будут топить, не со зла, но будут, и держаться она на плаву будет только из-за тебя. И если ты отступишь, и если она утонет из-за этого, я перегрызу тебе глотку, Рэтар. За Хэлу — перегрызу.

— Перегрызёшь, — согласился феран, выдерживая тяжёлый взгляд Тёрка.

Тот ничего больше не сказал, снова кивнул, положив правую руку с сжатым кулаком к груди и выйдя, оставляя ферана одного.

И сейчас, сидя в тишине комнаты, обложившись сообщениями о нападениях на селения и прислушиваясь к шагам в коридоре, Рэтар искренне пытался понять сможет ли он остановиться. Сейчас. Отступить. Снова и насовсем. Вырубить в себе это чувство к ведьме выжечь, уничтожить, затоптать... только как можно уже затоптать то, что горит таким пожаром, что даже подойти и залить водой нельзя, не то что затоптать.

Он сидит и слушает, слушает шорохи и шаги, и отчаянно боится, что Хэла не придёт, потому что обиделась из-за птицы.

Рэтар сжирал себя — и чего он вообще взвился из-за этого проклятого птенца гвирги? Да выхаживала бы она его и что? Он сам не понял, что с ним случилось. Ревность к Броку? Смешно же? До чего дошло? Может и правда лучше не продолжать? Может вот прямо сейчас остановить всё это и Тёрк прав?

Но он уже не может унять себя, когда внутри всё скручивает от тоски и так хочется почувствовать её снова и снова, словно в бреду, словно он сам не свой, а может свой, может сейчас он наконец может быть самим собой, не сдерживая себя и не пытаясь брать под контроль то, что есть внутри и с чем он всю жизнь борется?

— Я думал ты обиделась и не придёшь, — сказал он тихо, когда Хэла всё-таки пришла.

— Обиделась, — ответила ведьма. — Но я не хочу, чтобы ты спал на полу в комнате у серых, я бы пошла спать к харагам, но там снова этот чёртов дождь ваш льдышками, и значит во дворе будет дубак, так что вот.

Рэтар повёл головой. Его предпочли харагам. На самом деле было всё равно — даже если она обиделась и не даст ему к себе подойти, если она просто будет спать в этой комнате, этого уже будет хватать, этого уже будет достаточно, чтобы внутри него был покой.

— Что это? — Хэла облокотилась на спинку дивана, на котором он сидел, указывая на бумаги вокруг.

— Отчёты о нападениях за два последних тира, точнее за один, а за второй у Тёрка, — ответил феран.

— Зачем? — приподняла бровь ведьма.

— Пытаюсь понять, откуда взялись шальные в таком количестве и таким подготовленным отрядом, — Хэла с ним говорила и от этого уже было хорошо.

— ОПГ прям, — буркнула она.

— Что? — Рэтар нахмурился.

— Организованная преступная группировка или ОПГ, — пояснила Хэла. — У меня в стране время было, когда на улицу нельзя было выйти, чтобы на таких вот “шалых” не наткнуться, у нас их “братками” называли.

Феран приподнял бровь.

— В районе, где я жила были одни из самых отбитых. Войны прям на улицах устраивали. Стреляли, машины взрывали, — она вздохнула. — Хочешь, я кому-нибудь из них в голову залезу?

— Нет, — отрезал он слишком резко.

— Почему? — Рэтар и не надеялся кажется, что она решит не спорить, как Элгор.

— Потому что нет, Хэла, — рыкнул он, сам того не желая, но снова вышел из себя, — и дай мне слово, что ты этого делать не будешь?

— Боги, Рэтар, нет так нет, как скажешь, — ведьма повела плечом и развернулась.

— Хэла, — его полоснула злость и досада. Она обернулась. — Прости.

— Ничего.

— Нет, подожди, — Рэтар протянул к ней руку. — Прости. За птицу прости. И она у Брока. И шальные... я не хочу, чтобы ты лезла в головы тех, кто грабил, насиловал и убивал.

Хэла дала ему взять себя за руку и подошла ближе, когда феран потянул её к себе.

— Я попробую разобраться сам, если не получится тогда, — Рэтар вздохнул.

— Я знаю про птицу, — ведьма села на спинку. — И поверь мне, в их головах я не найду что-то, чего хоть раз не видела в своём мире. Увы. И я уже по сути была в их головах, когда выключила их во время нападения, жаль, что ничего не поняла, или скорее была не внимательна, потому что волновалась за Брока и Роара.

— Брока? — феран нахмурился и пытался понять всё, что она ему сейчас сказала.

— Ты не заметил, что у него на щеке и шее повязки? — спросила она.

Рэтар, конечно, заметил, но это было обычным делом — ничего особенного.

— Ему повезло, я очень за него испугалась, — проговорила Хэла. — Включила квочку, не могу иначе... я остановила кровь на расстоянии! А вообще я запаниковала. Надо было аккуратнее. Но я видела, как его огонь затухает, а потом увидела, что с Роаром что-то неладно. Я рванула к нему, а его ранили и меня занесло. Я ведь могла их убить, и мне не по себе от этого.

— Подожди, Хэла, — и Рэтар смотрел на неё, вникая в рассказ, не понимая половины слов, но то, что понимал его напрягало. — Что ты сделала?

— Я их выключила, — повторила она странное слово. Потом вздохнула. — В смысле, я не знаю. Они кажется просто потеряли сознание. Но не все. Кто-то ушёл... прости.

И феран отчаянно пытался сдержаться, чтобы снова не взвиться, не выйти из себя, чтобы не выпустить свою злость на неё, хотя она вообще была не при чём, но он терял себя.

Он упустил столько всего важного?

Рэтар потянулся к ней и, сняв со спинки дивана, усадил к себе на колени, ощутив, что Хэлу потряхивает.

Сколько шальных было в сторожевых башнях? Двадцать шесть? Она “выключила” двадцать шесть человек?

— Я порой не знаю, как это контролировать, — Хэла уткнулась ему в грудь. — Я бы так хотела понять, вот бы учебник какой “пособие для чёрных ведьм”, чтобы объяснили, что к чему, а то всё приходится делать в каких-то экстремальных условиях. Если бы я знала, как быть, мне было бы легче, понимаешь? А иначе я начинаю паниковать, а я ненавижу паниковать... и истерить. Ненавижу это бабское в себе...

Пальцы Хэлы теребили его рубаху, а Рэтар всё пытался понять, что сказать... Кажется вот эти паника и истерика были у него. И он сделал то, что безумно хотел весь день и чего боялся, что не сможет сделать, раз обидел её, обнял — просто крепко прижал к себе.

— Прости, — прошептал феран ей в волосы. — Я сегодня... я не хотел тебя обижать. Но кажется я понял, что я ужасный собственник.

— Ох, жуть, — качнула головой ведьма и посмотрела на него, и в глазах был тот

озорной огонёк, который Рэтар так любил в ней. — Что же делать?

— Даже не знаю, — ответил он. — Для начала простить меня?

— Это просто, — улыбнулась Хэла. — Я не могу долго обижаться на тебя.

— Хорошо, — Рэтар нагнулся и наконец поцеловал её.

— Я никуда не денусь, не надо меня ревновать, — прошептала ведьма ему в губы. —

Ревность — это плохо, достопочтенный феран! Ты же доверяешь мне.

— Тебе да, а остальным нет, — улыбнулся он, а она тихо рассмеялась, уткнувшись ему в грудь.

Внутри стало спокойно и мирно. И только зверь тихо рычал: “моё, не отдам, не отпущу”.

Глава 9

— Значит я упустил, что ты спасла не только Роара, но и Брока? — задумчиво проговорил Рэтар ей в голову.

— Перестань, — Хэла подняла на него глаза и нахмурилась. — Как я могла его не спасти вообще?

— Не знаю, что в нём такого? — спросил феран. — Только то, что он мой сын?

— Он очаровашка, — улыбнулась она, а мужчина недовольно рыкнул. — И не смей ревновать к ребёнку — это слишком!

— Знаю, — Рэтар отвёл взгляд и рассмеялся каким-то странным смехом, от которого внутри у Хэлы стало совсем грустно.

Она нахмурилась.

— Что? — спросил феран, столкнувшись с вопросом в её взгляде.

— Я не буду спрашивать, я всё время спрашиваю всё не к месту и вообще лезу куда не просят, — ответила ведьма и снова уткнулась ему в грудь.

— Спрашивай, Хэла, — подначил он.

— Ты испытываешь тоску и стыд, — ответила женщина. — Почему?

— Ох, ничего не скрыть от этой несносной ведьмы, — вздохнул феран. — И это она ещё внутри меня не ковырялась.

— Прости.

— Нет, ты права.

Рэтар помолчал и Хэла уже подумала, что разговор окончен и совершенно не хотела теревить его, выпытывая в чём именно и почему она была права.

— Его рождение, — но, собравшись с мыслями, феран продолжил, — результат поступка, который чести мне не делает.

Хэла встретила с ним взглядами и увидела столько сожаления, что стало не по себе.

И зачем только вытасила это не поверхность, господи... как будто всего того, что сегодня произошло было не достаточно!

Сначала серые, которые решили её похоронить, и Милка притворяющаяся спящей и бьющая из неё истерика, от которой становилось прям дурно. И Хэла решила, что сейчас не готова пропустить через себя всю её боль, сначала надо было проветрить мозги.

Но во дворе были голодные и обиженные хараги.

Фобос по характеру был открытым балбесом и потому, он просто был рад её видеть, вот как настоящий пёс — ты вернулась и это такое счастье, что другого не надо. А вот Деймос был не таким. Он был настоящим хищником, и он обиделся на неё. Он стоял и смотрел как его брат скачет радостно вокруг неё и был рад, но подойти было тяжело, потому что она его

бросила, она пропала...

Хэла села напротив и тихо прошептала ему слова извинения, она его очень любила и вот совсем не хотелось, чтобы он обижался. Конечно он её простил, вильнул хвостом и даже положил ей на плечо свою морду и для него это было высшим проявлением эмоций.

И тут налетел Тёрк. Она уж думала, что всё, конец — мужчина действительно её любил и она чувствовала это, ещё тогда, когда рыдала в него после спасения Роара. Да что там, знала о чувствах намного раньше. Хотя конечно гнала от себя это, в свойственной шутливой манере. Но он тосковал по ней, и тогда ему было тяжело обнимать её и сдерживаться, желая намного большего, оставаясь в так называемой френд-зоне, но вот теперь его отпустило.

Тёрк уступил Рэтару. И хотя от этого было немного не по себе, но что поделать от бессовестного внутреннего триумфа тупой радости, что досталась сильнейшему — все феминистические зачатки утопились в проруби. Привет предкам из пещеры... И как бы — становилось легче от того, что Тёрку стало легче. И ей так не хотелось терять его, как друга.

Уходя, она посмотрела в сторону Рэтара только для того, чтобы унять его чудище, которое даже на таком расстоянии пыталось сгрести её и ревностно от всех спрятать.

“Какой кошмар! — фыркнула про себя Хэла. — Дожила, мать, до лет, когда уже и не думала, что настолько шороху наведёшь!”

Интересно, а было ли так, когда она была моложе и красивее, вот там в другой жизни кто-то вот так же сильно её когда-нибудь хотел?

Она попыталась себя унять, потому что вот сейчас никак нельзя было давать ему понять, что она очень расстроена, что выбралась из его комнаты, из его постели и из его объятий.

Надо было срочно сваливать в поля, чтобы вернуться в своё обычное состояние — взрослой, независимой женщины, которую обожают все тридцать местных кошек, точнее фицр.

Дойдя до реки, Деймос заволновался, а потом Хэла с грустью увидела, что он обнаружил гнездо с тремя птенцами внутри. Очень удивилась, что он решил ей их показать, а не сожрал нафиг, потому что был чертовски голоден. Может хараги не едят птиц? Один из птенцов был ещё жив.

— Хэла, ты чего там? — Брока видимо послали прикрывать её задницу.

К мальчишке Рэтар не ревнует?

— Гнездо, — ответила Хэла. — Кто это, ты же знаешь?

— Гвирга, — юноша присел возле ведьмы.

— Они гнездятся в холод? — спросила она. — Хищники?

— Да, — кивнул он и глянул в сторону реки. — В Зарне их много. Они живут обычно в скалистой местности. Наверное дождём снесло гнездо с камней.

— И оно приплыло сюда? — нахмурилась Хэла. — Мать их не найдёт уже?

— Нет, далеко, две мирты пути, может одна для полёта гвирги, — парень вздохнул, — но она, даже если искала гнездо, так далеко не залетит. Жаль, конечно.

— А гвирги большие? Я их видела в Зарне?

— Хм, — он забавно почесал свою недельную небритость, — наверное видела. Помнишь, как у Миты однажды птица мяса кусок утащила?

— А, помню, — улыбнулась Хэла, вспоминая смешной случай, который случился, когда она пробыла в Зарне уже пару луней. — Большая достаточно. Что будем делать?

— С чем? — Брок посмотрел на женщину в замешательстве.

— Он жив, — Хэла указала пальцем на птенца, который хоть и был мокрым и замёрзшим, но огонёк жизни в нём пока что горел достаточно уверенно.

Юноша повёл плечами.

— А что можно с этим сделать?

Она внимательно на него посмотрела, практически испытываяюще.

— Нет, — мотнул Брок головой, понимая, на что она намекает. — Мы не сможем его выходить? Как? Его нужно всё время кормить, и мы даже не знаем насколько часто, и как мы будем перетирать ему мясо? Сырое жевать? Да и феран... Хэла, он нас убьёт!

— Почему нас? — спросила ведьма. — Я возьму птенца, ты не при чём.

— Но я здесь, — и она знала, что парнем сын ферана был достаточно принципиальным.

— Откуда ему знать, где ты был, когда я взяла птенца, — сказала ведьма, зная, что несмотря на принципиальность, воспитывался-то Тёрком, а оттого умел гибко мыслить. — Отвернись и дело с концом.

— Он умрёт, Хэла, — покачал головой Брок.

— Ладно, — она обречённо согласилась.

Парнишка встал и развернулся, чтобы уйти, а Хэла, тяжело вздохнув, накрыла ладонью птенца, который почувствовав тепло встрепенулся и начал пищать, пытаясь выпросить еду.

— Что ты делаешь? — Брок обернулся на писк и нахмурился.

— Забираю его жизнь, — ответила Хэла. — Или ты хочешь, чтобы мы оставили его тут, и он умирал в муках от холода, голода, среди трупов двух других птенцов, или ждал, когда его ледяной дождь добьёт? Очень гуманно.

Парень потупил взор, устыдившись. А она перевела взгляд с юноши на птенца и снова накрыла его рукой.

— Подожди, Хэла, не надо, — он вернулся и взял её за руку. — Не убивай, не надо.

Рука у него была тёплая, глаза, хоть и были как у Рэтара, но кажется взгляд их пока не знал той ледяной жестокости, которая была у отца, лицо было полно сочувствия. Только было не понятно — к птице или к самой Хэле, а может к обоим.

— Ты прав, мы не сможем его прокормить, — успокоила его Хэла. — Да и зачем мучить, если не умеем обращаться. Никто не выхаживает здесь птенцов хищных птиц, да и не надо пытаться начинать.

— Хараг тоже никто никогда не выхаживал, а ты смогла, — возразил Брок. — Может и у гвирги будет шанс, Хэла? И я кажется знаю, чем можно попробовать его выкормить.

Она нахмурилась, а парнишка просветлел гордостью:

— У лекарей есть специальная мясная смесь, которой они кормят бойцов, когда те валяются в лекарской, раненые. Я сам такую ел, когда мне однажды челюсть сломали. Она жидкая, её пить можно.

Хэла улыбнулась. Брок действительно был очарователен, она подавила в себе желание обнять и поцеловать его.

— Хорошо, давай, — и ведьма была счастлива попробовать. — Но ферану буду говорить я, ладно?

— Это не правильно, — заметил юноша.

— На меня он не будет злиться, — парировала ведьма.

— Я не боюсь, что он будет злиться, — взвился он.

— Боишься, Брок. Вы все его боитесь, — Хэла улыбнулась и аккуратно взяла в руки птенца. — Я прям доктор Айболит.

— Кто? — спросил парень.

— Это такой герой сказки для детей — доктор, который лечит животных, — пояснила

Хэла. — Приходи к нему лечиться

И корова, и волчица,

И жучок, и червячок,

И медведица!

Всех излечит, исцелит

Добрый доктор Айболит! [1]

— Ужас какой, — нахмурился Брок.

Хэла рассмеялась, понимая, что он ни слова не понял. Птенец услышав её смех и пригревшись стал пищать пуще прежнего.

— Только не говори, что мой смех, как крик его мамыши, — усмехнулась ведьма.

— Не буду, — улыбнулся он и Хэла в очередной раз залюбовалась его ямочками на щеках.

У Рэтара таких не было — это у Брока было от матери.

— Что? — смущённо спросил он, заметив улыбку Хэлы.

— Ничего, — качнула головой женщина.

Брок стушевался и потупил взгляд.

— Ты просто напоминаешь мне о старшем сыне, — ведьма решила его успокоить. — Вы с ним одного возраста. Только характер у него как у Элгора.

— Ох, сочувствую, — искренне отозвался юноша и Хэла снова залилась смехом.

— Да, спасибо.

— Хэла, — он замялся немного. — Я хотел спросить...

— Спрашивай, — они медленно побрели к дому.

— Ты меня заговорила, на площади, во время нападения.

— С чего ты взял? — удивилась Хэла.

— Мне лекарь сказал, что у меня рана странная, словно недолеченная, — ответил Брок. — А Тёрк сказал, что ты меня нашла.

— А, — она задумалась, вспоминая момент на площади. Неужели она его заговорила? — Может быть, но я тебя вместе с Тёрком нашла, и я честно говоря не очень поняла, как так получилось, просто я от тебя тени отгоняла, чтобы ты выжил, может это и было лечением, но я немного в панике была в тот момент. Да и на расстоянии не заговаривала никого ни разу. Но если так, то хорошо, что получилось.

— Я тебе благодарен, — кивнул парень, — и я тебе...

— Нет, стой, — она выставила ладонь вперёд, — ты мне не должен. Хорошо? Не надо, пожалуйста! Просто будь здоров и расти большой, договорились?

— Думаешь, я ещё вырасту? — ухмыльнулся Брок.

— Мужчины до двадцати пяти лет растут, — ответила Хэла.

— Скажешь тоже. Хорошо, что я до этого-то дорос, — отозвался он. — Маме говорили, что я могу и не выжить.

— Почему?

— Я был большой, — ответил он, — и роды были тяжёлые...

— Настоящий Горан, — фыркнула ведьма, а Брок застыл, как вкопанный. Она обернулась и увидела взгляд полный недоумения и даже тревоги. — Что? Только не говори мне, что “ой, откуда ты знаешь, Хэла?” Я знаю, что феран твой отец.

— Тебе Тёрк сказал? — спросил юноша.

— Мне глаза мои сказали, глупый, — она подошла к нему.

— Я просто привык, — стушевался Брок, — что Тёрк всем всегда говорит, что он мой отец. Поэтому...

— Ты на папку похож, страх как, ты сам не видишь, что ли? — спросила Хэла, заглядывая ему в глаза. Юноша только кивнул. — Почему Тёрк так говорит?

— Эмм, во всяких передрягах, чтобы никто не знал, что я сын кого-то знатного, и уж тем более ферана, — ответил парень.

— Я никому не скажу, — серьёзно сказала Хэла, подняла ладонь, словно на библии клялась. Он уставился на неё в удивлении, и она рассмеялась, а птенец вновь запищал.

— Вот снедуг на задницу нашли, — отозвался Брок, качая головой и улыбаясь.

— Снедуг? — ведьма ухватила за слово, которое слышала пару раз, но возможности уточнить у неё не было. — Это что?

Брок залился краской, и явно пожалел, что сказал это, потом пожал плечами и обойдя Хэлу пошёл в сторону дома.

— Брок, — а вот эта реакция была для неё провокационной, — ну, что такое снедуг?

— Хэла, я не могу сказать, такое женщинам не говорят, — ответил юноша.

— А ты мне как ведьме скажи, — Хэла обогнала его и заглянула в лицо, которое сейчас было направлено под ноги.

— Нет, — он упрямо мотнул головой, — не скажу...

— Ладно, — прищурилась она, делая вид, что смирилась. — У Тёрка спрошу или у ферана.

— Не, не надо, прошу тебя, Хэла, — Брок слегка взял её за руку. — Они мне по голове настучат, если узнают, что я при тебе это сказал.

— Так уж и настучат? — спросила ведьма.

— А то, — вздохнул парнишка. — Это... ну, когда долго в седле, и потом болит, там... иногда... рваш... — он почесал затылок и покраснел пуще прежнего.

Хэла фыркнула, остановилась и сев на корточки начала отчаянно смеяться. Ей так не было смешно уже так давно, что кажется и невозможно вспомнить. Вот же, боже... снедуг — это геморой?

— Хэла? — позвал её в недоумении Брок.

— Боги, проктологи были бы в восторге, — выдавила ведьма сквозь смех. — Кажется мне надо составить список местных болячек... ой, не могу, сейчас умру со смеху!

— Кто такие проктологи? — он присел перед ней и выражение его лица стало точь-в-точь, как у Рэтара, когда он слышал от неё странные слова.

И понеслось — Хэла перечислила названия всех врачей, которые вспомнила, чем привела парнишку в невероятное замешательство. Так они дошли до самого замка и в конечном итоге наткнулись на взвинченных Рэтара, Роара и Тёрка, стоящих возле выхода из одной из сторожевых башен.

Брок чуть не вляпался в неприятности, пошутив про её бабушку, Хэла физически ощутила гнев ферана, но шутка была хорошей, потому что бабушка у неё была действительно очень жутковатой. И сказав, что вокруг неё мухи дохли и цветы вяли, Хэла ни разу не покривила душой.

Под шумок хотелось свалить вместе с очень кстати заткнувшимся птенцом, но разве от этого мужика что скроешь? Рэтар её спалил и это было вполне ожидаемо. Конечно она не

собиралась скрывать от него птицу, но хотела сказать наедине, где могла бы справиться с его возмущением, а тут пришлось держать субординацию, а вот этого она не умела и психанула. Хотя безусловно знала, чем в итоге всё закончится, но в тот момент она разозлилась. Она умеет, да!

"Чем, твою мать, тебе помешал почтидохлый птенец какой-то там пусть и хищной птицы? Что такого-то, чёрт? Такую трагедию устроил, кошмар!" — ворчала про себя ведьма, когда, отдав ферану птенца, шла в дом.

Влетев в кухню, она хотела попросить у Миты мяса харагам и налить себе кружку отвара, чтобы успокоится. А в итоге получила порцию какой-то смешанной с неуверенностью радости. Словно Мита и была рада тому, что Хэла жива, но при этом её это угнетало, даже нельзя было понять, что на самом деле.

Но смотреть Хэла не стала. Ни к чему это, да и мало ли, что там у Миты могло случиться? А выйдя обратно к своим чудищам, Хэла наткнулась на рыдающую Найту и списала расстроенное настроение кухарки на печаль её любимицы.

Девочка безутешно плакала, забившись в дальний уголок двора и, увидев ведьму хоть и просветлела, но успокоится у неё не получилось. Из сложных, витиеватых для понимания взрослого, объяснений Хэла выяснила, что плакала кукушечка из-за того, что ранили Роара, Хэла пропала, а главное и самое печальное было то, что горушку, которую серые купили ей на торгах, девочка в суматохе нападения потеряла.

Все эти дни Найта ходила на главную площадь селения, чтобы попробовать её найти. Конечно у неё это не получалось, а оттого она каждый день всё больше и больше расстраивалась и теперь уже была точно уверена, что ничего не сможет найти и горе её было настолько велико, что даже выздоровевший Роар и вернувшаяся Хэла не могли её утешить.

— Не плачь, моя хорошая, я попробую тебе помочь, — ведьма погладила по голове девочку и поцеловала её в макушку.

— Правда, Хэла? — она подняла на женщину свои светло-карие глаза и в них было столько веры и надежды, что хотелось расшибиться, чтобы найти эту самую горушку, хотя Хэла вообще понятия не имела, что это было.

— Правда, — она улыбнулась и девочка просияла. — Какая она была?

— Сирзая, — вдохновенно сказала Найта. И всё. Девочка обняла ведьму и, подобрав юбки, радостно побежала в дом.

“Отлично, Хэла, — фыркнула ведьма, — пойдитуда не знаю куда, принеси то, не знаю что... сирзая горушка, чёрт!”

Во дворе появился Тёрк, Гир и ещё несколько стражников. Первый командир отряда митара получал какие-то указания от Тёрка, потом кивнул и сосредоточено ушёл в ворота, отправившись дальше в селение, а сам Тёрк отправился в сторону сторожевых башен, ну и что ей было делать, кроме как ловить своего любимого большого братца, чтобы хотя бы понять, что за фигня эта горушка и с чем её едят?

— Горушка? — нахмурился Тёрк.

И Хэла уже подумала, что всё, это какая-то капец неприличная хрень и может вообще про неё и спрашивать-то нельзя, ибо неприлично, потому как что взять с девчушки, у которой в голове мозг семилетки, хоть и выглядит она уже вполне себе взрослой девицей? Она вздохнула.

— Да, горушка, — ну, была не была, уже хорошо, что спросила у него, с ним и отшутиться можно, если понадобится.

— Так это оберег, — ответил мужчина и достал из внутреннего кармана куртки небольшую ленточку. — Вот такой.

— Это горушка? — спросила Хэла и воздала хвалу всевышнему.

— Да, — улыбнулся Тёрк.

Ленточка была заговоренной, потому Хэла не стала даже пытаться взять её в руки, чтобы не сломать чужое колдовство.

— А его почему девки суженым своим дарят? — поинтересовалась она.

— Не, не обязательно, — ответил Тёрк. — Мне вот мама дала, ещё когда я первый раз ушёл на войну.

Ничего себе, сколько времени таскает, а колдовство ещё работает. Впрочем Хэла уже знала, что часто простое волшебство — самое прочное.

— Это тебе сколько было? — спросила она.

— Тиров одиннадцать или двенадцать, — проговорил Тёрк. — Отец пришёл и забрал меня, приставил к Рэтару нянькой. А мама вот дала. Столько тиров уже и мамы моей нет, а вот горушка её всё хранит меня.

Он улыбнулся, видимо вспомнив маму.

— А девки дарят, да. Говорят у нас, что коли девка подарила горушку и ты с ней из боя живым и невредимым вышел, то значит девка может вполне супругой хорошей стать...

— А коли не вышел, то и супруга без надобности, — буркнула Хэла.

Он хохотнул и убрал горушку обратно во внутренний карман куртки.

— Ну как-то так.

— А у торговцев есть ещё такие? — спросила она.

— Видел, были, — хмыкнул мужчина, потом слегка нахмурился. — Тебе зачем, ведьмочка, ты ж что хочешь заговорить можешь.

Хэла вздохнула.

— Нужна сирзая горушка, — вздохнула Хэла и развела руками, — а я даже не знаю, что за цвет такой. И сколько стоит она.

— Это цвет воды так называют, вот как сейчас Нрава, — пояснил Тёрк. — И я тебе так могу её принести, зачем платить-то?

— Правда?

Он повёл бровью и улыбнулся.

— Конечно, для тебя не то что горушку, я могу гору притащить, — фыркнул Тёрк.

— Не надо мне гору, — улыбнулась Хэла, — а оплата?

— Да брось, — пренебрежительно отозвался мужчина. — Феран разрешил немного перетряхнуть торговцев, так что я просто добавлю в то, что забрали, ещё и горушку одну, сирзую. Не переживай, красавица моя, будет тебе горушка, вот ненастье-то!

— Спасибо, Тёрк, — сказала ведьма, просияв.

“Вот, господи, храни тебя, мой хороший, — проговорила она про себя, потому что любила его безмерно, — чтобы дожил ты до седых лет и горя не знал!”

Тёрк довольно фыркнул и сгрёб Хэлу в объятия, поцеловав её в макушку, потом отпустил и, погладив щёку, отправился в сторожевые башни. А Хэла, потрепав ещё раз хараг отправилась наверх, посидеть наедине с собой на своём привычном месте на выступе среди внешних зубцов Трита.

Но не тут-то было, потому как наткнулась на достопочтенного бронара, который стоял и смотрел куда-то в поля, задумчивый, суровый и всклокоченный.

— Хэла?

— Достопочтенный бронар, — она поклонилась и хотела уйти, чтобы не мешать ему. И удивительное дело, он вспомнил её имя, вот те раз!

— Подожди, Хэла, — остановил её Элгор. — Я хотел поговорить.

“Боже, что у них тут с ног на голову всё повставало, пока она собиралась помирать, а потом ввела в грех ферана и себя заодно?” — подумала Хэла и развернулась, прошла на площадку балкона.

— Мне феран сказал, что ты забрала ребенка у Клины по его приказу, — сказал бронар.

“Что он сказал?” — удивилась про себя Хэла, но виду она не подала, решила дослушать.

— Мне... мне жаль, что я на тебя наговаривал, — с невообразимым трудом повинился парень.

Ведьма медленно повела головой, принимая его извинения:

— Ничего. Я понимаю.

— И... Хэла... знаешь... — он тяжело вздохнул, потом потёр шею сзади, выругался...

“Боже, ты мой! — ей бы поставить это кино на паузу. — Да что происходит в этом доме?”

— Прости Милу, — попросил Элгор.

“Простить за что? — хотела спросить она, но вовремя прикусила язык. И потом... — Стоп, он-то с чего за неё просит?”

Чёрная ведьма нахмурилась и, психанув, потому что ей надоело ничего не понимать из происходящего вокруг, и несмотря на то, что давала себе зарок не лезть, посмотрела внутрь Элгора...

И... Ух, вызывайте санитаров! Хоть прям щас беги и сгребай мужика, вот там в соседнем помещении мающегося тем, что обидел её, в охалку и грехи до потери пульса. И плевать, что обиделась, и вообще на всё плевать... ого-го сколько там внутри Элгора клокотало, грохотало, бухало и ухало!

Хэла всегда испытывала к парню смешанные чувства. Характером он очень был похож на её старшего сына — такой же ломоть чёрствый, плесенью покрытый, хоть и красивый, но ядовитый и противный. Но ладно мальчишки в её мире — они инфантильные засранцы и в тридцать лет, а тут-то не так, тут иначе.

Бронар в тринадцать узнал, что такое война. В первом же сражении его так шарахнуло вражеской магией, что он потом говорят пару луней слух восстанавливал. Шрамов у него достаточно, только они все сведённые, потому как, куда ему такому красавцу шрамы? Хотя девки и так бы вешались — бронар всё-таки...

С одной стороны вредный малый, а с другой — обнимай и рыдай над ним, такой он несчастный, потерянный что ли, прям сил нет.

И вот глядя на него у Хэлы просыпались все эти чёртовы материнские чувства. Но только, если Брока, например, по матерински ей хотелось затискать, такой он был душкой, то с этим хотелось говорить и вот моральных надавать подзатыльников, как обычно это делают, если ребёнок идиотина, но давая понять, что любят всё равно.

И сейчас у него там в голове был такой винегрет из страсти с трудом сдерживаемой, вины, сожаления, обиды и... смущения. Он умеет смущаться? Серьёзно? Это осознание по ней так ударило, что прям перебило вот это полыхнувшее пламя желаний, которое он в ней своими бесстыжими мыслями всколыхнул и она с трудом удержала себя от того, чтобы не рассмеяться.

Смущённый Элгор — к такому она была не готова.

И быстренько пройдясь по последним мыслям, с ужасом увидев безумное и нежное чувство, что было у него к Милене и, спасибо, чёрт побери, за силушку эту проклятую, поняв, наконец, частично причины истерики белой ведьмы, Хэла выбралась из его головы и встретила с озадаченным и весьма встревоженным взглядом.

— Хэла? — позвал её Элгор.

Она мотнула головой.

— Да не переживай, мой хороший, — ей понадобилось усилие, чтобы сделать всё так будто ничего не случилось и она никуда не лазила и ничего не смотрела, тем более, что не любила она это, страсть как не любила. — Всё нормально будет.

Парень с сомнением нахмурился.

— Элгор, она хрупкая очень, — проговорила ведьма. — Ей досталось в той прошлой жизни, она поэтому такая, с ней надо как раз как с сокровищем, понимаешь, потому что иначе сломается и всё будет зря. Я понимаю, что тебе может всё равно — сломается одна, другую призовут, но...

— Мне не всё равно, — Элгор передёрнул плечами и вернулся в своё обычное состояние. — Да и, хотя, наплевать в целом, да. Просто надоело истерики бабские разгребать.

С этими словами он вышел, оставив Хэлу одну. Она улыбнулась ему в спину, потому что, ну вот не фига он так не думал!

Мысли она, конечно, в порядок привела. Мелену, которая и вправду была совсем как полоумная, простила, сама правда не в курсе была, что оказывается надо было за что-то там её прощать. Но и вытаскивать из неё все эти проблемы не стала — когда захочет тогда и расскажет.

А потом оказалось, что истерика ещё и у Роара...

Когда Хэла, убедившись, что Брок получил добро на выхаживание птицы и, обрадовав Оань новым питомцем, добралась до спальни ферана, ей уже вообще ничего не хотелось — лечь и можно ещё раз умереть? На этот раз окончательно, пожалуйста.

Но нет. Это было бы слишком просто, ведь правда? Потому что комнату заполнил собой взвинченный Рэтар.

Как же было прекрасно, когда она была простой женщиной, с кучей своих собственных тараканов и проблем, когда не надо было вот это всё терпеть, чувствовать и пропускать через себя. Она просто так отчаянно пыталась не расплакаться столкнувшись с его какой-то невероятной неуверенностью и титанического размера сомнением, что захотелось развернуться и пойти спать к харагам, несмотря на то, что за окном уже гроыхал грёбаный ледяной дождь. И вообще она туда попала? Дверью не ошиблась? И это тот самый мужик, который её с утра с ума сводил своими точно знающими, что к чему, руками и мыслями?

“Дерьмо-день!” — заключила про себя Хэла.

И не надо было вообще ничего говорить ему, просто легла бы спать, но она никогда не любила ложиться спать с кем-то поругавшись. А Рэтар был дорог, важен, и она прям ощущала, что она ему нужна.

И вот в итоге он ей рассказывает как...

— Я поругался с отцом. Он тогда постоянно вытаскивал нас на ссоры, злил намеренно, — он обречённо нахмурил брови. — Он тогда был невыносим после смерти мамы. Просто ужасен. Топил себя в дурмане. Я старался не обращать на него внимания.

Держался, как мог. А тогда не сдержался. Он стал говорить про мою несостоятельность, как мужчины, наследника и так далее... и я, сам не знаю почему, впал в неконтролируемую ярость. Я хотел уйти из дома, спустился вниз и наткнулся на одну из наложниц с лентами бронара, моими лентами, на платье. Если бы она сопротивлялась. Сказала бы “нет”... я бы остановился...

— Наложницы не говорят “нет”, — грустно прошептала Хэла.

...он изнасиловал наложницу.

— Не говорят, — его лицо передёрнуло. — Когда я пришёл в себя было поздно. Да и поступок мой был мерзким только для меня самого, даже не для неё.

Рэтар горько усмехнулся и, как заметила Хэла, перестал держать её, словно ждал, что она сейчас отшатнётся от него, как от чумного или от маньяка какого. Как будто она не ощущала всей этой бесконечности сожаления, которое в нём есть до сих пор, хотя прошло... сколько там Брок у лет, точнее тиров? Не меньше двадцати?

— Когда она оказалась в бремени, я отправил её в Кэрром, под присмотр матери Тёрка, — продолжил он. — Отец язвил какое-то время, что это может и не мой ребенок вовсе. Но он был мой и это было понятно, когда он родился.

— У него твои глаза, — отозвалась грустно Хэла.

— Мои, — согласился Рэтар, как-то совсем обречённо.

— А где его мать сейчас?

— Она умерла два тира назад. Горячка, — ответил он. — Я не стал забирать её из Кэррома после того, как она родила. Мне наложницы были не нужны, это изначально прихоть отца. А когда Брок прошёл обряд имянаречения, отца уже не было в живых. Когда пришли эти странные холода, в Кэрроме всё замёрзло, хотя обычно там тепло, даже когда в Зарне и в Трите лежит снег. Тогда многие заболели.

— И ты до сих пор просишь у неё прощения?

— Да, наверное, — согласился Рэтар. — И у Брока.

— Не думаю, что он расстроен, что у него есть жизнь, — ответила Хэла. — И он горд тем, что ты его отец и очень старается, чтобы ты им тоже гордился, а если точнее, чтобы ты не разочаровался в нём.

— Я не разочарован, — ответил феран, словно нужно было убедить её, жизненно необходимо, убедить в этом. — Он... он отлично справляется. Я просто не знаю, что я бы смог ещё для него сделать. Тёрк за ним присматривает.

— Ох, уж этот Тёрк! — покачала головой Хэла. — Кажется звание “нянька столетия” за ним.

Рэтар рассмеялся и ведьма почувствовала, как ему стало легче. Феран снова положил на неё руки, снова прижал к себе, успокаиваясь, что она несмотря ни на что, никуда от него не пытается сбежать.

Сама же Хэла наконец позволила себе отпустить свою усталость. Ей было сейчас хорошо, она уткнулась ему в плечо, и его равномерное, сильное дыхание и стук дождя её убаюкали, и она уснула.

Уже среди ночи, ведьма почувствовала как Рэтар переложил её на постель, собираясь оставить, чтобы и дальше ковыряться в этих бесконечных отчётах, но в планы Хэлы это не входило.

— Неа, — поймала она его руку и потянула к себе. — Никакой работы, сейчас надо спать.

— Хэла, — заупрямился в нём трудоголик.

— Или грешить, — улыбнулась она и поймала в его глазах вспышку возбуждения.

— Как тебе в этом можно отказать, ведьма моя несносная?

И она счастливо запустила руки ему в волосы, отдаваясь теплу его рук и возбуждению от поцелуев.

С этим плевать, что день был фиговый. С этим вот можно всё, что хочешь, пережить.

[1] К.И. Чуковский “Айболит”

Глава 10

Роар впервые за это время смог спокойно поспать. Разговор с Хэлой его успокоил и ему стало действительно хорошо от того, что у него получилось с ней поговорить и теперь можно было надеяться, что она не будет его избегать. Хотя главных проблем этот разговор не решил.

Что делать с Миленой митар не знал. Когда он начинал думать о ней, ему становилось не по себе. Особенно, когда в голове возникала мерзкая мысль о том, что она могла бы наговорить и натворить, если бы у неё были силы.

И ведь Хэла говорила, что сила есть, просто пока глубоко, пока не вылезла наружу. И понятно, дураку, что даже так надо быть осторожнее. А если бы Милена приревновала бы его к наложнице? Нет, у него не было желания думать о ком-то из своего харна, в мыслях была только маленькая белая ведьма, но это “а если бы” уничтожало, становилось не по себе.

Роара тянуло к Милене, тянуло страшно, но внутри был теперь этот страх, не за себя, а за других. Как будто его гладили против шерсти — вроде и хорошо, но нет...

Выйдя в коридор, он заметил, что у дверей в покои ферана нет стражи, хотя на этаже, возле лестницы и портала, стражники стояли и с ночи ещё не успели смениться. Потом он услышал громыхание Тёрка в рабочей комнате ферана и пошёл на него.

За столом сидел старший тан, обложенный частью отчётов, что запросил вчера феран, а на краешке стола сидела Хэла, как всегда заразительно смеясь шуткам Тёрка.

— Доброго утра, distinguished митар, — отозвалась Хэла даже не посмотрев в его сторону.

— Здоровья тебе, distinguished митар, — привычнее поприветствовал его Тёрк.

— Роар, — поприветствовал феран. Он стоял облокотившись на дверной проём своих покоев.

— Distinguished феран, Хэла, Тёрк, — поприветствовал их всех мужчина. — Что у вас с утра пораньше за сбор?

— Мы нашли с distinguished фераном, как минимум три отряда шальных людей, которые слепились за последние два тира, — ответил Тёрк.

— Три? — нахмурился митар и зашёл внутрь.

— Хочется верить, что один у нас в сторожевых башнях, — отозвался Рэтар.

— Хочется, — согласно кивнул старший мужчина.

— Я ушла, distinguished, — улыбнулась Хэла и отправилась к двери.

— Подожди, Хэла, горушка! — громыхнул Тёрк.

— Горушка? — нахмурился Рэтар.

— Скажи, — брат ферана вытащил из кармана небольшой бумажный свёрток, — зачем тебе горушка, Хэла? Уж не distinguished же ферану?

Он с насмешкой глянул в сторону стоявшего у дверного косяка мужчины.

— Пффф, вот мне эти ваши заговорчики детские, — покачала головой Хэла.

Тёрк рассмеялся.

— Уж наверное мы все заговорены от всего чего только можно? — предположил он.

— А феран не один раз. И твою задницу не забыла, — подмигнула ведьма и забрала свёрток. — А горушку кукушечка хотела достопочтенному митару подарить, да в суматохе заварушки на торгах благополучненько потеряла.

Ведьма устремила на Роара самый очаровательный из своих взглядов.

— Уж будьте любезны, достопочтенный Роар Горан, обрадоваться и подарок принять, а то взяли моду девок до мокрого дела доводить, — она стала на секунду грозной и митар поперхнулся ответом, а Тёрк в голосину заржал.

— Хэла, ну очень неоднозначно получается с мокрым делом-то, — крикнул он, когда ведьма уже была за дверью.

Рэтар ухмыльнулся и потёр глаза.

— Каждый понимает в меру своей испорченности, братец, — отозвалась из коридора Хэла.

— И прибавить нечего, а? — ухмыльнулся Тёрк. Роар почувствовал как внутри закипает стыд. — Что, достопочтенный митар, уколола она тебя?

— Иди ты к рвашам, Тёрк, — буркнул он.

Конечно уколола, Роар точно знал, что именно имела ввиду Хэла, она вообще никогда ничего не говорила просто так. Всегда был смысл, всегда была подковырка и сейчас его полоснуло, потому что права была, чтоб его хотры сожрали, права!

Рэтар сел в одно из кресел перед столом, за которым так и остался сидеть Тёрк.

— Что по отрядам думаешь? — спросил его феран.

— Думаю их подготовили, сформировали.

— Зачем? — нахмурился Рэтар.

— Да рваш знает, — удручённо отозвался Тёрк. — Вот сидел и думал, но так и не придумал. Организовать, чтобы напали. Но не напали до сих пор. И если этот напал, то где остальные? Это же не человек, это же отряд. Где они все сейчас? И если нападут, то когда? Ты прав — надо дом в Зарну перевозить, надо. Там безопаснее, не то что тут.

— Я думаю, что они маленькими группами передвигаются, как и с торговцами было, а потом собираются, — ответил феран.

— Да, — согласился старший мужчина. — Но тогда это не просто отряды, Рэтар, это плохо. Ими кто-то руководит.

И феран согласно кивнул.

— Будут мысли по кострам? — отозвался Роар.

— Костры? — нахмурился Рэтар.

— Да, через семь дней благословение Изар. Трит готовит костры, — ответил митар, а Тёрк согласно кивнул.

— Да чтоб вам, эти ваши костры, — он рыкнул и недовольно прищурился. — Так. Когда раненые из Шер-Аштар придут? Есть что от Миргана?

— Они должны были выдвинуться вчера, — ответил Роар. — Мирган ждал отряд из Картары.

— Хорошо. Тогда с Гиром, Тёрк, организуй усиленные отряды патрулей. Всех кто в корте служения есть, поднять на помощь и поставить охранять Трит на время подготовки и самих костров.

— Дом-то на костры отпустишь? — уточнил брат ферана.

— Посмотрим, как всё будет в эти дни, — ответил Рэтар.

В комнату влетел возбужденный и всклокоченный Брок.

— Ты чего малец? — нахмурился Тёрк.

— Там, — он тяжело дышал то ли от того, что бежал, то ли от возбуждения. — Там алаган.

Мужчины переглянулись.

Брок задыхался от возбуждения — все они видели последний раз алаганов около трёх тиров назад. Целая стая прекрасных и редких животных умерли от холодов, которые настигли их в окрестностях Кэрома, когда даже туда добралась нежданная холодная стихия. Выжило всего два — мать и её ребёнок. Сейчас они должны были находиться в загонах в дальних границах Хэжени, куда Горанам пришлось отдать обоих, потому что в Изарии они бы не выжили.

Состригая прекрасные гривы погибших алаганов женщины Кэрома рыдали от жалости. Да и некоторые мужчины пустили скупую слезу. Поэтому теперь слышать, что в Трите появился живой алаган было странно и невероятно.

Когда мужчины вчетвером спустились вниз и вышли на улицу, они наткнулись на целую толпу — домашние, стража, наложницы, серые... все застыли и, как замороженные, смотрели на Хэлу, стоящую почти у самых ворот Трита и ласково глядящую алагана.

Чёрная шерсть, длинные стройные лапы, грива и длинный хвост цвета огня, тёплые на ощупь, острая морда, длинные острые с кисточками уши, сейчас внимательно слушающие то, что говорила ведьма, ласково поглаживая умную морду фыркающего в её руку зверя. Пара рогов, на лбу, ещё небольших, потому что алаган был явно молодым, так называемые крылья тоже были небольшими, пока не окрепшими, шерсть короткая, как помнил Роар, мягкая на ощупь.

Он, Рэтар и Тёрк продвинулись через толпу восторженных зрителей.

— Он не уходит, потому что боится хараг, вон они в поле залегли, — шепнул Тёрк, а Рэтар согласно кивнул.

— По сроку сейчас они должны выводить потомство, — отозвался Элгор, который стоял в первом ряду и как и все остальные восторженно смотрел на появившегося ниоткуда зверя.

— Может это тот, которого мы нашли? — предположил Роар.

— Хэла, — сказал Рэтар, так чтобы его слышала ведьма, но и чтобы не спугнуть зверя. — Посмотри, есть ли у него под ногой правой клеймо.

Женщина что-то ещё прошептала, погладила животное, потом аккуратно заглянула ему за ногу и повела головой давая понять, что клеймо есть. Понять отсюда какого пола особь было нереально, поэтому памятуя, что нашли они мать и её дитя, Рэтар задал ещё вопрос:

— А какого размера клеймо?

Хэла показала ладонь с растопыренными пальцами.

— Мелкий, — вздохнул Роар.

— Вырос как, — отозвался Тёрк.

— Сбежал наверное из Хэжени, — хмурясь предположил Элгор.

— Надо бы его в загон, — пробурчал старший мужчина. — А то уйдёт от нас и погибнет.

— Твоя правда, Тёрк, но как? — бронар уставился на ферана.

— Хэла, надо бы его в загон внешний, сможешь? — опять очень осторожно проговорил

Рэтар.

Ведьма кивнула и улыбнулась, потом цыкнула и одна из хараг послушно поднялась со своего места и стала перемещаться так, чтобы дать возможность Хэле пройти с алаганом вдоль внешней стены Трита в сторону огромного внешнего загона, куда обычно сгоняли тоор, не живущих в доме.

Зверь шёл за ведьмой безропотно и спокойно, это было так невероятно красиво — грациозное животное, большое, сильное и идущая рядом с ним женщина, не держащая зверя, а просто что-то тихо ему шепчущая и иногда поглаживающая его тёплую огненную гриву. Наверное ни у кого не получилось бы загнать алагана в загон так легко, как это получилось у Хэлы. Животные и вправду любили её и Роар давно это заметил.

— Что с ним делать будем? — спросил митар.

— Можно приручить, — отозвался Элгор. — Думаю с Хэлой будет легко, нет?

Рэтар лишь нахмурился. Сейчас митар не мог прочитать своего тана. Почему-то стало тяжело понять, что с ним происходит, хотя обычно он чувствовал его очень хорошо. И причина была не ясна — дело было или в самом Рэтаре, то ли в Роаре.

Сейчас митар рассеянно слушал разговор окружающих его мужчин, но его мысли и взгляд исподтишка были обращены в сторону Милены, которая, как и другие серые, восторженно смотрела на алагана. Роара выкручивало, как же сильно хотелось прижать её к себе, ощутить волосы в пальцах, мягкость губ и кожи, тепло тела. Это сводило с ума и он не мог успокоиться.

Но как же сильно он был зол. На неё за то, что не доверяла ему, на то, что приревновала к спасшей его Хэле, и на себя... что не смог держать в руках, что позволил себе быть глупым мальчишкой, словно это его первая и единственная женщина. Он становился сам не свой каждый раз, когда слышал её голос или видел. Был готов провалиться сквозь землю.

— Реши с этим что-то, — тихо сказал Рэтар, когда они вдвоём остались стоять возле загона, в котором радостно резвился алаган.

Хэла ушла выгуливать своих хараг, с ней ушла Милена, а Роар стоя у загона с болью смотрел ей вслед.

— С чем? — спросил митар рассеянно, хотя конечно понимал про что говорит тан.

— Роар, — феран недовольно мотнул головой.

— Я не знаю, что с этим делать. Вот убей меня, но не знаю, — ответил митар. — Только хуже станет.

— С чего ты взял?

— Потому что... рваш... Рэтар, она... прости, может с Хэлой просто, потому что она мудрая, она чувствует иначе, а тут... я всё испортил! Не надо было в это лезть.

— Хэла здесь вообще не при чём, — ответил феран. — Ты начал, но закончить не закончил. И не говори мне, что не знаешь, что с этим делать. Мне не нужны твои метания, особенно сейчас — что-то плохое вокруг происходит, а ты тут устроил душевные муки, голову заставь работать, а не вздыхай дело — не дело. Это же не первая твоя женщина...

— А у меня чувство, что первая, — взвился митар.

— Если влюбился, тем более разберись с этим сейчас, пока есть возможность, потому что в суматохе, в бою, мне не нужно, чтобы ты внезапно осознал что-то, и твоё осознание будет стоить кому-то жизни.

Рэтар говорил спокойно, тихо, но при этом жёстко, словно заколачивал каждое слово. И был прав, и Роар знал, что прав, но боги, как же его это выводило из себя. Самоуверенность,

с которой тан это говорил, раздражали и даже злили.

— А ты? — не выдержал митар.

— Я? — тан посмотрел на него прямо и спокойно, хотя вот сейчас к Роару вернулось понимание настроения своего ферана и то, что было внутри было опасно, но остановиться было уже невозможно.

— Да, ты. Ты решил для себя, что важнее? Вот сейчас ты мне это говоришь, а ты знаешь, что будешь делать, когда будет её жизнь с одной стороны и моя с другой? — и это были страшные и совершенно лишние сейчас слова, но митара уже было не остановить, как бывало, когда он переставал себя контролировать.

Рэтар ухмыльнулся, от этого его лицо стало зловещим и пугающим:

— Я знаю, что я буду делать. Сомневаешься во мне и моих решениях? Считаешь, что имеешь право? Пусть так. Но я этого права за тобой не признаю, пока в своей голове не наведёшь порядок, ко мне не лезь, ясно?

С этим феран развернулся и ушёл, оставив Роара наедине с его тяжёлыми мыслями. Где-то в полях пела Хэла, было слышно её голос, но слов было не разобрать, а алаган наострил уши и устремил взгляд туда, где по его мнению этот голос был.

Роару хотелось бы послушать, что именно она поёт, потому что это она тоже всегда делала очень к месту, как и утренние подковырки.

— Достопочтенный митар, — голос Найты вывел его из забытья.

— Да, Найта, — он повернулся к ней, такой простой и смущённой, и вздохнул... горушка же, точно!

— Я хотела вам горушку подарить, — она протянула ему ленточку и Роар улыбнувшись её взял. — Чтобы вы больше не были ранены до смерти.

— Блага тебе, Найта. Теперь точно не буду.

Она поклонилась, улыбнулась. В этой улыбке было столько всего. Вроде простого, вроде вот подарила она ему эту ленточку с заговором и вот же счастье — глаза горят, улыбка по-детски открытая, сердце наверное колотится, что, если бы тихо было, можно было бы услышать.

И почему всё остальное так сложно?

Он убрал ленточку во внутренний карман, Найту позвала Мита и та, ещё раз открыто и по-детски радостно улыбнувшись убежала, подобрав юбки, может чуть выше, чем это было нужно. Роар усмехнулся и обернулся и уставился на алагана.

Вот она тяга, кровь, природа... зверь вернулся домой, потому что время искать себе пару, время растить потомство, время продолжения... он вернулся, а тут никого нет. Он обречён. Он одинок. Но его всё равно притянуло сюда, где сотни тиров уже в одно и то же время сотни таких, как он, продолжали свой род. И что теперь?

Роар внутренне чувствовал себя таким же потерянным, как этот зверь. В душе была такая невыносимая тоска. Никогда кажется его так не било, хотя, вот же рващ, боль стирается — в голове всплыл образ Язы. Тогда было так же, но Яза умерла, её нет, а Милена вот она, с ней всё хорошо...

Роар горько усмехнулся — конечно, хорошо... Ей больно, ей тяжело, ей обидно, ей тоже пусто и она наверное больше этот зверь в загоне, чем он.

У Роара есть всё, а главное свобода, и ему недостаточно? Не хватает только её, Милены? А с ней будет хорошо? А защитить он её сможет? Её и вот это “хорошо”?

— Роар? — Элгор встал рядом и прервал ход мыслей, которые стали совершенно

неуправляемыми и понеслись раздирая безумием. — Рэтар попросил ускорить сборы дома в Зарну. Случилось что?

— Они с Тёрком считают, что есть ещё два отряда шальных и думают, что они могут напасть, — ответил он брату.

— Ещё два? — спросил бронар. — Таких же больших?

Роар кивнул.

— Да чтоб тебе, — рыкнул младший брат.

Они постояли молча.

— Он погибнет?

Роар уставился на Элгора в непонимании, тот кивнул на зверя в загоне.

— Не знаю, может если приручим он не убежит от нас, но не знаю... — митар тяжело вздохнул, пнул кусок мёрзлой земли и отправился в дом. — Пойдём, помогу тебе всех организовать.

— Харн собери, — ухмыльнулся Элгор. — Они там по тебе соскучились, страх как.

Роар рассмеялся и, схватив брата за шею, заломил его себе подмышку.

— Надо ещё сообщение в Хэжени отправить, узнать про алагана, — проговорил митар ему в голову.

— Вот и отправляй, только в харн сначала сходи, — Элгор ударил его в рёбра, выворачиваясь. — Тебе прям надо.

— Сейчас договоришься у меня, — смеясь пригрозил брату Роар, отпуская его. А в душе всё взвыло в очередной раз и рвануло с болью и отчаянием.

Глава 11

Милена никак не могла понять, как рассказать Хэле о том, что с ней происходило. Тогда на балконе, она только поплакала чёрной ведьме в юбку платья. Девушка была так счастлива, что можно Хэлу обнять и просто услышать голос, знать, что она не злится. А вот рассказать обо всём не смогла... Ни о словах, которые наговорила, ни о том, что её раздирало на части непонимание того, что с ней происходит — её тоска по Роару и её тяга к Элгору.

Милена настроила себя на разговор вечером, когда все серые заснули бы, но, как оказалось, теперь Хэла спала в покоях ферана и Мила не знала как к этому относиться.

Хотя никто из серых не знал.

— Я знала, что так будет, — отозвалась Грета, когда Хэлы не оказалось в комнате с утра.

— Что ты знала? — спросила её Карлина недовольно.

— Что-что! А ты не знала? Теперь феран её будет при себе держать.

— Ох, — покачала головой Куна. — Жутковато.

— А на что она ему там, — спросила Сола.

Донна и Маржи переглянулись и прыснули со смеху, Милена улыбнулась и у неё полыхнули щёки.

— Сола, ну ты даёшь, что значит зачем? — отозвалась Аня.

— Не понимаю, — Сола села и захлопала глазами на остальных девушек.

Из всех серых она наверное была самая наивная — она даже не до конца поняла, что случилось с Томикой. Тогда Сола всё пыталась узнать, что же не так, но в конечном итоге все от неё лишь отмахивались и не захотели рушить её мир, как выразилась как-то Хэла, “бабочек и единорогов”, хотя конечно Милена понимала, что эта присказка к ней не

подходила.

Сола была молоденькой и всю жизнь ухаживала за мамой, судя по всему хоть и действительно больной, но очень властной и тяжёлой на характер женщиной. Поэтому, несмотря на то, что выглядела она на восемнадцать, но было видно, что о мужчинах она совершенно ничего не знает. По всей вероятности ей было и некогда и мама не позволяла даже думать о чём-то подобном.

Девушка была настолько невинной, что даже стражники, которые увивались за некоторыми серыми, и конечно, Мила теперь прекрасно это понимала, между ними случался секс, не трогали Солу.

— Хэла, а почему никто не хочет рассказать Соле о сексе? — спросила как-то Мила. Не то, чтобы её волновало просвещение девочки на этот счёт, но всё-таки знать было бы безопаснее, особенно после того, что случилось с Томикой.

— Так расскажи, — ответила тогда чёрная ведьма.

— Ну, я не смогу объяснить, сама опыта толком не имею, — пожала плечами девушка. — Просто мне кажется, что Сола вот вообще ничего не знает.

Хэла только улыбнулась и ничего не ответила.

И сейчас, когда девочки многозначительно переглядывались друг с другом, намекая на определённого характера отношения ферана и чёрной ведьмы, Сола в недоумении смотрела на них, совершенно не понимая, что к чему.

— Хватит, — взвилась Лорана. — Вот услышит Хэла и будет вам от неё взбучка!

— А чего взбучка-то? — надулась Аня.

— Я уверена, что феран Хэлу любит, — отозвалась Маржи.

— Знаешь, если тебя вон твой красавчик любит в уголке к стеночке прижать, да пошустрить с тобой, на ушко рассказывая всякое, то это не значит, что ты у нас теперь специалист в любви, ясно? — ответила Лорана, поставив руки в боки.

— Уж кто бы говорил, — вступилась за подругу Донна, — сама-то, сама? Твой Гент вообще с невестой наперевес, уж расскажи, что любовь у вас!

Белокурая девушка покраснела.

— И что вы тут устроили? — Хэла стояла в дверях и по ней невозможно было прочитать слышала она что-то или может нет, и если слышала, то как всё это восприняла.

— Хэла? — Донна смутилась своим словам и покраснела.

Все уставились в пол и только Оань и Йорнария, которые в разговоре не участвовали, продолжили заниматься своими делами — одна кормила пищащего птенца, вторая хмурилась и дулась.

— Я конечно понимаю, что всем интересно, но может вы меня спросите, раз уж так припекло вам, а не будете за моей спиной обсуждать, что там вам показалось или на ум пришло? — и понятно, что Хэла всё слышала, было бы странно, если бы нет.

— Они считают, что ты спишь у ферана, потому что он тебя любит, или не любит, но у вас близость, — спокойно продекламировала Оань, не отрываясь от кормления птенца. — И теперь кто понимает, а кто нет, потому что близость с фераном это ж кошмар! Но по мне так вообще не наше это дело, но ведь к тому и шло, так ведь все думали уже давно?

— Оань! — прикрикнула Донна, краснея ещё сильнее.

Чёрная ведьма фыркнула.

— Это всё или ещё чего?

— Хэла, прости, мы не хотели, — Маржи тоже покраснела.

— Ладно, куропатки мои, успокоились и кудахтать, как куры, перестали, — вроде спокойно, но всё равно было понятно, что с недовольством, произнесла женщина. — Во-первых, нет у меня никакой близости с фераном, ясно?

Кто-то из девушек хотел ответить что-то несогласное, но стушевался под вопросительным взглядом Хэлы.

— Кто свидетелем был того, что между мной и фераном происходит за дверями закрытыми? — и она приподняла бровь, оглядывая девушек. Все они потупили взгляды, устыдившись. — Вот и нечего пустобрёхами быть и слухи со сплетнями распространять. Во-вторых, голова у ферана последнее время сильно болит, и он бессонницей мучается давно, и это моя благодарность ему за то, что он меня спас, ясно? Потому как, если бы не он, не стояла бы я здесь и не говорила бы то, что и так очевидно. Я ему голову заговариваю, чтобы он мог спать ночами. И больше я ничего объяснять не буду и слышать ничего не хочу на эту тему. А то устроили ромашку — любит-не любит!

Все закивали.

— Оань, — обратилась Хэла к серой. — Я с харагами погуляю и птенца заберу.

— Хорошо, — отозвалась девушка. — Он молодец, думаю, если сегодня день протянет, то и дальше справится. Хочу прям посмотреть, как он летает.

— Я могу на ночь его забрать, чтобы ты поспала.

— Нет, Хэла, оставь, мне не в тягость и, — она посмотрела на девушек, — если он своим писком не мешает никому, то... Ну, а если мешает, я могу и у служак поспать, им точно не в тягость, ни я, ни птенец. И сплетничают они меньше.

Чёрная ведьма недовольно покачала головой и вышла из комнаты.

— Ну и? — ткнула Грета Донну.

— А я-то что? — шёпотом возмутилась та.

— Оань, ну благодарности тебе мешок, — надулась Аня.

— Да, — фыркнула девушка и посадила птенца в корзину. — Вы галдите, а я виновата!

— Всё, перестаньте, — повысила голос Карлина и никто не решил послушаться. — Работать всем, живо!

Но, выйдя во двор, они увидели невероятное создание. Милена видела наверное что-то подобное только в иллюстрациях художников, которые рисовали сказочных созданий. Тут вся живность была удивительной, но это... кто-то из образовавшейся толпы домашних с придыханием произнёс: “алаган”.

В воротах стояла Хэла и гладила невероятно красивого зверя, похожего телом на оленя или лошадь, но мордой всё же на то ли кошку, то ли волка или собаку. Чёрный, огненная длинная грива... хвост такой же, словно горит, длинный до земли... рога, небольшие, уши с кисточками. Красавец! Или красавица?

И снова Милену кольнула зависть, что Хэле так всё это легко. А почему ей вот не легко? Девушка бы даже не подошла к такому зверю, потому что испугалась бы до чёртиков. Но восхищения это не убавило.

— Хэла, как ты не боишься? — спросила она, когда увязалась с чёрной ведьмой выгуливать хараг и себя заодно.

— Не боюсь чего?

— Вот этого зверя, например. Он же огромный, — пояснила Мила. — И хараг, и тоор. Я даже мимо них прохожу и меня в дрожь кидает, а ты гладишь их, говоришь с ними. Ты смелая.

— Я? — Хэла рассмеялась. — Нет, детка, я трусиха страшная. Если бы у меня не было силы, то наверное я бы не подошла... хотя не знаю. Я всегда любила животных. С лошадьми меня связало то, что дедушка мой был ветеринаром. А потом на пенсии работал на конюшне и я там была вместо детского сада. Я бы тащила домой и кошек, и собак, и птиц раненых, но я была вся загружена по полной — учёба, пение, рисование, танцы, музыкальная школа...

Хэла вздохнула.

— А потом раз — и я уже мама и у меня дети. Хотя, когда стала жить сама, оторвалась, да, — две собаки, две кошки, попугаи в клетке, рыбки в аквариуме, — она грустно улыбнулась и добавила, — были.

— Хэла, — Милене захотелось её обнять.

— Но тут мне вот смотри, как повезло — хараги у меня есть, фицры меня обожают, тооры прям прелесть, не понимаю чего вообще все считают их неудобными, они просто с лошадьми характерными не сталкивались, — и женщина повела головой. — Вот была у меня одна — то все делает как богиня, а то — "ты кто такой, давай до свидания!" и даже внимания на тебя не обращает, не то, что работать хочет. Прыгать? Пфф — сама прыгай, если тебе надо.

И она захихикала своим воспоминаниям.

— Ты, кстати, привыкай к тоорам-то, а то вот дом в Зарну перевозят, а ты как собираешься — пешком пойдёшь?

— А надо будет ехать? — Милена встала, как вкопанная.

— А то, — улыбнулась Хэла.

— Боже, — белую ведьму начало заполнять предчувствие жуткой катастрофы. — А скоро? И почему мы едем в Зарну?

— Феран распорядился, — ответила женщина. — Дней через десять, уже даже меньше.

— Хэла, а то, что ты сказала про ферана и себя, — Милена все-таки решилась спросить.

— И ты туда же? — вздохнула Хэла и закатила глаза, пошла от Милены.

— Прости, — девушка побежала за ней. — Мы с тобой говорили об этом и ты мне сказала, что у тебя и него не может быть ничего, но ведь Хэла, девочки говорят, что он от тебя глаз не может оторвать и он тебя спас...

Хэла тяжело вздохнула.

— А у тебя что? — повела она головой и посмотрела на белую ведьму.

— Не знаю, — бесполезно было скрывать от Хэлы эти мысли. — Я уже ничего не знаю и ничего не понимаю. Как в бреду. Словно я...

— Кто? — Хэла остановилась и заглянула в лицо девушки.

— Не знаю, — та пожала плечами, кажется покраснела. — Бабушка, мамина мама, я не часто с ней виделась, раз пять за всю жизнь, мама с ней не общалась, но она называла маму "прошмандовкой" и мне с сестрой такую же судьбу пророчила. Мне это слово прям в голову вьелось и я теперь думаю, а вдруг я такая, как мама?..

И она уткнулась взглядом в мёрзлую землю, покрытую инеем.

— Боже, Милка моя, — Хэла прыснула со смеху, — солнышко, слова-то какие! Уж не знаю, что там у тебя мама такого натворила, что заслужила подобное обращение, хотя за тебя я бы ей тоже наваляла, так она тебя застрашала, ужас просто.

— Она меня не очень любила, — решилась сказать Мила. — Говорила мне что из-за меня умер мой брат.

— Это как? — нахмурилась женщина, став серьёзной.

— Ну, я одна из близнецов. Только брат мой родился мёртвым, а я выжила и мама всегда меня в этом обвиняла, мол я у него силы забрала, — Милена шмыгнула носом, стараясь не расплакаться. — Говорила, что я несчастья приношу. И папу я убила.

— А папу-то почему?

— Потому что он меня ехал забирать, с вечеринки, а был дождь, гололёд, и авария случилась, и папа погиб, — и слёзы всё-таки потекли по щекам девушки. — Мама последнее, что мне сказала, перед тем как я тут оказалась, что лучше бы я умерла вместо него.

— Вот же мама у тебя дура, прости господи, — Хэла обняла Милену и поцеловала её в висок. — Ты ни в чём не виновата, поняла? Ни в чём! И никакая ты не прошмандовка, блин, слово-то какое, бррр! Ну, с чего ты так о себе решила думать начать, а? Глупышка моя!

— Потому что не могу с собой совладать. Я же столько всего нажелала тебе, столько всего наговорила вслух, Хэла! Я тебе сказала пропасть пропадом, — она прошептала это страшным шепотом, — потому что приревновала к тому как ты Роара лечила... и ему тоже пожелала... ох, Хэла!

— Ох, крошка, — Хэла вздохнула, а белая ведьма зашлась плачем, потом осела наземь, а ведьма села перед ней на колени. — Так, Милена...

— Нет, нет, я очень плохая. Я ведь люблю его, правда, мне кажется, что очень люблю, а сказала такое. И потом, потом... я... ой, Хэла, я с Элгором целовалась... и не соображала ничего, он такой, ну, не знаю, другой был. Сначала, как обычно, а потом другой, хороший... понимаешь?

— Так. Всё, — и Хэла села перед Милой. — Тихо! Милочка, зайнышка моя, глупая, неразумная. Я же говорила тебе про чувства, говорила?

Девушка закивала, утыкаясь рукавами платья в глаза, вытирая слёзы.

— Не можешь ты рассчитывать на то, на что другие могут, — проговорила женщина. — Ты белая ведьма, ты сокровище, но ты призыв, ты не для них. Они связаны своими законами, понимаешь? Даже если и Роар может любить тебя, ты же понимаешь, что он никогда не станет твоим, кем? Парнем? Женихом? Мужем?

Она привычно повела головой, плечом.

— Милен, нам этого не видать, понимаешь? — горестно вздохнула Хэла. — Ты не можешь думать о счастливой семейной жизни, не будет этого. Он тебя может на руках носить, пылинки с тебя сдувать, спать с тобой, души в тебе не чаять, но коли найдёт ему феран жену — то будет у него жена, слышишь? Дети у него будут, потому что наследники нужны его роду, а для этого благородная кровь должна быть, даже дети наложниц ни на что рассчитывать не могут, кроме как уйти, когда им захочется, куда им захочется.

И Милена понимала, понимала, и больно становилось от этого понимания, так невыносимо больно, и отчаяние грызло с силой и жестокостью.

— А уж что про серых говорить? — и чёрная ведьма сжала руку девушки. — В нас кровь по их мнению плохая, гиблая, проклятая... Ты или соглашаешься быть с ним на этих условиях, или не соглашаешься, а тогда запрещаешь себе страдать, запрещаешь себе ревновать, запрещаешь себе желать не весть чего.

— Прости, Хэла, я не хотела, боже, прости, не хотела...

— Да знаю я, что не хотела, да и благо силы в тебе пока ни на грамм, а то нажелала бы нам... — вздохнула женщина, поглаживая Милу по щеке. — Вот бы было здорово! Ты слышала, что я тебе про Роара сказала?

Белая ведьма кивнула.

— Хорошо. А с Элгором, — и Хэла стала серьёзной, нахмурилась. — Милка, не связывайся, я тебя прошу, не смей себе внутри внушать, что он хороший. Он засранец, Милена, каких поискать. И если Роар мучается тем, что больно тебе, чувствует тебя...

— Он меня никогда-никогда не простит, Хэла! — всхлипнула девушка и ей показалось, что от этого было больнее, чем от осознания, что она никогда не будет кем-то большим, чем просто любовница и даже может и того не светит.

— Простит, — вздохнула чёрная ведьма.

— Нет, ты бы видела, как он на меня посмотрел, ты бы видела этот взгляд, — и Мила вспомнила полный мрака взгляд Роара. Она содрогнулась. — Мне так умереть хотелось, если бы он меня убил, было бы не так, понимаешь, а вот как он на меня посмотрел, словно я его убила... Хэла...

Она взвыла и уткнулась в колени чёрной ведьмы. Боль изнутри выжигала её калёным железом. Такая сильная, что вот не было мочи терпеть её. Только сейчас, говоря об этом, Милена поняла на самом деле, насколько ей больно. Как тяжело. Любовь или нет, но она сходила с ума от того отчуждения, которое было в Роаре, её словно били каждый раз, когда она встречалась с ним взглядом и он отводил его от неё — видеть его глаза полные разочарования было просто невыносимо.

— Простит, — повторила Хэла, когда рыдания стихли и перешли во всхлипы.

Милена что-то промычала, что-то несогласное, она бы ответила много чего, но не было сил, хотя стало легче, вот сказала всё и полегчало. Может Хэла чувствовала это?

— Могу поспорить, — отозвалась чёрная ведьма. — А вот про Элгора я тебе серьёзно говорю. То, что тебя к нему тянет, это понятно, я же всё-таки понимаю что к чему.

И она покачала головой и ухмыльнулась.

— И когда говорю, что навела бы тут шороху, будь помоложе и посвежее на вид, то душой не кривлю. Элгор такой весь эх, дьявол просто, но Милка, с такими пропадают, — проговорила Хэла. — Не изменишь его. Он, пока мозгов со временем не наберётся, не изменится, и то не понятно в какую сторону — может в лучшую, но скорее всего, как говорит мой опыт житейский, в худшую. Конечно, наверное, и можно всколыхнуть в нём хорошее и я не сомневаюсь, что он тоже умеет быть нежным и ласковым, умеет любить по-настоящему, но Милена, ох, берегись того, что в итоге от всего этого получить можно.

Чёрная ведьма вздохнула.

— Дело твоё, жизнь твоя. Но он так же как и Роар ничего не поделает с законами своего мира. И если Роар будет беречь тебя, несмотря ни на что, то от Элгора ты будешь получать немного ласки и тепла, а потом бесконечность муки и страдания. Он тебя в этом утопит, понимаешь? Он по-другому не умеет, — она сделала жест рукой. — Роар вон в харн дорогу забыл, пока ты была у него, а Элгор думаешь забудет? Может на время, но потом будет от тебя туда идти и говорить, что нет в этом ничего такого. И если у нас так мужики делают, а потом говорят, что любят тебя одну единственную, то тут им боги и закон разрешают одну единственную любить, а спать с десятком других.

— А ты? — спросила Мила, всхлипывая и вглядываясь в женщину. — Ты можешь принять это? Другую женщину или женщин?

— Могу, — тихо сказала Хэла, — но тебе не надо так.

— А феран, Хэла, он же тоже законом связан? — и Хэла отвела от неё взгляд, устремила его в никуда.

— Связан, — ответила она, едва слышно.

Больше не нужно было ничего спрашивать. Девушка видела столько боли в этих серо-голубых глазах. Хэла и вправду любила ферана?

— Ты его любишь? — спросила она, словно замороженная, и тут же пожалела.

— Любовь... любить... любимый, — вздохнула женщина. — Это просто слова, просто они ставят рамки и иногда внутри нас столько желания это услышать или сказать, но Милена, слова — всего лишь слова. Их можно говорить бесконечно. Реально же только действие — наши поступки, то, что мы делаем. Я знаю, что отдам за него жизнь, если будет надо. Любовь ли это? Люблю ли я его?

Тоска внутри Милены взвыла ураганом, а Хэла повела плечом, а потом запела:

“Холодная весна...

Спят дальние огни.

Как долго я искал

Мечту моей любви.

Хороводит снег с дождем, мечта, дорогу мне согрей,

Тебя, весна моя, увидеть надо — будет теплей.” [1]

Обратно они шли молча, Милена словно боялась что-то ещё сказать, причинить Хэле ещё больше боли, чем уже причинила. В её голове было столько вопросов и столько мыслей, что стало не по себе.

Они зашли в кухню и встретились с жёстким взглядом Миты.

Девушка никогда не видела женщину такой злой, обычно кухарка была доброй, приветливой и такой смешливой. Они с Хэлой постоянно шутили и подкалывали друг друга, а тут словно не было этого никогда — Мита смотрела с нескрываемой обидой и, Милена могла бы поклясться, ненавистью. Почему?

Сначала девушка, как это ей свойственно, приняла всё на свой счёт, но потом поняла, что нет, дело было в чёрной ведьме, именно на неё было обращено это негодование. Милене стало не по себе, Хэла же опустила глаза и, взяв приготовленное для хараг мясо, вышла из кухни, оставив белую ведьму наедине с Митой.

Повариха издала какой-то странный звук, такой девушка частенько слышала от своей бабушки, когда та была чем-то или кем-то недовольна, а потом отвернулась.

— Завтракать будешь, Мила? Совсем щёчки впали, так и совсем пропасть можно. Кушать надо, девочка, — говорила кухарка как обычно, ни намёка на её настроение при виде Хэлы.

— Спасибо, Мита, я не хочу, — ответила она. — В смысле, я благодарна, просто что-то сейчас не хочется.

— Похлёбку чтобы пришла есть, поняла? — строгость в голосе женщины была не настоящей и это совсем вводило в замешательство.

— Хорошо, — понять, что происходит, очень хотелось бы, но кажется сейчас это было вообще лишнее.

Взяв две кружки отвара для себя и для Хэлы, Милена выскользнула в коридор, а потом на улицу, где напротив загона с харагами сидела чёрная ведьма.

— Хэла, — девушка протянула ей кружку, посмотрела с вопросом.

— Не спрашивай, — покачала она головой. — Это теперь так всегда будет.

— Почему?

— Я же сказала, чтобы не спрашивала, — она улыбнулась такой горькой улыбкой, что

Милене стало не по себе.

— Это из-за ферана? — почему белая ведьма так решила ей было не понятно.

— Да, — подтвердила её догадку Хэла.

Милена промолчала. Да и можно ли было что-то сказать?

Мита была в доме так давно, она знала мужчин Горанов с детства. Они росли на её глазах. Как она рыдала, когда Роар был ранен, Милена не видела, но слышала её пронзительный, нет не плачь, а вой. Это было так жутко. Но совершенно непонятно, что не так с тем, что происходило между фераном и Хэлой.

Да, закон запрещал, но... да какое всем действительно, как сказала Оань, было дело? Они два взрослых человека, почему вообще кому-то должно быть дело до того, что и как у них там происходит за закрытыми дверями?

А может Мита злилась, потому что знала, что у Хэлы в её мире осталась семья? Может она считала, что аморально спать с другим мужчиной при живом муже, даже если этого мужа уже никогда не увидишь в своей жизни? Может это потому что тут муж это навсегда?

Милена потрянула головой, словно стараясь вытряхнуть все эти зудящие внутри вопросы. Вот же, чёрт! Несправедливо как. Стало обидно — ведь Мита и Хэла, казалось, были дружны.

— Что там у тебя с вязанием? — спросила чёрная ведьма, вытаскивая её из тяжёлых размышлений.

— Ничего, — ответила Мила. — Сначала я была сама не своя из-за всего этого, что случилось. А теперь даже не представляю что тут можно связать.

— А носки умеешь?

— Умею.

— Вот и свяжи мне носки, — улыбнулась Хэла.

— Зачем? — удивилась Мила. — У тебя наконец-то есть сапоги.

И обувь и вправду на вид была офигенной. Кажется такого же вида сапоги были у всех Горанов.

— Ну, я же не сплю в сапогах, — повела плечами женщина, — а иногда не могу заснуть, пока ногам холодно.

— Тут не так холодно, Хэла! — улыбнулась девушка, понимая, что скорее всего Хэла просто придумала ей задание, чтобы Мила себя не изводила пустыми мыслями, страданиями и прочим, а делом занималась.

— Вот будем в Зарне и поймёшь о чём я, — подмигнула ей чёрная ведьма. — Себе тоже свяжи.

День полз улиткой. Милена сидела во дворе и наблюдала за суетой связанной со сборами дома в Зарну. Она несколько раз видела ферана, потом бронара, потом митара. Ей попадались на глаза командиры отрядов, имена которых она всё время забывала, ну кроме Тёрка, конечно, его невозможно было забыть.

И имя Шерга... и, к невероятному облегчению Милены, его не было видно в доме с тех пор, как вернулся феран. Она пару раз видела его в отрядах патруля, которые бродили по округе и это было связано с нападением на ярмарку. Но и только. Вот бы он вообще всё время там был.

Пообедав с серыми, Милена заметила, что Хэлы не было с ними, впрочем, наверное она ела с фераном, почему бы и нет. Наверняка у него на обед не простая похлёбка, как у них всех.

После обеда серые разошлись по своим делам, а Милена устроилась на солнышке, точнее не солнышке, но она не помнила как там это светило называлось, которое сейчас было в небе. Выпросив для себя корзинку для вязания, девушка решила всё-таки хотя бы вспомнить, как это делается — не брала в руки спицы столько времени! Спицами были две гладкие палочки, которые для неё лично выстругал местный мальчонка, сын следившей за прислугой в Трите женщины, которую кажется звали Целсой.

Милена точно не знала, сколько времени просидела так в сосредоточенных попытках вспомнить как вязать, какие бывают петли и как можно сделать носок, но оказалось, что спиц-то ей нужно больше, чем две. А значит снова надо будет просить сына Целсы ей помочь.

— И что это будет? — спросил кто-то из воинов наклонившись над её вязанием.

— Надеюсь носки, — отозвалась Милена, подняла голову и встретила с голубыми, как аквамарин, глазами.

— Носки? — в руках у парня был тот самый птенец, которого кормила ночью Оань.

— Ага, — кивнула Мила, потом поняла, что может слово непривычное и слегка нахмурилась. — Можно я не буду объяснять что это? У меня с этим сложно.

— Да не вопрос, — он пожал плечами и сел рядом.

Милена попыталась вспомнить как его зовут — Брок, кажется. И, ох, да, — это же сын ферана!

С ним Милена ещё ни разу не сталкивалась, да и видела его только издалека и тогда определённо решила, что он красивый и он был похож на Шерга. От этого сравнения передёрнуло, но нет...

Сейчас, вблизи, она видела эти невероятно красивые глаза, мягкую улыбку, руки с длинными пальцами, такие, как говорят, мечта пианиста? Издалека он не показался ей большим, но сейчас — он определённо был изарийцем и хотя на вид ему было совсем не много лет, хотя борода конечно искажала понимание, но мягкость в лице нельзя было убрать, и несмотря на возраст у него были широкие плечи и рост внушительный. Остальное скрывала одежда и Милена мысленно дала себе подзатыльник — что за ужас-то, теперь она бессовестно рассматривает сына ферана.

Хотя парень не заметил её пристального взгляда, он был поглощён кормлением птенца. Милена даже не заметила, как расплылась в совершенно идиотской улыбке, наблюдая за этим.

— Если переживёт ещё один день, то скорее всего не помрёт уже, — отозвался Брок.

— Будет здорово, — ответила она.

Юноша улыбнулся и кивнул. И Милена снова начала изучать его лицо отчаянно пытаясь найти сходство с его отцом. словно хотелось понять, что же видела Хэла в грозном феране, чего не видела она, будто вглядываясь в парня можно было это понять. Но глаза у него и вправду были необыкновенные. У ферана такие же, правда? Как она могла не увидеть?

— Брок, — громыхнул откуда-то сверху Тёрк.

Милена аж подпрыгнула, а парень вздохнул.

— Иду, — ответил он и, снова улыбнувшись ведьме, ушёл внутрь.

Милена смотрела ему в след и мысли спутались — быт, законы, феран, Роар, Элгор, Хэла... Брок почему-то... кажется она сходила с ума!

— Ах ты, маленькая дрянь, — взвился чей-то знакомый голос, и с той стороны, в котором была, как уже точно знала Милена, сторона харна, выбежала рыдающая Найта.

Девочка была сама на себя не похожа, она была лохматой, вся в слезах, крошечной, словно внезапно уменьшилась в размере. Она споткнулась и упала прямо в грязь. За ней выбежала всклокоченная, совершенно изменившаяся в лице та самая необычайно красивая наложница ферана, которая на кострах смотрела на Хэлу с ненавистью и язвительно просила спеть колыбельную.

— Шера, да оставь её! — за ними во двор вышла ещё одна, судя по цвету платья, наложница.

Ленты на её рукавах и ворота говорили о том, что это наложница митара. Она была высокой, стройной, темноволосой, красивой.

— Нет, Ялса, не проси, за воровство ей руки надо поотрубать, чтобы не могла больше чужое брать, — зашипела Шера и потянула к девочке руку, а та сжалась, прильнула к земле. Она что-то говорила, но Милена не могла разобрать из-за того, что одновременно с речью Найта рыдала навзрыд.

— Не трожь, — от этого громогласного возгласа Хэлы кажется замер весь двор, хотя там было совсем мало народа, не как обычно.

Чёрная ведьма стояла на другой стороне двора, она явно вышла из той части дома, в которой они жили, лицо её было жутким, такое Милена уже видела и предпочла бы забыть, какой угрожающей может быть эта женщина в мгновения ярости и какого-то необузданного бешенства.

— Хэла, — зашипела Шера, а Найта отчаянно рванула к ведьме и, упав ей под ноги, вцепилась в её юбку.

Ведьма села рядом с девочкой и обняла её.

— Она украла у меня серкит, знаешь сколько он стоит, а? — и она всё шипела с каким-то нереальным хрипом, зло, ядовито, с ненавистью. — Я добьюсь того, чтобы её наказали, если она полоумная, если дура, строит из себя умом неударённую простачку, то что? Плеть по ней не будет ходить? Будет, вот увидишь. Воровство не прощают, пойдёт в Хар-Хаган с клеймом мужиков шальных веселить. И думать не надо — самое для неё занятие. А то давно пора уже, может и поумнеет глядишь сразу, как мужик в ней побывает, говорят помогает.

— Тебе не помогло, — ответила на это Хэла спокойным и полным стали голосом.

Шера была сейчас такой страшной, что Милена даже подивилась тому, что лицо это такое правильное, такое красивое, может вообще быть вот таким жутким, отталкивающим. Белой ведьме стало не по себе.

Найта всё рыдала в Хэлу, из этого Мила разобрала, что девочка нашла камушек и оказалось, что он был Шеры и теперь она на неё зла, говорит, что она воровка, а она не хотела красть, она только взяла, она бы вернуда. А ещё Милене захотелось рыдать, когда девочка подняла на Хэлу свои заплаканные карие глаза и попросила, чтобы её больше не били.

Боже, насколько же нужно быть бесчеловечной?

— Давай, чёрная, скажи мне чего-нибудь, — ухмыльнулась Шера, сдерживаемая наложницей митара. — Думаешь, если греешь постель ферана, можешь безнаказанно заговоры творить? Нет, ведьма, твоего права нет, она своровала и будет наказана, ясно? И ты, коли хочешь, тоже можешь на наказание наговорить себе, или думаешь феран тебя спасёт? Только право на моей стороне, ведьма, ясно тебе?

Лицо Хэлы было непроницаемым, невозможно было понять, что она чувствует, хотя глаза её страшно горели, словно угли, взгляд был таким пронзительным, что казалось вот

сейчас Шера упадёт замертво, и как назло не было во дворе никого, даже стражники, которые обычно стояли внутри двора куда-то делись.

— И наговор мой тебе умнее стать не поможет, — ответила Хэла.

Во дворе показалась Мита:

— Боги, что случилось-то, Хэла? Найта?

— Давай, Мита, вырастила воровку, не рассказала ей, что брать чужое нельзя? Теперь вот расскажи какого это наказание получать за то, что натворила, — Шера удостоила их таким взглядом, словно смотрела на грязь под ногами, а не на людей.

Хэла что-то сказала Найте, та закивала, потом встала и с трудом пошла в сторону Миты. Только сейчас Милена поняла, почему девочка была такой растрёпанной — ей обрезали волосы! Обычно она прибегала к Хэле и та заплетала ей красивую тугую косу, потому что волосы у девочки действительно были шикарные. На глаза навернулись слёзы.

Хэла встала и долго смотрела на Шеру, пока та утаскивала со двора та самая наложница митара. Из дверей части дома, отданной харну выглядывали другие девушки, всем было интересно, чем закончится дело, и самое мерзкое во всём этом было то, что кроме Хэлы никто за Найту не заступился.

Милена хотела подойти к чёрной ведьме, но та лишь повела плечом, давая понять, что сейчас её лучше не трогать, и ушла со двора прочь, в поля.

[1] Джанго "Холодная весна"

Глава 12

В рабочей комнате ферана собрались все старшие мужчины дома — феран, митар, бронар, командиры отрядов. Гир давал отчёт Рэтару о патрулях, Тёрк комментировал и все дружно гоготали над его шутейками, а Гир периодически злился и огрызался, чем вызывал не меньше смеха.

В дверь ввалился Мирган, который только что вышел из портала, вернувшись из Шер-Ашгар. Он почтительно поприветствовал ферана, потом обнялся с Гиром, и пожал локоть Тёрку, а также по-отечески помял Роара, Элгора и Брока, отчего последние двое возмутились, хотя конечно Миграна невозможно было остановить. Характером они были очень похожи с Тёрком, но Мирган был жёстче. Рэтар явно видел в этом своём единокровном брате черты отца — неприклонность, жестокость, негибаемую упрямость.

Когда Тёрк предложил отправить его в Шер-Ашгар и дать ему вольную на то, чтобы он делал всё, что считал нужным, все они понимали, что в оплот придёт что-то настолько же жуткое, как смерть. Мирган не разменивался на мелочи и не любил лишние слова. Те воины, которые помнили Эаргана Горана частенько говорили, что Мирган наверное самый похожий на своего отца сын. По крайней мере среди сыновей наложниц.

— Я отправил раненых, думаю через две-три мирты они будут здесь. Вчера поздно, в темень в Шер-Ашгар пришёл отряд из Картары, — стал отчитываться ферану Мирган. — Сегодня передал их командиру все дела и решил вернуться. Прости, что без разрешения.

— Всё хорошо, — ответил Рэтар.

— Что там с Кардом? — спросил митар. — Я так и не получил ответа от него.

— Да хорошо с ним всё, — мужчина пожал плечами. — Он понимает, что виноват. Он остался в Шер-Ашгар.

Тёрк на это хмыкнул.

— Что? — посмотрел на брата Мирган. — А ты бы что выбрал?

— Я бы выбрал, сообщить ферану, что у меня ведьма в бойцах внезапно, и в такое

дерьмо не вяпался бы, — старший из мужчин развёл руками в сторону, жестом подтверждая очевидность своего решения.

Мирган согласно кивнул.

— Согласен, но и на старого тора бывает глупость находит и он пытается на вожака полезть.

— Все знают, что бывает со старым тором, который лезет на вожака, — парировал Тёрк.

— Он об одном только попросил, Рэтар, — Мирган весьма редко называл ферана по имени, но делал это всегда с таким уважением, что это никому не резало слух. — Просит за супругу свою. Она же должна по сути ехать за ним в Шер-Аштар и быть там, раз он теперь оплоту принадлежит, но Кард попросил, чтобы ты дал возможность ей самой решить этот вопрос. И разрешил бы ей остаться в Трите, если она захочет.

— Она же в корте ткачей? — отозвался Гир.

— Да, — кивнул Тёрк. — У него славная супруга. Характер у неё будь здоров.

— Я не против, — ответил Рэтар. — Пусть она сама решает.

— Тогда схожу завтра с ней поговорить, сегодня поздно уже, — кивнул Мирган.

— А, не поверишь, к нам сегодня алаган пришёл, — громыхнул старший из братьев.

— Серьёзно? — удивился тот.

— Да, помнишь, тот которого мы с тобой из-под трупов вытаскивали. Малой.

— Большой уже наверное?

— Красавец, — подтвердил Тёрк. — Вы узнали, откуда он взялся-то, Элгор?

— Не успел, — отозвался бронар и с опаской глянул на ферана, который казалось вообще не слушал разговор.

И Рэтар привык к подобным сборищам, иногда этого даже не хватало. Он слушал, да и опасливый взгляд младшего тана, конечно заметил, но виду не подал. Алаган был не самым главным, уж среди забот бронара точно.

— Я отправлю письмо, — отозвался Роар.

— Я сам, — огрызнулся Элгор.

Птенец за пазухой у Брока недовольно загурчал, получилось, словно передразнивая бронара. Тёрк на это ухмыльнулся.

— Это что? — нахмурился Мирган.

— Это мальчонка у нас теперь птицевод, — бухнул Тёрк. — Гвиргу выхаживает.

— Вот полетит он, будешь бурчать с завистью, — отозвался Брок.

— Ага, он тебе будет верхунов и трульков ловить, будешь на постое в лагере грызунами питаться, — все мужчины засмеялись, а парень покраснел, — свежее, так сказать мясо, не то что у нас прокопчённое или вяленое.

— Я его научу и он у тебя из под носа мясо будет мне таскать, — не сдавался парень.

— Как у Миты помнишь, утащил? — ткнул Тёрка Мирган.

— Посмотрим-посмотрим, — громыхнул мужчина. — Коли уест меня, значит уест.

— Элгор, — феран потёр глаза. — Лучше найди место в доме, куда можно алагана завести, чтобы не замёрз. С тоорами он в помещения не пойдёт.

Юноша кивнул.

— И так, чтобы завести можно было без особых проблем, — добавил Рэтар.

— Понял, — кивнул тан и вышел.

Мужчины ещё о чём-то пошутили, посмеялись. Роар написал записку для митара в

Хэжени и отдал Броку, который ушёл, чтобы отправить послание соседям, которые должны были смотреть за алаганом, но видно не доглядели или что-то случилось.

Мирган что-то рассказывал Тёрку, когда в дверях появился побледневший Элгор.

— У нас проблема, — сказал он и в комнате мгновенно стало тихо.

— Что? — спросил феран.

— Шера избил Найту.

— Кого? — нахмурился Мирган.

— Девочку простенькую, — пояснил Тёрк.

— За что? — вернувшийся брат ферана нахмурился.

— Подожди, Шера это же твоя наложница, — спросил у Рэтара Тёрк.

Тот кивнул.

— Шера назвала её воровкой, сказала, что та у неё камень какой-то драгоценный украла, — ответил Элгор.

— Хотра! Зачем этой благой камень-то, небось напутали чего, бабы-дуры, — покачал головой Мирган.

— Это половина проблемы, — продолжил Элгор.

— Что ещё? — спросил Роар, хотя все они уже понимали, что могло произойти.

— Всё это было во дворе и это было при Хэле, — сказал бронар.

Внутри Рэтара всё похолодело. Конечно Шеры ему было не жаль, а вот Хэла, которая защищая девочку, могла выйти из себя и наговорить того, чего не хотела...

— Шера мертва? — спросил митар, опережая ферана.

— Нет, — мотнул Элгор. — Ялса увела её в харн. Девочка у Миты. Хэла не знаю где.

Роар схватился первым — он выскочил из комнаты. Наверное к Мите или в харн. Рэтар встал и пошёл за ним.

Внутри было столько всего, что стало откровенно дурно. Больше всего ему хотелось сейчас найти Хэлу, но как, где, что вообще произошло? А внутри шептало ему, что он сначала должен разобраться в том, что случилось. Сначала сделать то, что он должен сделать как феран. Почему Хэла ничего не сделала? Зная её, Рэтар был действительно уверен, что глупая наложница уже мертва и весть о том, что нет, удивляла.

Пройдя мимо кухни, он услышал рыдания девчушки и голос Миты, успокаивающей её. Роара не было — значит рванул в харн. Феран зашёл в помещение и встретился с полным ужаса взглядом Миты, а Найта, увидев его сжалась и моментально перестала рыдать от страха, да и дышать кажется тоже.

— Достопочтенный феран, — заикаясь произнесла Мита, вставая и закрывая собой девочку. — Она не воровала ничего, прошу...

— Выйди, — сказал он резче, чем хотел, но Мита порой бывала невыносимо упрямой, а тратить время на уговоры он сейчас не хотел. Ему нужно понять, что случилось и найти чёрную ведьму.

— Простите меня, достопочтенный феран, — всхлипнула девочка, когда Мита, повинувшись его приказу вышла в коридор. — Простите, прошу вас, я нечаянно. Я... я...

Она тряхнула головой, потом спрятала лицо в ладонях и снова заплакала.

Рэтару стало так жаль её — обрезанные волосы, грубо, наискосок, явно в гневе и чем? Кинжалом? На шее были красные следы от пальцев и царапины от ногтей. Шера, вот же злая тварь.

— Найта, — он сел перед ней и положил руку на колено, отчего девочка сжалась. —

Посмотри на меня, девочка.

Она подняла на него свои заплаканные глаза. Простая, всегда улыбающаяся, Митой ей было строго настрого запрещено попадаться ферану на глаза и девочка усиленно старалась выполнять это указание, порой так рьяно, что было смешно.

— Расскажи мне, что случилось, — попросил он спокойно.

Рэтар знал, что его боялись. Чувство страха, почти животного, которое рождалось внутри у всех людей ферната, его никогда не радовало, никогда не вызывало в нём триумфа, но это порой помогало просто держать всё под контролем, а вот в такое время, как сейчас: холодное, голодное, злое — это было то, что нужно. В конечном итоге он просто научил себя не обращать на это внимания.

“Делай то, что должно, — говорил отец, — остальное не имеет значения. Грызи плотки, будь чудовищем, убивай без сожаления, если так надо. Не показывай слабости. Не показывай сомнения. Будь для них богом, иначе нельзя. Иначе они погубят тебя и погибнут сами!”

Найта силилась совладать с собой, что было сложно. Она выглядела взрослой, но взрослой не была — в голове её были только сказки и детские мысли, которым она сама с собой смеялась, сидя в уголке двора, чтобы никому не мешать.

— Я нашла камушек, когда была с домашними на стороне харна, — она всхлипывала и глотала слова, но старалась говорить внятно. — Я его взяла, он был красивый, серкий, сверкал так. А потом Шера стала кричать... она... забрала камушек, — девочка показала ему свои руки, исцарапанные и грязные, — она сказала, что я воровка, что своровала у неё камушек, но я нашла... правда-правда, достопочтенный... фе-феран, я нашла на полу...

Она заплакала.

— Тише, тише, — он погладил её по руке.

— Шера взяла кинжал свой, сказала, что за воровство руки отрезают, я так испугалась, — она стала захлёбываться слезами и попыталась вобрать в себя воздух, чтобы продолжить. — Я спрятала руки, а она, она... она меня за волосы взяла, потянула больно-больно, а потом рванула и отрезала мне их...

Больше она говорить не могла, потому как горечь от этого воспоминания захлестнула её, да и не было смысла в продолжении. Рэтар переплёл пальцы рук и уткнулся в них лбом, пытаясь понять, как быть и что делать.

— Найта! — решение так себе, но хоть что-то. — Найта, девочка, послушай меня.

— Вы накажите меня, достопочтенный феран?

— Давай договоримся, — как можно мягче проговорил он и она согласно кивнула, хотя глаза её были полны страха. — Ты дашь мне слово, что ты никогда больше так не сделаешь. Если ты найдёшь что-то подобное, то не будешь это трогать и скажешь взрослым — Мите, Хэле, стражникам, мне, бронару или митару, — на упоминание о Роаре она изменилась в лице, глаза её, даже сквозь слёзы засияли открытой и невероятной радостью. — Обещаешь?

Она отчаянно закивала. Это конечно было опрометчиво, потому как могло обратиться небольшой катастрофой — всё, что она будет находить, значимое или совершенно бесполезное, теперь будет проходить контроль старших. Но лучше так, чем побои, разодранная в кровь кожа и отрезанные волосы.

А ведь ещё надо было разбираться с Шерой.

И, боги, искать Хэлу! Лишь бы она ничего не натворила в бессильной злости.

— Хорошо. А теперь смотри, — он достал из кисета несколько камней, — выбирай любой.

Она удивлённо захлопала глазами, переводя взгляд с камней в его руке и обратно на лицо.

— Любой-любой? — с придыханием спросила она, размазывая слёзы по щекам.

— Любой, — улыбнулся Рэтар.

— И вы не будете меня пороть?

— Нет, — ответил феран. — Но про уговор не забудь.

— Нет. Я поняла, — сказала она с придыханием. — А можно вот этот, сирзый?

— Тебе нравится цвет? — кажется именно такую же горюшку она хотела подарить Роару.

— Да, очень, — на её лице расцвела невероятная улыбка, когда он положил ей в ладошку сирзый хилит.

Камень был не таким дорогим, как тот, который, судя по цвету, если она правильно сказала, а он правильно понял, был у Шеры, но достаточной стоимости, чтобы можно было купить несколько платьев или не самой худой еды почти на лунь. Хотя для неё это был просто красивый камушек.

— Найта, девочка, скажи мне ещё, что ты Хэле сказала?

Девочка вздрогнула, погрузилась, прямо на глазах потухла, словно магический слик.

— Я её обманула, — она всхлипнула.

— Обманула?

— Да, я не хотела, — Найта была очень расстроена и напугана. — Но Шера такая страшная была и так кричала, так шипела, я очень испугалась и обманула Хэлу. Ой, она теперь на меня злиться, да? Достопочтенный феран, я не хотела. Я так люблю Хэлу, я не хочу, чтобы она меня воровкой считала, но она же считает, да?

— Нет, — повёл головой Рэтар и сжал её руку. — Не считает. Всё хорошо. Хэла тоже тебя очень любит.

— Правда?

— Да, я знаю, — он погладил её по щеке и глаза её зажглись детской надеждой.

Феран вышел в коридор, где во всю голосила Мита. Рядом с ней стоял хмурый Роар.

— Не наказывай её, Рэтар, она дурочка, она... Рэтар... — начала причитать Мита.

— Феран, Мита, я твой феран, — зарычал он. — И за кого ты меня принимаешь, чтобы я ребёнка наказывал ни за что?

Мита вобрала в себя воздух и кажется забыла, как дышать. Она вжалась в стену, а Рэтар, пройдя мимо, отправился на улицу. Роар недовольно зыркнул на женщину и вышел за таном.

— Говори, — сказал Рэтар митару, когда они посреди двора встретились с Тёрком.

— Ялса сказала, что Шера с утра искала что-то, но им не говорила, что ищет, — стал рассказывать Роар. — А потом, когда домашние в харне убрали, Шера увидела в руках девочки камень и разошлась.

— Что за камень? — спросил феран.

— Ялса сказала серкит.

Рэтар кивнул — правильно понял.

— Серкит? — удивился Тёрк. — Ты ей серкит подарил?

— Нет, — рыкнул он в ответ. — Хэлу нашли?

— Нет, не нашли, — ответил старший брат. — В доме её нет. С башни говорят, что она в полях была, но не знают точно сейчас или это утром дело было. Они привыкли её видеть, рваш...

И Рэтар снова кивнул. Вот он снова — холод, льдом сковывающий нутро.

— Может отряд поисковый? — Тёрк тоже с трудом сдерживался.

Они с Рэтаром казалось всю жизнь были в связке, настолько прочной, тесной, что порой даже сложно было понятно, кто из них жёстче, яростнее, суровее. Рэтар был впереди только потому что был главным, а обязанности Тёрка были в том, чтобы прикрывать спину своего брата.

Тёрк был большим и славным парнем, всегда шутил и смеялся, но боги храните тех, кому не посчастливилось встать у него на пути. И, если Рэтар вызывал у всех очень однозначные эмоции, то с его единокровным братом было не так. Тёрк был своим, везде и всегда, но в ярости он мог разорвать человека на части, в прямом смысле. И сейчас в нём яростно бился гнев — если бы не было ограничений и уважения к положению ферана, то он был бы уже где-то там, он бы уже землю рыл, в поисках чёрной ведьмы, которую так сильно любил.

— Нет, — отрезал феран.

У него у самого рвалось всё внутри. Он сам был готов рыть землю, сам был готов всё вокруг в клочья порвать, но хладнокровие его зверя были словно вода Мёртвого акива. Он глянул на загон с харагами и ухмыльнулся.

— Роар, — сказал он тану, даже не посмотрев в его сторону, — сходи к Мите и скажи. Найте, что она красивая даже с короткими волосами.

Митар уставился на него в недоумении. Но Рэтар больше ничего не сказал, и, пройдя к загону, он поддел ногой ворота и открыл их.

— Найдёте хозяйку? — спросил он шёпотом.

В нём было сомнение, что звери не пойдут, не послушают его. Но, внутри рубил словами его отец: “Чуешь? Значит не сомневайся, никогда, не сомневайся, иначе тебе конец!”

Тот, что был поменьше, тот что радовался Хэле, Фобос, вынырнул из загона и рванул в поля без оглядки. Второй, Деймос, внимательно изучил Рэтара, аккуратно прошёл мимо него, повёл носом воздух и осторожно вышел в ворота.

Тёрк что-то громыхнул, но Рэтар его не слышал — теперь было главное не потерять из виду “деток Хэлы”.

Они не подвели. Фобос, как и предполагал Рэтар, убежал далеко вперёд, он вообще казалось выбежал в поле на вечернюю прогулку, но Деймос был сосредоточен на том, чтобы действительно найти чёрную ведьму. Феран знал, что нюх хараг очень хорош, но проблема была в реке, вода перебивала запахи, поэтому пришлось идти по следу женщины.

Несмотря ни на что нашли хараги её одновременно, было достаточно интересно наблюдать за тем, как Фобос, который якобы в поисках и не участвовал, отчаянно пытался опередить брата и добраться до ведьмы первым.

Хэла сидела на берегу, подобрав под себя ноги и опираясь на огромный валун спиной. Она была без плаща и Рэтар искренне радовался, что хоть сапоги из сунги она носила исправно, поэтому ногам точно холодно не было.

Ведьма удивилась появившимся ниоткуда животным, потом глянула наверх, на уступок возле тропки, что вела к реке и где сейчас стоял феран. Она плакала и, увидев его, отвернулась, вытирая лицо руками.

— Не надо было меня искать, — проговорила она, — я уже собиралась идти обратно.

— Хэла, — вздохнул Рэтар.

— Я знаю, что нужно вернуться до темени, прости, что заставила переживать.

Всё это она говорила не поворачиваясь к нему. Хараги то одна, то другая, тыкались в неё мордами, а Хэла прятала лицо и от них.

Рэтару стало больно, хотя он не мог до конца точно сказать, что именно эта женщина для него значит, кроме того, что отпускать её от себя он не мог и не хотел. И, что она была важна, что хотелось защитить от всего от чего он мог бы защитить, хотя было действительно до грустного смешно — это скорее она может его защитить. Как она сказала утром Тёрку? Она его уже не раз заговорила. Рэтар знал. Он точно знал. Хэла могла сделать для него намного больше, чем он для неё. Мужчина усмехнулся сам себе — он мог только обнять, мог только согреть, мог только спрятать... Но для неё ли он это делал?

Шере так повезло, что не попалась ему на глаза. А сейчас — боги, как хорошо, что они так далеко от дома.

— Хэла, — феран спустился и подойдя совсем близко столкнулся с выставленной в останавливающем жесте рукой, такой отчаянно нужной ему, такой нежной и ласковой.

— Уйди, Рэтар, пожалуйста, — прошептала она сбившимся голосом.

Он поймал её ладонь — ледяные пальцы.

— Ты замёрзла, Хэла, — проговорил мужчина и отругал себя, что ушёл на поиски без плаща.

— Не надо, — упрямо проговорила ведьма.

Феран сел перед ней на колени и потянул на себя. Хэла сдалась и, уткнувшись ему в грудь, зарыдала. Он просто прижал её к себе, потому что кроме этого ничего не мог.

Чувства собственного бессилия выводило из себя, внутри начинал гореть этот неутомимый яростный огонь, способный спалить и его самого и всё вокруг, зверь грыз его изнутри, потому что надо было делать ещё что-то, потому что привык действовать.

А тут он просто сидел и обнимал и это, как ему казалось, было самое болезненное дело, которое Рэтар совершал за много времени.

— Почему ты не наговорила ничего Шере? — спросил он, надевая на неё свою куртку, когда женщина успокоилась.

— Потому что кукушечка была виновата, — ответила едва слышно Хэла. — Она нашла камушек, но отдавать его не хотела. Для неё это просто красивая штучка, она даже ценности её не знает, оно ей и не надо. Просто красиво, просто нашла и оставила себе.

И ведьма снова заплакала.

— Она безумно переживает из-за того, что обманула тебя, — Рэтар подтянул её и устроил у себя на коленях. — Я пообещал ей, что ты не думаешь о ней плохо. А феран не может быть не прав, что бы ты знала.

— Я не думаю плохо, боги, нет... — мотнула головой женщина. — Она... просто я ушла, потому что была не в себе, я просто испугалась, что натворю жуткого чего, всем в доме. Да и Шера была права...

— Нет, Хэла, нет, — он нагнулся, чтобы постараться встретиться с ведьмой взглядом. — Она была неправа. Она не имела права ни бить девочку, ни уж тем более резать ей волосы. Она должна была привести её к нам — к бронару, к митару, ко мне. Это мы закон, Хэла, это мы можем решать кого наказать, а кого нет. И если завтра она без волос проснётся никто тебе и слова не скажет.

Рэтар улыбнулся, надеясь, что Хэла тоже улыбнётся.

— Тебе не жаль её волос? У неё такие красивые волосы, — прошептала она и не

улыбнулась.

— У Найты тоже были красивые, — заметил феран. — Их мне жаль.

— Нельзя научить сочувствию, Рэтар, — отозвалась ведьма. — Через наказание тем более. Шера не поймёт в чём она неправа, она только ещё больше взбесится, ещё сильнее попытается ужалить... но это нельзя понять, пока не пройдёшь хоть немного этого пути, а он тяжёлый, он страшный, там только боль и нет света... я никому не пожелаю по нему идти. И не имеет значения, что я могу ей сделать, она просто примет это, как мою злость на неё, но не справедливость за причинённые страдание ребёнку, пусть и в теле взрослого.

Слова эти были полны прожитой самой Хэлой болью, они заполняли отчаянием, которое делало его невыносимо беспомощным. Рэтар ненавидел это чувство, никогда не умел с ним справляться, но там, где он его испытывал, обычно можно было отпустить себя, можно было крушить, ломать, уничтожать, а здесь... ему нужно было делать совсем другие вещи и это доводило до грани.

— Пойдём домой, Хэла, — прошептал Рэтар. — Ты замёрзла совсем, ты можешь заболеть...

Ведьма, к его удивлению, почти безропотно кивнула.

— Хэла, я знаю, что это не всё, — внутри него сидело это, не сомнение, нет, не неверие, просто он сам не понимал, но словно было второе дно и она так тщательно от него это скрывала, что становилось не по себе. — Я верю тебе, Хэла, верю, но ты обманываешь меня... не надо, родная.

Она сжалась, отчаянно потрянула головой.

— Я не вру тебе и не врала никогда, ну кроме того раза, когда сказала, что Элгор не знал, где Милена, когда она пропала тогда вечером, — он уставился на неё, приподняв бровь. — Перестань, ты знал!

Феран утвердительно хмыкнул.

— Я не вру, я не договариваю, — согласилась всё же ведьма.

— Хэла, это, — он нахмурился.

— Я не хочу, чтобы ты разгребал неприятности из-за меня, тебе хватает, я не хочу быть проблемой, — пояснила наконец она и у Рэтара всё сложилось в голове.

— Боги, Хэла, ты не проблема, ты моё сокровище, — он взял её лицо в руки и заглянул в глаза.

— Скажешь тоже, — буркнула женщина и попыталась вывернуться, вставая и отворачиваясь. — Злое такое сокровище, подарок бога смерти.

— Неплохо, — улыбнулся Рэтар, вставая вслед за ведьмой и прижимая к себе, целуя её затылок. — Он мне должен.

Хэла повернулась к нему и нахмурилась, не понимая.

— Хэнгу, бог смерти, — пояснил мужчина, снова обнимая её лицо ладонями. — Я один из самых усердных его слуг, всю жизнь тружусь без устали и наполняю его грань душами. Он меня определённо уже должен был вознаградить. И если ты его дар, то это намного больше, чем я бы мог пожелать или о чём мечтать.

— Рэтар, — прошептала Хэла, едва слышно, дрожа в его руках и пусть он будет ужасным человеком, но её дрожь и её шёпот, тепло кожи под его руками, и холод там, где их не было...

— Хэла, несносная ты моя ведьма, — прошептал он ей в губы, нагнувшись, чтобы поцеловать.

И их снёс ураган. Огонь внутри полыхал, зверь яростно рычал — вот, чувствуешь теперь, чувствуешь? Не бесполезно, это не бесполезно... это нужно.

Подхватив Хэлу, он сделал два шага вперёд к стене камня и прижал её к нему спиной. Ведьма выдохнула стон ему в губы, встретилась с ним взглядом, полным желанием, всего мгновения и, чтоб ему гореть вечно в этом необузданном пламени...

Можно ли хотеть сжать кого-то сильнее, чем можешь? Можно ли впиться в кого-то яростнее, чем позволено?

У Хэлы были совершенно безумные глаза... настоящая ведьма, его собственная, теплая, нежная, живая и страстная... Её холодные руки скользнули под его рубашку и моментально согрелись, потому что его была горячка и так было каждый раз, когда он видел эти глаза, слышал эти стоны, целовал губы, трогал кожу.

Она опустилась на колени и Рэтар снова потерялся, мысли поскакали в безумной пляске, и ни одну нельзя было осознать или остановить, только беспощадное томительное мукой удовольствие, когда терпеть уже не было силы, он захрипел и поднял её на руки.

— Хэла, чтоб тебя, ведьма моя... моя, — одной рукой он держал её, а другой задирал юбки платья и сорочки, потом посадил и она ногами обвила его за талию.

Ни разу не было одинаково, ни разу с ней не было так же, как в прошлый. Одним было то, что когда он был с ней один, это было так как будто не было ничего другого до того и ничего не будет после. Только этот момент. Момент бездны и пустоты, слепящий, вырывающийся яростью наружу.

Он никогда никого не хотел задушить. Хэлу хотел. Он всегда держал себя в руках. С ней даже не пытался. Отпускал. Не терял, нет, он ощущал себя здесь и сейчас, как никогда. И он никогда не испытывал ни к кому столько нежности и ласки, до дрожи в руках.

Такое вообще возможно?

Она всхлипнула, впиалась ногтями в его плечи, выгнулась в его руках, потом протяжно застонала и он ощутил расходящуюся по её телу дрожь, переходящую в его собственное содрогание.

И близость никогда не была для него так важна, как с ней. Тянуло, разрывало, хотелось ещё, хотелось больше.

— Твои хараги после этого меня сожрут, — пытаюсь прийти в себя, прошептал Рэтар ей в шею.

— А может наоборот, будут беречь для меня? — ответила с придыханием ведьма.

— Хэла, — рассмеялся он.

— Снова нагрели, — покачала она головой. — А ещё даже темень не настала.

— В темень ещё нагрешим, — ответил он, радуясь, что она шутит, что стала прежней.

— И это я несносная? — повела ведьма бровью.

Ферану так хотелось взять её на руки и отнести домой, так бережно, как только он мог, но боги, проклятые правила... проклятые люди...

— Рэтар? — позвала Хэла, снова чувствуя его.

— Сейчас, — отозвался он, стоя с закрытыми глазами и держа её в руках, так отчаянно боясь отпустить.

... чтобы всему этому миру уже исчезнуть и оставить его в покое, наедине с Хэлой и больше ничего не надо.

— Что они делают? — спросила ведьма, когда они подходили к дому, а в загоне с алаганом происходила какая-то возня.

— Пытаются загнать зверя в помещение. Он не выживет на улице, тем более, что скорее всего к утру будет ледяной дождь, — Рэтар махнул рукой в сторону темнеющих на горизонте облаков.

— Надо помочь, — улыбнулась Хэла и отправилась к стоящему в загоне Тёрку.

— Ведьмочка моя, — пробухал тот, когда она подошла и кивнул Рэтару. — Достопочтенный феран.

— Мучаете животинку? — спросила ведьма.

— Не мучаем, — мужчина скорбно помотал головой. — Не идёт в дом, мы ему такое место тёплое и сухое нашли, а он ни в какую.

— А к тоорам нельзя? — спросила Хэла, облокотившись на перекладину загона.

Куртка Рэтара была ей велика, рукава свисали, но боги, как же ей шёл этот цвет. Глаза становились совершенно невообразимыми, бездонными, особенно, когда сейчас с боку на неё падал свет заходящей Тэраф.

Феран ревниво заметил, как Тёрк залюбовался Хэлой, и внутри зарычало успокоившееся после близости чудовище.

— Он же может перепрыгнуть через эти перекладины, роста хватает, да и прыти вроде, — заметила она скорее сама для себе. — Помню, с лошадьми меня всегда волновал этот вопрос — почему бы не свалить куда подальше, если можешь перепрыгнуть? Но мне простительно, я была подростком. Потом я конечно поняла...

В этих словах сквозила тоска и печаль, такая вроде невесомая, невидимая, но жестоко сбивающая с ног.

Тёрк вздохнул и прямо из-за него, совершенно неожиданно вышел алаган. Зверь появился так тихо и внезапно, хотя только для Тёрка, к которому животное подобралось со спины, и Рэтара, который был сосредоточен на Хэле. Сама же ведьма наблюдала за алаганом и, когда он подошёл, оказалось, что она протянула ему руку. Тот проурчал ей в рукав куртки ферана, пытаясь найти руку. Потом вытянув шею ткнулся в ведьму головой, она обняла его, потерявшись в гриве.

— Обижают тебе, малыш, злые дядьки? — прошептала она. — Пришёл пожаловаться? Ты мой славный, они не со зла, но страшные, аж жуть, как хараги, да?

Тёрк ухмыльнулся и зверь нервно переставил задние ноги.

— Они хорошие, правда-правда, они от тебя в восторге, просто не признаются. Ты же такой красивый, невозможно просто, — шептала Хэла алагану в шерсть, а тот довольно фыркал и водил ушами.

Мужчины переглянулись. Рэтар уже не пытался понять, как у неё это получается. Сейчас он был уверен, что Хэла может даже без проблем сесть на него и алаган не будет против, а наоборот будет рад, хотя приручить этих животных было сложно, а оседлать тем более. Точнее сложно было именно вот с этими, изарийскими алаганами. Те, которые жили в других местах, особенно там, ближе к тёплому морю, поддавались усмирению намного лучше. Но в Изарии была самая красивая и самая тяжёлая по характеру порода зверя. Как впрочем и всё в Изарии — слишком уж жестокий край у них был.

— Нравится тебе обниматься, мой хороший, нравится? — Хэла улыбнулась и уткнулась лбом в нос алагана. — А давай, ты пойдёшь с ними, и они тебя накормят вкусняшками и даже теплое место для сна тебе покажут, а я завтра к тебе приду обниматься? Давай? Я обещаю.

Тёрк улыбнулся и покачал головой, давая понять, что идея прекрасна, но...

Однако зверь ткнулся в Хэлу, заурчал так протяжно и жалобно как-то, а потом пошёл в сторону Элгора и ещё нескольких воинов, которые до того безуспешно пытались загнать его в помещение, где обычно хранили тюки с едой для тоор, а сейчас быстро разгребли место для алагана.

— Чтоб мне на месте провалиться, — Тёрк дождался пока зверь попадёт внутрь и хлопнул по загону. — Хэла, признавайся, заговорила же?

— Пффф, просто не умеете вы договариваться, надо было мягче, дипломаты, блин! Он же ребёнок совсем, а тут толпа дядек бородатых, я бы вам устроила на его месте!

Тёрк рассмеялся, Рэтар улыбнулся и погладив спину Хэлы, кивнул ей в сторону дома.

— Давай, Хэла, иди греться!

Она улыбнулась и стала снимать куртку.

— Не надо, холодно, — но она упрямо мотнула головой и отдала её ему.

— Тут близко, — она хлопнула по ноге и из поля поднялись хараги, которые до этого послушно лежали, ожидая, когда можно будет идти дальше.

Рэтар вообще напрочь о них забыл.

— Завидую тебе люто, чтоб ты знал, — проговорил Тёрк, кивнув в сторону уходящей ведьмы.

— Я кажется сам себе завидую, — ответил ему феран, переводя взгляд в сторону идущего в их сторону бронара.

— Как у неё это вышло вообще? — восхищённо развёл руками Элгор. — Мы тут уже задницы надорвали за ним гоняться, думал сейчас прыгнет через перекладыны и уйдёт от нас. А тут пришла и словно подменили животину, вот же.

— Что, девки твои тебя так не гоняют? — ухмыльнулся Тёрк, наблюдая, как юноша запрыгивает на загон и садиться на него верхом.

— Тёрк, чтоб тебя, — буркнул он.

— Элгор, откуда у Шеры серкит? — спросил Рэтар у тана в лоб, чтобы не успел ничего заранее придумать, если было что скрывать.

— Что? — тот уставился на ферана с трудом устраиваясь на перекладине.

— Откуда у Шеры серкит, который у неё Найта якобы украла?

— Рэтар, — парень покраснел, в нём колыхнулась ярость. К такому повороту он точно готов не был. — Я...

— Мне плевать сейчас на то, что ты там с ней по углам делал, рваш с тобой, Элгор! — спокойно сказал Рэтар. — Откуда у неё камень?

— Я не дарил ей камней, тем более серкит! — ответил Элгор. — Я вообще ничего никогда ей не дарил!

— Только самого себя — распрекрасного и шикарного. Подарок из подарков, куда там серкиту, — съязвил Тёрк и получил самый злой из имеющихся у бронара взглядов.

Рэтар тяжело вздохнул.

— К утру я хочу знать откуда у неё такой дорогой камень, — он посмотрел на Элгора.

— И как мне это сделать? — нахмурился тот.

— Можешь задницу ей помять, — ответил Тёрк ухмыляясь. — Вдруг в порыве страсти расскажет, а если не справишься, то нас позовёшь и мы сами спросим.

— Мне плевать как. Узнай и всё, — приказал Рэтар. — Если надо оттащите её в сторожевую башню, — и он пошёл в сторону дома.

Пройдя по двору, глянул на хараг, устраивающихся на ночлег в своём загоне. Надо бы

похвалить их за то, что помогли найти Хэлу.

— Мита, — кликнул стряпуху Рэтар, когда вошёл в коридор домашних.

В коридоре Хэла мягко погладила щёку Найты и поцеловала её лоб, после чего под полным злости взглядом Миты, прошла мимо неё наверх.

И Хэла была похожа на провинившуюся прислугу, на девочку, которая пытается уйти от ненужного и тревожащего её конфликта. От стройной, всегда прямой и с вызовом всё принимающей ведьмы не осталось и следа. Рэтара хлётко ударила ярость.

Мита подняла на него глаза и стала собой — её злость ушла, глаза стали влажными и тёплыми.

— Вы звали, достопочтенный феран?

— Кости тельг есть? — спросил он, сглатывая, пытаясь держать себя в руках.

— Есть, — кивнула женщина.

— Дай две одинаковые, если мясо будет — хорошо.

Она поклонилась и безропотно удалилась в стряпную. Найта глянула на него, улыбнулась и, поклонившись, убежала в кладовую, где обычно спала. Миты вынесла две кости с небольшим количеством мяса на них и протянула ферану.

Она явно хотела что-то сказать, но потом передумала, а у него сейчас не было желания и сил говорить. Рэтар боялся, что сметёт женщину за вот то, чему сейчас стал свидетелем, потому что почувствовал боль Хэлы и в голове забились слова Тёрка о том, что Хэлу будут топить из-за близости с фераном, а она будет молчать. Будет. Только он не думал, что топить будут вот такие как Мита... боги, стряпуха же любила Хэлу?

Феран вышел во двор и, позвав хараг, кинул им кости. Фобос радостно набросился на угощение, а Деймос сначала дождался пока Рэтар уйдёт — осторожничал! И вот это феран понимал.

Поднявшись наверх, он кивнул заговорившему с Хэлой Броку и, подхватив ведьму за талию, втащил её внутрь.

Она была ледяной — платье, волосы, кожа. Замёрзла и всё не давала себе возможности показать себя слабой, уязвимой. Сейчас Рэтару не хотелось тревожить её вопросами, которые раздирали изнутри, он просто хотел её согреть, он хотел её обнять, хотел поцеловать, хотел ощутить себя внутри, потому что желание близости снова стало тянуть за собой в бездну.

— Рэтар? — он даже не дал ей возможности развернуться, просто подтолкнул к задней комнате.

— Пока раздеваю тебя, можешь нагреть воду, — прошептал он ей в затылок.

— Достопочтенный феран, ты с ума сошёл? — ведьма спрашивала с усмешкой, но голос уже просел, в нём появился огонь страсти.

— Да, — шепнул он, целуя её шею сзади и развязывая шнурки на платье.

Потом аккуратно развернув к себе лицом, опустил её на пол.

— Я серьёзно, Хэла, если не нагреешь себе воду, пока снимаю с тебя сапоги будешь греться в ледяной воде.

Ведьма легла на спину и запрокинув руку за голову опустила пальцы в воду.

Ничего прекраснее Рэтар наверное не видел — она была сейчас невыносимой, сводящей с ума. Волосы растрепались из прически и забавными завитками разметались вокруг лица и по полу, глаза прикрыты, дрожащие ресницы, тяжёлое от возбуждения дыхание, румянец на щеках, приоткрытые губы... в комнате стало тепло, а потом жарко.

Или это его снова бросило в жар от этой женщины?

Потянув её за руку и усадив, Рэтар стащил с неё нижнюю сорочку:

— Живо в воду! — скомандовал феран и стал раздеваться.

— Грешим в воде? — спросила Хэла, склонив голову набок и окончательно выводя его из себя.

— Грешим, ведьма моя, — вода была горячей, щипалась, но было совсем не до того, потому что шутки кончились, когда он добрался до неё и притянул к себе.

С яростью, с безумием... ему было отчаянно мало того, что было между ними у реки, та близость лишь немного его успокоила. Рэтару было нужно упасть в бездну сейчас — было необходимо унять весь тот шум в голове, беспокойство, непонимание, вопросы, тяжесть его положения. Хэла давала ему это. Рэтар забывал что он и кто он. Она дарила забытьё.

Только близость где-то нигде.

Там у реки, у него не было возможности схватить момент, но сейчас в его распоряжении он был. Рэтар мог продлить его, мог сделать таким каким хотел. Не важно близость ли, уносящая бурным потоком реки, или просто лежать рядом пропуская сквозь пальцы её волосы, чувствуя как её пальцы замедляясь рисуют узоры на его коже, а потом успокаиваются, когда она засыпает, и он остаётся в тишине, слушая её размеренное дыхание и внутри рвут на части жгучее желание разбудить и овладеть, потому что мало, и безумная нежность, рождающаяся в попытке сберечь её покой и хранить её сон.

Мысли вернулись с яростным потоком ливня. Холодный дождь вернул Рэтара в реальность, полную событий, которые его тревожили и он не понимал, что со всем этим делать.

Потом усталость утянула его и он провалился в беспокойный сон, ставший крепким лишь перед восходом Изар.

Глава 13

Открыв глаза, Рэтар ощутил невыносимую пустоту от потери тепла тела Хэлы рядом. Он сел и осмотрел комнату — ведьма ушла, не разбудив его.

Изар уже поднялся над горами и, пробиваясь в окно, беспрекословно требовал начать день.

Одевшись, феран вышел в рабочую комнату. На столе лежали несколько донесений и свёрток, доставленный посланником из Горша. Выйдя в коридор, он кивнул приветствующим его стражникам и спустился вниз. Хэлы не было ни на кухне, ни во дворе, хотя в это время она обычно уже возвращалась назад, может сегодня тоже встала позднее, чем обычно? Хараг в загоне не было.

— Достопочтенный феран, — поприветствовал его Мирган, вернувшийся из селения.

— Мирган, — Рэтар поприветствовал его в ответ. — Был у супруги Карда?

Тот кивнул подтверждая догадку.

— Она просит дать ей время подумать, но конечно... я понимаю, что ты наверное будешь против, но я предложу — может дадим ей возможность с ним поговорить хотя бы? Через портал отправим, и пусть после решает, чего хочет и как ей быть.

Рэтар согласился:

— Хорошо. Сделай ей подарок в честь блага Изар.

Мирган поблагодарил Рэтара и хотел было отправиться в дом, но потом вернулся к ферану:

— Наложница эта твоя в сторожевой башне. Я у неё кiset с камнями нашёл.

К ним подошёл хмурый и расстроенный Элгор.

— Достопочтенный феран, — поприветствовал он тана.

— Откуда камни сказала? — спросил Рэтар, скорее у обоих, чем у кого-то конкретного.

— Мирган уже рассказал? — вздохнул бронар.

— Только, что камни ещё нашли, — отозвался командир.

Бронар на это вздохнул и начал доклад:

— Она молчит. Но одна из моих мне сказала, что к самой Шере в харн никто не ходил, а вот она уходила куда-то сама по себе. А ещё пара девиц из наложниц и кое-кто из домашних видели её с Шерга, — Элгор скривился. — Но она говорить отказывается.

— Откуда у Шерга серкит? — спросил Рэтар.

— Мог за Шер-Ашгар получить, — предположил тан. — В книгах у митара должны быть сведения сколько и как заплатили командирам и воинам.

— Узнай, — приказал бронару феран.

Тот кивнул. И они разошлись.

Сначала Рэтар хотел пойти в поля, но потом решил спуститься под сторожевые башни.

— Достопочтенный феран, — Шера выглядела скверно, была напугана и смотрела затравленно, словно загнанный зверь. — Простите меня, прошу, я не сделала ничего плохого, простите меня, простите, я не виновата ни в чём!

— Откуда серкит, Шера? Откуда остальные камни?

Она замотала головой, отчаянно пытаюсь закрыться, обняла себя руками. Волосы красивыми волнами укрыли её плечи и спину. Было видно, что её вытащили из постели и сразу, без лишних слов, притащили сюда, поэтому она была босая, в нижней сорочке, сшитой из самого лучшего материала, который можно было найти, дорогого и бесполезного в условиях их жизни. Но эта вещь не могла иметь никакой пользы, она должна быть красивой, дополняя хозяйку. Наложница ферана должна иметь всё самое лучшее, чтобы господину было с ней хорошо.

Рэтар внутренне усмехнулся. Ему было на неё всё равно. Всегда. В одежде или без. Он смотрел на Шеру и она была лишь очередной девицей, которую ему зачем-то подарил великий эла. Зачем? Поиздеваться?

— Я же узнаю откуда, — проговорил феран. — Точнее, я и так знаю, Шера. Зачем врать мне, навлекая на себя ещё бóльшую беду, чем уже на тебя свалилась?

Она дрогнула и подняла на него заплаканные глаза:

— Это ведьма, да? — прошептала наложница. — Чёрная ведьма? Это она вам наговорила про меня? Или она сделала так, чтобы все меня в один момент возненавидели? Или, чтобы я тут оказалась? Достопочтенный феран, я прошу, я не виновата, выпустите меня, прошу. Я зря вам не пожаловалась, мне жаль. Но права ведьма не имеет меня наказывать, достопочтенный феран, прошу...

Он встал. Если ему и было немного её жаль, вот только что жалость испарилась. Рэтар качнул головой.

— Красивая и такая глупая, — произнёс он с сожалением, — и почему вы такие так нравитесь эла? Как на подбор, даже и не знаю...

Феран вышел уже не слушая её мольбы и надеясь, что она одумается и не придётся делать с ней что-то наперекор себе.

Хэлу он нашёл сидящей на ветке шругвы, вокруг бегали хараги, задирая друг друга.

— Ты меня бросила, — сказал Рэтар и подтянувшись устроился на ветке, что была чуть

выше, сбоку от ведьмы.

Рука его могла достать до её щеки, а изловчившись можно было даже поцеловать её, но он ограничился лишь тем, что положил руку ей на плечо.

— Увидят, — ведьма посмотрела на него снизу и потом кивнула на сторожевые башни.

— Не увидят, — улыбнулся феран, проводя пальцем по её щеке. — Ветки и ствол нас скрывают и с башен видны только наши ноги, а с ними всё очень прилично.

— Откуда такая уверенность? — спросила Хэла. — Ты проверял?

— Не я — Роар.

Она рассмеялась и поймала его руку в свою, поцеловала.

— Не хотела тебя будить, — ответила ведьма. — Ты обычно очень чутко спишь, а тут прям заспался, поэтому я просто решила, что тебе надо отдохнуть. И я ушла совсем недавно. Ещё проверяла алагана.

От того, что она целовала его руку внутри стало растекаться тянущее в бездну тепло.

— Хэла, — прохрипел он, а ведьма обхватила губами его большой палец и издала такой невообразимо уничтожающий самообладание стон, что в паху стало тесно, вот хоть бери её прямо здесь и сейчас, и вообще искренне наплевать, что там видно со сторожевых башен, а что нет.

К ним подлетела одна из хараг и ревниво ткнула мордой в лицо хозяйки, Рэтар посмотрел вниз и встретился с полными угрозы глазами зверя.

— Хорошо, что руку не откусил, — сказал феран и усмехнулся, на что получил весьма внушительно полный угрозы рык.

— Деймос, — покачала головой Хэла. — Где твои манеры?

— Я ему не нравлюсь, — ответил Рэтар, вобрав в себя воздух и пытаюсь прийти в себя.

— С чего вдруг? — улыбнулась ведьма, всё ещё сжимая его руку, а другой почёсывая ухо хараги.

— Потому что мы с ним похожи, — зверь скосился в сторону мужчины, создавая впечатление, что всё понимает. — Да?

— Хм... Похожи?

— Он внимательный, осторожный, всегда готов к бою, — пояснил феран. — Ты видела, как он выходит с тобой из ворот?

— Как?

— Он всегда идёт рядом, никогда не оставляет тебя одну, осматривается по сторонам, ищет угрозу, слегка припадает к земле, и, только когда убедится, что всё хорошо, уходит от тебя.

— Да, — согласилась Хэла, — а Фобос всегда убегает.

— Фобос похож на моего брата, — проговорил Рэтар. Он следил глазами за скачущей по полю второй харагой и внутри всё рвалось от чувства вины. — Риван тоже такой был — пока опасность по морде не влечет, он её не увидит. Вечно лез куда не следовало.

— И часто ты наблюдаешь за нами? — спросила ведьма, вытаскивая его из холодных цепких пальцев болезненных воспоминаний. — Это знаешь ли странно.

— Ничего странного, Хэла, я должен быть уверен в том, что с тобой всё хорошо. Если бы он, — феран кивнул на Деймоса, — был другим, или таким же как его брат, то одна бы ты их не выгуливала, уж поверь мне.

— Что со мной может случиться? — усмехнулась ведьма.

— Не надо, Хэла, — и Рэтар ясно увидел её на столе у мага, ощутил запах сырости и

смерти, и страх вцепился в хребет.

— Я хотела спросить, почему ты позволил мне их оставить? — снова вопросом дёрнула его назад женщина. — Кажется все посчитали тебя сумасшедшим из-за этого.

Рэтар усмехнулся. И появилось какое-то понимание — Хэла ведь чувствует, да? Она не признается, но чувствует его. Не смотрит в него, не читает, не копается в воспоминаниях — просто чувствует.

— В тот момент, Хэла, я был готов выполнить любую из твоих просьб, — ответил феран. — Если бы ты попросила всех там уничтожить — я бы сделал, если бы жизнь мою попросила — я бы отдал. Спасти жизнь хигам, хм, это так просто и так... не знаю...

Он помолчал. Наверное нельзя было бы подобрать слово, чтобы объяснить.

— Во мне было так много страха за тебя и я так боялся, что ты нарвёшься на охоту и пострадаешь, или тьма смерти, которую ты прогнала, настигнет тебя и поглотит. И, когда я тебя нашёл, то на мгновение подумал, что ты умерла... поэтому, когда понял, что нет — я был готов для тебя на всё.

— Вот ведь, — отозвалась она, хмыкнув и посмотрев на харагу. — Слышишь, Деймос, тварь дрожащая, как я прогадала? Могла всё золото мира получить и жизнь ферана сверху, а в итоге? Два снедуга на задницу заработала.

Она сказала это так серьёзно и так недовольно цыкнула, что харага спрятала свою морду под ветку, на которой сидела ведьма, будто провинился, но Рэтар в это время рассмеялся, и зверь поднял на него свой полный недоумения взгляд. В этот момент рассмеялась и Хэла, и теперь харага наклоняя голову, смотрела на них переводя непонимающий взгляд с одного на другого.

На мгновение стало так тепло и хорошо, что показалось, будто ничто не может разрушить эту магию, не сможет отнять это у Рэтара. Но Деймос внезапно ощетинился, зарычал, оскалив клыки, прижался к земле, готовясь напасть.

— Ох, твою ж налево, — горестно проворчала Хэла, сжала руку Рэтара и соскочила с ветки.

Сам феран сидел спиной к Триту, поэтому не видел того, кто помещал им своим появлением и сломал такой хрупкий, полный покоя, момент. Ведьма подняла на него своё лицо, ветка на которой он сидел доходила ей до середины груди — в голове мелькнула мысль, что хочется её поцеловать. Она нахмурилась.

— Кто? — спросил феран.

— Шерга, — прошептала Хэла. — Пойду, а то мои детки его сожрут, и ты мне прикажешь их убить.

— Не прикажу, его могут сожрать.

— Ай-яй, достопочтенный феран, как не хорошо. Закон един, разве нет, — она улыбнулась и хотела уйти, но он не отпустил её руку.

— Хэла, придёшь посидеть со мной, когда я буду работать? — спросил он, а она подняла на него удивлённый взгляд.

— Мешать тебе буду, — ответила ведьма, явно смущаясь.

— Не будешь, — он мотнул головой. — Придёшь?

— А бумага и краски будут? — спросила она, приподнимая бровь.

Рэтар нахмурился.

— Что?

— Дашь мне порисовать? — пояснила Хэла и улыбнулась такой невообразимо

прекрасной открытой детской улыбкой, что сердце защемило, а внутри всё взвыло от тоски по ней.

— Порисовать? Да, — он рассмеялся. — Лошадь мне нарисуешь?

— Нарисую, — Рэтар поднёс к губам её руку, поцеловал почти невесомо, и отпустил.

Хэла подобрала юбки платья и побежала прочь от дерева, задирая по пути бегущего рядом Деймоса, а Фобос сначала недовольно пригнул голову, устремляя в сторону непрошеного гостя полный звериной угрозы взгляд, а потом ринулся наперерез к Хэле.

— Достопочтенный феран, — Шерга обошёл дерево и встал перед ним, поклонившись и положив руку на меч.

Самое противное было то, что внешне Шерга был похож на самого Рэтара больше всех остальных его единокровных братьев. Точнее на того Рэтара, до ранения, до шрама.

Было время, когда их можно было поставить рядом и, при наличии усов и бороды, становилось весьма сложно отличить одного от другого. Только глаза были разного цвета. Одно время Рэтар даже усердно брил лицо, лишь бы никто не перепутал его с Шерга — такая схожесть невыносимо раздражала.

Никто не понимал зачем они терпят его. Зачем держат такого страшного человека так близко, особенно зная, что внутренние качества его оставляют не просто желать лучшего.

Шерга был гнилым и мерзким. Рэтару казалось, что любого другого он бы уже уничтожил, но тут... дело было не в братской крови, нет.

Дело было в том, что Шерга был весьма осторожен. Он всегда оказывался в ситуациях, когда правда была на его стороне, когда нельзя было что-то сказать, предъявить. Он грабил, насиловал, убивал, у него не было морали и совести, он попирали человеческую жизнь — для него это было пустое. Только он сам имел значение.

И конечно он всегда хотел стать фераном.

Однако, в отличии от желания того же Элгора, который скорее из-за юношеской горячности желал получить место, которое когда-нибудь обязательно станет его, просто потому что ему надоедало подчиняться, но не более того, Шерга желал то, что ему было недоступно. Но в своём желании и своём намерении был абсолютно уверен, даже до откровенного вызова.

Сейчас он стоял перед фераном, но вид у него был такой, будто совсем немного и они поменяются местами, поменяются обязательно, просто сейчас время такое и надо перетерпеть.

Все они были настроены против Шерга: Тёрк его откровенно презирал и у него были для этого весомые причины; Мирган ненавидел и был одним из тех, кто искренне хотел свернуть брату шею; Гир мирился, через силу и откровенно радовался, что Шерга не в его отряде, и вот сейчас наверное тихо желает Рэтару кар небесных, за то, что ненавистный братец ходит у него в простых бойцах.

Роар Шерга люто ненавидел, хотя изначально они были достаточно дружны, но потом сцепились не на жизнь, а на смерть, и почти поубивали друг друга, если бы их вовремя не растащили, с тех пор, при упоминании Шерга, у Роара шерсть дыбом вставала и он хотел только одного — убивать.

Элгор же, к их нескрываемому разочарованию, был с Шерга достаточно дружен, вплоть до того, что бронар позволял командиру отряда ферана захаживать в свой харн и наверное несчастные наложницы были этому вовсе не рады, потому как с женщинами Шерга обращался не просто грубо, а жестоко, почти на грани, а порой бесчеловечно, испытывая от

этого невообразимое удовольствие.

Сам Рэтар был обстоятельствами вынужден относиться к нему как феран, а значит оценивать по поступкам, которые важны для ферната. И в служении, которому Шерга себя посвятил полностью, равных ему было не так много. В бою он был отличным командиром — хладнокровным и рассудительным. Он не давал спуску простым воинам, но и не отсиживался в задних рядах в тяжёлые моменты, не уходил от схватки. И он хотя бы раз спасал жизни им всем. И Тёрку, и Миргану, и Гиру, и Роару, и Элгору, и, к его отвращению, самому Рэтару.

“Жизнь за жизнь!”

Закон их мира был прост и непреложен. На высшем уровне, на магическом, от него нельзя было уйти или отвернуться. Он был един для всех от простого человека до ферана или самого великого эла.

— Шерга, — внутренне едва сдерживая себя, поприветствовал брата Рэтар.

— Я хотел поговорить, — произнёс тот и как же хотелось сказать “нет” и уйти вслед за Хэлой, или пойти ощутить отрезвляющий холод воды Нравы. Но вместо этого всего пришлось согласно кивнуть, давая разрешение говорить. — Скоро дом уходит в Зарну, отряд уходит, мой отряд, достопочтенный феран, а я получается остаюсь тут, под Гиrom?

— Отряд митара тоже уйдёт в Зарну, просто чуть позднее, чем мой, — он произнес это слово спокойно, а хотелось с нажимом, — отряд, Шерга. Такое большое значение имеет день, в который ты отправишься в путь?

— Да. Потому что, если я иду с твоим, — а он заметил, нажал, внутренне оскалился, — отрядом, я буду командиром, а с отрядом митара останусь простым служакой.

Рэтар покачал головой.

— С чего ты взял, что останешься командиром.

— Нет, Рэтар, ты не можешь... они уже косо смотрят в мою сторону, смеются за спиной... — феран встретился с тяжёлым, озлобленным взглядом Шерга. — Я столько времени доказывал, что я достоин, добивался уважения, и теперь всё идёт прахом из-за одной моей досадной ошибки?

— Досадной ошибки? — переспросил феран и сдерживать себя стало невыносимо тяжело.

— Да, Рэтар, я ошибся, — ответил он, выходя из себя. — И я признаю это. Признаю, чтоб тебе, я виноват. Я должен был, но я просто сплеховал. Сплеховал. Ты всегда идеален?

Вот. Любимый приём. Увести от себя, перевести на другого, принять оборону заранее.

— Никто не идеален, Шерга, — ответил как можно спокойнее феран. — Но этого от тебя никто и не ждал. От тебя ждали правильного выполнения своей работы. Всего лишь.

— И ты меня наказал, — только вот наказанным или повинившимся он не был, — достопочтенный феран.

— Я подумаю, — ответил Рэтар.

Шерга кивнул и расслабился.

— Ты подарил Шере серкит?

И снова напрягся, весь сжался, внутренне оскалился, хотя внешне он остался спокоен.

— Шере? Серкит? — спросил он. — Не понимаю.

— Уверен? — уточнил феран, вглядываясь в брата, пытаясь уловить то, что тот мог скрыть.

— Рэтар, мне оно ни к чему, — пожал плечами Шерга. — Ты на что меня пытаешься

вывести? Твоя наложница и я ей камень дарю, на который можно дом неплохой купить? Это без меня. И если она на меня указала, то кому ты больше веришь девке или мне?

Хотелось ответить, что самой последней девке веры больше, чем ему, но Рэтар сдержался.

— Или, если это сплетни, — прищурился брат. — То про тебя тоже послушать можно.

— Послушать что? — Рэтар посмотрел на него прямо, спокойно, мысленно топя себя в ледяной воде, чтобы не вспыхнуть, как сухая листва.

— В отряде митара пошли разговоры. Всех очень интересует, что это за дела у ферана с ведьмой чёрной, за закрытыми дверями. Хотя скрывать не буду, мне и самому интересно.

Рэтар и не сомневался, что сюда вывернет...

— Но в отличии от простых, — продолжил Шерга, — которые сразу об очевидных вещах думают, я могу сказать, что вот в это как раз мне верится с трудом.

— Что так? — поинтересовался Рэтар.

Брат ухмыльнулся.

— Я не сомневаюсь на твой счёт, не подумай, но, — и тон, с которым он говорил, и выражение лица, — неоднозначные, мерзкие, — уж не знаю, что там у тебя с ней, только, если ты ей тряпкой рот затыкаешь... Хэла баба горячая, не верю, что она молчит под мужиком.

Ярость в Рэтаре полыхнула вспышкой, чудовище внутри него оскалилось — меньше всего он хотел слышать что-то подобное и уж тем более от такого как Шерга, но знал, что другого услышать не мог.

— Думаю стонет она также ладно, как и поёт. Или у тебя получилось её к ногам своим положить и она стала послушной, как курнатка? — ухмыльнулся брат, немного наклонившись к ферану корпусом. — Но вот это ты зря, конечно, вкусная же баба, я бы с ней долго в игры не играл — выла бы так, что весь дом слышал, и ни у кого не возникало бы вопросов, что к чему.

Рэтар с трудом втянул воздух. Шерга глянул на него исподтишка. Испытывает? Вот ты, рваш.

— Так чего не пробуешь? — как можно спокойнее спросил феран, а хотелось разорвать глотку, чтобы затолкать слова назад, хотелось убить.

Брат фыркнул, но было видно, что его это задело. Лишь бы не сунулся, хотя, если сунется в этом случае, Рэтар не будет себя останавливать, наплевать на все долги, на нём и так достаточно греха, чтобы из-за грани не выбраться, когда туда попадёт. Но нет... уже одна мысль, что Шерга тронет Хэлу хоть пальцем, испепеляла, ярость будила столько ненависти, взывала к крови, к смерти. Сердце было готово сломать грудную клетку.

— Думаешь боюсь? Это не страх, а благоразумие, — ухмыльнулся брат. — А бабы все одинаковые. Хотя эта может и другая. Расскажешь, если сможешь выяснить?

И он рассмеялся, повёл головой, а пошёл обратно в сторону Трита.

Рэтар привёл дыхание в порядок, хладнокровно усмирил свой гнев, бушевавший внутри, словно ураган, потом спрыгнул с ветки и отправился на реку. Головная боль вернулась и долбила в виски.

Шерга был опасен, его надо было убрать, но как... они столько тиров не могли его поймать на чём-то, что могло бы привести его хоть к какому-то серьёзному наказанию, не то что к тому, чтобы устранить совсем.

Вот сейчас Шерга смотрел в глаза ферану и лгал. Этого достаточно — заклеить и

отправить в Хар-Хаган. Но Рэтар был уверен, что свидетелей близости брата с Шерой, хотя бы близости, нет, тем более того, что дал ей хоть что-то, не то что камень. И в итоге слово Шерга против слова наложницы. Слово не простого свободного мужика, а сына благородного дома, воина, старшего командира, против бесправной девицы, которая была в услужении, да и у кого — у самого ферана! А значит и судить всё это сам Рэтар не мог, а Шерга, который не был глупцом, запросил бы разбирательство с вмешательством самого эла. А этого никак нельзя было допустить.

Снимая одежду на ходу, дойдя до реки, Рэтар спрыгнул в реку прямо с высокого берега. Дух перехватило, ударило в лёгкие, холод прошёл по телу, пробрал до костей, но стало легче. Неnamного, но стало.

Вернувшись в дом, феран выпил кружку травяного отвара и сел работать.

— Снова болит? — спросила Хэла, проскальзывая в комнату и подойдя к нему, обнимая голову.

Её тепло окружило его и наполнило изнутри, кажется у него появилась зависимость от присутствия этой женщины, оно успокаивало и делало так, словно не существует никаких проблем.

— Ох уж, эта ваша река, чуть что — в воду, сил никаких нет, — она поцеловала его в висок и боль ушла, а волосы стали сухими. Только на рукавах её платья остались мокрые разводы, говорящие о том, что волосы были влажными.

— Помогает прийти в себя, — отозвался феран, поглаживая её руку.

— Эх, напустила бы на него чуму, — покачала головой ведьма. — Да ведь всех вокруг перезаражает, а сам не сдохнет. Зараза к заразе не пристаёт.

Хэла ещё раз его поцеловала и, обойдя стол, села в кресло напротив, подобрав ноги, облокотившись на подлокотник, положила на руку голову и закрыла глаза.

— Будешь скучать со мной, — улыбнулся Рэтар, любуясь ею.

— Я люблю скучать, — отозвалась ведьма, не открывая глаз, и лёгкая, немного грустная, улыбка коснулась её губ. — Я в детстве мечтала просто ничего не делать и скучать. Крутилась, как белка в колесе.

Он нахмурился неизвестному слову и Хэла открыла глаза.

— Где мои краски и бумага? — улыбнулась ведьма.

— Держи, — Рэтар подвинул к ней бумагу и тлис, которым писал.

— Так, — Хэла встала, подвинула кресло боком к столу и встав в нём на колени, почти легла на стол и стала рисовать. — Это белка. Такой грызун...

Она рисовала и говорила, звук её голоса, её шутки и много-много странных слов, дарили ему почти утерянное состояние какого-то мира. И невыносимо было даже представить, что это всего лишь несколько мгновений, что оно разрушится сейчас, потому что не бывает так, чтобы хорошо было всегда.

Потому что там за дверью всё двигается и Рэтару приходится управлять этим движением и он никогда раньше не думал о том, как сильно он устал. Как сильно хотел бы жить где-то в горах, или смотреть за предлесьем, считать поголовье сунги, хеяк и прочей живности, следить чтобы горные люди не лютовали и не творили лишнего. Засыпать под стрёкот горящих в очаге брёвен, вставать, когда холод пробирается под укрывало, потому что огонь давно погас и тепло стало проигрывать. И вот чтобы эта женщина была рядом.

— ... неделя это семь суток, точнее мирт. И я почти всю неделю была занята. Школа, это такое место, где дети учатся, а после неё начиналось — музыка, конюшня, рисование,

пение, танцы, — она недовольно сморщила нос.

— Ты не любила танцы? — спросил Рэтар, ему так отчаянно хотелось знать про неё всё это не важное, прошлое, давнее, но она же ничего о себе не говорила, а ему было отчаянно мало.

— Нет, не просто не любила, — и Хэла повела головой, выражение лица стало озорным, — ненавидела. Да и остальное... Если бы у меня спросили, что бы из всего этого я оставила, то я бы сказала — лошади и музыка. Остальное в топку.

— Рисуешь ты неплохо, — заметил феран, глядя на разные картинки, которые она нарисовала на листке.

— Это единственный навык, которые пригодился, — ответила ведьма. — Потому что, когда у тебя есть дети, рисовать надо много и самозабвенно, желательно.

— А пение? — спросил Рэтар. Хотя ему было больно слышать о детях, каждый раз кололо нещадно, но Хэла говорила с лёгкостью, может даже напускной, а он трусливо не хотел в это лезть, да и больно делать не хотел.

— Пение мне понадобилось только здесь, — ответила она. — И то не уверена, что все в восторге.

— Мне нравится, как ты поёшь.

— Как пою нравится, а вот песни не очень, — Хэла улыбнулась и склонила голову на бок.

— С чего ты взяла? — удивился Рэтар.

— Когда я пела песню про обман [1], ты почти выжег мне дырень взглядом, а гневом своим чуть не придушил, — сказала она и он нахмурился. — Или ту песню про конец войны...[2]

— Хэла, — Рэтар мотнул головой, точно помня песни, про которые она сейчас упомянула. — Про конец войны хорошая песня, да и про обман... но тут нельзя такие петь. Мне можешь петь какие хочешь, про что хочешь, но на людях не надо. Я просто не хочу, чтобы ты пострадала.

— Да, лишиться головы из-за песни — нелепо, — согласилась ведьма. — Но в целом, знаешь, возможно и в моём мире.

— Правда никому не нужна, — ответил Рэтар.

И она кивнула, соглашаясь с ним.

— Так мой папа говорил, — проговорила она. — Особенно, когда бабушке, ну в смысле своей маме, врал, что она хорошо готовит.

Рэтар усмехнулся, а Хэла улыбнулась и покачала головой. Он не устанет поражаться этой способности переводить серьёзные вещи в шутки.

— Моя бабушка ужасно готовила, я проводила с ней лето и это было бррр, — она сморщила нос, потом захихикала. — И так радовалась, когда папа приезжал и доедал за мной бабушкину стряпню. И всегда говорил ей, что это было вкусно.

Хэла пожала плечами.

— Но после завтрака, если была хорошая погода, брали бутерброды и уходили на пруд и всегда пропускали обед. Потому суп у неё, это как похлёбка, был провальным всегда! И мы лежали на берегу, смотрели на облака и играли в “скажи, что видишь”.

Она улыбнулась грустной, полной тоски улыбкой.

— Мне кажется я была папиным проклятием. Если бы у меня спросили сейчас, что бы я сказала себе тогдашей, то это без сомнений было: “оставь папу в покое, дай ему побыть

наедине с собой!” Я любила быть с папой. Я прогуливала пение или рисование, приходя к нему на работу, — и лицо Хэлы стало открытым, детским, невероятным. — Это было нельзя, но как я любила пожарную часть. Красные машины, пожарный инструмент, а люди.

Она перевела взгляд на бумагу и стала рисовать.

— Я обожала папину смену. Я приходила и папа нарочито меня отчитывал, что нельзя приходить и, что я прогуливаю занятия, а к нему подходил дядя Миша, водитель лестницы и говорил, чтобы он отстал от ребёнка, а потом забирал меня пить чай с конфетами. И я сидела в пожарной части, слушала разговоры и ничего не делала, вот вообще ничего.

На листке росчерками нескольких линий появлялись странные вещи и Рэтар даже предположить не мог, что это такое. Хэла, рисуя, хмурилась и улыбалась, прикусывала губу и была совершенно озорной девчонкой. Это завораживало.

— А ещё папа единственный, кто спрашивал меня, как я, — проговорила она. — Подходил и говорил “давай, птенчик, пощечим?” и мы говорили про всё, что в голову взбредёт. Я говорила только с ним.

И Рэтар хотел спросить почему, но в дверь постучали:

— Достопочтенный феран, — вместо Сейка в дверь заглянул Брок.

— Ты не сменился? — нахмурился феран.

— Сейка попросил побыть за него немного, — ответил парень. — У него супруга ночью рожать начала. Мы его отпустили.

— Всё хорошо? — поинтересовался Рэтар.

— Да, достопочтенный феран, — кивнул Брок. — Сейка придет позднее.

— Что ты хотел?

— Там, пришли, — сын нахмурился, — трое. Двое откуда-то отсюда, а ещё один из Кэлтога.

— Кэлтога? — удивился Рэтар.

— Да, по нему прям видно. Мы сказали, что феран не будет с ними говорить, но тот, что из Кэлтога сказал, что подождёт, а двое других кажется убьют друг друга, если вы с ними не поговорите, — Брок улыбнулся.

— Хорошо, — вздохнул феран. — Зови сначала того, который из Кэлтога.

Брок кивнул и ушёл.

— Насколько это далеко? — спросила Хэла.

— На тооре мирт шесть-семь пути, пешком, конечно дольше.

— Ого, далекоовато, — ведьма слегка нахмурилась, а Рэтар улыбнулся.

— Это селение на границе с Юргом, — пояснил он. — У них там спорная земля и они возделывают часть полей на стороне Изарии, а часть на стороне Юрга. Была проблема с податью. Но всё селение изарийцы, там нет ни одного человека родом из Юрга, да и спорная земля всегда была изарийской, но так получилось, что пришлось часть отдать в пользование Юрга. Теперь там постоянно что-то на границе происходит.

— Мне уйти? — спохватилась она.

— Нет, — сказал Рэтар кажется слишком резко, даже понял, что был порыв поймать её. — Остаься.

— Я мешаю тебе работать, — сказала Хэла мягко и наклонила голову.

Феран отрицательно махнул головой:

— Не мешаешь.

— Ты ничего не сделал за то время пока я тут сижу, болтаю и рисую, — заметила

ведьма.

— И ты всё ещё не нарисовала лошадь, так? — ответил на это Рэтар.

Хэла рассмеялась:

— Нет, — улыбнулась она. — Постараюсь не лезть в разговор.

— Я не против, — проговорил феран и это было правдой. — Только не ныряй слишком глубоко, изучая людей, хорошо?

— Не буду, — пообещала ведьма. — Я не умею плавать.

— Что? — он был удивлён. — Ты не умеешь плавать?

— Нет, — Хэла повела головой. — Я в детстве чуть не утонула и с тех пор боюсь воды, люблю, но боюсь.

— Надо будет тебя научить, — улыбнулся Рэтар.

— Ты не сможешь, это кажется абсолютно гиблое дело. Да и как ты собрался меня учить, если тебе нельзя со мной в одну воду лезть? — она прищурила глаз. — С берега?

Феран рассмеялся.

— Или ты собрался меня учить в своём персональном феранском бассейне?

— Почему бы и нет? — некоторые странные слова он понимал уже интуитивно.

— Он подходит только для... — ведьма хихикнула и осеклась, потому что в дверь зашёл Брок, а за ним высокий и сухой мужчина, вытянутое, немного скорбное лицо, волосы, тронутые сединой, обувь и простая одежда были в дорожной грязи. — Всё, молчу, рисую лошадку.

Рэтар рукой махнул Броку, отпуская его.

Пришедший мужчина немного потерялся, уставившись на ферана, вид которого внушал всем благоговейный ужас, а потом на Хэлу, которая всё ещё сидя в кресле на коленях, рисовала картинки на бумаге на столе. Правда при виде женщины в сером платье, он немного расслабился, хотя конечно в голове у него, как подозревал Рэтар, сейчас возникло очень много вопросов. Хорошо, что простые всегда считают богатых странными, а уж что до знатного главного дома — тут, по их мнению, вообще все безумные.

— Ты старейшина Кэлтога? — спросил феран, понимая, кто перед ним и вопросом выводя мужчину из забытья.

— Да, достопочтенный феран, — тот кивнул, встретился с Рэтаром взглядом.

— Ты долго шёл. Что у вас произошло?

— Я... мы... — он отчаянно пытался найти слова, чтобы начать, ему стало тяжело дышать и хотя он явно не видел другого выхода, чтобы решить свою проблему, но сейчас был готов уйти не с чем, потому что слова застряли в глотке.

— Просто дыши, — отозвалась Хэла, не отрываясь от рисования. — Вдох-выдох, начни сначала и всё будет хорошо.

Рэтар ухмыльнулся.

— Хэла, — пояснил он мужчине, — наша чёрная ведьма.

Тот кажется совсем потерялся, испугался ещё сильнее, но смог совладать с собой, а может это Хэла заговорила его, поклонился ещё раз и продолжил:

— Мы писали в корту земледельцев, несколько луней назад, но ответа не пришло. В прошлый сбор урожая к нам пришли новые книты Юрга, которые сейчас за спорной землёй смотрят, — старейшина развёл руками. — Они сказали, что хотят забрать часть урожая в счёт платы пользования землёй. У меня четыре поля на земле Юрга и я с них собираю урожай для селения. С остальных тринадцати я собираю урожай для Изарии. Так уговорено

было, ещё феран Рейнар Горан, за нас просил, и вы, достопочтенный феран, были тогда митаром, и уговор тот подписывали, отряды тогда стояли у нас...

— Я помню, — кивнул Рэтар.

— Так сейчас книты Юрга новые, просят с нас, как со всех полей, а не только с тех, что на ихней стороне, — мужчина горестно вздохнул. — Были у нас вот перед тем, как мы написали в корту, грозили поля сжечь, коли не выдадим им урожай. Мы отказали тогда, написали в корту, но ответа не получили, а вот нам подпалили траву, которой мы укрываем поля с посевами, хорошо, что дождь был и не занялось всё. А то пропал бы и урожай и селение.

Старейшина кивнул сам себе, будто подтверждая свои слова, нахмурился.

— Я собрался после этого и пошёл в оплот, в Хрант, — продолжил он. — Там хотел с вашими книтами поговорить или со служивыми, чтобы они может помогли нам, хотя бы. Правда же на нашей стороне? Но не дождался я у них там, никто не хотел со мной говорить. А у меня у служивых в Хранте дружок детства, он мне сказал, что феран сейчас в Трите, ну я и пошёл. Вы меня простите, достопочтенный феран, я понимаю, что вам поля мои... я, не... подумайте чего. Просто забот у вас вон сколько, целая Изария, а тут вот... и... простите, но мне больше и идти некуда. Может вы какую бумагу для Юрга напишите, я бы к ихнему ферану пошёл...

И мужчина горестно развёл руками, тяжело вздохнул, потупив взор.

Старейшина был прав в том, что тринадцать полей, с которых он собирает зерно полты, для целой Изарии были, как капля воды в руку. Что есть они, что нет. И в тех условиях, в которых фернат сейчас жил, было проще не кусаться с Юргом. Рэтару было бы плевать на соседний фернат, если бы не дорога, которая шла через него, используя, которую Изария получала продовольствие, покупаемое в других фернатах из-за проклятых холодов.

Ссора с Юргом означала закрытие дороги — Изарии придётся использовать другие пути, в обход, а это было дольше и дороже.

Рэтар чуял, что происходящее провокация, очередная попытка прижать Изарию, хотя куда уже больше...

— А что будет, если они эти поля забросят, ну вот те, на стороне этой, спорной? — спросила Хэла, не отрывая голову от листа бумаги и судя по всему рисуя уже десятую “лошадку”.

— Так ведь тиры сейчас голодные, — ответил вместо ферана старейшина. — Мы их для себя возделываем, и если перестанем, то меньше будем в схроны Изарии отдавать, так как себе придётся оставлять.

— А если, — она подняла на Рэтара глаза, сейчас такие невообразимо замутнённые, тёмные, он бы поклялся, что пустые, словно она была слепой, — фернат будет меньше с вас брать подать?

— Тогда... но... — старейшина глянул на ферана, понимая, что говорить был не должен, но всё же повёл головой и договорил с досадой: — Тиры-то какие голодные, уважаемая ведьма, мы может и небольшой вклад вносим, но как без полты нашей?

Феран ей едва заметно моргнул, давая разрешение на заговор, который она сейчас, судя по всему, творила, хотя не был уверен, что она увидела это.

— На той стороне колодец есть, так? — спросила Хэла.

Увидела... или может почувствовала.

— Да, — поднял на неё удивлённый взгляд старейшина.

— Придёшь домой, — проговорила ведьма, — соберёшь всех в селении, вот прям всех от мала до велика, ну кроме тех, кто встать не может, ибо немощный. У тебя правда там только один старик такой, так он может и помрёт, пока ты вернёшься...

Мужчина нахмурился.

— Соберёшь и пусть воду черпают из колодца, — продолжила давать указания ведьма. — И на поля со стороны Изарии носят, пока весь колодец не опустеет, чтобы не переставали носить. Хоть в чём пусть таскают, даже малые дети не должны стоять на месте, ясно? Вычерпаете и тогда...

— Так как из колодца воду вычерпать, он же наполняется, — заворчал мужчина, видимо привычный так обращаться с женщинами.

— Ты меня слышал, нет? — повернулась к нему Хэла, отчего старейшина сразу же побледнел и кажется забыл как дышать, не то что спорить. — Сказала, что вычерпаешь, значит кончится там вода, понял? Я тебе не предлагаю воду в решете таскать! Вода кончится, когда последнюю каплю на последнее поле выльешь. Коли сделаешь так, то десять тиров о пожарах можешь не думать, хоть что будет, не сгорит ни земля и дом ни один.

Лицо мужчины просветлело.

— Поля со стороны Юрга можешь больше не трогать, я снижу тебе подать, — сказал Рэтар.

— Блага вам, достопочтенный феран, долгих тиров и здоровья, процветания дому вашему и нам с вами радости большие, — стал кланяться старейшина.

Феран лишь кивнул.

— Напишу тебе бумагу для книтов в Хранте, отдашь им на обратной дороге.

— Достопочтенный феран, боги вас хранят! — мужчина словно перестал быть прямым, словно облегчение его расслабило, успокоило.

— Брок, — позвал Рэтар и когда он пришёл на зов попросил: — Отведи старейшину к Мите, пусть покормит его, пока я бумагу охранную напишу. Потом придёшь за ней.

— Отправь бедолагу через портал, достопочтенный феран, всё быстрее домой попадёт, а то уж больно он боится, что погорит у него там всё, пока он тут ходит туда сюда, — заметила Хэла, снова приступив к рисованию.

Старейшина потупил взор, потом хотел что-то сказать, но не стал.

— А вот это ты брось, — отозвалась ведьма на это. — Вот если не будет человек этот воду таскать, значит виноват, значит раскаяния в нём нет, а коли будет значит сожалеет... подожди, посмотри, а потом и делай, что хочешь.

— За поджог у нас смертный приговор, уважаемая ведьма, — горестно заметил мужчина.

— И что теперь всем головы рубить? — фыркнула Хэла, а Рэтар переглянулся с Броком. — Даже, если вина есть, да горя не случилось, а человек уже и сам сто раз пожалел, что сделал неладное? Правда твоя кому принесёт покой и радость? Землю любить одно, так и людей забывать не стоит.

Старейшина посмотрел на неё с каким-то нескрываемым горем, может даже злостью, словно она ударила по больному, но Хэла не удостоила его взглядом, она всё сказала, и конечно понял её только старейшина и больше никто. Да и может оно было не нужно.

Брок вывел мужчину и Рэтар протянул руку, чтобы попросить у Хэлы тлис, чтобы написать бумагу для книтов в ближайшем оплоте к селению Кэлтог.

— И всё? — спросил он, выписывая на бумаге указания для книтов в Хранте.

— И всё? — переспросила Хэла, посмотрела уже совершенно нормальным и привычным взглядом.

— Не будет сапог, земли, поплевать, кусок от платья оторвать, кровь кому пустить?

— Да, ну, тебя, — ведьма надулась и сложила руки на груди. — Если бы я знала как оно работает. А я не знаю. И заговоры на воде лёгкие. Вот. На земле тоже ничего. А если вместе то вот вообще фигня. С огнём сложнее, с воздухом совсем туго, и в темень лучше вообще не делать заговор. Я просто знаю.

Рэтар улыбнулся. А за дверью послышалась возня и в дверь заглянул Брок.

— Тут эти двое рвутся... может их прибить, Мирган спрашивает.

— Пусти, — вздохнул феран.

В дверях появились двое мужчин. Такие крепкие изарийцы, со знаками корты земледелия на одежде. Они зло переглядывались друг с другом и Брок встал между ними, явно готовый к обороне и защите ферана. Рэтар нахмурился, хотя хотелось смеяться, он и сам не понимал почему, но картина была весьма нелепой.

— Достопочтенный феран, — начал было один из молодцов, вобрав в лёгкие воздуха, но тут Хэла рассмеялась.

Все уставились на неё, а она смеялась и кажется вообще не могла успокоиться, а может и не собиралась. Брок улыбнулся, а вот Рэтар нахмурился ещё сильнее. Что до двух мужиков, то они смотрели сначала с непониманием, а потом с обидой.

— Серьёзно? — выдавила из себя ведьма и повернулась к ним лицом. — Нет, правда? Вы вот с этим... божечки мои, помереть со смеху можно. Сейчас отдышусь...

Хэла попыталась успокоиться, но ей всё равно было смешно. Потом она встала и пересела на стол. Голос её был всё ещё весел, но когда она начала говорить Рэтар заметил, что в нём отчётливо слышалась злость.

— Вы с этим пришли, чтоб вам, к ферану? — спросила ведьма. — У вас совести хватило и времени в дороге не было достаточно, чтобы уже нажраться цнели и решить вопрос ваш глупый самостоятельно? Или вам налить может? Так это мы быстро. А потом пинка вам обоим под зад так, чтобы прям до дома мотивации хватило, благо там вот у командиров сапоги чешутся.

Один из них попытался что-то сказать.

— Ты мне зубы не заговаривай, — Хэла заставила мужчину подавиться словами. — А то я сейчас смеяться перестану, шутить устану и, за то что вы время своего ферана тратите пытаетесь на разбирательство склок своих домашних, наговорю вам чего похлеще!

Потом она снова рассмеялась.

— Ща, момент, решу вам всё. Ты, значит, — ведьма ткнула пальцем в одного, — тельгу продал, потому что тебе его, — ткнула в другого, — жена, или как там у вас, супруга? Да. Его супруга, когда ты ей задницу наминал это сделать сказала? Так? Ай-яй! А тебе, его жена почти в той же ситуации, сказала тельгу у этого купить? Красота, чёрт! И тут тельга с приплодом оказалась и, твою налево, родила. Животноводы хреновы, ей богу! И теперь что? Доплаты охота? А тебе, чего?

Они оба стояли вытаращив глаза и были безумно напуганы, а Хэла говорила со смехом и злостью — Рэтар никак не мог понять, как у неё вообще так получалось.

— Короче, — ведьма махнула рукой. — Через, когда там тельга новая будет уже в состоянии без мамки жить, отдашь ему её, а пока так — молока будешь ему давать. А вот хватит, я сказала и нечего мне тут вопросы дурацкие задавать, — проговорила она, хотя

понятно, что никто не мог и слова сказать. — Напустить бы хворь на вас, что припёрлись. Будто у ферана без вас голова не болит! Кыш отсюда, убогие!

Брок вывел обоих ошалевших мужиков под локти.

— И бабами поменяйтесь вообще. А лучше уже сами по себе живите друг с другом. Тьфу ты! — прокричала она им вслед и снова рассмеялась. — Нет, ты понимаешь? Вот я вообще не понимаю. И жаль, что я тебе хорошей обещала быть, а то ну прям грех не производить вот таких тугоумных, а? Тельгу пришли к ферану делить...

Она так и сидела на столе и смеялась своим до безумия заразительным смехом, таким звонким, ярким, открытым и доводящем до края, до самой грани.

Рэтар встал, протянул к ней руку и, мягко схватив за ворот платья, потянул на себя. Хэла легла в его руку и он накрыл её рот своим. Глаза её полыхнули — сначала удивлением, потом страстью. Перетащив её на свою сторону стола и прижав к себе, он всё не мог остановиться и целовал, целовал...

Здесь никто не целовался долго, и это было не так, как делала она, но Хэла — от её поцелуев он терял своё хвалёное самообладание, холодная кровь вскипала, его пробирало до костей. Она кусала губы, её язык проникал в его рот и начинало тянуть и рваться. Он сходил по ней с ума.

Её ноги обхватили его, спина выгнулась дугой.

— Рэтар, — выдохнула Хэла, когда он на мгновение прервал эту доводящую до бездны муку.

— Ммм? — он заглянул в её глаза. Его личная бездна.

— Прости, я не хотела, — выдохнула ведьма.

Феран мотнул головой и снова стал целовать, рука легла на её спину и хотелось сделать Хэлу частью себя, чтобы никуда больше не делась от него.

— Могут зайти, — прошептала она, хотя дрожала и Рэтар знал что ей хотелось ещё.

— И рваш с ними, они там всё никак не могут разобраться, что я с тобой за закрытыми дверями делаю, может наконец понимание придёт и выдумывать всякое перестанут, — прошептал феран, целуя её под ухом.

— Рэтар, — ведьма качнула головой и повела плечом.

Он уткнулся в её шею и втянул такой невообразимый запах тепла, который от неё исходил.

— Я думал, может дождаться костров, но, — мужчина протянул руку к вскрытому перед её приходом свёртку из Горша.

Этот оплот отвечал за добычу драгоценных камней в нескольких десятках горных выработок. Некоторые из добываемых камней можно было найти только в Изарии и потому они были редкими и дорогими. Добытые и обработанные камни делились на две части — одни в казну элата, а другие в казну Изарии.

Этот промысел был одним из самых спорных в хозяйственных отношениях Изарии и Кармии. Определённые камни были мерой при закупках, это были средства для расплаты и конечно много кто считал, что раз горные выработки находятся в ведении ферната Изарии, то необходимо ограничить их доступ к этим добычам, потому как Гораны богатеют бесконтрольно, пока остальным это недоступно. С этим разбирался ещё отец Рэтара и из-за этого было столько споров и проблем, что казалось конца и края этому не будет.

Потом двор Кармии начал чеканить монеты, но простые свободные люди всё равно предпочитали камни.

Рэтар же в итоге ограничил добычу, пустил в выработку людей эла, чтобы избежать разногласий. Вёлся чёткий учёт камней и они делились — одни в казну Кармии, другие Изарии.

Сегодня Горш прислал часть камней, которые предназначались для казны Изарии. А ещё в свёртке было то, что он так хотел подарить Хэле.

— Когда я уезжал на границу, я просто от тебя сбежал, знаешь? — он достал подарок. — И Роар меня уколол, сказал, чтобы я привёз тебе что-то.

— Рэтар, стой, ты хочешь мне что-то подарить? — Хэла мотнула головой, попыталась вывернуться из его объятий, но он предполагал эту её реакцию и потому не отпустил.

Взяв её руку и вложив в него изготовленный в Ринте кулон, с ирнитом внутри.

Хэла вздрогнула, когда холод металла коснулся её кожи, она застыла, не желая даже взглянуть, вторая её рука сжала его рубаху.

— Роар сказал “привези Хэле ирнит”, потому что у тебя глаза цвета ирнита. Я подумал зачем тебе камень, что вообще можно делать с дорогим, но просто камнем? Но, когда я был в Горше, то мне попался на глаза этот ирнит и меня скрутила такая тоска по тебе, что захотелось вернуться домой. Но камень бесполезная вещь, кроме ценности, спрятать и забыть, или продать, — она наконец посмотрела на ладонь в которой лежал кулон, — И я попросил отправить его в Ринту. Это знаешь ли преступление, но у нас нет хороших мастеров, которые не только могут работать с металлом, но и с камнем. Сегодня я его получил и хотел сначала дождаться костров, но от моей выдержки не остаётся и капли, когда ты со мной.

Она всхлипнула, на руку ей стали капать слёзы и Рэтара вывернуло наизнанку.

— Хэла? — позвал он, напрягаясь, потому что этого не ожидал.

— Я не могу его принять, не могу, не надо... я... — ведьма сжала рубаху ферана до побелевших костяшек, зажмурилась.

Голос Хэлы дрожал, она была такой, как вчера, когда плакала по обиженной Найте и вот Рэтар снова был готов расшибиться, потому что не понимал, потому что не мог совладать, потому что... боги, да что происходит?

— Хэла, посмотри на меня, — голос пропал, руки стали предательски трястись.

Она упрямо замотала головой, пряча от него лицо.

— Хэла, — на этот раз он рыкнул и она подняла на него свои совсем светлые сейчас от слёз глаза, мокрые, полные такой горечью, что хоть вой. — Что? Родная моя, хорошая моя, что?

— Я не... не надо мне ничего дарить, Рэтар, — задохнулась она. — У меня всё-всё есть, мне не надо больше, пожалуйста. И это... это так красиво и так... дорого...

Ведьма хватанула воздух и слёзы полились из её глаз.

— Боги, Хэла, ты меня за грань отправишь раньше времени, ведьма моя несносная, — феран попытался прийти в себя. — Это ты красивая, это ты дорогая, а это просто камень, просто металл, просто вещь. Она имеет очень относительную ценность, а ты бесценная у меня, понимаешь? Это подарок, Хэла, он должен радовать, а ты слёзы льёшь, глупая?

— Я не умею их принимать, они меня смущают, стесняют, — и он чувствовал, как она стала маленькой в его руках, сжалась. — Я сама могу, понимаешь, я лучше сама подарю что-нибудь. А мне никто ничего не дарил никогда, но не надо. Ты мне сапоги подарил, мне этого уже больше чем достаточно... Рэтар, правда... я не привыкла. Я не могу принять. А драгоценности тем более, я с ними не умею.

— Не умеешь что? — и больно было и такая она была сейчас уязвимая и сводила с ума своими горячими слезами.

— Это слишком... у меня из драгоценного были только серьги гвоздиками, мне папа подарил на шестнадцатилетие, — всхлипнула Хэла. — И я бы не приняла, но я дура уши мамиными серёжками проколола, мне от неё влетело, поэтому серьги бабушка дала. А папа узнал и на день рождения привёл меня в ювелирный отдел и сказал “выбирай, птенчик”. А денег не было, я знала, что папа сам купит и потратится, поэтому я выбрала самые маленькие, с камушками самыми дешёвыми, как глаза у тебя цветом и больше ничего никогда... Потому что и тех было довольно. И сейчас...

Она говорила это быстро и он не понимал половины, а Хэла плакала, всё так же сжимая одной рукой его рубаху, а в другой держа кулон, заливая его слезами, а Рэтар просто обнимал её и внутри у него всё тоже плакало, потому что ну как так... эта простота его выворачивала, это горе, которое она даже не замечала.

Ему так отчаянно хотелось подарить ей весь мир, просто потому что он может это сделать, а она просто обязана понять, что она его достойна.

“Я люблю тебя, Хэла, боги как сильно я тебя люблю, моя несносная ведьма, родная моя...”

Это осознание было таким пронзительным, таким болезненным и таким полным отчаяния.

— Хэла, а давай просто выкинем его в окно? — почему-то решил сказать Рэтар. — Хочешь?

— Что? — она нахмурилась и наконец посмотрела ему в глаза.

— А зачем? Его сделали для тебя, не можешь, тогда и рваш с ним, — он протянул руку, чтобы забрать украшение.

— Стой, ты с ума сошёл? — она сжала пальцы в кулак, а Рэтар был счастлив, что подействовало, правда вида старался не подавать.

— Это мой камень, Хэла, — проговорил он. — Его добывают в моей земле, и я хочу, чтобы он был твоим, потому что вот хочу, но ты не хочешь, тогда на что он мне?

— Перестань, он же дорогой, — возмущилась она так искренне, что ему захотелось рассмеяться. — Насколько дорогой? Он такой красивый, не смей выкидывать.

— Тогда возьми.

В комнату вошёл Брок. Он вернулся за охранной бумагой. Увидев плачущую Хэлу и склонившегося над ней ферана, он нахмурился.

— Хэла плачет, потому что я подарил ей кулон с ирнитом, — пояснил Рэтар, глянув на сына.

— Перестань, — ведьма ткнула его кулаком с зажатым в нём кулоном.

— Ого, — повёл головой юноша.

— Как думаешь, слишком плохо для нашей Хэлы? — спросил феран.

— Рэтар! — взвилась она.

— Думаю да, — кивнул Брок, перенимая его игру. — Какой-то ирнит, пфф.

— Да ещё в сплаве тонга и мигры, — покачал головой Рэтар.

— Ну, вы что, достопочтенный феран? — и парень якобы разочарованно помотал головой.

— Хватит! — попросила Хэла. — Перестаньте, вы оба!

— Я думаю, что ещё можно подарить нашей бесценной ведьме? — феран сделал вид,

что задумался. — Нам нужно составить список, чтобы задаривать её подарками каждый день, и она в конце концов смирилась бы с этим, и просто начала говорить это своё “спасибо” и улыбаться, а не рыдать.

— Рэтар, — она посмотрела на него полными осуждения глазами.

— Есть, что подарить? — спросил феран, глядя на сына.

— Хм, — юноша задумался, потом снял с пояса перевязь с кинжалом. — Только, если ты дашь добро.

Рэтар кивнул.

— Нет! Стой, нет, это уже чересчур, и ведьме не нужен кинжал, мне даже нельзя кинжал, — Хэла так отчаянно боролась, что хоть было невыносимо больно за неё, это было так невозможно забавно.

— Она корешки руками ковыряет из мёрзлой земли, — пояснил свой выбор подарка юноша.

— Брок, — недовольно шикнула на него Хэла.

— Что? — сын Рэтара сделал самое невинное выражение лица.

— Тебе без кинжала нельзя, — упрямо мотнула она головой. — Ему без кинжала нельзя, так? Не приму, вот. Кулон приму, а кинжал...

Рэтар снял ремень с кинжалом со своего пояса и кинул Броку свой кинжал. Тот поймал, уставился на оружие, потом поднял на ферана ошалелые глаза и хотел отказаться, но встретился с угрожающим взглядом отцовских глаз.

— Теперь у него есть кинжал, — заключил феран, переводя взгляд на ведьму. — И не вздумай сказать, что кинжала теперь нет у меня, Хэла! Ты же не думаешь, что это мой единственный кинжал?

Она насупилась, выдохнула, сдаваясь.

— Это, — он показал сыну на бумагу для старейшины, — охранная в Хрант. Отправь туда старейшину через портал и сопровождающего, чтобы там чего не натворили. Иди.

Брок взял бумагу, кивнул и вышел.

— И да, он попытается мне вернуть этот кинжал, — проговорил Рэтар, возвращаясь взглядом к Хэле. — И нет, я его не заберу. Я давно хотел ему что-то подарить, просто повода не было. И тут вот моя несносная ведьма решила сказать мне, что подарки ей от меня не нужны, потому что у неё и так всё есть.

— Прекрати, — буркнула она и снова сжалась, а Рэтар снова её обнял.

— Я бы тебе подарил все свои камни, Хэла, лишь бы ты улыбалась, потому что твоя улыбка меня так греет, понимаешь? — прошептал в женщину феран. — Этот камень для меня ничего не значит, но пока он не у тебя, потому что так он обретает хоть какой-то смысл.

— Он правда такой дорогой? — спросила Хэла шёпотом.

— Если захочешь можешь купить на него дом.

— Дом?

— Да, примерно вот такого, — он обвёл взглядом потолок, — размера.

— Как комната? — уточнила Хэла, хмурясь.

— Как замок, — он улыбнулся её распахнутым глазам, потом потянул за цепочку и надел её на Хэлу через голову. — И даже этого для меня мало, потому что я бы хотел подарить тебе намного больше.

— Ты не слышишь меня? — прошептала ведьма. — Мне достаточно тебя...

Так просто. И мир замер.

“Чтоб тебе, Хэла, чтоб тебе... пропаду с тобой...”

Рэтар подхватил её на руки и вынес из рабочей комнаты в спальню. Потому что не мог уже больше сдерживать себя, потому что хотелось эту женщину целиком и полностью. И зверь победно прорычал, что она его, она ему принадлежит, ему и больше никому. Точка. И потому что ему тоже кажется больше уже ничего не нужно, кроме вот этого тепла, нежности, страсти, жизни...

[1] Ария "Обман" [2] Зоя Яценко и Белая гвардия “Песня рядового”

Уже когда Тэраф садилась, Хэла подскочила в кровати прямо из сна, тяжело дыша, моментально покрывшись ледяным потом, она мотнула головой и никак не могла отдышаться.

— Хэла? — Рэтар испугался.

— Кто-то умер, — выдохнула она едва слышно, словно ей было больно. — В доме кто-то умер. Через меня тени прошли.

— Тшш, — он прижал её к себе и тяжёлая догадка камнем легла на душу.

Подождав пока Хэла затихла и снова уснула, а феран встал и отправился в сторожевые башни. По дороге на него налетел Элгор.

— Говори, — кивнул он тану.

— Я просто говорил с Шерой, — проговорил тот с горячностью. — Она сказала, что камни от Шерга... тут такое дело... Он её силой взял как-то и наследил сильно, и после этого подарил ей камень, чтобы она молчала. А потом у него это видимо в привычку вошло. И она сказала, что он любил смотреть, и её брали его форы, так что можно их будет прижать. Хотя он их перед близостью с ней всегда выгонял, так что тут они не скажут, что они видели, что...

Элгор запнулся, потому что спустившись в это время с Рэтаром под сторожевые башни, они наткнулись на тело Шеры. Она лежала на спине на мешках, с запрокинутой головой, глаза её были закрыты, казалось, что она спала.

— Рэтар? — Тёрк, который заметил как феран и бронар шли в сторону сторожевых башен догнал их. — Чтоб меня...

Феран сел возле тела наложницы. Мысли пустились в невообразимый танец, дёрганный, сумасшедший.

— Почему тут никого нет? — спросил он.

— Мы думали, что она никуда не денется, — отозвался Элгор просевшим глухим голосом.

Рэтар горько усмехнулся.

— Вот хотры! — Тёрк сплюнул. — Я не понимаю как?

— Это теперь не имеет никакого значения, — заключил Рэтар.

Они побыли в тишине, пока феран пытался понять, что и как делать дальше.

— Тёрк, отнеси её Зеуру, — приказал он. — Только так, чтобы никто, Тёрк, никто не знал. Сможешь?

Старший брат немного подумал, потом кивнул:

— Смогу.

— Элгор, — начал Рэтар.

— Не по-людски это как-то, — перебил ферана бронар. — Надо бы её оговорить, обряд провести...

— Не по-людски, тан, — отрезал глава дома, — было её тут одну оставлять, чтобы с ней вот такая беда случилась. А сейчас... считай, что мы на войне, а на войне никто никого не оговаривает, никаких обрядов не творит — умер, огонь и земля тебя приняли. Всё.

Бронар обреченно кивнул.

— Никому не говорить, что она мертва, понятно. Вот нас тут трое и пусть так и будет. Скажи в харне, что я её подарил. И всем это говорить, если будут вопросы.

— А куда? — спросил Элгор.

— А это вот вообще никого не касается, — прорычал Рэтар. — Если кому очень захочется узнать, пусть ко мне приходят и лично спрашивают, а я уж объясню.

Он встал и ещё раз с сожалением посмотрел на мёртвую наложницу.

Какая невыносимая глупость. Её лицо было наполнено благостью, что аж тошнило от зла на себя, что не смог в такой мелочи уберечь. Выругавшись про себя, феран вышел на улицу. Тэраф уже почти ушла с неба и Рэтар ощутил эту надвигающуюся темень своим нутром.

Он прошёл мимо загона с тоорами и к нему, вытянув морду, протиснулся его зверь. Феран почесал его морду.

— Что, отнял у вас Хэлу сегодня, не придёт вас чесать? — просил он, зная о том, что ведьма приходила к животным почти каждый вечер.

Пройдя по внутренней части стены, Рэтар сел на одну из лавок, что была прямо перед загоном с харагами, устало сев на неё, он погрузился в свои тяжёлые мысли.

— Ты чего не идёшь спать? — ласково спросила Хэла, сев возле его коленей и Рэтар понял, что он совершенно потерял счёт времени, и темень уже вступила в свои права и дом почти весь погрузился во тьму.

— Я задумался, — ответил он, погладив её щёку.

Она улыбнулась, потёрлась о руку, но от него не ускользнуло то, что она отстранилась, боясь привлечь внимание.

— Тут никого нет, — отозвался он.

— Тебе так кажется, — грустно прошептала она. — Пойдём спать?

— Да, Хэла, иди, я сейчас приду, — ответил феран.

Ведьма кивнула и, встав, отправилась в дом.

Рэтар вдохнул морозный ночной воздух, хотел пойти за ней, но к нему подошёл Тёрк.

— Ты чего сидишь тут в одиночестве?

— Задумался. Хотел идти уже.

— Я сделал, что просил, — кивнул старший брат и устало опустился на скамью рядом.

— Так быстро? — удивился Рэтар.

— А чего тянуть? — пожал плечами Тёрк. — Ждать пока её стража из башен найдёт? Тогда уже никому не скажем, что ты её подарил, отдал или продал.

— Хорошо. Как Зеур? — феран понял, что от мага не было вестей с тех пор, когда он несколько мирт назад вылечил почти мёртвую Хэлу, а сам феран так и не сообщил ему, что ведьма вернулась из-за грани и не умерла.

— Ненавижу магов, — фыркнул старший брат. — Несмотря на то, что знаю этого мальчика с детства. Засранец, как и все!

— Что-нибудь сказал про Шеру?

Тёрк тяжело вздохнул, потом ударил скамью кулаком.

— Ничего мы с ним не сделаем, — ответил он. — Знаешь почему у неё лицо такое было, будто она благая? Потому что у неё близость была перед смертью, рващ, он её поимел и шею свернул в деле. И теперь, даже если маги чего и вытянут из неё посмертно, так он скажет, что вот так не сдержался и перестарался, прибил девку... и это... Да, чтоб ему!

Старший брат разразился отборной бранью.

— Сколько времени мы его пытаемся прижать, а? Хоть не ешь, не пей, не спи, срать не ходи... потому как отвернулся на мгновение и вот... получи! — и он рыкнул к досады. — А я всё думаю, что мог, мог, Рэтар, его прижать. Да только он был мальчишкой, а я... я подумал тогда, что жаль ему жизнь ломать, а надо было душить тварь тогда уже, сколько он из-за моей жалости к нему зла натворил?

И Тёрка переполняла праведная ярость, смешанная с невероятной обидой.

— Никогда себе не прощу, — прохрипел брат. — Он же на моих глазах, когда были в какой-то богадельне, пили все, девок жали, одну во время этого дела прям так приложил, что лицо ей всё разбил, и его прям...

Тёрк зарычал, хараги подняли на него свои морды, ярость рвалась из него, мужчина сейчас был настолько не в себе, что рядом с ним стояли не только хотры, но и сама смерть.

— И я стоял и не понимал, что происходит, — нахмурился он. — Одурел, понимаешь? Я её потом к магам водил, чтобы лицо ей сделали назад, а надо было хватать и к ферану идти. И что, что девка из падких, не важно, за это мог клеймо заработать и сейчас бы в Хар-Хаган старшим командиром был. Такое даже отец не стерпел бы, хоть и сам жестоким был.

— Уймись, — вздохнул феран. — Сейчас-то чего об этом?

— Потому что нельзя так, — ответил Тёрк и Рэтар был с ним согласен.

— Да он бы уже тогда сделал как с той, из ткачей, помнишь, — возразил феран, вспоминая случай, когда Шерга в очередной раз ушёл от наказания за надругательство. — Взял бы падкую в супруги — отец бы повеселился.

— А с той, — повёл головой Тёрк. — Я же знаешь, ходил к её отцу. Просил. Просил, Рэтар, чтобы он не губил девку, довёл дело до конца, до суда, до наказания. А он, тоже хорош, увидел камни и забыл, что эта мразь с его дочкой сделал. Как же меня это всё выводит из себя, как же это... отпусти меня, а? Прям увижу его и разделаю, не сдержусь!

— Потерпи до Зарны, — попросил феран брата. — А там, даю слово, что отпущу.

— Я бы лучше в седле задницу сбивал по Изарии, искал бы шальных, чем вот эта мерзость! Вот прям выворачивает, знаешь? — и Тёрк снова выругался, тяжело вздохнул.

— Гесу вспомнил? — спросил Рэтар.

— А чего вспоминать? Я не забывал никогда... так я сплоховал тогда. Надо было уступить Миргану.

— Думаешь у него хватило бы разумения дать отцу за неё прикуп или обвязаться с ней перед тем как на войну уйти? — спросил феран. — Если у тебя не хватило, то у нас мальчишек откуда это взяться могло?

Тёрк мотнул головой.

— Никогда себе не прощу этого. Никогда. До последних дней помнить и сожалеть буду.

— Отпусти, Тёрк, — тихо проговорил Рэтар.

— Не могу, — мотнул головой брат. — Я её улыбку порой, как наяву вижу. И знаешь в такие моменты так хочется рвануть в Хэжени, найти этого уroda и голову ему раскроить.

— Столько времени прошло, Тёрк. Думаешь легче станет?

— Не знаю. А может он исход уже давно, — он вздохнул. — Не станет, наверное. Я сколько времени думаю об этом, пока не разобрался.

— У всех такие истории есть, Тёрк, — попытался унять его феран.

— У тебя нет, — ответил брат. — Ты разумный, осторожный, Рэтар, у тебя всегда голова наперёд работала.

— Скажешь тоже, — феран грустно ухмыльнулся и размял шею. — Только вот девку у меня под носом убили и я ничего теперь сделать с этим не могу, потому как знаю кто, а доказательств нет. Теперь её буду видеть, просить у меня она будет, корить, что я вон... даже обряд нормально похоронный провести не смог. Магу тело отдал на поругание.

— Брось, слишком себя не выворачивай, — нахмурился Тёрк. — Мы все сплеховали с ней. Да и откуда ты мог знать, что Элгор и Мирган к ней охрану не приставят?

— Нет, Тёрк, я у неё с утра был, охрану не видел и не почуял, — внутри Рэтара была пропасть вины. — А надо было. Я жду, когда он ошибётся, а сам? Упустил его из-за такой мелочной недоглядки.

— Ты как так быстро узнал, что она умерла? — спросил старший брат. — Я когда тело взял, оно тёплое было ещё, даже Зеур подивился.

— Хэла, — ответил Рэтар. — Она почувствовала. Подскочила во сне и говорит, что умер в доме кто-то и я почему-то вот понял, что это Шера.

— Так Хэла знает? — уточнил Тёрк.

— Нет. Она сказала, словно в бреду, и снова уснула.

— Спросит.

— Может и нет, — повел головой Рэтар, хотя конечно не верил в это. — А если спросит — ответу. От неё нет смысла скрывать.

— Я её видел, она от тебя уходила сейчас? — проговорил Тёрк, а Рэтар кивнул. — Она там в коридоре, как не родная, по стеночке, на мысочках. Я когда говорил, что её топить будут, никак не думал, что одной из них Мита будет. Сердечная кормилица наша, а вон оно как...

— Я знаю, — Рэтара передёрнуло горечью. — Видел.

— Вот ещё что, — сощурился барт. — Я тут думаю, а не плохо ли то, что мы Элгора в это втянули? Они с Шерга дружки, может он ему сказал про Шеру?

— Я ему сказал, — ответил феран и поморщился. — Здесь я тоже промахнулся. Он взвился внутри, сразу давай, как обычно, от себя разговор уводить. На меня перевёл, на Хэлу. На сплетни в отряде митара. Я еле сдержал себя. А может надо было отпустить. Все проблемы разом решили бы и девка была бы жива.

Тёрк хмыкнул недовольно.

— Роару бы, кстати, тоже не знать, — заметил он.

— Я не собирался ему говорить. Да и Элгор не дурак — брата знает. Роар, если узнает, то Шерга можно сразу в мертвецы записывать. Без разбора и суда, — вздохнул Рэтар. — А мы будем думать, как уже митара из-под Ирнэ-Халаяс вытаскивать или у палача отбивать, потому как мать Шерга такой вой поднимет на всю Кармию, и книты наши в Кэроме только того и ждут, чтобы Горанов подвинуть и сесть на наше место.

— Да, Дэшая, — Тёрк прошипел с презрением имя матери Шерга. — Осторожнее надо. Обложило нас со всех сторон.

Они посидели слушая холодную тишину.

— А помнишь, Тёрк, как мы хотели в предгорье уйти?

— Помню, — брат улыбнулся.

— Вспомнил сегодня об этом, — с грустью проговорил Рэтар. — Столько времени прошло.

— Так вперёд, — махнул рукой Тёрк. — Ведьму хватай и вали — горы, река, лес, ни тебе всего этого дерьма через край. Тебе чего сидеть? Ты можешь уже Роару всё отдать, он мальчик большой, а у тебя наследников нет, ты можешь спокойно главой дома остаться и не думать больше ни о чём.

— Я бы Хэле лучше мир показал, чего её в горах держать? — проговорил Рэтар. — Да и холод она не любит.

— Согреешь, — фыркнул старший брат. — Да и одно другому не мешает.

Они переглянулись и усмехнулись друг другу.

— Иди спать, брат, — вздохнул Рэтар.

— Да, надо, — согласился Тёрк. — Завтра у тебя под дверью стоять буду. Стар я для этого стал, знаешь ли. Каждый тир, в благословение Изара, думаю — вот обрею голову, бороду, и уйду. Надоели вы мне, сил моих нет. А потом как сбрываю, сжигаю, за прожитый тир благодарю и... ну, куда я от вас, а? Как ты тут без меня? Пропадёшь!

Феран обречённо кивнул и встал, пожав друг другу локти они разошлись. По дороге наверх он зашёл в стряпную, чтобы выпить воды и наткнулся на встревоженную и взвинченную Миту.

— Достопочтенный феран, — слегка поклонилась она, еле сдерживая злые слёзы.

— Мита, — Рэтар недовольно покачал головой.

— Я знаю, что не мне с тобой говорить, не мне тебе указывать, как жить, не моё это дело, может ты думаешь, но нет сил больше, — проговорила женщина. — На тебе же лица нет, ты понимаешь, мой хороший, ты плохо ешь, плохо спишь, а теперь... ну, зачем тебе это всё, что тебе до ведьмы, Рэтар, я тебя прошу, подумай, что ты творишь, а может на тебе заговор? Может к эйолу сходить? Рэтар, милый, хворь найдёт, что мы без тебя будем делать, на тебе же держимся!

Она говорила с придыханием, с яростной горячностью, торопливо, словно исповедовалась, как перед смертью, боялась, что он её прервёт и она больше ничего не сможет ему сказать. Никогда.

— Неужели тебе девок не хватает? Неужели для счастья вот именно эта нужна? Я понимаю, что ведьма может вам всем голову накрутила, что вы все по ней, как шальные, как сами не свои, но неужели тебе других мало? Рэтар, — слёзы наконец полились из её глаз. — У тебя вон какие хочешь, любую бери, ты же феран, какая угодно и ничего не надо ей будет, но и горя никакого, а тут, Рэтар... нельзя с серыми, с чёрными ведьмами тем более. Надо с ними дела делать, как положено, а через закон нельзя.

Она всхлипнула, вобрала в себя воздух:

— А коли ты её обидеешь? Коли ты сделаешь плохо? — прошептала Мита со страхом. — Вдруг она тебе натворит, а? Изведёт тебя? А может уже изводит? Ведьма она и есть ведьма, этого не убрать — вон и не ест ничего, может твоей силой питается, а ты угаснешь на глазах и что делать тогда? Клеймить её, как отец твой?

Рэтар нахмурился.

— Отец не клеймил ведьму, Мита, — мотнул он головой, на деле просто хватаясь за что-то не касающееся Хэлы, потому что стряпуха сейчас наговорила столько всего лишнего, что ему с трудом удавалось себя сдерживать. — У нас не клеймили ведьм несколько

поколений.

— А я своими глазами видела, — возразила Мита, — вот не верила, когда мне старая Цырна, хозяйка при твоём отце, кормилица же его, говорила об этом. А потом, как ведьма померла, так я её омывть помогала и клеймо твоего отца своими глазами видела. Ой, Рэтар, не надо, я тебя прошу, перестань.

— А Цырна не сказала, за что он её клеймил? — спросил феран, отбрасывая все эти слёзы и причитания стряпухи.

— Она говорила, что она для отца твоего жуткий заговор натворила, извела кровь... деда твоего, отца ферины, матушки твоей, — ответила Мита. — А плату, как обещал, не заплатил, а чтобы гнев ведьмы правый усмирить, клеймо на ней поставил, она оттого такая злючая была, и оттого седая.

Он покачал головой, задумавшись об услышанном.

— Рэтар, милый, — а Мита снова принялась причитать, — я тебя с детства знаю, ты добрый, ты всем хорошо хочешь сделать...

— Хватит, — перебил он. — Я для тебя не Рэтар и уж тем более не милый. И ни с какого детства ты не знаешь меня, Мита. Не выдумывай того, чего не было никогда. Потому как до того, как у меня было детство, тебя здесь не было, а как попала, я уже не был ребёнком давно.

Она опешила, перестала плакать, смотрела на него ошарашенно.

— И не столько ты меня видела, чтобы знать про меня всё, — феран был жёстким и резким. — И ты права, ты не можешь указывать мне как жить — не переступай черту, Мита. Я твой феран, я здесь для того, чтобы у тебя всё было хорошо, я благодарен тебе за то, что ты делаешь, я ценю твою службу и тебя ценю, как может многие другие слуги и желать бы не могли, но ничто, Мита, ничто не помешает мне, выставить тебя на волю, если ещё раз услышу всё это от тебя. Или при тебе кто скажет подобное. И ещё раз ты посмотришь зверем на Хэлу... Нет, Мита. Нет. Не позволю!

Женщина потерялась, хотела что-то сказать, но взгляд Рэтара видимо был настолько непреклонен и суров, что она проглотила слова.

— И мне очень жаль, Мита, — вздохнул Рэтар, — что ты считаешь, что я недалёк умом и чувствами, и недостойн счастья рядом с той женщиной, к которой у меня сердце лежит.

Она всхлипнула и зарыдала с новой силой, обречённо опускаясь на скамью.

Феран поднялся наверх и зашёл в рабочую комнату. На столе нетронутые лежали листки на которых Хэла рисовала. Одно из созданий, которых она нарисовала в множестве было обведено. Рэтар подумал, что это наверное и была лошадь.

Зайдя в комнату он увидел лежащую на кровати Хэлу, она устроилась у изножья, подобрала под себя босые ноги, словно на мгновение прилегла и уснула, даже платье не сняла. Рэтар подошёл к ней и, накрыв её своим плащом, устроился рядом. Какое-то время он просто лежал и смотрел на неё, а потом весь этот день, вывернувший его наизнанку, наконец забрал из ферана последние силы и он тоже провалился в глубокий сон.

Глава 14

Хэла сама не поняла, как провалилась в сон и проспала почти до самого утра.

После их с Рэтаром близости днём, она уснула и, проснувшись поняла, что уже спустилась темень, а ферана не было. Она села в кровати, прикрыла глаза в поисках мужчины — где-то во дворе.

И тут непривычная тяжесть подаренного украшения, вернула её ко всем тем эмоциям,

которые в ней взорвались, при его получении. Снова она устроила истерику. Что ж такое?

Хэла взяла кулон, положила в руку. Невероятно красивый. Камень размером с косточку персика, менял цвет от освещения и днём он был ярким, серо-голубым, а сейчас отдавал синим, глубоким, насыщенным.

На глаза снова навернулись слёзы.

Она не привыкла к подаркам. Никаким. Дети не дарили, кроме вот этих странных, которые делали массово на праздники в садике или начальной школе. Муж не считал нужным, он был глобалистом — вот поездка в Турцию всей семьёй. Это подарок.

Правда отдых превратился в катастрофу, обвинили её, а она смирилась. Больше они никуда не ездили. Точнее муж с ними.

А всё остальное муж не понимал... цветы? Сладости? Украшения?

Хэла понимала и принимала.

Хэла всхлипнула и окунулась в боль. Она столько её вытерпела, что казалось можно было бы утонуть, и она тонула, но она всё равно выплывала, точнее её выносило течением на берег и всё начиналось сначала...

Она старалась, она всегда говорила себе — есть те, кому тяжелее. Сильно легче не становилось, на самом деле, но хотя бы чуть-чуть.

Самыми для неё дорогими и памятными подарками были серьги, те, про которые она сама не поняла зачем, выговорила Рэтару и скрипка, которую ей подарил Ллойд. Подарил после смерти.

Сейчас больше всего Хэла жалела, что играла на ней всего один раз, а потом разрыдалась, убрала в футляр и больше никогда не открывала.

И вот Хэла сидела в совсем другом мире, словно в другой жизни, другой собой и смотрела на кайму обрамляющую камень и на тонкий, совершенно удивительно красивый орнамент, на котором были изображены листочки, цветы, животные, птицы... Хэла и подумать не могла, что тут умеют делать такую тонкую красивую филигрань, удивительную по качеству ювелирного мастерства. И она чувствовала, что сделано это было без использования магии. Кайма была двусторонней — другой орнамент состоял из странных символов, красивых, похожих на арабскую вязь. Металл был тёмного цвета, напоминал никель. Таким было оружие здесь, почти всё.

Хэла вспомнила про кинжал. Брок подарил ей, как она уже точно знала кинжал из хилдской стали. Дорогой. Ей было стыдно, впрочем как и всегда. Что-то простое — пожалуйста, но что-то дорогое, хорошее её смущало, делало обязанной, что ли.

Ведьма встала и оделась. Внутри сидело что-то тревожное, нехорошее, пугающее. Что-то чему нельзя было сопротивляться.

Выйдя в кабинет ферана, она посмотрела на лежащий на столе кинжал.

Надо будет всё-таки забрать, чтобы не расстраивать Брока, и чтобы Рэтар не беспокоился лишний раз. Но в будущем как-то попытаться сделать так, чтобы он ей ничего не дарил больше.

Камень стоимость соразмерный стоимости замка. Серьёзно? Он может пошутил? Кулон был красивый, безумно красивый...

Она спрятала его под платье и вышла в коридор с крайней двери, чтобы встретиться только с одним стражником, который стоял у лестницы. Сегодня это был Гнарк. Она кивнула ему, он улыбнулся и кивнул в ответ. Но внизу она столкнулась с полным гнева взглядом Миты.

От этого снова стало не по себе. Конечно Хэла могла проходить мимо женщины с гордо поднятой головой, могла вести себя вызывающе, как всегда, но ей не хотелось. Было так печально от этой пропасти, от неприязни, что возникла в Мите, потому что повариха была той, кого Хэла могла бы подругой, больше и не было никого... разве что ещё Эка. Но скорее всего экономка Зарны тоже будет теперь относиться к чёрной ведьме с неприязнью.

Вставать в позу не хотелось, потому что Хэла считала себя виноватой.

Ведьма понимала, что не надо было всех этих игр с Рэтаром. Ну и что, что её тянуло к нему, ну и что, что внутри всё скручивало тоской, когда смотрела в его глаза и хотелось слушать его голос бесконечно, и в лепёшку расшибиться ради него?

Нельзя было его пускать дальше. Нельзя. Эти пять суток стали каким-то сумасшествием, и не продохнуть и не понять, что к чему. Словно год прошёл. А вот это жуткое, доводящее до истерики чувство, что всё это как будто так и надо...

Она вышла на улицу и увидела сидящего на лавке напротив загона хараг ферана. Звери подняли на неё головы, но Рэтар даже не шевельнулся, хотя ведьма видела, что он не спит.

Внутри Хэлы была щемящая печаль, она прислонилась к стене и со страхом увидела, как они перестают смотреть друг на друга, как он перестаёт прикасаться к ней, как перестаёт искрить, биться, взрываться между ними эта страсть, нежность, их перестаёт тянуть друг к другу. Хэла не знала, что будет делать, если это наступит уже завтра. Она наверное не выдержит, наверное умрёт на месте, потому что они уже давно вгрызлись друг в друга, давно уже переплелись и только тонкая грань, которая говорила им, что за неё нельзя, иначе конец. Держала их друг от друга на расстоянии бесконечном и таком болезненном. Но держала. А теперь они через неё переступили и это не приведёт их двоих ни к чему хорошему.

Женщина подошла к нему и села на корточки рядом, тронула за руку. Рэтар очнулся и этот его взгляд... Хэла точно знала, что это был самый холодный из всех известных ей здесь взглядов, но самый для неё лично обжигающий. Ради него она будет убивать, и знала, что он не будет просить, даже если будет в смертельной опасности — не попросит.

Вернувшись, Хэла села ждать и не заметила, как сон затянул её внутрь себя, а очнувшись, снова столкнулась с холодом глаз Рэтара.

Феран накрыл её плащом и теперь лежал рядом.

— Когда ты так делаешь — это пугает, — проворчала она хриплым от сна голосом. — Только не говори, что смотрел на меня так...

Она оторвала голову от кровати.

— Утро или темень? Сколько времени я спала?

— Мы спали почти всю темень. Я только проснулся, — отозвался Рэтар. — И сейчас почти утро. Скоро взойдёт Изар.

— Не понимаю, — фыркнула ведьма, — как вы тут с таким скудным временным перечнем живёте.

— Мы, Хэла, — улыбнулся он. — Ты тоже живёшь.

— У меня в мире были часы, всё точно и понятно, — возразила она.

— А у нас не понятно? — спросил Рэтар всё ещё улыбаясь.

— Нет. Я вчера проснулась и так и не поняла в каком промежутке темени я нахожусь, — Хэла пожалала плечами. — От этого не по себе. Где час волка, час змеи, час медведя? Ну, хотя бы... раз так тяжело определиться с половиной второго ночи или одиннадцатью ноль пятью утра?

Феран нахмурился.

— И нет. Я не буду объяснять, по крайней мере сейчас, — ведьма мотнула головой. —

Кажется вчера я столько всего тебе наговорила, что можем теперь лунь молчать.

— Хэла, — он качнул головой и усмехнулся.

— Ты долго шёл вчера.

— Прости, я говорил с Тёрком и Митой.

Рэтар сделал паузу, ведьма внутренне вздохнула — значит тяжёлого разговора будет не избежать.

— И как? — спросила ведьма, как можно отстранённое.

— Хэла, ты не ешь? — спросил феран и этого она не ожидала. Чего угодно, но не такого.

— Что? — спросила ведьма, пытаюсь найти ответ, потому что знала, что так просто он не отстанет.

— Что ты вчера ела? — поинтересовался Рэтар.

— Как обычно, — попробовала отскочить она.

— Хэла, — феран покачал головой, а ей не приходилось рассчитывать на удачу своего маневра, — что конкретно?

— Боги... с утра отвар из трав и кусок кислой лепёшки, — а потом пришло осознание, и Хэла ухмыльнулась, — а потом я поднялась к тебе, ты меня одарил дорогушим булыжником, стоимостью с половину света, а потом мы грешили полдня и уснули. Что ты сам вчера ел? Что-то мне подсказывает, что не намного больше меня?

Феран рассмеялся, потом посмотрел на неё внимательнее, чем обычно.

— А за день до этого? — да, да, провести его невозможно.

— Рэтар! — мотнула головой ведьма.

— Нет, Хэла, надо есть, — проговорил Рэтар. — Надо, чтобы не хворать, чтобы... боги, как маленькая!

— Я ем... просто немного... у меня бывает. И в голодный год я не пропаду, — она похлопала себя по заднице, — ресурс неисчерпаем.

— Ты несносная, — он снова рассмеялся, качая головой и притягивая её к себе. — Но теперь ты ешь со мной.

— Рэтар, нет, у меня нет аппетита, это пройдёт... правда, — сон с ним, теперь еда с ним. Кошмар, а ведь Хэла и так чувствовала, что уже дышать без него не может.

— У меня тоже нет, — парировал феран.

— Незаметно, — буркнула она, когда он с лёгкостью, как у него вообще это получается, устроил её на себе.

— Если не будешь приходить есть, то найду тебя и...

— ... будешь кормить насильно, — закончила она фразу за него.

— Да, — согласился мужчина и Хэла не сомневалась, что так и будет.

— Думаешь у меня появится аппетит? — не сдавалась ведьма. — Боюсь это приведёт к тому, что грешить мы будем не только ночью, но в обед.

— Зато я буду знать, что ты точно сыта, — ответил Рэтар.

— Очень неоднозначное высказывание, знаешь ли, — повела бровью Хэла.

— Пусть так, но я не хочу, чтобы ты умерла с голоду, ожидая, когда вернётся аппетит, который пропал явно оттого, что Мита рычит на тебя и пытается убить взглядом.

— Не злись на неё, — попросила Хэла. — Она тебя любит.

— Но она не бессмертна, — ответил на это феран.

— Рэтар, — ведьма укоризненно покачала головой.

— Хэла, — он пожал плечами, а она уткнулась в его плечо.

— Тебя что-то беспокоит? — спросила она, чувствуя как феран погружается в свои мысли, которые не дают покоя и изводят.

— Да. Много всего, — согласился он, хотя ведьма была уверена, что делиться не станет. — Вот, например, Мита сказала, что отец заклеил чёрную ведьму и она видела клеймо. Клеймо именно моего отца.

— А есть разница?

— Да. Клеймо такое же, как печать. Печать у каждого поколения своя.

— Поколения? — нахмурилась, удивляясь Хэла. — Как так?

— У данэ и его двух братьев была своя, у отца и его брата своя, когда я стал фераном, я сделал свою и ею будут пользоваться Роар и Элгор, когда станут феранами, а у следующего поколения, у их детей, будет своя, — пояснил Рэтар. — И конечно все в доме знают как выглядят эти печати. И Мита видела на теле чёрной ведьмы печать поколения моего отца. И танар не мог её заклеить, значит...

И он пожал плечами, а ведьма хмыкнула.

— Она не знает почему?

— Цырна, кормилица отца, сказала ей, что отец заказал ведьме убить, она убила, а платить отец отказался, — ответил феран. — И чтобы она на своих правах не забрала положенное — он её заклеил. И я не понимаю, я...

Рэтар нахмурился и замолчал.

— Клеймо ведь сдерживает силы? — спросила Хэла, потому что знала о способах прижать ведьм, но очень поверхностно.

— Есть три способа сдерживать силу ведьмы — призыв, повязь кровью и клеймо, — ответил Рэтар. — И все ведьмы сдерживаются призывом.

— Сделанным на крови?

— Да, но сдерживается словом, — уточнил он. — Тебя призвали на мою кровь, и связали словом, которое я с тебя снял.

— И я могу уйти и делать, что хочу, и твоей власти больше надо мной нет, — заключила Хэла.

— Да, — ответил Рэтар и ей стало интересно не жалеет ли он о своём решении.

— А что такое повязь кровью тогда? — вслух спросила ведьма.

Рэтар тяжело вздохнул.

— Это... Хэла... — феран поморщился и потёр глаза.

— Так ужасно? — нахмурилась она.

— Мерзко, — ответил Рэтар.

— Это тоже сдерживает силы?

— Не совсем, — феран вздохнул. — Это привязывает к дому, намертво, нельзя ничего с этим поделать. С этим надо осторожнее, потому как привязывает к крови и действует безотказно, но пока жив кто-то в ком течёт кровь того рода, который ведьму призвал и повязал этим обрядом. А если они все умирают, то и ведьма тоже. Или если ведьма будет далеко от них. Но силы ведьмы повязь кровью обычно не уменьшает, а наоборот. Она становится намного сильнее, но только творя магию во имя дома.

Хэла понимающе кивнула.

— А клеймо?

— Клеймо как раз запирает. И это жестоко. Потому что сила есть, а пользоваться ею нельзя, можно только с разрешения тех, кому принадлежит клеймо.

Он нахмурился, хмыкнул.

— Скорее всего поэтому, ведьма при мне так злилась и лютовала, потому что действие клейма закончилось со смертью Рейнара. Но в тоже время, она получила свою волю и силу назад, а та её придавила и, — феран развёл руками, — не знаю, выжгла изнутри? И я знаю это, потому что раньше, когда клеймо было обычным делом — ведьм клеймили много раз. То есть каждое поколение ставило свою печать, понимаешь?

И внутри Хэлы что-то щёлкнуло. Она села на него и уставилась, как будто видела впервые. Внутри взметнулось пламя, зов теней стал невыносимым, понимание, знание, чутьё... Как она не видела этого раньше, почему? И почему сейчас увидела, потому что посмотрела иначе? И как же бесит, что невозможно этому научиться, что ж такое!

— Хэла, ты чего? — Рэтар положил ей руки на бёдра и нахмурился.

Хотелось плакать и смеяться. Намного сильнее, чем вчера разрывало этими эмоциональными качелями. Ей было так страшно всё это время и теперь...

— Всё хорошо, — улыбнулась она и обняв руками лицо поцеловала.

— Хэла, теперь ты меня пугаешь, — нахмурился феран, ещё сильнее цепляясь за неё.

— Так тебе и надо, — и ведьма снова его поцеловала.

— Хэла, так, подожди, — Рэтар ловким движением перевернулся и она оказалась под ним, конечно же теперь в полной беспомощности, ну разве что только можно шарахнуть его током, но божечки, конечно она этого никогда не сделает.

На глаза навернулись слёзы и Хэла почувствовала, как феран снова, как вчера и позавчера, впал в панику.

— Всё хорошо, боже, всё хорошо, — и может целовать его она и не может, но обнимать-то получается.

— Ведьма, чтоб тебе! — рыкнул Рэтар и огонь внутри него полыхнул едва контролируемой яростью.

— Я просто так сильно боялась за тебя, понимаешь? — прошептала Хэла. — Всё это время я борюсь с этой твоей головной болью и заговариваю, заговариваю её, я уже всё вокруг тебя заговорила, тебя заговариваю, а не получается, точнее получается, но совсем на чуть-чуть, а потом опять, как будто я не делала ничего. Я уже всего тебя вдоль и поперёк рассмотрела на болезни всякие, искала-искала... и я такая дура, такая дура, я не искала заговор, не искала. Я думала, ну у тебя же не может быть злого заговора чёрной ведьмы, ты же феран...

— Даже если и был, — Рэтар кивнул, — эйолы мне бы сказали...

— Ничего бы они тебе не сказали, этот бы не увидели. Как и маги. А я не искала. Прости меня.

Она улыбалась, а слёзы всё текли сами собой, счастливые, дурные такие, неприятно затекали в уши, мочили волосы.

— Хэла, — и ведьма видела, как Рэтара выворачивают её слёзы и не стала бы так его мучить, но вот выпирало из неё при нём вся эта женская слабость, что давила в себе обычно беспощадно.

— На тебе заговор ведьмы чёрной, я его вижу и я его изведу, понимаешь? — прошептала Хэла. — У тебя не будет больше болеть голова, Рэтар! Ну, точнее будет, но как у всех

остальных людей, иногда, понимаешь, а не вот так, чтобы ты и дня без этого прожить не мог, так не будет.

Феран смотрел на неё удивлённо и совершенно непонимающе.

— Ты меня с ума сведёшь, ведьма, — проворчал обречённо и поцеловал.

Хэла обняла его за шею, её счастье было таким огромным, безбрежным, а главное она была полезной, была ему полезной...

— Не плачь, — шепнул Рэтар ей, продолжая целовать.

Поцелуй раздул пламя, как у них и было все эти дни — они сами кажется не понимали, как так получается.

Хотя Хэла понимала, потому что всё было новым, всё было таким долгожданным... прикосновения, поцелуи, даже взгляды и эта болезненная одышка, когда не хватает воздуха, когда словно пробежал стометровку из последних сил и быстрее всех. Рэтар оторвался от неё, чтобы снять рубаху.

— Тебе не кажется, что раздеваться в начале самого утра, чтобы снова одеться, очень странно? — спросила Хэла, пытаясь прийти в себя, потому что от этого мужчины у неё совершенно дурела голова, в ней можно было в такие моменты найти только самые пошлые из мыслей, причём порой ведьма сама себе удивлялась, когда какая-нибудь совершенно неприличная мыслишка начинала изводить её и доводила до грани, говоря: “ну, скажи ему, а вдруг он не против”?

И, о боги, что это порой было такое... но она не могла позволить себе такое ему озвучить, это чаще всего было слишком для этого мира.

— Мне кажется, что тебя не может остановить наличие или отсутствие одежды, Хэла, — проговорил в неё Рэтар.

— Мне в одежде даже комфортнее, — прохрипела она, а Рэтар задрал её юбки практически ей на голову и стал целовать те места, которые оголились.

Всё. Уух, ветер воет в пустоте черепной коробки. А, нет, только одна мысль. Жёсткая и страшно неприличная. А она может позволить себе такое озвучить? Но это было уже не важно, потому что самой захотелось избавиться от всего сдерживающего и не комфортно в одежде, нет! Потому что хотелось почувствовать, чтобы сгореть к чертям, которые снова плясали у неё внутри, вместо пресловутых бабочек.

“Только не смей сбавлять темп, только... — молила Хэла, — ох, боже, если ты там где-то есть, пусть это не заканчивается, пожалуйста!”

Небо начало светлеть, когда они устроившись рядом с друг другом отчаянно пытались снова вспомнить каково это — просто дышать.

Хэла голая лежала на животе и смотрела на изменяющееся небо и пытаясь вернуть себе способность мыслить. Рэтар медленно гладил её спину. Потом нагнулся над ней и стал целовать линию позвоночника от поясницы, продвигаясь вверх. Этого она выдержать уже не смогла.

— Перестань, — рассмеялась ведьма, заёрзав. — Ты щекотный.

— Хочешь сбрую всё? — спросил феран внезапно.

— Не надо, — улыбнулась Хэла.

— Я собирался в это благословение Изара сделать это.

— В смысле? — она посмотрела на него с непониманием.

Рэтар рассмеялся:

— На благословение Изара мужчины сбривают бороды и иногда волосы. Это обряд

обновления и благодарности, — пояснил он.

— Боги, каждый тир? — повела бровью ведьма.

— Не все, это не обязательно, — мотнул головой феран. — Но Тёрк вот каждый, а я уже давно этого не делал, тиров десять, но в этот раз надо.

— Почему? — спросила она.

— Потому что в этот раз мне есть за что благодарить, — нагнувшись он поцеловал её плечо, а Хэла спрятала лицо, потому что — ну, сколько уже можно доводить её?

Она хотела много-много чего сказать, но у неё не получалось, потому что всё это заваливало её с головой в нежность, умиление, какую-то невообразимую негу наслаждения каждой секундочкой того, что происходило.

— Надо вставать и делать дела, — слабая попытка выбраться из постели, хотя её желание говорило совсем об обратном.

— Ты не хочешь, — шепнул ей на ухо Рэтар.

— Не хочу, — отозвалась Хэла и закрыла глаза.

Он продолжил целовать ей спину.

— Я вот думаю про заговор ведьмы. То есть она на меня его наговорила, когда клеймо действовать перестало, — сказал феран. — Но почему не было его видно? Не только эйол меня смотрел, но и маги. Ты права... А голова у меня болеть стала после ранения.

— Я не знаю пока, но я постараюсь разобраться и тебе расскажу.

— Точно? — спросил феран снова оказавшись у её уха.

— Точно, — шепнула ведьма, окунаясь в счастье.

Внезапно внутри всё рванулось, тени дёрнули её и она вспомнила, что вчера почувствовала смерть. Напряглась.

— Хэла? — повернув голову, ведьма встретила с его полным тревоги взглядом.

— Вчера кто-то умер, — проговорила она, пугаясь этого осознания.

— Хэла, — лицо ферана стало напряжённым.

— Ты поэтому ушёл? — она привстала на локтях, всматриваясь в него. — Рэтар, кто?

И мужчина стал хищником в ожидании нападения. Клыкастым, жестоким, опасным, лютым.

— Шера, — проговорил он с трудом.

— Как? — спросила Хэла, опарашенная этой вестью.

С чего вдруг молодой и сильной, здоровой девице умирать? Да она могла сама кого хочешь извести и даже не заметить.

— Её убили, — тихо ответил феран и сел, потом спустил ноги с постели, встал и стал одеваться.

Рэтар был зол. Хэла видела, как внутри него бушует пожар, видела как огонь едва умещается внутри его тела, а он отчаянно пытается держаться, чтобы не сказать лишнего, чтобы не сделать чего-то о чём пожалеет потом.

— Ты знаешь кто?

— Я не уверен, — она видела, что феран солгал. — Я не могу доказать. И Хэла, никто не должен знать, что она убита, что умерла.

— В смысле, ты хочешь это скрыть? — и ведьма нахмурилась не понимая его мотивов.

Рэтар повернулся. В его взгляде было столько сожаления, что Хэле захотелось обнять его, он так сильно винил себя, что плакать хотелось, потому что был не виноват.

— Да, — кивнул феран. — Я вынужден это скрыть.

— Зачем?

— Потому что надеюсь, что это поможет мне прижать убийцу, — ответил мужчина, но как бы Хэле не хотелось уверовать в это, было ещё что-то.

— Что-то ещё?

Рэтар колебался.

— Из-за тебя, — тихо ответил он, спустя как ей показалось вечность.

Хэла втянула воздух, замерла, потом выдохнула — ну, конечно, скандал, который учинила Найте Шера из-за камня. Ведьма ничего наложнице не сделала, но свидетелей этой сцены было предостаточно, да и разнеслось всё уже по округе... и стало похоже на снежный ком, о таком не молчат, и теперь, если люди узнают, что Шера мертва, то первым делом подумают, что это чёрная ведьма отомстила ей. И то, что Шера наложница ферана, и то, что сказала Хэле во время ссоры... и все эти домыслы о феране и его чёрной ведьме...

Она сжалась и зажмурилась.

— Хэла, — Рэтар сел рядом, погладил по голове и по руке.

— Прости, — выдавила она из себя.

— За что? — спросил он.

— Я... я... — она не нашлась что сказать и феран её обнял.

— Тихо, всё, не важно. Ты ни в чём не виновата, — стал успокаивать Хэлу Рэтар. — А я сделаю всё, чтобы её душа была спокойна за гранью. Не думай об этом, прошу тебя.

Ведьма силилась не рыдать, потому что уже бесилась от себя самой, хоть заговаривай от этого мерзкого ненавистного ей мокрого дела.

— И Хэла, дай мне слово, что ты не будешь искать того, кто это сделал, — попросил феран. — Ты не будешь пытаться понять, не будешь смотреть в каждого, стараясь узнать. Дай мне слово, родная.

И она так хотела сказать нет, потому что это было так неразумно. Если бы он сказал кого подозревает, то Хэла посмотрела бы и тогда не было бы всех этих сомнений. Почему нельзя? Но спорить она не стала, потому что в этой его “родной” было столько тоски и горя, столько мольбы, что она не могла отказать и связала себя обещанием, которое в этом мире нельзя нарушить:

— Хорошо, я даю тебе слово.

Рэтар поцеловал её в лоб.

— Помочь тебе одеться? — спросил он.

— Я сама, — мотнула головой Хэла.

Феран снова её поцеловал, а потом вышел в кабинет, оставив одну.

Сколько всяких мыслей полезли в голову и стали мучать, просто не было слов. А его? Боже, ему каково?

Хэла оделась и тоже вышла в кабинет.

— Пойду прогуляю своих мальчиков, — слегка улыбнувшись сказала она.

Рэтар ей кивнул и ведьма направилась к боковой двери.

— Хэла, — позвал её феран.

— А? — обернулась ведьма.

— Кинжал, — феран кивнул на стол.

Она вздохнула и подошла к столу, проведя пальцем по рукояти подаренного оружия.

— А может всё-таки вернём его? — с надеждой спросила она.

— Хэла!

— Я не сомневаюсь, что тот, который ты ему дал, — заупрямилась женщина, — намного лучше этого...

— Намного! — улыбнулся Рэтар, а она прищурила глаз с недоверием. — Очень много, Хэла.

— Он был совсем простым, — заметила она.

— А я люблю простые вещи, — усмехнулся феран. — Он выглядел просто, но рукоять из кости сунги, а лезвие из тонга. Мальцу хватит на всю жизнь и несколькими поколениями после.

— Ну, а вдруг этот ему кто-то подарил? — не теряла надежды Хэла. — Вдруг...

— Он купил его себе сам, — ответил на её вопрос Рэтар. — С первого командирского жалования. Бери.

— А ты не боишься, что я с ним не справлюсь? — спросила она, приподнимая бровь.

— С ножом? Что-то говорит мне, Хэла, что с ножами ты умеешь обращаться, и уже тем более, не нужен особый навык, чтобы ковырять им мёрзлую землю, — феран встал и, взяв ремень с ножнами и кинжалом в них, обошёл стол, встав перед ведьмой. — Ковыряй от себя и всё будет хорошо.

Рэтар обнял её и закрепил ремень на поясе, как тут все носили — кинжал оказался на спине, немного наискосок.

— Жаль ковырять им корешки.

— Хэла, — кажется уже с невероятной титанической обречённостью в голове произнёс феран. — Ничего с ним не случится, это очень хороший сплав хилдской стали, прочный и добротный. Он не испортится и не затупится от ковыряния в земле. Но если тебя это смущает, и нужно что-то более внушительное, то я подарю тебе кинжал из тонга, таким можно и ветки рубить, и кости, и...

— Нет! — она положила руку ему на грудь и попросила: — Не надо мне больше ничего дарить! Всё, достаточно этого.

Но Рэтар рассмеялся.

— Хорошо, несносная моя ведьма, — согласился он, хотя было понимание, что так просто она не отскочит. — И не забудь, про еду.

— Приду я, приду, если время не перепутаю, — Хэла повела головой и плечом, потом мысленно себя за это отругала, потому что в глазах мужчины опять полыхнуло желанием.

Надо бежать! Чёрт, а так не хочется!

— Ушла, — встав на мысочки она поцеловала его в губы и вывернувшись из уже пошедших в наступление рук выбралась из кабинета ферана.

Дом только начинал просыпаться и Хэла решила сначала погулять с харагами, а уже потом проведать серых, которые как раз проснутся к её возвращению и будут собираться на работу.

Погуляв в поле, она устроилась на ветке дерева и увидела возвращающегося с реки Тёрка, махнула ему рукой.

— Братец? — улыбнулась она, когда он подошёл. — Река в такое время плохой признак. Что случилось, дорогой?

— Ведьмочка моя, — ухмыльнулся мужчина, приветствуя её. — Ничего такого, моя хорошая, просто сегодня подпираю собой дверь ферана нашего любимого, и считаю, что подпиралка должна быть чистой.

Она залилась смехом. Вот уж кого Хэла всегда любила видеть — Тёрк был

невероятным.

Он был честным, простая грубость его дарила ей какую-то возможность не думать о том, что нужно себя сдерживать и думать о том, что говоришь и когда. Но мужчина не был глупым или простаком — она точно знала, что он достаточно образованный, разносторонне развитый человек. И ещё она была так счастлива, что его можно было обнимать, когда вздумается и ничего не было в этом такого, потому что Хэла была из тех кому был до невозможности необходим физический контакт, она кажется “подзаряжалась” им и, если бы не Тёрк, то она давно бы уже в этом мире ноги протянула.

Мужчина сел рядом с ней.

— И всё же тебя что-то волнует, милый, — заключила она, видя его внутренний огонь, который сегодня горел нервно, яростно и угрожающе, в отличии от привычного сильного, дарящего тепло, основательного пламени, похожего на вечный огонь.

Тёрк вздохнул.

— Шера? — осторожно спросила Хэла, понимая, что скорее всего Тёрк всё знал.

И тот глянул наискосок, с аккуратностью. Наверное пытался понять, что именно известно ведьме.

— Я вчера почувствовала смерть, — пояснила она. — Рэттар сказал, что это Шера.

— А что говорить об этом нельзя не сказал? — поинтересовался старший брат ферана.

— Я уверена, что ты в курсе, — пожала плечами Хэла. — Кто ж кроме тебя?

Тёрк усмехнулся.

— Ну, давай подумаем, — предположил он, — Роар, Элгор, Мирган, Гир...

Она наморщила нос:

— Не думаю, — ответила ведьма. — Роар слишком горяч, только если он сам узнал. Элгор, ну такое себе, Рэттар ему не доверяет. Мирган может быть, а вот Гир нет, он больше с Роаром водится, чем с фераном. Ты единственный на кого Рэттар может положиться.

— И единственный, кто может за всеми прибирать, — невесело добавил Тёрк.

— Скажи мне на кого вы думаете?

— Ты же только что сказала, что я единственный на кого он может положиться, — и мужчина пожал плечами. — А я его доверием дорожу. Если он тебе не сказал, то значит не надо тебе знать.

— Я ведь могу найти, — ответила на это Хэла.

— Мне кажется, что он об этом подумал и предусмотрел, предупредив твои необдуманные и упрямые действия.

— Брат от брата, — вздохнула она, понимая, что понятно дело ничего ей не светит узнать, а лезть в его голову она не может, потому что слово дала.

— Не надо тебе это, ведьмочка моя, не надо, — вздохнул Тёрк. — Боги с ней, красивая, но глупая. Жизнь была сытая, а чего-то хотелось ещё, ну, хоть смерть быстрая.

Они помолчали, глядя на то, как бегают в поле хараги — даже странно, что к Тёрку они её не ревновали.

— Расскажи, Тёрк...

— Что? — он посмотрел с удивлением, но оно было такое неестественное.

— Ты плохой актёр, скажу я тебе, — повела головой ведьма. — Хотя когда ты всем улыбаешься, а внутри убить хочешь, отлично выходит. Очень убедительно.

— Я никогда не хотел тебя убить, Хэла, — ответил он.

— Нет. Но вот на реку тебя понесло сегодня, — склонила ведьма голову на бок, —

расскажи. Ведь не только в Шере дело. Не верю, что ты настолько расстроен из-за смерти наложницы ферана, что в реку полез почти в темень.

Он ухмыльнулся её пронизательности.

— Сцепился с Мирганом, припомнил он мне кое-что, а тут эта девка ещё, — ответил Тёрк. — Я же тоже не каменный, Хэла. И ты вот сердце мне расколотила.

Они улыбнулись друг другу.

— Как её звали? — спросила ведьма.

— Геса, — ответил мужчина и Хэла видела, какой тоской наполнился его взгляд. — Из домашних была. Простая такая, вообще ничего в ней не было, во внешности. Вот увидел и через мгновение забыл. Но какая у неё улыбка была, а как она смеялась. Как вода журчит, знаешь, я до сих пор иногда слышу её смех.

Он нахмурился, тяжело вздохнул.

— Он у меня в голове наверное навсегда останется и я до смерти буду его помнить и улыбку её эту, до костей пробирающую, — прошептал Тёрк. — И шутить с ней хотелось, потому что она смеялась, а мы все заслушивались. Помню с Мирганом сядем и давай колоть друг друга, а она слушает и смеётся, а мы таем от неё, как курнаты становимся. Она меня выбрала. Ох, Хэла, какая она была, ух... Горячая, я даже сначала и не знал что делать с этим, тут редко такое бывает, и у меня не было таких женщин как она, знаешь, не до, ни после... ни разу.

Тёрк замолчал и ведьму полоснуло его горе. Такое осязаемое, даже несмотря на то, что прошло столько времени.

— Что случилось? — спросила Хэла шёпотом.

— А что у нас тут случится может? Хворь да война. Война началась и нас всех раз и, — он сделал жест рукой, словно загребал песок, а потом словно бросил его перед собой. — Мы тогда не на своей земле воевали, долго, страшно. Я один раз только был в Кармии, когда на Рэтара наёмников наслали, он их раскидал, а сам почти сдох. Я его оттаскивал в башню Харныги, к магам, чтобы полечили и поправили. Они сделали и мы с ним обратно. Всё. Когда вернулся, а Гесы моей нет. Отец её не дождался нас, отдал её какому-то сыну знакомого земледельца в Хэжени.

Он вздохнул со злостью, внутри рвалась ярость.

— Совсем немного не дождался, Хэла, всего пара луней, — проговорил он с горечью. — Как меня разрывало от этого, ты не представляешь. Он ведь, тварь, знал, что война кончилась. Знал, что мы возвращаемся. А всё равно её отдал, позарился на прикуп. А я ведь мог больше дать. Я был тенью Рэтара, он был бронаром, командиром отряда ферана, я был у него фором, был вторым командиром. Я знаешь сколько камней получал? Я бы за неё всё отдал, и это было бы даже не в десять раз больше, что эта мразь получила, продав её, как скотину.

Хэла видела, что Тёрк ушёл в это воспоминание и наверное в некотором смысле было плохо тянуть из него это воспоминание, но почему-то понимала, что сейчас ему надо было этим поделиться, особенно после ссоры с Мирганом.

— Но я сам был виноват, как у меня ума не хватило обвязаться с ней до того, как на войну уйти? Или ладно, не было на это времени, так мог отцу прикуп оставить, чтобы он меня дождался, а коли помер бы я, тогда твори, что хочешь. Дурак, ой дурак, — мужчина ударил кулаком в ствол дерева. — И я хотел её искать, знаешь? Хотел. Думал найду и у этого земледельца, или кем он там был, выкуплю, такое бывает, а я не простой же мужик, из

какого селения на карте не найти, я сын ферана! Я мог её просто так забрать и без откупа.

— Почему не поехал?

— Дурак! Я подумал, что вдруг ей там хорошо, вдруг за то время как меня не было, — каждое слово давалось ему с трудом, — у неё чувства изменились, может, она не хотела уже со мной быть...

Он пожал плечами так горестно, что у Хэлы навернулись на глаза слёзы.

— Ещё раз дурак, — прошептал он. — Он её убил. Забил на смерть. Мне её сестра младшая это рассказала. Как скотину купил и как скотину забил...

— Тёрк, — Хэла села к нему лицом, протянула руку.

— Ну и что, что разлюбила? — и он сжал её пальцы. — Забрал бы у него и была бы сама себе предоставлена, я не неволил бы её. Просто... понимаешь... Надо было мне... я же знал какая она. Не любят у нас таких. Не любят.

— Каких?

— Девочек, что под вояками были. Они как подпорченное мясо, — он зло скривился, с обидой, гневом. — Знаешь, как простые говорят? Коли баба под воякой была, то она потом всю жизнь на дорогу будет смотреть, и вояку своего ждать, и не важно семья у неё, супруг, детей по лавкам не счесть — вернётся вояка, и она с ним уйдёт.

— Какой бред, — выдавила из себя ведьма, пытаясь не расплакаться.

— Я думаю, что это всякая тварь придумала, чтобы оправдать себя, — кивнул Тёрк. — Я считаю, что если мужик не только на людях супруг хороший, но и в доме, и за дверьми закрытыми, наедине с бабой своей, то никуда она от него не денется, а если он дерьма кусок, то она и с благим уйдёт, если он ей слово доброе скажет и ласковым с ней будет. Просто люди службы, как самые, бесхозные, что ли. Бездомные. Нам улыбаются, Хэла, а в спину ненавидят.

— Тёрк, милый, — ведьма сжала его руку.

— Они вон почему девочек своих от нас подальше держат? Не замечала? — он сделал движение головой в сторону селения, потом посмотрел с вопросом и Хэла нахмурилась. Потому что замечала, конечно. — Домашние местные, которые вроде глазки стоят, а всё равно не подпускают к себе, потому что отцы за ними смотрят, чтобы девка какая не попорчена вояками была. Вот каким пекарем — не вопрос, а служакой, это беда! Парни мои и Гира больше к наложницам жмутся, да к серым лезут, больше даже, чтобы у самих девушек местных потом проблем не было. Все ж всё понимают. Так что ты не серчай, если кто там серых за юбки ловит... а то они тебя боятся ого как!

— Если два условия выполняют — я не серчаю, — улыбнулась ведьма.

— Целых два? — удивился Тёрк.

— Да, — кивнула Хэла. — Чтобы без насилия, по согласию, и чтобы к малолеткам не лезли — этого не потерплю.

— Справедливо, — кивнул Тёрк. — Я сам насилие не люблю, бывало правда у меня такое, не буду душой кривить и хорошим себя говорить, по службе иногда приходилось делать то, что потом не забудешь и отмаливать будешь всю жизнь и то не уверен, что такое проститься может. А вот с мелкими девками... надеюсь, что боги не допустят, что мне так голову покосит, что я на девку мелкую полезу. Это меня можно сразу в мясо пускать, да я и сам ждать не буду, потому как этому оправданий нет. Я и тех, кто девочек после обряда берёт не понимаю, а уж раньше и подавно.

— Обряда? — нахмурилась Хэла.

— Когда девочки проходят через обряд благословения Анат, — пояснил брат Рэтара.

— Не могу я привыкнуть к этому отношению к женщине, — мотнула головой ведьма. — Хотя у меня в мире такое тоже сплошь и рядом, но вот раз никому не нужна невинность, если можно близость иметь и до свадьбы, ну до обвязания этого вашего, то кому какое дело с кем у неё эта близость была? Вот у нас долго как было — нельзя и всё. Типа прохлопала невинность — всё хана. Вот такую никто не возьмёт. Плохая, порченная. И всем всё понятно. А тут... с этим можно, а вот с этим нет.

— Вот так. У меня тоже не получается к этому спокойно относиться, — он повёл головой и горько усмехнулся. — Меня выдёргивает... И я ведь понимаю, что с Гесой такое случилось не только из-за того, что она с воякой была, но и потому что она в близости другая была. Этого тоже не любят. Это вместе с эйолом выбивать пытаются — он оговорами, а супруг кулаком.

— А этого я вообще не могу тут у вас понять и тем более принять, — прошептала Хэла в задумчивости. — Близость она же для двоих. Вот никого больше не касается, что там и как, главное, чтобы этим конкретно двоим было хорошо. А у них в головах насрано...

— Мирган мне Гесу поминает, когда злой, когда хочет меня задеть побольнее. Вот и сегодня так, — он хмыкнул. — Как не в себе прям, злющий. Хуже, чем обычно. Хотя я и сам не забывал её никогда.

Тёрк вздохнул и встал.

— Пойдёшь? Мне пора идти Сейка менять, я его отпустил, а то у него супруга третьего родила, пусть поможет ей, дома побудет, а то в Зарне, чувствую, построит нас достопочтенный феран, что не продохнуть будет.

Хэла не стала спрашивать почему, чтобы не получить ещё один уклончивый ответ.

— А ты правда в праздник Изара бреешься? — вместо этого захотелось сменить тему, пока они шли в сторону дома, чтобы Тёрка немного отпустило.

— А то, конечно. Каждый тир! Даже, если находимся там, где не празднуют. Всё равно — сбрил и в костёр отправил, с благодарностью.

— Стой, волосы сжигать надо? — Хэлу перекошило.

— Да, — кивнул Тёрк, посмотрев на неё с усмешкой.

— И тут весь отряд будет лысыми и без бород ходить? — уточнила она.

— Почти все мужики такие будут, — ответил мужчина. — Правда некоторые только бороду сбривают, или голову бреют, а бороду нет.

— Будет у нас тут армия, — буркнула ведьма, а потом скривилась. — А нам надо идти? Или нет? Мне можно не ходить на костры, а то вот же представляю какая будет вонь!

Тёрк рассмеялся.

— Не переживай, когда обряд проходит, женщин и не пускают на костры, — ответил он. — А когда пустят уже всё сгорит.

— Ну да, кто бы сомневался, что не пускают. А таким как я вообще можно? — поинтересовалась Хэла. — А то мало того, что я серая, то есть сомнительно человек ли я вообще, чёрная ведьма — ужас, летящий на крыльях ночи. Так ещё, кошмар, под таким воякой была, ого-го каким, вояка из вояк, для меня и дороги-то наверное не найдётся, чтобы стоять и смотреть. Ждать пришествия.

Тёрк остановился, посмотрел на неё и заржал. Хэла поклялась бы, что этот гогот был таким громким, что со сторожевых башен повылазили стражники, чтобы глянуть, что там внизу происходит. Хараги вот точно встали как вкопанные и уставились на, как им наверное

показалось, умирающего мужика. И феран, наверняка этот гогот слышал. Вот тут реально кошмар.

— Разбудишь дом, дуралей!

— Ты, ты... Хэла, чтоб меня, — от подошёл к ней и сгрёб в охапку, она потерялась в его огромных, медвежьих объятиях.

— Скажешь об этом Рэтару, наговорю на тебя снедуг! — буркнула она ему в куртку.

— Не скажу, — гоготнул он ещё раз, вытирая проступившие от смеха слёзы.

— Скажи, Тёрк, — решила спросить Хэла. — А ирнит правда такой дорогой камень?

— Да, — кивнул он и придерживая за плечи потянул дальше. — Зависит от размера, конечно, но да, самый дорогой. Их три, точнее четыре, но, — мужчина махнул рукой, — три. Редкие. Серкит ещё и грасцит. Грасцит цвета крови, его можно добыть в двух, трёх выработках. Одна у нас. Серкит серкий... ну... о, как глаза у Роара.

— Жёлтый? — уточнила ведьма.

— Наверное, — согласился мужчина. — Его много где можно найти, в смысле не только в наших горах, но не часто. А ирнит только у нас, в Изарии. Его называют камнем богини.

— Вот ведь, — фыркнула Хэла. — Твою ж налево.

— А что такое? — спросил Тёрк, заглядывая ей в лицо.

— Рэтар подарил мне ирнит, — ответила она, недовольно мотнув головой. — И я хочу провалиться на месте из-за этого, а ещё он заставил Брока подарить мне что-то тоже. И вот у меня теперь есть хилдский кинжал.

— Хэла, да чего провалиться-то? — он остановился. — Ирниты красивые, покажи.

Она потянула за цепочку на шее и вытащила кулон. Сказать, что Тёрк удивился это вообще ничего не сказать. Он аккуратно положил кулон на свою огромную ладонь и конечно в его руке он уже не был таким большим, как казалось Хэле, когда украшение было в её ладони.

— Неплохо, прям удивлён, — он повернул кулон той стороной на которой были символы. — Отличная ринтийская работа, древнеизарийский. Песня камня, — кивнул он на надпись. — Прям малец поразил.

— Малец? — спросила Хэла.

— Рэтар, — пояснил мужчина. Теперь была её очередь рассмеяться. — Скажешь об этом Рэтару перестану с тобой говорить, — передразнил её Тёрк.

— Не скажу. А правда на него можно замок купить? — она указала на Трит.

— На такой — можно, — прибил её ответом брат ферана.

— Ох, — застонала Хэла и покачала головой, потому что в ней ещё жило какое-то сомнение, точнее надежда на то, что Рэтар пошутил, сказав, что на этот камень можно купить замок.

— Что не так? — спросил у неё Тёрк, отдавая кулон обратно.

— Потому что это слишком...

— Я бы от такого не отказался, — заметил он, ухмыляясь.

— Для такой, как я, слишком! — упрямо мотнула головой Хэла. — Я не привыкла, не могу я. И мне стыдно и тягостно от таких подарков. И кинжал бы я вернула.

— Не переживай, я Броку подарю другой.

— Рэтар ему свой отдал, — сказала ведьма. — Сразу же.

— Правда? Какой?

— Не знаю, который у него всегда при себе был. Один и тот же или я ошибаюсь?

— Тогда даже не думай переживать. Просто я Брока не видел вчера, это же вчера было? — уточнил Тёрк, а Хэла согласно кивнула. — Вот увижу он мне похвалиться ещё. Небось сидит в обнимку с птицей этой вашей, чтоб ей, и смотрит на него, в руки взять боится. На кинжал тот можно дом купить в селении, земли кусок, скота и ещё останется, чтобы жить забот не знать почти до конца дней.

— Боже, — снова простонала ведьма, потому что это было уже ни в какие ворота. — Я никогда не привыкну ни к чему подобному...

— У Рэтара ещё такой есть. Их пара была. Подарили Эргану. Отец любил дорогие вещи, чтобы было видно, насколько они ценные. А тут была пара кинжалов — работа тонкая, сделаны из сунги и тонга, но простые на вид. Отец не носил, а Рэтару такое всегда было по душе.

— Тёрк, — Хэла положила ему руку на живот, останавливая. — Я ещё хотела спросить. Но это только между нами. Можно?

— Да всё что хочешь, ведьмочка моя, — ухмыльнулся Тёрк. — Мы уже с тобой так повязаны, что можно в сговоре нас обвинять, клеймить и слать в Хар-Хаган.

— Прости, — прошептала Хэла.

— Я не буду против, — мотнул он головой. — С тобой если, так с радостью даже за грань.

— Перестань.

— Какой вопрос?

Ведьма замялась, прикусила губу.

— Как отец относился к Рэтару, — решила-таки спросить она. — На самом деле...

— Любил без памяти!

— ...потому что Рэтар считает, что... — Тёрк уже ответил, хотя Хэла говорила ещё. Запнувшись она уставилась на мужчину. — А?

— Я знаю, что Рэтар считает, что не любил, — ответил старший брат ферана. — Но это не так. Отец его любил. Определённо больше, чем кого бы то ни было из всех близких, и может даже больше своей супруги. Хотя может и нет.

— Правда?

— Да. Отец просто не умел показывать свои чувства. Но это не значит, что он их не испытывал. Правильно?

Хэла повела головой соглашаясь.

— Он очень любил Рэтара, — вздохнул Тёрк. — Он был для него единственным сыном, все остальные так, не важно.

— И Риван? — нахмурилась ведьма.

— Да, — и Тёрк развёл руками. — Увы, парень всю свою короткую жизнь бился о стены, пытаясь доказать, что чего-то стоит, пытаясь сделать так, чтобы отец просто посмотрел в его сторону — безуспешно.

— Но Рэтар считает, что...

— Понимаешь, Хэла, — перебил её мужчина, обняв её за плечи. — Ты ведь мудрая, чуткая... ты видишь какой он на самом деле? Рэтар всю жизнь пытался чувства внутри себя уничтожить, сложить в ящик и заколотить, сжечь, потому что с нашей жизнью чувства лишние. Отец не очень страдал оттого, что не мог показать свою любовь, потому что растил нас как...

Тёрк задумался потом махнул на её мальчиков, что сейчас залегли в поле и ждали, когда люди пойдут дальше:

— Хараг вон. Он нас даже называл — “мои хиги”. Мы должны были быть зубастыми, жестокими, хищными, безжалостными, — он вздохнул. — Рэтар такой, я такой, все мы такие. Но Рэтар единственный кто мог сказать отцу что-то поперёк. Спорить с ним. Знаешь, вот у него спина вся исполосована плетью и отец жалел об этом, а Рэтар, упрямый засранец, не убирал эти шрамы. И отец это, ну не знаю... его гордость распирала.

И Тёрк ухмыльнулся.

— А как у него глаза горели в этих спорах? — и он повёл головой, стал довольным. — Ещё, ещё, давай! И не важно, чем заканчивался спор, казалось, что отец был полностью в этом, ему нравилось, что Рэтар идёт ему наперекор, ему нравилась эта сила в мальчишке. Рэтар Эаргана не боялся. А тот его берёт. Отец мне говорил, что я живу только для того, чтобы брата хранить. У меня нет другого дела, мне должно быть наплевать на себя, но Рэтар... ценой своей жизни сохранить, защитить. Хотя, конечно, со стороны обычное отношение фэрана было просто пыткой, жестокостью, может даже ненавистью.

На Хэлу внезапно нашло осознание того, что именно было за тем разговором предыдущей чёрной ведьмы, который она нашла сегодня на фэрane. Её смело в пыль и снова вернуло на место целую. Она рассеянно кивнула, давая понять Тёрку, что он ответил на её вопрос.

— Пойдём, ведьмочка моя, тебе нужно выпить отвара и согреться! — видимо заметил, как её тряхнуло. — Как-нибудь расскажу тебе чего-нибудь побольше и повеселее, а то получилось у нас грустно всё.

Тёрк снова обнял её за плечи и они пошли домой, впрочем они были уже почти у самых ворот. Ведьма обняла его в ответ, положив руку на спину. Внутри старшего брата Рэтара снова горело спокойное, сильное пламя, ярость сошла на нет, тревога и муки прошлого снова улеглись.

Хэла была счастлива, что у неё есть такие вот силы, что она может хоть как-то помогать тем, кто ей стал дорог и важен. А этот человек был и важен и дорог.

Глава 15

Милена сидела рядом с Хэлой, пила травяной отвар и смотрела на тренировку воинов. Сегодня мужчины были особенно возбужденными и говорили только о предстоящем переезде и кострах.

Саму Милу переезд очень тревожил, потому что она вообще никогда в своей жизни не сидела в седле, да и подружиться с тоорами у неё не получалось, впрочем как и с другой местной живностью.

Девушка положила голову на плечо чёрной ведьмы и на душе было так спокойно и тихо. Несмотря на то, что она чувствовала себя плохо, несмотря на проблемы, и тревогу, несмотря на то, что сердце рвалось к Роару, а он избегал её.

Все эти дни Милена ни разу его не встретила, хотя всюду ходила за серыми, а Роар готовил костры, помогая Элгору, который в это время собирал дом в Зарну. И вот с бронаром она сталкивалась даже больше, чем хотелось. Это выматывало, делало её уставшей, она старалась унять свои чувства, а получалось вообще всё непонятно. Но сейчас рядом с Хэлой было хорошо.

На тренировке не было ни фэрана, ни митара, но был Элгор, и он, в отличии от пребывающих в радостном настроении воинов, был угрюмым и суровым. Во время

тренировки был жесток, но в конечном итоге нарвался на ещё одного здорового командира, кажется он тоже был братом ферана — Милена уже напрочь запуталась в этих бородатых дядьках.

— А кто это Элгору... — она попыталась подобрать слово.

— Наваял? — чёрная ведьма очень внимательно за ними всеми следила, и Милене даже показалось, что была очень серьёзна и чем-то может даже расстроена, но потом сказала это слово и отпустило.

Девушка хихикнула:

— Ага.

— Это Мирган, — назвала чёрная ведьмы очередное имя, которое скорее всего Милена не запомнит и ещё три раза попросит напомнить, как же этого дядьку зовут.

— Только не говори мне, — вздохнула она. — Ещё один брат ферана?

— Не говорю, — улыбнулась женщина, — но так оно и есть.

— Они все такие, — белая ведьма запнулась.

— Шииникарные! — простонала Хэла. — Парад планет, мать их! Хотя нет, матери у них разные, а у кого-то даже живы-здоровы и пусть так и будет, коли славные. Так что отца их за ногу. Хотя в этом безобразии другая часть тела участвовала.

На этот раз Милена рассмеялась:

— Хэла, я так по тебе соскучилась!

— Ты меня день всего не видела, — улыбнулась женщина.

— Ну и что? Вот соскучилась. И знаешь, вчера, — она нахмурилась. — Вчера я почувствовала что-то, не знаю...

— Что? — спросила Хэла.

— Словно меня душило что-то, но при этом мне так хорошо было, аж страшно. Ты понимаешь, я такое не люблю, ну ты поняла, да? — кажется Милена стала красной, как помидор.

— Не переживай, я поняла, — кивнула ей чёрная ведьма спокойно и даже не пошутила. — А потом что? Или только это?

— Нет, потом мне стало больно, — нахмурилась девушка, вспоминая неприятное ощущение. — Словно меня ударило, не знаю или упало на меня что-то, или вот так во сне бывает, когда падаешь. А потом отпустило. Но до сих пор не по себе, как вспоминаю.

— Не переживай, зайнька, моя, — сказала Хэла ласково и погладила Милену по голове. — Сейчас всё хорошо?

— Да, — ответила девушка. — Это, не знаю, длилось пару секунд, не больше, как мне показалось.

— Не тревожься. Сила будет нарастать, будешь видеть и чувствовать много чего ещё, — пояснила чёрная ведьма. — Если сильно в себя будешь впитывать, то будет тяжело.

— Хэла? — к ним подошла Найта.

— Да, кукушонок мой. Доброе утро тебе, детка, — улыбнулась она и протянула девочке руки. — Как ты моя хорошая?

— У меня всё хорошо, только я... знаешь, — Найта села с другой стороны от женщины, не без страха, аккуратно подвинув спящую рядом с Хэлой фицру, и уткнулась ей в колени. — Мне жутко как-то, я не я.

— Что такое, кукушечка?

— Эммм, вот знаешь, — девочка повернула голову так, что лицо стало смотреть наверх

и заговорила шёпотом. — Мне достопочтенный феран камушек подарил, вместо того, что у меня Шера забрала. Я так хочу его тебе показать, а мне страшно почему-то.

— Ты моя, лапушка, — женщина погладила её по щеке. — Если не хочешь, можешь и не показывать.

— Очень хочу, — воскликнула Найта. — И ты ведь не заберёшь?

— Нет, моя хорошая, — ответила Хэла, а девочка покосилась на Милену.

— И я не заберу, — отозвалась белая ведьма тоже шёпотом.

— И никто не заберёт, — подтвердила женщина. — Как вообще можно забрать то, что тебе сам феран достопочтенный дал?

Было видно, что девочка колебалась. Она с одной стороны очень хотела поделиться, но с другой в ней был этот страх.

— Хорошо, смотри, — она села и достала свой совсем маленький детский кисет.

Высыпав содержимое себе в подол юбки: какие-то простые красивые камни, какие-то веточки, что-то напоминающее куколку гусеницы — она нашла там тёмный камень и на ладонке с гордостью показала его Хэле и Милене.

— Сирзый, — улыбнулась она.

— Сирзый, — кивнула чёрная ведьма, глядя на Найту. — Красивый какой!

— Красивый, — Мила тоже кивнула, а девочка засияла.

— Хочешь, я тебе волосы заплету? — спросила Хэла, аккуратно заправляя прядку волос улыбающейся Найты ей за ухо.

— А разве можно? — девчушка стушевалась.

— Можно. Только лента длинная нужна.

— Ой, я сейчас, — она почти подскочила, но Хэла её остановила, потому что иначе Найта рассыпала бы все свои сокровища.

Девочка спешно собрала их в мешочек и побежала за лентой.

И Милена чувствовала, что в этом участии чёрной ведьмы была такая тоска, такая бескрайняя, даже бездонная осторожная нежность.

— Почему кукушка? — спросила Милена, пытаясь не разреветься.

— Не знаю, — пожалала плечами Хэла. — Потому что она подкидыш, потому что мамы у неё нет и её вырастили и выкормили другие. Потому что, если с ней такая же беда случится, как с её мамой, то она тоже не сможет о своём ребенке заботиться.

— Я всегда думала о кукушке, как о злой птице, а ты так сказала, что мне стало стыдно за свои мысли, — проговорила Мила, а Хэла засмеялась.

— Нет в природе злого или доброго, детка, есть только выживание, есть право — кто сильнее. Вот и всё.

Найта прибежала с длинной лентой синего цвета.

— Где ты ленту митара нашла? — поинтересовалась чёрная ведьма.

— Мне Ялса дала, она добрая, ей жаль, что Шера меня поколотила и она дала мне ленту, — ответила Найта. — Я хотела попросить, чтобы ты мне бантиков наделала, но если заплести в волосы, будет лучше?

— Садись, посмотрим, — предложила женщина.

И пока она заплетала обрезанные волосы Найты, которые воевали с её руками и никак не хотели слушаться, но у неё получалось их уложить, она тихо пела:

“Есть такие дороги — назад не ведут.

На чужом берегу я прилив стерегу.

Паруса обманув, ветер стих навсегда,
Плоским зеркалом стала морская вода.
Обернуться бы лентой в чужих волосах,
Плыть к тебе до рассвета, не ведая страх,
Шелком в руки родные опуститься легко —
Вспоминай мое имя, прикасайся рукой...” [1]

Милена слушала песню и хотелось рыдать.

Хэла пела про неё, про её тоску, про то, что тянуло, рвало, било, оседало обидой, печалью, такой бездонной, что кажется никогда не выберешься из этого.

Миле было так плохо, невыносимо. А то, что нельзя было поговорить, нельзя было просто посмотреть в глаза, она даже не смогла прощения попросить за то, что натворила...

Чёрная ведьма заплела девочке невероятно красивую косу, она шла по кругу, по росту волос, с вплетённой синей лентой.

Найта ощупала голову.

— Красиво? — она с надеждой посмотрела на Милену.

— Очень, ты как сказочная принцесса, — ответила белая ведьма.

— А это кто? — девочка смущённо посмотрела на Хэлу.

— Это... элинина, — перевела женщина на местный.

— Правда? — задохнулась от восторга Найта.

— Правда, детка! — кивнула ей чёрная ведьма.

— Блага тебе, Хэла, — и она кинулась ей на шею, обнимая. — А если расплетётся?

— Я ещё тебе сделаю, не переживай, кукушонок мой, — и Хэла поцеловала девочку в щёку. Та радостно кивнула.

— Ого, Найта, красивая какая, — проходя мимо них, улыбнулся один из стражников, с ожогом на половину лица.

— Правда, Гент? — покраснела Найта.

— Конечно, Найта! — улыбнулся стражник.

— Я пойду покажусь Мите, можно? И Целсе, — спросила она.

— Беги, детка, — кивнула Хэла и Найта убежала в дом. Ведьма глянула на воина. — Спасибо, Гент.

Тот кивнул, потом замялся, обернулся.

— Хэла, а можно с тобой поговорить?

Ведьма встала, аккуратно снимая с рук непонятно как очутившуюся в них ещё одну фицру, и отошла с воином в сторонку. Животное выгнуло спину, прям как кошка, потом недовольно посмотрела на Милену своими жутковатыми абсолютно чёрными глазами.

— Я тебя боюсь, — сказала фицре девушка.

В ответ она услышала недовольный звук, похожий на хрюканье, после чего животное спрыгнуло и, нырнув под лавку, удалилось в дом, а оттуда во двор высыпали все серые — сегодня был день стирки.

— Пошли с ними? — спросила вернувшаяся Хэла.

— Пошли, — согласилась Милена. — А что он хотел?

Но чёрная ведьма не ответила, а лишь улыбнулась и, выставив локоть, шутливо пригласила Милену. Та поклонилась и переплела с Хэлой руки. С собой взяли хараг и шумной толпой побрели на реку.

— Надеюсь мужики уже себя все прополоскали, — заявила Хэла, выходя в поле. — А то

как вы, куропатки мои, в руках себя удержите?

Все рассмеялись. И Хэла запела:

“Так бесконечна морская гладь,

Как одиночество моё.

Здесь от себя мне не убежать

И не забыться сладким сном.

У этой жизни

Нет новых берегов

И ветер рвёт остатки парусов.

Я прикоснулся к мечтам твоим

И был недобрым этот миг -

Песком сквозь пальцы мои скользил

Тот мир, что был открыт двоим.

Мы шли навстречу,

Всё ускоряя шаг,

Прошли насквозь, друг друга не узнав.

Я здесь, где стынет свет и покой.

Я снова здесь, я слышу имя твоё,

Из вечности лет летит забытый голос,

Чтобы упасть с ночных небес, холодным огнём...” [2]

И снова на разрыв, снова внутрь души, снова до слёз и до истерики.

— Если будешь плакать, то я больше не буду петь, — шепнула Хэла.

— Я не плачу, — выдавила из себя Мила и улыбнулась.

Получилось не очень.

— Давай, запевай, что из своего, может я знаю эту вашу популярную и молодёжную? — рассмеялась чёрная ведьма.

— Я никогда музыкой не интересовалась на самом деле, а так больше папину слушала, а папа у меня слушал всяких бардов, — пожала плечами Милена. — Розенбаума, например.

— А мама? — поинтересовалась Хэла.

— А мама не знаю, — девушка задумалась. — Мама, она... любила танцевать.

— Диско? — ухмыльнулась чёрная ведьма.

— Да. Типа, — кивнула Мила и почему-то в голову влезла сцена, когда мама вернулась домой после очередной ссоры с папой. Той самой, когда папа становился несчастным, брошенным и потерянным, а маме, казалось, и дела не было до семьи.

Сейчас Милена отчётливо понимала, что у мамы были любовники, она осознала это уже попав сюда, странное дело — времени на подумать стало хоть отбавляй. Не на рефераты и курсовую, не на изнурительный фитнес, который сейчас почему-то казался такой нелепой частью её жизни, что можно было бы посмеяться, но хотелось плакать.

Милена почему-то внушила себе, что мама была такой, тяжёлой домохозяйкой, внушила, что такой же становится страшно, но боже, почему в ней это было? Мама была домохозяйкой?

Она не сидела дома, но и не работала — папа обеспечивал. Он крутился, как проклятый, а мама, когда Мила была маленькой, была то в ресторане, то в клубах каких-то, покупала себе дорогие вещи, когда им порой не хватало на еду.

Образ злоющей мамы, вставшей с утра в плохом настроении, когда Мила завтракала и

собиралась на учёбу, в тот последний день, перед тем как попасть сюда, встал перед её глазами. Мама всегда была невыносима, пока не выпивала кофе и не выкуривала сигарету.

Такие же светлые как у Милены волосы, уже с сединой, но мама старательно их закрашивала, хотя это было не нужно, ведь волосы светлые, но нет... Мама всегда делала яркий макияж, даже дома. Она была, как казалось Милене, грузной сейчас, невысокого роста, и плотная, но раньше... А что раньше? Она надевала мини, каблуки, делала себе вызывающий макияж и, говоря им всем “аривидерчи”, уходила, всегда хлопнув дверью.

Вспомнились её злые слова, что нужно правильно работать головой и другим местом, чтобы быть в шоколаде. Тогда ребёнком было не понять, что это за другое место, а сейчас... и накрывал стыд. Накрывало понимание, что это всё ужасно, мерзко и хотелось помыться.

Красивая, мощная женщина, которой Милена никогда не хотела становиться. Она так боялась, что у неё тоже будут мамины крутые бёдра, грудь четвертого размера, живот, которым та гордилась, говоря, что он восточный. Даже волосы — мама всегда выпрямляла, а Милена отчаянно ничего не делала, иногда даже ещё больше завивала, чтобы быть другой, потом стала красить так, чтобы становились словно золотыми, а иногда в бронзу. Тратила все свои заработанные на репетиторстве деньги на профессиональное окрашивание.

Теперь краска начинала сходить, а с ней приходило непонимание того, сколько она уже тут? И понимание, что это не важно, потому что она никуда отсюда не денется. Никогда. А уже столько натворила. Уже так неплохо поработала "другим местом"...

Тогда, вернувшись, мама наткнулась на стоящую в коридоре Милену, которая всегда так отчаянно ждала этого возвращения, потому что папе было плохо. И мама нагнулась и поцеловала её, а потом позвала папу и, когда он вышел к ней навстречу, в буквальном смысле накинулась на него, заталкавая в комнату.

Колька вышел с кухни, цокнул, кажется сказал что-то ругательное, потом взял Милу за руку, нагнулся и платком вытер её щёку, там где мама поцеловала, теперь стало ясно, что остался след от помады, позвал Марину и они ушли из дома, пошли к бабушке. И всю дорогу брат ругался, обзывал маму, сестра спорила с ним, а она, Милена, просто не понимала, что делать и начинала плакать.

От этого воспоминания стало так отчаянно горестно, больно, тошно. Почему такие вещи всплывают ниоткуда? Для чего? Нужно чему-то научиться? Но чему?

Тому, что мама Милены действительно гуляла от папы направо и налево, что обзывательства бабушки были правдой, что теперь сама девушка утопала в каком-то внутреннем понимании, что становилась похожей на родительницу?

— Милка, эй! — дёрнула её из воспоминаний Хэла. — Подпевай!

Мила подняла на женщину полные непонимания глаза, а ведьма затянула:

“Ах, под сосною, под зелёною,

Спать положите вы меня!

Ай-люли, люли, ай-люли, люли,

Спать положите вы меня.

Калинка, калинка, калинка моя!

В саду ягода малинка, малинка моя!..” [3]

Они уже почти до реки и серые застыли в недоумении глядя на Хэлу, потому что кажется все уже привыкли, что песни чёрной ведьмы, были грустные в основе своей, а тут...

Сама Милена, конечно, знала только припев, в котором Хэла стала танцевать русскую хороводную и при этом была такая невероятно озорная и прекрасная, что захватило дух.

После второго куплета, припев подпевали уже и серые — Донна и Маржи вообще кажется обожали петь так же сильно, как и Хэла, а ещё танцевать, и словно тоже имели музыкальное образование и то что слух у них обеих был идеальный даже не сведущей во всём этом Милене было понятно. И она кажется никогда не слышала этой песни целиком, только припев, а тут оказалось, что в ней аж три так называемых куплета.

Закончив петь, Хэла поклонилась на русский манер — с размаху в пол, с вытянутой рукой.

Смеясь, серые спустились к реке.

— Я ещё и не такое могу, — отозвалась чёрная ведьма.

— Правда? — спросила Милена, но была уверена, что Хэла на деле может намного больше.

— Да. Несколько лет в хоре стоять — это тебе не хухры-мухры! — ответила женщина. — А ещё танец этот, будь он неладен. Мы эту малинку-калинку до тошноты затанцовывали, это ж главный танец всея Руси.

— Ты ещё и танцевала? — удивилась белая ведьма, хотя на деле кажется не удивилась совсем.

— Ненавидела танцы. Но да, этим тоже промышляла. Вот сейчас думаю, лучше бы гоугоу танцевала, чем каверы на рокеров наших и ихних делали, — вздохнула она. — Помню мы аскали в “трубе” в Питере. Вот потеха была. А как вы оттуда ноги рвали... эгей!

— Стой, ты в Питере была?

— Конечно была, — кивнула Хэла. — Помню лежим мы с Ллойдом на полу, а он мне такой: “Рыжик, а поехали в Питер? Там сейчас Джокер”, а я ему: “на моте, что ли? А собаку куда?” Он посмеялся, а потом после студии пёсу мою пристроили и на поезд...

— Ллойд? — спросила Милена, хмурясь, но на деле любясь Хэлой, потому что она от воспоминания стала такая очаровательная.

— Погоняло у него такое было, — ответила чёрная ведьма. Они вдвоём устроились на берегу, пока серые стали полоскать бельё. — А вообще его Александром звали, но он всем говорил, что он Андрей, а иногда Алексей. А вообще просто Ллойд. А так как музыканты все вокруг ни у кого и вопросов не возникало. Ллойд? А я Пень. Покурить есть? Будем здоровы! Супер, да?

— Это твой муж? — почему-то была уверенность, что у Хэлы мог быть именно такой муж.

— Нет, — она качнула головой, по её лицу пробежала какая-то едва уловимая тень, потом она улыбнулась, и Милена поняла, что сморозила глупость. — Ллойд был человеком, который меня спас.

— От чего? — спросила она по инерции, а потом отругала себя.

— От смерти, Милка, от смерти, — ответила чёрная ведьма.

— Ты скучаешь?

— Иногда было, да. Но скорее не по нему, а по моменту, — кивнула она. — Сейчас не знаю. Он умер. Давно. И на момент его смерти мы не общались.

— Прости, — Милена устыдилась, хотя всплыло правило этого мира — ты не виновата, так чего просить прощения, но для них с Хэлой работали и правила их мира. И девушке казалось, что влезла куда не просили.

— Ничего. Жизнь она такая. Сволочь, — ответила на это чёрная ведьма. — Как Джокер тогда про это сказал: “таких, как я, и граната не взяла... а Ллойд святой, без него там видно

не справятся”.

Они помолчали. Безумно хотелось спросить. Много всего, но не получалось, язык не поворачивался залезть туда, где у Хэлы явно болело, хотя Миле она была так интересна. Девушке так хотелось узнать об этой женщине всё-всё, потому что она смотрела на неё и ей было завидно, и это было глупое, Мила понимала, что безумно глупое чувство.

— Хэла, спой ещё, — позвала её Маржи.

— Да сами спойте, — рассмеялась та и девчонки запели такую любимую ими песню “Тебя ждала я”, а потом “Травушку”.

— Хэла, а где твой телефон? — спросила Мила.

— Потеряла в Шер-Аштар, — она пожала плечами.

— Как же, — вздохнула девушка.

— Да чего уж теперь грустить-то? — фыркнула Хэла и обняла Милену за плечи.

Обратно шли под внезапно “Валенки” и это было ещё одним ярким выступлением со стороны Хэлы. Впервые за последние тяжёлые дни Милена была счастлива.

Вернувшись, девушки повесили бельё сушиться в отведённом во дворе месте, и отправились на обед. Чёрная ведьма с ними не пошла. Лорана искренне волновалась из-за того, что женщина не ест, потому что к ней поменялось отношение Миты. Карлина шикнула на подругу и в конечном итоге все ели молча, а хорошее настроение сошло на нет.

После обеда пошёл снег. Мила впервые видела здесь снег. Он был такой же, как и у неё дома. Белый, пушистый, холодный. Он валил огромными хлопьями, моментально превращая всё вокруг в сказку.

Почему-то захотелось попробовать какой он на вкус. И стало интересно — а если забраться на ту башню, с которой она так глупо хотела спрыгнуть и посмотреть вокруг, наверное же красота! И поле в снегу, деревья...

Она почувствовала себя кем-то очень секретным. Агентом? Было и смешно и забавно, но с другой стороны казалось, что нельзя иначе забраться на башню, чтобы её не поймали и не сказали “нет”. И уж конечно надо сначала убедиться, что там нет Элгора. Потому что он ведь сказал, что это “его” место. Хотя вот ведь забавно — здесь всё его.

Авантюра показалась безумно глупой, когда белая ведьма без проблем, не встретившись ни с одним стражником, забралась туда, на так называемый третий этаж. Он был по крышей основного пролёта дома — там были небольшие спальни, их было около пяти или шести. Двери скрипели и было видно, что ими явно давно не пользовались.

Дойдя до двери башни, захотелось уйти обратно, но потом почему-то стало грустно за то, что она такая трусиха. Долго она ещё будет вот той девочкой, которая умеет только реветь в любой непонятной ей ситуации?

Словно она опять идёт по улице следом за ругающимися Колькой и Маринкой и ей хочется плакать просто потому что больше она ничего кажется не умеет.

Для начала она придумала план, как ей быть, если Элгор всё-таки был на башне. Потом аккуратно зашла внутрь и прислушалась. Было тихо. Она вдохнула и выдохнула и отправилась вверх по лестнице. Поднявшись, ведьма осмотрела всё вокруг — Элгора на площадке не было.

Выйдя в пролёт наружу она вдохнула снежный воздух. Он ведь правда по особенному пахнет. Все крыши уже были белыми, сказочными.

Милена обошла башню по кругу и уставилась на белое поле, побелевшее дерево перед Тритом и те, что росли по берегу реки. Снег всё кружил, всё валил, как ошалелый, и Милена

почувствовала себя невообразимо лёгкой, счастливой, полной спокойствия.

Она глянула вниз и увидела уходящего из дома Роара. Рвануло, забилося, потом ударило... да что ж такое? И ведь не далее, как вчера, она дала себе слово, что будет равнодушнее, успокоит своё сердце, потому что — ну, а что сражаться с мельницами?

Да, она совсем недавно была невообразимо счастлива, а может ей только приснилось, может и не была вовсе? И она сейчас говорила себе только о том, чтобы появилась возможность попросить прощения.

— Не надо больше ничего, просто дай мне сказать, что мне жаль, что подвела тебя, что всё испортила... — с грустью проговорила девушка, глядя в его спину.

Роар, словно услышав её, обернулся и посмотрел наверх, на башни, и Милена спряталась за зубец, чтобы он её не заметил. Потом аккуратно практически поползла в сторону выхода.

Когда попала в коридор, в ней появился какой-то триумф, что получилось сделать задуманное, пусть и совсем на немного, но по крайней мере это может глупое желание было исполнено и теперь надо было возвращаться назад. Обратное было не так страшно.

Она решила спуститься с другой стороны, туда откуда, как она уже знала можно было попасть на противоположную сторону дома, там были сейчас серые и можно было бы сказать, что она искала их.

Разве она не гений?

“Агент “белая ведьма” готова ко всему”, — она хихикнула сама себе и по совершенно непонятной для неё причине влетела в Элгора, стоявшего у двери... чёрт... своей комнаты?

— Ты что тут забыла? — нахмурился он, нависая над ней.

Что она там говорила про планы и подготовленные речи? Можно забыть. Всё. Голова стала пустой и тупой.

— А... — она посмотрела на него и забыла кажется как её зовут.

И сложно сказать, что это было — страх или желание. И отчаянно внутри всё верещало, что не надо желания, не надо... а можно что-то сделать с тягой и девичьей глупостью?

— Ты умом повредила? — спросил бронар.

— Нет. Я... я... хотела сказать “спасибо”, — внезапно в голову вернулась способность плохо, но соображать.

— Что? — Элгор словно поперхнулся.

— Ну, ты мне помог, когда, — импровизируй, Милена, чтоб тебя, раз влипла по уши, — мне было плохо. Хотела сказать, э... поблагодарить тебя. Это было очень... ээм... мило с твоей стороны.

“Что, что? Мило? Он мило поступил? Ты сейчас в тигра кинула зефиркой?” — заверещало у неё в голове самосохранение. И Мила натянула на себя самую нелепую из своих улыбок.

Сначала Элгор смотрел на неё как на идиотку, а потом... надо было наверное свалить не дожидаясь ответа или реакции на весь этот цирковой номер с её участием, но она не могла бы наверное даже рассчитывать на то, чтобы спокойно обойти его и пойти дальше. Да? Конечно... Элгор молниеносно затянул Милену внутрь и всё...

И как это её клоунада превратилась в номер с дикими зверями? И укрощением последних здесь не пахло.

А внутри была эта отвратительная Милена, которую она оказывается и не знала вовсе, которая говорила, что она в восторге, что ей хочется большего, что "а что вообще такого"? Поцелуи, объятия, секс? Можно-можно! И нечего тут...

Элгор снова был собой — жестокий, брал нахрапом, силой... она даже выдохнуть не успела, как его губы накрыли её и понеслась эта грубая пляска. Он сминал, прижимал, пытался сломать, а ей сносило голову, она, как последняя падшая женщина на земле, хотела ещё большего, хотела туда, куда он не шёл. Почему он туда не хотел?

В дверь с яростью постучали.

— Элгор, чтоб тебя, ты там? Давай шустрей, я устал, хотры вас всех разорвите! — это был Шерга и реакция Милены на этого мужчину была очень однозначной.

Она вздрогнула, дрожь стала бить её так, словно у неё сейчас приступ эпилепсии, она захотела спрятаться, захотела умереть на месте, перестать существовать.

Воспоминания о том, что с ней случилось там на лестнице, вернулись с такой яркостью и силой, что казалось, словно это было только что — руки Шерга, голос Шерга, взгляд Шерга... и она просто мышка, которой сейчас оторвут голову, хотя сначала вдоволь наиграются.

Элгор замер, глянул на неё, внимательно, как-то пронзительно. Милена не могла понять что там такого происходит в его голове, что значит этот абсолютно непроницаемый и дикий взгляд.

В голове всплыла мысль, что сейчас они разделят её пополам. Скрутило внутренности и паника накрыла, утопила в своих картинках всплывающих одна за другой, воздух вышел из лёгких и Мила стала задыхаться.

— Элгор, твою мать! — рыкнул Шерга, ударил в дверь кажется даже ногой.

— Тихо, — шепнул ей бронар и, как у них это получается только, без труда поднял её на руки и всего в одно мгновение Милена оказалась в его постели, накрытая с головой. Его руки были с обеих сторон от неё, он нагнулся и прошептал ей в плечо: — Ничего не говори и старайся не шевелиться, ясно?

Она кивнула из последних сил, она сейчас была в таком ужасе, паника загипнотизировала её и если бы он сказал ей выйти в окно — она бы сделала это.

Кажется Элгор что-то бросил на пол, потом с силой открыл дверь.

— Какого рваша надо? — рыкнул бронар.

— Ты чего всклокоченный такой? — усмехнулся Шерга. — А, у тебя там вкусность на после трапезы основной? Поделиться не хочешь?

— Шерга, что надо? — спросил Элгор, не меняя тона.

— Да я хотел спросить только, а ты уже разошёлся, — фыркнул тот. — Не наигрался так и скажи, я подожду.

— Шерга, — уже не рычал, а хрипел бронар, словно пытался дать понять, что командир тратит его время и что терпение на исходе. А может она просто всё это себе напридумывала?

— Ты знаешь куда делать Шера? — спросил мужчина обыденным тоном.

— Кто?

— Хорош, Элгор! — пренебрежительно отозвался командир. — Девка Рэтара, которую ты по углам обжимал, забыл что ли?

— Допустим, — ответил бронар.

— Что допустим? — цыкая, согласился Шерга. — Где она?

— Так она не моя девка, а ферана, — ответил Элгор. — Пойди и спроси у него. Я-то здесь причём?

— А разве не ты её под башни сторожевые оттащил? — мужчина перешёл на более

низкие тона и от этого внутри у Милены всё похолодело, потому что звучало угрожающе и знакомо...

Элгор усмехнулся.

— Всё-то ты знаешь, Шерга, — Элгора однако кажется эта угроза не задевала. — Феран её отдал кажись, но я не знаю ничего. Говорю не моя девка. За своих отвечаю, а за его нет.

— Да? А разве твои девки не в харне сейчас все? — прошептал командир. — А это у тебя кто?

— Ты попутал, Шерга? — а вот теперь от голоса бронара всё покрылось вечной мерзлотой.

Командир усмехнулся.

— Пойду тогда, — прошептал он и Милена услышала как захлопнулась дверь.

Прошло несколько мучительных секунд, пока она услышала шаги и Элгор стянув с неё покрывало, нагнулся над ней, снова поставив руки с обеих сторон от её тела и спросил:

— Что он тебе сделал?

Милена меньше всего на свете хотела отвечать на это вопрос и человек, который его задавал, был последним, с кем бы она хотела это всё обсуждать.

— Что он тебе сделал, Мила? — голос был стальным.

— Он... он... — на глаза навернулись эти чёртовы истеричные слёзы, такие бывают, когда потрясение проходит и начинаешь плакать даже, если и не собирался, а она не собиралась... не здесь, не сейчас!

— Мила, — Элгор стал говорить мягче. — Девочка.

— Ничего страшного. Он меня прижал к стене, облапал, хотел... хотел... — она всхлипнула, пытаясь подобрать слово, но не нашлась, что ответить, мотнула головой. — Тёрк меня спас.

Бронар выдохнул. Сложно было сказать, но ей показалось, что с облегчением.

— Кто знает? — спросил он.

— Хэла... серые... — всхлипнула Милена.

— Феран, митар? Роар, знает? Когда это было вообще? — он перестал над ней нависать и сел на кровать рядом.

— Нет. Роар не знает, я не хотела ему говорить, потому что... не знаю, мне показалось, что это будет ужасно, — и на сказанное Элгор согласно повёл головой. — Про ферана не знаю, может Хэла ему сказала, но а может и нет. А было это, когда отряд вернулся.

— Больше он к тебе не лез? — спросил бронар, а она отрицательно замотала головой. — Хорошо.

Они посидели в тишине, потом Элгор вздохнул:

— Тебе придётся побыть здесь немного.

— По-почему? — спросила девушка, хотя на деле она бы кажется не смогла сейчас сделать даже шаг никуда.

— Потому что это Шерга, — ответил он, прищуривая глаз. — Раз он знает, что в харне все мои наложницы есть, то небось и остальных посчитал, а это значит, что он не знает кто у меня, а это его задевает. Он опасен. Я не удивлюсь, что если дверь открыть, а он там на этаже сидит и ждёт.

“Боже, какой кошмар!” — подумала она, но вслух получилось только всхлипнуть.

— Мне надо делать дела, — вздохнул Элгор. — А ты выбирайся из кровати уже. Шерга сюда без стука не зайдёт, а вот тот кто может зайти, весьма удивиться, увидев тебя тут в

таким виде.

И он многозначительно ухмыльнулся, а Милена побледнела.

“Роар...” — она понимала о ком говорит бронар и почему-то хотела сказать, что его брат ушёл из дома, но она вовремя опомнилась и промолчала.

Что она вообще хотела сейчас? Снова с ней происходят какие-то жуткие опасные происшествия, а она думает о... о чём она думает?

“Господи, пожалуйста, хватит!” — она так устала!

Элгор встал и прошёл к столу на котором лежали огромные книги. Милена встала вслед за ним и попыталась прийти в себя, она хотела накрыть постель, но бронар её остановил, приказав оставить всё как есть. Она рассеянно кивнула и получила указания сесть на второе кресло рядом со столом. На полу она нашла брошенную им куртку.

Вообще он, насколько она понимала, должен был носить куртку и штаны своего цвета, но носил чёрный. Только рубаха была на нем светло-голубого цвета. Хотя все они так делали, Роар тоже. Только феран — у него и куртка и рубаха были глубокого тёмно-синего цвета. Хотя она видела его в чёрной куртке тоже.

“Может у них у всех троих есть одинаковая одежда?” — нелепейшая мысль, которую она стояла и мусолила просто, чтобы не думать о чём-то ещё. Например, о том, что она в комнате Элгора, с ним наедине, что она только что чуть не столкнулась с Шерга, что она рассказала о произошедшем с ней бронару. Её сковал страх.

— Там снег пошёл, — сказала она лишь бы разбавить навалившиеся на неё мысли.

— Я видел, — ответил он. — И тебе не обязательно со мной говорить. Просто сядь и помолчи. У меня не будет другого времени сверить записи, ясно?

— Да, прости, — кивнула Мила.

— И перестань за всё подряд прощения просить, — фыркнул бронар.

— Да, пр... — она снова хотела попросить прощения, но осеклась, а Элгор на это ухмыльнулся.

Милена села в кресло, большое и удобное. Она сама не заметила как положила голову на подлокотник и под мерное шуршание бумаги её затянуло в темноту сна.

Снился дом. Бабушка, Колька, папа... пирожки с яблочным повидлом. Марина, фыркающая, что у неё фигура и она не будет и брат весело потирал руки, говоря, что ему больше достанется. Такое было, когда мамы не было, когда она уходила, и бабушка приходила помогать папе следить за детьми. Она готовила. Вкусно. И учила Милену.

Девушка вздрогнула и проснулась.

— Даже во сне рыдаешь, — заметил Элгор, не поднимая на неё головы.

Мила действительно плакала, точнее у неё глаза и щёки были мокрые от слёз, она хотела вытереть, но пошевелилась с трудом.

Тело затекло и теперь болело, потому что спать в неудобных позах кажется отвыкло. А раньше, когда порой на учёбу уходила не одна ночь подряд, спать получалось, кажется даже стоя. К её удивлению, она была накрыта тем самым покрывалом с его кровати.

Милена хотела сказать “прости” на его замечание, но вспомнив его комментарий по этому поводу, решила промолчать.

— Я долго сплю? — она аккуратно выпрямилась.

— Нет, не особо, — спокойно ответил бронар.

В комнате Элгора было три окна — два из них были плотно закрыты, а одно было открыто совсем немного. В комнате царил полумрак и светло было только от магических

сфер, расставленных по всей комнате.

— Я думала, что они зажигаются только вечером, — сказала Мила, указывая на прикольную штуку этого мира, дающую свет, наподобие лампочки, стоящую на столе.

— Да, — подтвердил Элгор. — Но у меня они горят всё время.

— А можно потрогать их? — ей так давно было интересно тёплые они, горячие или может холодные.

— Нет, — резко ответил он, когда она потянула палец.

Девушка аж подскочила от неожиданности.

— Прости, — она одёрнула руку.

— Да, хотра тебя утащи, “прости-прости”! — передразнил он её. — Просто нельзя, потому что твоя магия и магия света могут прийти в разлад и тогда будет не очень хорошо. Вообще запомни, что трогать хоть что-то наполненное магией, тебе категорически запрещено, ясно? Только если эта магия твоя или сделала непосредственно для тебя. Больше никак.

— Я не знала, — виновато нахмурилась Милена. — Но у меня нет магии.

— Есть, — сказал, как отрезал, Элгор. — Просто она пока не проявилась.

— Я уже не верю, — буркнула девушка, вздыхая.

— Ты тут сколько? Два луня почти — это очень мало для белой ведьмы. Потерпи немного — Элгор говорил спокойно, без злобы. Когда он был таким с ним было даже уютно.

— А может можно мне всё-таки уроки какие получить? — спросила Милена, надеясь, что вдруг он скажет больше, чем остальные.

— Вот ты, глупая, — он ухмыльнулся и снова стал привычным. — Нет. Ведьмовство это то, что делается изнутри. Понимаешь? По чутью. Почему ведьм боятся и дел с ними стараются не иметь? Потому что нельзя понять, что там у них внутри щёлкнет и они наговорят тебе заговор мало не покажется.

Он встал и ничего не говоря вышел из комнаты. Через какое-то время вернулся.

— Давай, беги отсюда, — пробурчал он.

Милена встала и пошла к двери.

— И всё равно — спасибо, — прошептала она, проходя мимо него.

— Иди тем дальним путём, там стража стоит, — проговорил он, словно не слыша её.

Милена кивнула и выбежала в открытую дверь и почему-то показалось, что его рвануло её поймать, она даже словно дёрнулась по инерции, потом обернулась, но Элгор так и стоял возле открытой двери и даже на неё не смотрел.

Что это такое было вообще?

[1] Мельница “Лента в волосах” [2] Кипелов “Я здесь” [3] “Калинка”, текст и музыка Ивана Петровича Ларионова

Глава 16

Роар шёл по покрытой снегом дороге, вдыхал снежный воздух и казалось, что вот сейчас всё просто отлично. Тишина, покой... когда-то же было именно так, как давно?

Его не покидало ощущение, что это разрывающее на части непонимание происходящего внутри, словно он оглох и больше не слышит даже сам себя, не то что окружающих, длится невыносимо долго. Чувства, события, слова, действия — всё обратилось в безумный водоворот, в бой, изматывающий и бесконечный, а главное бессмысленный.

С утра он был у Рэтара. Давал отчёт. Со дня на день из Шер-Аштар должны добраться до них обозы с ранеными, которых феран определил в сторожевые башни. Тем временем

лучшие воины из отряда Роара были уже на полпути в Хар-Хаган с заклеимлёнными шальными. За селением, в пустой земле, похоронены тела казнённых нападавших. Двум повезло — их выкупила корта кузнецов, потому что оказалось, что эти шальные были хорошими мастерами стального дела. Остальным же нет — скотоводы и земледельцы оказались не нужны, а те же пекари вообще никому не доверяли и чужаков в своё дело не пускали.

Теперь с утра Рэтар был отдохнувшим и выспавшимся, как обычно серьёзным, но не хмурым и суровым, каковым бывал страдая бессонницей. Хэла определённо шла тану на пользу. И Роару это нравилось, а ещё нравилось встречать женщину у них на этаже утром, нравилось видеть скрываемую фераном радость от её присутствия

И несмотря на обидные слова, которые митар бросил в ответ ферану, когда тот обвинил его в несобранности и неопределённости действий и мыслей, Роар понимал и принимал всю их правдивость.

И мужчина не сомневался в Рэтаре. Никогда. И сейчас, когда Хэла оказалась рядом, тоже. Это зависть. У тана всё хорошо, а у Роара всё плохо. Рваш! Мерзкое чувство. А главное сам был виноват в этом!

Но сегодня утром ферана митар нашёл прежним: суровым, непроницаемым, задумчивым. И главное, что когда Роар спросил о причинах состояния главы дома — ответа не получил. Настаивать было бесполезно.

Они обсудили детали предстоящего переезда с поднявшимся к ним после тренировки Элгором. Потом перекинулись парой слов с зашедшим к ферану Мирганом, и Роар хотел идти, но...

Он много раз думал о природе песен Хэлы. Она пела постоянно — у неё были любимые песни, которые она пела не один раз, были те, которые нравились местному люду, особенно воинам, и она пела для них, просто, чтобы повеселить... но песни которые она пела для себя, которые тащила изнутри — всегда на разрыв души, уничтожая сердце, разбивая саму себя.

И иногда эти песни было действительно тяжело слушать. Сейчас из поля отчётливо доносились слова, которые на этот раз скрутили самого Роара. Пока Рэтар говорил с зашедшим Тёрком, стоявшим сегодня на страже у дверей ферана, митар ясно слышал каждое слово, которое тянула из души Хэла и...

В этот момент почему-то мужчине показалось, что чёрная ведьма точно знает, где он, именно он, Роар, находится, и она знает, что он её слышит.

Вывернув его наизнанку слова песни разлетелись по поверхности мерзлой земли и травы, уходя за Хэлой, туда к реке, в отчаянной попытке утопить его собственную боль в холодной воде, чтобы течение унесло уже всю эту тоску, которая нещадно грызла его душу.

Роар встал и молча вышел. Наверное Рэтар и Тёрк были удивлены его поведению, но сил больше не было. Мужчина не знал, что делать. Впервые в жизни ему хотелось убраться куда подальше, он хотел войны, хотел движения смерти, хотел убивать. Роар хотел убивать!

И он хотел снова ощутить тепло тела Милены. Запах, стон, взгляд... эти огромные, распахнутые, полные страха глаза. И ведь — да и боги с ней!

Роар уже простил ей всё, что она наговорила, он уже кажется принял тот факт, что она всего лишь ребёнок, она же не старше Элгора, она такая напуганная, такая несчастная, что ещё можно было от неё ждать?

Надо было быть с ней аккуратнее, а он взял разом, нахрапом, силой взял... и что с того, что она разрешила?

Вот если Рэтару Хэла разрешила — да, потому что там нельзя было взять силой, а тут... Он с болью усмехнулся.

Снег завалил всё вокруг и самого Роара. Укрыться бы им и не приходиться в себя ещё сотню тиров.

— Добра и процветания, достопочтенный митар, — отозвался кто-то из простых встретившийся ему по пути.

За неподъемными мыслями Роар не заметил как зашёл в селение. Рассеянно кивнул.

— Добра всем, — ответил, кажется сам себе.

Площадь селения при Трите была сейчас такой, словно на ней были боевые действия, но это пока. Ещё немного и будет хорошо — костры в честь Изара были самым главным праздником Изарии.

Люди кланялись и приветствовали. Дети бегали и радовались снегу.

— Неужели будет у нас скоро тепло? — спросил кто-то у него, потому как снег на Изар был хорошей приметой, но так было, когда холода не длились уже три тира.

А тут. Да и рваш не скажет, что это такое — примета или просто новое усиление суровой погоды.

— Достопочтенный митар, — к Роару подошёл эйол.

— Уважаемый эйол, — кивнул ему мужчина и внутренне тяжело вздохнул.

Он с детства людей веры не любил. Старался общаться с ними, как можно реже и видел в них пользу только в том, что они видели заговоры, да и — видеть видели, а поделаться с этим ничего не могли. Сомнительная польза.

— Я хотел с вами поговорить, достопочтенный, — склонил голову эйол.

— Конечно, слушаю, — с большой неохотой согласился Роар.

— Я хотел бы увидеться и поговорить с достопочтенным фераном, но меня к нему не пускают.

— Вы же знаете, что проблемы можно решать через меня или через бронара, уважаемый эйол.

— Да, конечно, но это такая проблема, точнее этот вопрос, он, понимаете ли, — замылся мужчина, потупил взор, смутился, — это касается лично достопочтенного ферана.

— Уважаемый эйол, — Роар старался говорить как можно спокойнее, — всё что касается достопочтенного ферана, касается и меня, такова моя роль. Так что говорите о чём хотите сказать ферану, иначе я не смогу донести вашу просьбу, так как без веских причин он говорить с вами не будет.

Эйол тяжело вздохнул, набираясь силы, чтобы начать разговор, а митар уже точно знал о чём сейчас пойдёт речь.

— Понимаете, люди поговаривают, что достопочтенный феран связал себя... эм... близостью, — на этом слове мужчина кажется сказал слова молитвы про себя, — с чёрной ведьмой.

Последние два слова он прошептал, пригнувшись к митару поближе, чтобы мало ли что — кто-то из окружающих не услышал. Эйол сделал скорбное лицо, покачал головой, отодвинулся и уставился на Роара, ожидая реакции на сказанное.

— И?

— Э, — он выпучил глаза ещё сильнее и стал похож на рыбу. — Вы не расслышали, что я сказал, достопочтенный митар?

— У меня отличный слух, уважаемый эйол, — повёл головой Роар. — Я просто не

понимаю сути вопроса, который вы хотели бы обсудить с нашим фераном.

— Достопочтенный митар, — возмущился служитель единого бога, втягивая воздух, перед тем как выдать длинную поучительную, полную праведного негодования речь, — моя роль, как и роль других эйолов, заключается в том, чтобы защищать простых людей именем бога от морока и нечестивых, злых заговоров и колдовства, следить за соблюдением истинных законов Высшего бога и законов элата. Если то, что говорят люди правда, то мне необходимо, жизненно необходимо, поговорить с достопочтенным фераном, потому как его жизнь может быть в опасности. Ведьмы страшный, жуткие противоестественные природе создания, с ними нельзя быть уверенными даже мгновение спустя, как они напустят хвори, раздоры, беды и грехи. Я не видел достопочтенного ферана уже очень давно, с тех пор как наш господин вернулся из своей долгой и тяжёлой поездки во благо элата и ферната. И потому я не могу быть уверен, что с ним всё хорошо, что нет на нём жути заговора ведьмовского и что слова людей всего лишь их глупость и бестолковость.

Роар хотел много чего сказать на это. Но промолчал.

— Я передам вашу просьбу достопочтенному ферану, — мужчина пересиливал себя, чтобы говорить как можно отстранённое. — Хотя можете не особо переживать, так как совсем скоро дом уедет в Зарну и наш эйол, который видел ферана во время его поездки, сможет с ним поговорить и проверить, есть ли на нём ведьмовской заговор. Что до разговоров людей, — митар покачал головой, — не пристало человеку истины, веры и служителю Верховного бога, да сохранит он нас от бед, болезней и войны, слушать сплетни баб и мужиков, праздно слоняющихся и дела своего не знающих.

— Я не сказал, что верю этим словам, достопочтенный митар, — встrepенулся эйол. — Но и сказать, что они меня не тревожат, я не могу. Вот если бы достопочтенный феран чаще посещал дом веры...

— У связанного заботой о нас всех достопочтенного ферана нет времени, а порой и сил, чтобы посещать дом веры, — отрезал митар.

Эйол видимо хотел что-то возразить, но решил-таки ничего не добавлять к тому, что сказал, или понял, что переспорить безбожников Горан невозможно.

Кажется ни один представитель веры не сталкивался с таким вопиющим пренебрежением законом Верховного бога со стороны главного дома ферната, как эйолы в Изарии.

Этим грешили все Гораны. Данэ Роара — Рэйра Горан считал, что вера не для него, да и его можно было понять, потому как получив в супруги набожную, но такую страшную, невыносимо душную, вечно скорбную и жестокую женщину, ему оставалось только молиться Хэнгу, богу смерти и войны, а так же его брату Дрангу, богу огня, ярости и оружия, повелителю мастеров стального дела, чтобы скорее началась очередная война, и можно было поскорее убраться из дому от ненавистной и вездесущей ферины. Хотя сам по себе Рэйра Горан был невероятно мирным человеком. Он и Трит-то построил именно для того, чтобы быть подальше от Зарны и своей супруги.

Эарган Горан был известен тем, что людей веры вообще презирал, и эйолы имели на его земле право слова только, потому что “боги — отдушина простых и непросвещённых”.

И конечно все знали о том, как Эарган Горан любил грешить, сколько у него было наложниц и, что даже в военные походы, он отправлялся с не менее чем двумя представительницами своего харна, а чаще всего брал трёх или четырёх. А главное именно в обозах наложниц ехал эйол — это было больше, чем презрение и попрание закона.

И при этом, за всё то время, что Эарган был фераном, ни один эйол с ним не говорил, ни разу. Всё решал отец Роара — Рейнар Горан. И сам он был достаточно верующим человеком, но только до того момента, пока не погибла его супруга, рожая сына, и всё — вера в Верховного бога для Рейнара тоже перестала иметь силу, значение, да и существовать.

Рэтар не далеко ушёл от отца и танара, но сложно винить человека, попавшего на войну и увидевшего все её ужасы в столь юном возрасте, в неверии или сомнении в том, что Верховный бог существует и может кому-то чем-то помочь.

Сам Роар не то, чтобы отрицал существование богов и Верховного бога в частности, но и примеров подтверждений их божественного участия в жизни тех, кто ему усиленно молился, у митара не было. А самих эйолов он избегал, потому что видел как слова их идут вразрез с деяниями.

Что до Элгора — тот кажется думал так же как Эарган и вообще был очень на него похож. Тёрк любил вернуть эту шутейку — что брат Роара больше похож на своего танара, чем на отца. Все понимали на что он намекал — Рейнар любил только одну женщину, и даже ей ребёнка сделал скрепя сердце, по принуждению, предчувствуя беду, что до второй супруги... многие за спинами говорили, что ребёнка второй супруге Рейнара сделал старший брат, то есть Эарган Горан. И сейчас своим характером Элгор эти слухи активно подпитывал в правдивую сторону, хотя танара совсем не знал и, когда тот погиб, был маленьким.

Проверив подготовку к кострам, поговорив с людьми из корты службы, обеспечивающими сейчас безопасность селения, собравшись уходить, Роар наткнулся на Шерга.

Вот уж от кого у Роара сводило челюсть. Сама мысль, что в нём текла одинаковая, родственная кровь, вызывала не просто негодование, эта мысль приводила в ярость.

Этого человека митар до неконтролируемой злости ненавидел, ненавидел как никого больше. И Шерга это знал, и потому то, что он подошёл к Роару сам, было просто невыносимо. Впрочем общаться с ним приходилось всё равно, через силу, потому что митар никуда не мог деть свои обязанности и держать лицо, не только своё, но и целого дома, было принципиально важно.

Никому из простых изарийцев, прекрасно знающих кто перед ними, не пристало видеть, как наследник титула ферана приходит в ярость необоснованно и на пустом месте.

— Роар? — кивнул Шерга, потом ухмыльнулся и поправился и поклонился. — Достопочтенный митар.

— Шерга, — кивнул в ответ митар, с трудом сдерживаясь, хорошо хоть улыбаться не надо.

— Я хотел попросить тебя, достопочтенный митар. Попроси за меня у ферана. Я знаю, что я виноват, что просмотрел шальных, но ходить среди воинов... Роар, это слишком. Сколько можно? Ты мой непосредственный командир, ты мой тан, в конце концов, — от этого напоминания стало тошно, — прости меня, Роар. Я виноват. Из-за меня ты чуть не умер, но сейчас всё хорошо же, попроси Рэтара, чтобы до того, как дом отправится в Зарну, он вернул меня на моё прежнее место. Хотя бы простите меня ради благословения Изар.

Шерга кивнул в сторону костров. И впервые за много времени он старался говорить нормально. В нём не было надменности и дерзости, которая была обычно. Да и то, что он подошёл непосредственно к Роару, не боясь быть проигнорированным или усугубить своё положение, было весьма странно.

Неужели так тяжело было быть простым воином и патрулировать местность вокруг

Трита?

Сам Роар делал это постоянно и в этом не было ничего такого, вот в Зарне было сложно, а тут... Да и сколько времени прошло с момента его наказания? Несколько дней? Рановато взвыл.

— Хорошо, я передам твою просьбу ферану, — тем не менее ответил митар, решив посмотреть, что из этого будет

— Благодарю, Роар, точнее достопочтенный митар, — Шерга снова поклонился и приставил руку к груди.

В патрулях не происходило ничего. Не было никакой опасности. И простые воины, как уже доложили митару, всячески негодовали против, как они считали, бессмысленных, изнуряющих патрулей. И они были в чём-то правы.

Время было не военное, сейчас у отряда митара должен был быть период положенного отдыха, потому как буквально через один-полтора луня они должны были отправиться в один из оплотов на границе и пробыть там два-три луня. А вместо отдыха отряд сбивал ноги, шарясь по кустам и рыская в полях, как голодные скворки или те же хараги.

Да, никто из них не сказал бы об этом вслух, никогда — выправка, подготовка, да и в отрядах ферана и митара были лучшие из лучших, считавшие своё место служения наградой, оказанным доверием правящего изарийского дома. Однако внутри, между собой, эти разговоры становились частыми и достаточно тревожными.

Вернувшись в дом, Роар спросил про Миргана, но получил ответ, что никто не знает, где командир и потому митар отправился к Рэтару. По дороге наткнулся на сидящую на своём любимом месте чёрную ведьму.

— Хэла? — митар вышел на засыпанную снегом площадку.

— Достопочтенный митар, — улыбнулась ему ведьма.

Она была задумчивой и казалось уставшей. Сидела в плаще стражника, как собственно обычно, если, как заметил Роар, решала выйти сюда спонтанно, не запланировано, и получалось так довольно часто.

— Что-то случилось? — спросил митар, прислонившись плечом к зубцу. — Ты грустная...

— Снег идёт, что можно ещё делать в снег, как не грустить? — спросила она.

— Играть в снег, валяться в снегу, гулять по снегу, — перечислил Роар, улыбаясь.

— Ты, как я посмотрю, погулял как раз?

— Был в селении, — кивнул он. — Но ты не ответила на вопрос.

— Всё хорошо, солнышко, — улыбнулась Хэла своей грустной улыбкой, — просто поработала немного, теперь вот медитирую и силы восстанавливаю.

— Что делаешь? — нахмурился митар новому слову.

Ведьма хихикнула:

— Медитация — это такая практика, хм, — она прищурилась подбирая слова. — Короче, это когда сидишь в тишине, освобождаешь голову и слушаешь дыхание. Как бы спишь, но не спишь. У меня в мире есть такие люди, которые годами сидят так и внутрь себя смотрят, созерцают так сказать. Говорят можно так достичь просветления и узреть Вселенную. Но про это меня не спрашивай, хорошо?

Он улыбнулся и кивнул.

— А что за работа была, Хэла? — спросил Роар.

— А ещё у меня в мире говорят “много будешь знать — скоро состаришься”, — ведьма

улыбнулась и повела головой. — Не переживай, тебе хватает в голове всякого, чтобы ещё и про это думать.

Роар хотел было возмутиться, но Хэла повернула голову в сторону полей и свет от снега отделил её лицо, невыносимо уставшее, она была потухшей, что ли. Если она сказала правду и это был какой-то заговор, который она сотворила, то он был тяжёлый и выматывающий. Митар решил не мучить её расспросами.

— Кстати, я видел Найту, — перевёл он разговор. — С моими лентами в волосах. Красиво, а она счастливая, светится вся.

— Хорошо, — кивнула Хэла. — Прости, но других лент у неё не было.

— Я не против, ей радостно, и отлично.

— Спасибо, — поблагодарила его ведьма, хотя он и сам не знал за что — ленты это такая мелочь.

Роар улыбнулся и оставил Хэлу одну, наедине с её мыслями, отправившись к Рэтару.

В рабочей комнате ферана помимо него были Элгор и Тёрк. От митара не ускользнуло то, что как только он появился в дверях комнаты, все мужчины замолчали, перестав говорить, словно хотели скрыть от него тему своего разговора.

Он приподнял бровь и глянул на Рэтара, но тот был не менее вымотанным, чем Хэла. И если бы не упоминание женщины о колдовстве, которое она творила, то можно было бы пошутить, о том, что эти двое не спят ночами, а... но понятно было, что что-то происходило серьёзное.

— Был в селении? — спросил Элгор.

— Был, — ответил митар.

— Что там с кострами? — устало спросил Рэтар.

— Завтра всё сделают, — ответил Роар, а феран хмурясь вздохнул. — А ещё я говорил с эйолом.

Рэтар нахмурился ещё сильнее, приподнял с вопросом бровь.

— Просит его принять, поговорить ему с тобой надо, — дал объяснения митар.

Тёрк ухмыльнулся в бороду, Элгор усмехнулся — все понимали о чём именно хотел поговорить служитель веры.

— Будто у меня нет других забот, — проговорил на это Рэтар, не обращая внимания на брата и младшего тана.

— Я так ему и сказал, — ответил Роар. — А ещё...

Он сел рядом с Элгором.

— Ещё со мной говорил Шерга.

— Ого, — бухнул Тёрк. — Прямо сам? И прямо ты его не пришиб?

— Да я просто так был поражён, что не успел, — усмехнулся митар.

— Что он хотел? — спросил Рэтар спокойно, но от Роара не ускользнуло то, что тан напрягся.

— Хотел, чтобы я попросил тебя, вернуть его обратно.

— Так прямо охота вернуться, что страх потерял? — хмыкнул Тёрк.

— Больше скажу — он у меня прощения попросил за то, что меня ранили, — ответил Роар и Элгор фыркнул пренебрежительно.

— По бабам соскучился, — буркнул бронар. — Трит не Зарна, тут девок на каждом углу так просто не найти.

— Что ты ему ответил? — спросил феран.

— Сказал, что передам, что я ещё ему мог ответить? — повёл головой Роар. — Точнее мог, конечно, но цеплять его на главной площади глупо.

— Хорошо, — кивнул Рэтар. — Он у меня вчера просил, чтобы я его вернул.

— А сегодня до митара добрался, — бухнул Тёрк.

— Завтра ко мне придёт, — кивнул Элгор.

Все кроме Рэтара усмехнулись.

— Что с патрулями, — казалось феран вообще не слышал всех этих шуток.

— Ничего, — ответил митар. — Спокойно. Даже мертво всё вокруг. Никаких изменений. Тихо и мирно.

— Слишком тихо и слишком мирно, — заметил Тёрк, а Рэтар согласно повёл головой.

— Не давай им слабины, — обратился к Роару феран.

— Не собирался, — ответил он, перенимая внутреннюю тревогу тана.

— Хорошо, — кинул Рэтар.

— Тебе нужна ещё какая-то помощь при сборе дома? — Роар посмотрел в сторону брата.

— Да, если есть возможность, — кивнул Элгор.

— Пошли? — спросил митар и от него не ускользнуло то, что бронар мельком посмотрел на ферана и тот моргнул, разрешая идти.

— Что вы от меня скрываете? — нахмурился Роар, когда они с братом были на лестнице.

— Чего? — нахмурился бронар.

— Дурака из меня не делай, Элгор, — проговорил он, стараясь не срываться. — Вы замолчали, когда я зашёл, ты спросил у тана разрешения уйти, полагаю уточняя про вопрос, обсуждение, которого я прервал. И наконец Хэла творила заговор сегодня, вымотанная теперь, что лица на ней нет, а что это было не говорит.

— Ты в харн ходил? — внезапно спросил у него младший брат.

— Что? — выдохнул Роар.

— В харн давно ходил? — ещё раз спросил Элгор.

— Зачем? — и теперь нахмурился Роар.

— Потому что тебе явно надо, — ответил брат. — Надо. Раз прогулки под снегом голове не помогли, то может девки помогут? Милые твои, славные...

— Элгор, — рыкнул Роар, почти срываясь.

— Хватит, — но бронару на злость брата было всё равно. — Придумал что-то себе, серьёзно? Пошли, давай, раз помогать мне хотел. Мне все записи кладовые надо сверить и помочь Мите. Записи мне, а мамушка твоя тебе. А потом в харн тебя отведу, а то ты может забыл, где можно голову опустошить, чтобы не лезли мысли всякие странные, а то прям заговор мы против тебя организовали, гляди-ка.

И Элгор пренебрежительно фыркнул, отправившись в кухню.

Роар знал, что брат недоговаривает, уводит его от чего-то, он знал, что если нажать, то можно узнать правду, но по нижнему коридору разнеслись голоса серых и митар предпочёл не встречаться с ними, чтобы не столкнуться с Миленой, потому что видеть её было невыносимо тяжело.

Может и вправду сходить в харн? Только слабо верилось, что после получится перестать себя изводить.

Глава 17

Когда Элгор и Роар вышли, Тёрк кивнул стражнику у комнаты портала и, закрыв дверь, остался с фераном наедине.

— Что думаешь? — стараясь говорить, как можно тише, спросил старший брат.

Рэтар сцепил пальцы за шеей, нахмурился — что он вообще мог думать?

Это рвало на части. Эти подъёмы вверх, а потом резко вниз. И если раньше он ощущал что-то подобное, но проходило оно плавно, то теперь это было чем-то вообще невыносимым.

Раньше всё было либо спокойно, либо плохо, а теперь появилось ещё и хорошо. За один день он испытывал такое количество самых разнообразных чувств, что держать себя в пределах разумного получалось всё труднее, точнее он откровенно для себя понимал, что держался из последних сил.

Сначала думал, что это всё-таки вина того, что именно сейчас в его жизни появилось вот это изматывающее чувство привязанности к кому-то, и он даже в какой-то момент сказал себе, что всё так не вовремя. Не вовремя он сорвался, не вовремя он отпустил себя, не вовремя... но, если бы тогда Хэла вышла в дверь... да и не вышла бы — он уже тогда был на пределе, превозмогал.

Мотаясь по крепостям на границе он никак не мог понять, что не так. Зачем вообще всё это, что происходит, что задумал великий эла?

Вопросы изводили его. И тревога не отпускала. Вот та, которая рвала на части, когда он уезжал из Трита, когда оставил всё на Роара, когда сбежал от Хэлы... и они чуть не погибли.

Внутри было какое-то невообразимо пугающее чувство убеждённости, что всё не просто так. Рэтар не верил в совпадения, не верил в то, что “как-то вот так получилось”. Нет. Он слишком хорошо знает, что к чему в играх за спинами сильных, и он учился понимать интриги у лучшего в этом деле — у своего отца.

И сейчас он видел, что всё происходящее не простое нагромождение событий. Это чья-то игра. Против него, против ферната.

Мысли об этом были бурным потоком горной реки, лавиной, сходящей с гор, топили его с головой.

И тогда, когда держал в руках почти мёртвую чёрную ведьму, прорвало. Вытянутая из него жизненная сила, всплеск яростного торжества, когда увидел её живой, увидел вновь эти глаза...

Когда внутри всё с силой рвануло, потому что “ты не можешь не получить её себе сейчас” — она бы не вышла в дверь.

Рэтар не сдержал бы себя. Кончилось бы плохо, плохо... наверное Хэла не допустила бы того, что он взял её силой, он так хотел в это верить, а с другой стороны — позволил бы ей убить себя? А что с ней сделали бы после этого?

От мысли об этом скручивало так, что дышать становилось невыносимо. Или если бы она позволила ему себя убить?

И всё это сводило с ума, тащило на дно, но потом Рэтар просто видел Хэлу и отпускало.

Нет, привязанность, тяга к ней, её существование, и то, что она сейчас вот тут, рядом, совсем рядом и он наконец может позволить себе дотронуться до неё, чувствовать её, не были проблемой. А вот страх это потерять, потому что что-то происходит, вот это было.

И сегодня с утра, когда ведьма вывернулась из его рук и убежала оставив одного, вместо обнимающих тёплых рук, его обнял страх.

Хэла ушла, а Мирган принёс кiset Шеры и с ним вернулось и беспокойство. Выйдя, брат схватился с Тёрком и это показалось странным, потому что они были друг за друга

горой. А потом Элгор буркнул в разговоре с ним и Роаром, что Мирган жёстко прижал его на утренней тренировке. Они конечно посмеялись, но вот этот всплеск...

А дальше Роар, услышав песню Хэлы, вышел не сказав ни слова. И состояние митара тоже тревожило Рэтара. Феран был уверен, что после произошедшего с Язой, у тана уже не будет ничего подобного и вот опять...

— Хэла, я очень тебя прошу, перестань изводить моего митара, он мне здравомыслящим нужен, а ты ему душу рвёшь? — сказал Рэтар ведьме, когда она пришла обедать вместе с ним.

— Я? — приподняла она бровь и склонила голову.

— Ты, — понадобилось некоторое время, чтобы унять себя, потому что не мог спокойно реагировать на этот её жест, никогда не мог, а теперь и подавно не хотел. — Ты с утра пела песню, когда с серыми на реку ходила.

— Я много песен сегодня пела, — улыбнулась она.

— Несносная ты, Хэла, — феран повёл головой. — Я говорю про ту, от которой у Роара выдержка сдала.

— А он слышал? — якобы удивилась ведьма.

— А ты не знала? — парировал Рэтар.

— Нет, — теперь в ход пошло плечо. — Я и не думала, что у тебя в кабинете такая слышимость поразительная.

— Поразительная, — ухмыльнулся он. — И это я тебе сейчас припомню, как ты после прогулки с харагами чему-то очень с Тёрком бурно радовалась.

— Я тебе говорила, что ревность — это очень плохо! — и сколько в ней было этого притягивающего к ней озорства.

— Я держу себя в руках, — указал он на неё пальцем, — и только поэтому всего лишь прошу пощадить Роара.

— Я подумаю, — кивнула она и уставилась на стол. — Как-то от меня ускользнуло, что ты тааак ешь...

— Ты же знаешь, — вздохнул и тоже скорбно посмотрел на стол, — что я спускаюсь вниз и ем, как все, но сегодня Мита решила, что раз я ем здесь, то нужно меня до смерти закормить.

Хэла хмыкнула и оторвала кусок кислой лепёшки.

Стряпуха и вправду перестаралась. Наверное решила едой просить прощения за свои слова и то, что переступила черту в их с фераном отношениях. По крайней мере, Рэтар, точно знал, что пригрозив ей волей, он её очень напугал. Вот результат — раньше, когда он ел наверху, такого пиршества она ему не устраивала.

Было тушёное мясо, овощи, лепёшки — кислая и из вриха, фрукты в кристе, тлус, цнеля, вода, сладкое молоко и отвар из цветов синхи, заготовленных ещё во времена, когда было тепло.

— Я никогда ничего подобного не видела, — отозвалась Хэла, хмурясь и разглядывая еду. — Это что?

И Рэтар ухмыльнулся, стал перечислять и объяснять, что из себя представляет то или иное блюдо. Обед превратился в какую-то по-детски забавную игру и Рэтар осознал, что ему стало легче — тревоги утра отпустили.

— Что такое “валенки”? — спросил он, когда ведьма распробовав лепёшку из вирха радостно её уплетала.

— Слышал? — она хихикнула. — А, поразительная слышимость! Хорошо, что ты не видел. Я ещё и сплясать умудрилась.

— И я такое пропустил? — покачал он головой, на деле хотел бы видеть.

— А то, — кивнула Хэла. — А валенки это такая обувь, практически национальная у моего народа, её валяют из шерсти и она очень тёплая. У меня такие были, когда я маленькая была.

И ведьма стала рассказывать о своих валенках. Ему было безумно приятно слушать её, этот голос, словно варса, ставший таким необходимым, что если вот она замолчит, то вокруг настанет невыносимая, оглушительная тишина.

— Рэтар, а можно купить серую? — спросила внезапно ведьма, даже тона не меняя от своего рассказа про детство: санки, зиму, шубу, дедушку и конюшни. Очередная куча непонятных слов. Хотя про зиму и дедушку он уже понял всё, да и с конюшней разобрался.

— Что? — удивился он.

— Можно ли выкупить серую? — повторила вопрос Хэла.

— Серую? — не понял феран. — Зачем?

— Ну, чтобы с ней жить, — ответила ведьма, как будто это что-то очевидное и само собой разумеющееся.

— Жить? — Рэтар почувствовал себя дураком.

— Ну да, — кивнула она, слегка улыбаясь. — Семья вот такая неправильная, странная, всем поперёк горла стоящая — выкупить, чтобы любить.

— Для кого ты спрашиваешь? — это было очевидно, даже важно.

— Я теоретически, — пожала плечами Хэла.

— Что?

— Ну, предположительно, — она слегка нахмурилась, улыбаясь. — Например, к тебе придёт воин и спросит “а можно ли, достопочтенный феран, выкупить одну из серых?”

— Потому что любит её? — уточнил Рэтар.

— Да. Что ты ответишь?

— А она?

— Она предположительно тоже его любит, — ответила Хэла, потянувшись за очередным куском лепёшки.

— А его семья? — спросил феран.

— Что его семья? — нахмурилась вопросу ведьма.

Рэтар вздохнул:

— Ему придётся отказаться от своей семьи, Хэла, — пояснил он. — Мало кто на это идёт. Про кого ты говоришь?

— Я не могу сказать, — повела головой ведьма.

— Хэла, — Рэтар нахмурился, хотя, боги, как же, чтоб вам просто!

— Я не могу сказать тебе, потому что не говорила с ней, — пояснила она. — Я хотела спросить у тебя насколько это реально, что ты вообще разрешишь такое.

— Если девушка не будет против, — повёл головой феран. — Да, боги, я так отпущу. Но им будет тяжело... Если это воин, то что мешает ему быть с ней здесь. Сейчас ведь они общаются всё-таки.

— Потому что может ему не хочется прятаться, не хочется чувствовать себя виноватым или словно он вор, — ответила Хэла. — Он не хочет прятать чувства.

И Рэтара словно ударило — вот хотры...

Какой-то простой воин, скорее всего просто парнишка из селения, не хочет прятать чувства, а он, феран, чтоб ему, прячет. Он ворует сам у себя, оправдывается, и боится... боится, что ей причинят боль, потому что она с ним. Потому что они там, все эти люди, чтут закон и тот говорит им, что чёрная ведьма — это зло. Связь с ней, близость с ней — это хуже язвной хвори и проклятия всех богов разом. И Рэтар со всей его силой, властью, не может её защитить от этого!

Внутри всё взвыло.

Хэла потянулась и погладила его щёку, выдернула из болота самоуничтожения.

— Прости, что спросила, — прошептала ведьма.

— Нет, — он поймал её руку и поцеловал. — Всё хорошо, Хэла. Ему нужно будет основательно продумать, как, и главное где жить с ней. Ему нужно место, чтобы он был там нужен и никто не думал, что она иная, серая.

— Разве по нам видно, что мы другие? — нахмурилась женщина.

— Да, чаще всего, — кивнул головой феран. — Ты, например, я не встречал в своей жизни людей, у которых такие глаза, как у тебя.

— Что? Правда? В моём мире такой цвет глаз у, кажется, четверти населения всего мира, — она недоверчиво хихикнула.

— Я не говорю, что в нашем мире нет людей с глазами цвета ирнита, Хэла, — пояснил Рэтар. — Я только сказал, что я не встречал таких. А я видел очень много людей из самых разных мест.

Она задумалась, рассеянно кивнула.

— Если бы не твоя кожа, — заметил он, — то я сказал бы, что ты откуда-то из Налута.

— А что не так с кожей? — заинтересовалась ведьма.

— В Налуте все, ммм, вот такие, — он указал на фрукты в кристе, — вот такого цвета.

Цвет криста, он так и называется.

— Бронзовый? — перевела она на свой язык. — Смуглая кожа? Но, если моя кожа загорит, она тоже станет такой.

Он нахмурился:

— Что?

— У вас кожа на солнце не меняет цвет? В смысле, какое солнце, чёрт, то есть под светилками кожа не меняет цвет? — уточнила ведьма и он отрицательно мотнул головой, всё ещё хмурясь. — И если я просажу на улице, под лучами, моя кожа останется такой же мертвенно бледной?

Вот этого Рэтар никак не мог понять. Хэла была красивой, но он так часто слышал от неё, что что-то, из чего делал вывод, что она себя красивой не считает. И не только красивой, но и достойной чего-то лучшего, большего. И он не понимал, почему и хотелось доказать, сделать что-то, чтобы она поняла, что ошибается.

— А в твоём мире изменится? — спросил феран.

— Да, — кивнула Хэла. — Станет вот такой, цвета кристы.

— Навсегда?

— Нет, — улыбнулась ведьма. — Потом сойдёт и снова станет бледной, словно я умерла пару дней назад.

— Хэла, — недовольно покачал головой Рэтар, и он хотел спросить, что не так, но не стал, потому что видел, как она ушла в себя, размышляя.

Взгляд её словно потерялся в бесконечной пустоте. И как бы ему хотелось показать ей

какая она... невероятная, такая, что щемило внутри, потому что сама она, судя по всему, и понятия об этом не имела, хотя так ловко всеми ими управляла.

Он дивился этому — Хэла смотрела, говорила, шутила, эти её жесты, живость общения... боги, да ради неё хотелось убиться! А она совсем этого не понимала?

— Снег пошёл, — прошептала ведьма, а Рэтар посмотрел в окно, за которым была белезна падающего снега. — Кажется ты прав, я перегнула палку с песнями, вдруг это Милена заговоры начала творить в обратную сторону?

— Нет, — он усмехнулся. — Снег на благословение Изар обычное дело, это хорошая примета.

— Вот как?

— Да.

Он протянул к ней руку и после того, как она подала свою, потянул к себе, обнимая и целуя в макушку, когда ведьма положила голову ему на грудь.

— Может это уже мне нам всем весну натворить и не ждать, пока у Милки сила включится? — проговорила Хэла. — Что-то мне говорит, что мы замёрзнем все тут нафиг, пока она очухается.

— Попробуй, Хэла, — рассмеялся Рэтар, — попробуй!

Она уткнулась в него, а он растрепал ей волосы. Снова потянуло желание... Но все эти проблемы душили и чтоб всему этому провалиться...

— Рэтар?

— Ммм? — отозвался он небрежно, но тут почувствовал, как она напряглась.

— А что-то новое появилось тут, после того как я ушла? — спросила Хэла.

— Новое? — Рэтар озадаченно на неё посмотрел, а ведьма поднялась и взгляд был мутным, как когда она творила заговоры.

— Что-то сюда принесли, чего раньше не было, что? — проговорила она.

— Еду, — феран попытался понять о чём говорит Хэла.

— Нет, — мотнула головой ведьма и он нахмурился.

“Что ещё?” — пытался понять, приводя мысли в порядок.

— Мирган принёс кисет Шеры, — вспомнил Рэтар.

— Где он? — спросила Хэла.

— Там, на столе, — кивнул феран в сторону рабочей комнаты.

Ведьма встала и вышла. И когда Рэтар вышел за ней, то Хэла уже стояла над столом и смотрела на камни, что были в мешочке.

— Ты его в руках держал? — спросила она.

— Нет, — ответил феран.

— Рэтар? — ведьма посмотрела на него со страхом и каким-то неизмеримым отчаянием.

— Я не прикасался к нему, Хэла, — он сделал к ней шаг, потому что безумно захотелось её обнять, но она выставила руку, останавливая его.

Другая её рука зависла над рассыпанными по столу камнями.

Рэтар действительно не посмотрел, что там было и сейчас, глядя на камни, стало не по себе. На столе было целое состояние. И в голове стали стучать вопросы, на которые не было ответов. Неужели всё это дал Шере Шерга? За то, что она давала ему мучить себя? Что она хотела делать с камнями? Или она хотела ребёнка, чтобы иметь возможность сбежать? Явно же давно копила все эти сокровища.

Хэла тем временем нахмурилась и взяла в руку серкит.

— Точно не трогал, пожалуйста, боги, это очень важно, Рэтар! — прошептала ведьма с надрывом.

— Хэла, нет, — он всё же сделал шаг к столу. Внутри росла тревога. — Хорошая моя, я не держал в руках ни кисет, ни камень.

Она повела головой и феран снова попытался обнять её.

— Не трожь, — отрезала ведьма.

— Не буду, — Рэтар застыл. — Что, Хэла, что?

“Боги, родная моя, хорошая моя, скажи, что с этим камнем не так, Хэла!” — был готов молить, потому что тревога уже полностью заполнила его, теперь подбиралась к горлу и ещё немного и будет не вздохнуть.

— Ты сказал, что это камни Шеры, — спросила ведьма всё ещё хмурясь. — Их принёс Мирган?

— Да, он их у неё нашёл. Мы хотели выяснить откуда камни, но не успели, — сам не понял как соврал ведьме.

Хэла глянула на него с недоверием, но даже если и поняла, что феран лгал, то не стала в этом копаться.

— Это... — указала она на камень.

— Серкит, — назвал камень Рэтар.

— Тот самый, из-за которого она...

— Устроила скандал, да, — пояснил феран.

— То есть кукушечка держала камень в руках?

Хэла говорила скорее для самой себя, но феран решил подтвердить:

— Да, держала.

— Кто ещё? — спросила она, а Рэтар не знал, что ответить.

— Не знаю, Хэла, — мотнул он головой.

— Роар тут был, — сказала ведьма.

— Нет, Роар ничего не знает, — ответил на это феран. — Он знает, что Шера устроила скандал, он был в харне и говорил с Ялсой, своей наложницей, которая сейчас отвечает за харн. Всё. Больше его в этой истории не было. Он кажется даже не знает, что мы у Шеры эти камни нашли, по крайней мере сегодня он внимания на кисет не обратил.

— Хорошо, — кивнула Хэла, потом как-то прищурилась, снова посмотрела на Рэтара. — А Элгор?

— Элгор... не знаю, — честно ответил феран. — Я не знаю, но он мог.

— Тёрк? — продолжила она.

— Скорее всего нет, но это можно у него спросить, он же за дверью, позвать?

— Нет, — мотнула она головой как-то совсем дико. — Не надо.

— Хорошо, — прошептал Рэтар, словно боясь спугнуть её, стараясь успокоить. На деле внутри него самого начиналась буря.

— Могу я этот камень... — она повела плечом, — в смысле, он тебе нужен? Или...

— На нём заговор? — уточнил феран.

— Да. Жуткий. Очень, — ответила ведьма. — На злость, на ярость...

— Что нужно сделать?

— Я бы отговорила его, но всё равно было бы хорошо отдать его земле или лучше воде, — ответила Хэла.

— Реке? — предложил Рэтар.

— Нет, зло потянет дальше, не надо, — она мотнула головой. — Мёртвой воде.

— И где такую найти?

— Я сделаю.

— Хорошо, делай, — разрешил Рэтар. — Он не мой, мне ни один из этих камней не нужен.

— С остальными всё хорошо. Он недолго здесь. Я возьму? — она показала на кисет.

— Да.

Положив серкит в мешочек, Хэла вышла. А Рэтар так и остался стоять глядя на поверхность стола, на котором россыпью лежали камни Шеры — всё что от неё осталось.

И феран не понял, сколько времени он простоял так, но из забытья его вытянул влетевший в дверь взвинченный и тяжело дышащий Элгор.

— Если ведьма меня ещё раз, — зло прохрипел бронар, — хотя бы раз тронет, я... я...

— Ты, что? — устало спросил Рэтар, но тан внезапно изменился в лице, побледнел, осел на кресло, схватился за голову. Феран нахмурился. — Элгор?

— Прости, тан, прости, — потеряв голос, прошептал юноша. — Я шёл сказать, что ко мне приходил Шерга.

— Зачем? — напрягся Рэтар.

— Спросить, — и Элгор повёл головой, запнулся. Словно потерялся. — Спросить...

— Ты живой там, малец? — бухнул Тёрк, заходя в комнату, но увидев бронара и нахмуренного ферана, замолчал и закрыл дверь. — Что?

— Элгор, спросить что? — позвал Рэтар.

Тан поднял на них глаза и нахмурился, потом видимо понял о чём его спрашивают:

— Ко мне приходил Шерга и спрашивал, где Шера, — ответил юноша невнятно.

— Вот это поворот. Пытается отвести подозрение или прощупывает? — нахмурился Тёрк.

— Что ты ему сказал, Элгор? — спросил Рэтар.

— Я сказал, что не знаю, где она, что она мне не принадлежит, — мотнул головой бронар. — А он мне такой, мол ты же оттащил её под сторожевые башни...

— Вот ведь, тварь! — рыкнул старший брат. — Рэтар, я тебя очень прошу, дай мне его, дай! Я его в собственной крови утоплю!

— Нельзя, — феран сел за стол.

— Не понимаю зачем было вообще ко мне с этим лезть, да ещё так нелепо как-то. Не похоже на Шерга, — мотнул головой Элгор, потом скривился, словно от боли.

— Ты чего парень? — спросил у него Тёрк, заметив это.

— Не знаю, — огрызнулся Элгор, — с Хэлой вашей столкнулся и теперь мотает!

— Серкит был с заговором, — отозвался Рэтар и мужчины уставились на него так, словно впервые видят.

— Что? — нахмурился бронар.

— Хэла сказала, что злой заговор был, — пояснил феран. — На ярость.

— Так вот почему она мне сказала, чтобы я на Миргана не обижался! — хлопнул себя по мечу Тёрк.

— В смысле? — спросил Рэтар.

— Мирган меня с утра довёл, что я ещё до рассвета на реку рванул, чтобы не убить его, потом он приходил к тебе и снова меня дёрнул, — стал рассказывать старший брат. — А

потом, вот сейчас точнее, я у Миты был и опять, ну думаю всё, покалечу засранца, а тут Хэла его цапнула, он на неё глянул, его как скрутило и он испарился, так быстро, что я даже не знал, что он такой шустрый у нас. А Хэла мне говорит, чтобы я не серчал на него. А видишь заговор на нём был от камня, потому он злой был.

— Так на мне тоже, что ли? — взвился Элгор.

— Ну, скажи богам славу, что не несёт тебя, а то к Миргану пойдёшь под бочок, — ухмыльнулся старший брат Рэтара.

— Благ тебе всех, Тёрк! — буркнул на это бронар.

— И тебе не хворать! — отозвался тот.

— Подожди, — Элгор посмотрел на тана. — Если это Шерга дал Шере заговорённый камень, то... зачем? Для кого был камень?

— Для вас, достопочтенные, — ответил Тёрк.

— Для Рэтара? — уточнил бронар и неуверенно покачал головой. — Это что за план такой был? Какой смысл? Шере? Все знают, что она последний человек, который может попасть к ферану. Шерга быстрее попал бы, да и вообще... не понимаю! Или хочешь сказать, что она устроила скандал, чтобы феран на неё внимание обратил и камень увидел, а что она бы сказала на то, как он к ней попал, откуда? Нашла что ли? А зачем её тогда убивать? Тёрк, это слишком, даже для такого хитрого засранца, как Шерга.

— Какая разница, достопочтенный бронар, какой был план и был ли он вообще? — Тёрк сложил руки на груди и приподнял бровь. — Камень где в итоге оказался?

— Какая-то, — парень повёл головой, но тут в комнату вошёл Роар.

Элгор замолчал, но митар явно понял, что от него что-то скрывают, и Рэтару это не нравилось, но понять как правильно сейчас нужно поступить он не мог.

Благом оказалось то, что к Роару с попытками нравоучений и попыток наставить на путь верный ферана Изарии полез тритский эйол. И оказалось, что теперь Шерга нагрузил митара своими просьбами... Разговор перешёл в другое русло и в конечном итоге Роар и Элгор ушли, оставив ферана наедине с Тёрком.

И теперь в голове был такой беспорядок, что даже паника, которая пыталась захватить ферана в свои сети, не могла с этим справиться, потому что — да что вообще происходит? Происходит в его фернате, в его доме и его жизни?

— Что думаешь? — спросил Тёрк.

— Шерга хочет в дом, — начал размышлять феран вслух. — Он хочет понять, что случилось с Шерой? Или что?

— Брось, это он её убил, — повёл головой старший брат. — Он пытается понять, почему мы это скрываем.

— Допустим, — согласился Рэтар.

— Он хочет понять, где камень, — предположил Тёрк.

— Хорошо. Откуда у него серкит?

— Получил по службе?

— Нет, — ответил феран. — Элгор проверил записи и сказал мне, что серкитом Шерга не платили.

— Он мог его купить, — ответил Тёрк.

— А потом отдать для заговора? — нахмурился Рэтар. — Снова заплатить? Нет.

— Думаешь камень ему дали, уже с заговором? — так же хмурясь спросил старший брат. — Чтобы к тебе попал?

— Не важно. Не важно. Это вообще не важно, — ферана раздирали ледяные пальцы невыносимой тревоги. — Зачем мне камень с разговором на что? На злость, гнев, ярость?

— Рэтар, — усмехнулся Тёрк и повёл головой.

— Что? — феран недовольно рыкнул.

— Ты же сейчас просто невообразимо хочешь всё разнести, да? — спросил брат и Рэтар посмотрел на него с угрозой. — Вот. И держишься. Всё равно держишься. Это твоё достоинство — ты невероятно меня этим достаёшь, ты нас всех этим раздражаешь, это твоё паразитическое чувство самодержания. Хладнокровие. Тебе в этом равных нет.

“Если бы, рваш!” — с досадой подумал он, а вслух недовольно спросил:

— И что? Хорошо. Я разозлился. Допустим. Что дальше? Я вышел из себя, потерял контроль. Морду тебе набил. Ты обиделся. И?

Тёрк усмехнулся.

— Не знаю, Рэтар, не знаю, — пожал плечами Тёрк. — Ты спросил “зачем”, а я тебе ответил. Вот и всё.

— Должно быть ещё что-то, — нахмурился феран. — Чего-то не хватает. Я должен выйти из себя прилюдно?

— А вот это вполне похоже на действительность, — кивнул старший брат.

— Надо отменить костры, — проговорил он, потому что вот это уже было осязаемой опасностью.

— Нельзя, Рэтар, нельзя. Эти никак.

— Тёрк!

— Это костры Изара, достопочтенный феран! — повёл головой мужчина и навис над братом. — В этой земле живёт куча народа, все они в кого только верят или не верят, но все они, абсолютно все, почитают Изара и его благословение. Изарийцы всегда будут помнить почему их земля так называется. Любой. От самого последнего благого до ферана, Рэтар. Костры в честь Изара неприкасаемы. Отменишь и вот никто не поймёт. А главное слабость покажешь. Если феран боится... а уж такой, как ты.

“Чтоб тебе, Тёрк!” — взвился Рэтар, потому что умел старший брат его отчитать, как маленького. И всё, что сейчас сказал, Рэтар прекрасно знал. Знал, что костры в честь дня благословения Изар отменять нельзя, но чтоб ему...

Он прикрыл глаза рукой и тяжело вздохнул.

— Ты выходил сегодня? — спросил внезапно Тёрк.

— Нет, — ответил Рэтар.

— Пойдём погоняю тебя? — предложил старший брат.

— Разбежался, кто кого ещё, — отозвался феран.

Тёрк ухмыльнулся.

— А иди-ка ты, достопочтенный брат, гулять, — предложил он, очень неоднозначно улыбаясь.

— Что?

— Потопчи снег сходи.

— Ты издеваешься? — и Рэтару показалось, что сейчас действительно сорвётся на старшего брата. — Только снег осталось потоптать.

— Возьми ведьму свою, хараг её и иди, — покачал головой Тёрк. — И не смотри на меня так. Ей это может больше, чем тебе нужно. Она Миргана заговорила, Элгора заговорила. Девочку, небось тоже... она же камень трогала, так? А ещё Хэла в харне была, и

теперь я знаю зачем. И ты тоже. И камень. Он же у неё.

— Да, — подтвердил феран, — она должна была от него избавиться.

— И тут без колдовства никак, — старший мужчина вздохнул. — Иди, Рэтар. Там снег идёт. Красиво, тихо, спокойно. Проветри голову, ведьму свою обними, может ещё где помни....

— Тёрк, — взвился Рэтар.

— Не рычи на меня, — ухмыльнулся тот. — Я не вчера родился. Тебе с ней хорошо, ей с тобой. Насрать на всех нас, ну, особенно, когда вот-вот тебе на голову что-то обрушится такое, что мало не покажется. Лови мгновение, потом может быть поздно.

Старший брат покачал головой и вышел.

— Хэла? — Рэтар нашёл ведьму на привычном месте, на уступе между зубцов бойниц.

Она была разбитой, уставшей, подавленной, глаза были полны невыносимой тоски.

— Достопочтенный феран? — она слегка улыбнулась.

— Пойдём погуляем? — предложил он.

— Погуляем? — Хэла удивилась.

— Погуляем, — кивнул Рэтар.

— Пойдём, — шепнула ведьма, улыбаясь по-настоящему.

Маленькая, по сравнению с его, ледяная рука легла в его ладонь и стало спокойно. Вот сейчас стало мирно, тихо и до безумия хорошо.

Глава 18

— Почему мы это делаем? — спросила она, когда они неспешно шли в сторону реки, а хараги, как очумелые, носились вокруг, невероятно радуясь выпавшему снегу.

— В смысле? — слегка нахмурился вопросу Рэтар. — Мы просто гуляем.

— Почему мы гуляем? — уточнила ведьма.

Он рассмеялся.

— На самом деле Тёрк выгнал меня.

— Ох, уж этот Тёрк, — покачала она головой и тоже рассмеялась.

Рэтар внезапно застыл и устремил свой взор куда-то в сторону селения. Хэла присмотрелась, но она не видела ничего, хотя нет — видела движение теней.

— Что там? — спросила она с опаской.

— Раненые из Шер-Аштар, — ответил феран. — Будут в селении почти перед заходом Тэраф.

Ведьма снова посмотрела и удивилась тому насколько у Рэтара отличное зрение.

— Надо назад? — поинтересовалась Хэла, отмечая для себя, что, если он скажет "да", то она расстроится.

— Нет, не надо. А ты видела местный ин-хан? — внезапно спросил феран.

— Нет, что это? — этого названия ведьма ещё не слышала.

— Если не устала, то можем дойти, — предложил Рэтар. — Увидишь.

— Не устала, пошли, — улыбнулась Хэла.

— Точно? — с недоверием, но мягкостью посмотрел на неё феран. — После заговоров ты хочешь спать обычно.

— Хочу, — согласилась она. — Но сейчас у меня в голове очень много всего и я не могу уснуть, пойдём. Я вообще в ту сторону никогда не ходила.

Внутри было такое приятное чувство, глупое, юношеское. Сколько времени она не гуляла с кем-то, кто дорог? Боги, кажется это было даже не в прошлой жизни, а в

позапрошлой.

Романтика, чтоб её!

И это было так странно. Она перестала чувствовать все те годы, что прожила. До слёз. И почему она столько стала рыдать, как девчонка в пубертат и первую любовь, тьфу ты, эта влюблённость, безумие в крови, в голове, болезнь и острота чувств...

Она устала, но сейчас эта усталость не чувствовалась. Хэла много километров готова была пройти, лишь бы унять себя, и чтобы не потерять вот этот момент, который был сейчас. Всё быстротечно.

С утра всё было хорошо, а потом она стала чувствовать всю эту хворь от злого заговора.

Элгор и Мирган, чуть не убившие друг друга на тренировке. Внутри старшего мужчины была такая ярость, что казалось она собой всё сейчас затопит и причины её ведьма понять не могла.

Элгор, взвинченный сильнее обычного. Непонятный, неопределённый. Он просто метался, словно в клетке, пытаясь бороться с собой, при чём не понимал, что за враг перед ним, хотя врага-то и не было.

Потом кукушечка — такая внутри съёжившаяся, крохотная. Напуганная. Злость и ярость в ней обернулись страхом, потому что она была другой... и когда Хэла поняла наконец, добралась до сути происходящего, взяла в руки мерзкий камень, то вся эта ерундень наконец стала ясной и понятной.

Заговор, что был на камне, был таким сильным, что обжигал кожу. Держать его в руке было невыносимо больно, да он даже через ткань кисета жёг, словно был раскалён. Бешенство, которое он распространял было просто невыносимым.

Стало сразу понятно, почему Шера такого наговорила, не удержав язык за зубами. Она, конечно, была глупой бабой, но не до такой степени, чтобы сказать Хэле такое и не думать о последствиях хотя бы даже не от ведьмы, а от самого ферана, потому что Рэтар не стерпел бы сказанное ею, и удивительно, что он всё ещё, судя по всему, был не в курсе о словах наложницы. А может был, но скрывал это от Хэлы, чтобы не расстраивать.

В конце концов он ей не договаривал о том, что случилось с Шерой, а Хэла дала слово, что лезть в это не будет.

Но у неё самой вот работы тьма. Ведьма всё ругала себя, что проглядела заговор старой чёрной карги на феране. А тут — если бы ещё и этот камень... и она была невероятно счастлива, что камень в руки Рэтару не попал. Потому что несдерживаемые гневные эмоции были не всем, на что был сделан заговор.

И вот это ещё одно, последнее, так Хэлу пугало. Но сказать Рэтару об этом она пока не могла, потому что надо было убедиться, надо было сделать всё возможное, чтобы исправить колдовство камня.

Найта, Мирган, Элгор... чёрт! И времени у Хэлы в тот момент не было, и не понятно с кого начинать. На ком сильнее всего, а может надо с тех на ком слабее?

И Хэла начала с тех на ком слабее — Элгор и Мирган. Бронару досталось меньше всего. Судя по всему, он камень в руках не держал. Только кисет. Поэтому, немного потрепав ему нервы, умудрившись схватить его за руку, Хэла сняла заговор.

Потом Мирган. С этим было сложно — полоскало этого брата ферана очень неплохо из чего было понятно, что камень в руках он всё-таки держал. Но в конечном итоге повыворачивает и отпустит, силы много, не сплюскает.

С Найтой было сложнее всего. Она была иной: по-другому видела, по-другому мыслила.

Хэла почему-то боялась снимать с неё заговор больше, чем с мужчин, потому что — рвало внутри. Боль скручивала, воспоминания выворачивали, сердце разбивалось снова и снова...

Получится или нет снять заговор до конца, будет понятно через некоторое время, и поэтому Хэла готовилась работать ещё, работать на износ, потому что кроме неё никто этого не сделает.

Она уже точно знала, что природа силы у ведьм и магов была разной.

Ведьмы они вот на земле, они делают то, что под рукой — она взяла камень, заговорила воду, убила её и, запихнув камень в глиняный кувшин с мёртвой водой, похоронила его, раскопав покрытую снегом мёрзную землю...

"Спасибо тебе, Брок, мальчик, за кинжал, век тебе быть здоровым и счастливым!" — поблагодарила про себя парня Хэла.

Всё — пропал камень, сгинул заговор, вода его забрала, земля скрыла. Даже, если когда-нибудь кто и отыщет, ничего не случится.

А маги делают иначе — они берут другие материи, не видные глазу, тянут силу из себя, переплетают с той, что живёт вне. Это такое невероятно красивое кружево, а ведьмовская сила — как шерсть грубой вязки.

Только вот красиво не значит полезно. А уж чего говорить о времени... Хэла сказала и всё. Вот как гвоздь заколотила, а у магов иначе, совсем — они словно песню поют, сладко так, но долго.

Результат один, конечно — пути разные. Но безусловно есть работа, которую надо выполнять вот так основательно, красиво, там, где нельзя гвоздями всё приколотить.

То, что сама Хэла тоже держала в руках камень, её волновало меньше всего. Материнское самопожертвование дело гиблое и неблагодарное, но вот сейчас она могла, действительно что-то могла и это её невыносимо окрыляло:

"Я подумаю об этом завтра!" — успокоила она себя и отпустила...

Идя рядом с Рэтаром по хрустящему свежему белоснежному снегу, ей казалось, что это продолжается уже вечность. Что она всегда была здесь, что этот мужчина всегда был с ней, и что та её прошлая жизнь это всего лишь сон, дурной, плохой...

Она верила, когда Рэтар смотрел на неё и говорил, что она красивая, верила, что он её по-настоящему хочет и даже иногда, как полная дура, радовалась тому, что он её ревнует.

Дойдя до пролеска, они стали идти по наклону, в низину, и, спустившись до небольшого обрыва, Рэтар прыгнул вниз и, протянув руки, помог спуститься Хэле. Пока помогал умудрился поцеловать... а когда поставил, она ощутила вибрацию под ногами.

— Вон там, — и феран указал немного дальше.

Там, где поросль деревьев редела, было открытое место, с другой его стороны текла река. Внутри были камни, большие валуны вросшие в землю, образывающие что-то вроде круга, внутри квадрата, а посередине были колонны, четыре штуки — три образывали треугольник и внутри него ещё одна.

И от всего этого так било магией, что аж голова кружилась — как бывает, когда много кислорода вдохнул.

— Это ин-хан? — спросила Хэла, окунаясь в пьянящее колдовство.

— Да, — кивнул Рэтар, глядя на неё каким-то совершенно игривым взглядом.

— Что? — смутилась женщина его взгляду.

— У тебя лицо преобразилось, — улыбнулся он.

— Потому что тут... — и ведьма не нашлась, что ответить, восторг не давал ей

нормально соотносить и навстречу лицу и вправду было сейчас иным.

— Тут место силы, — рассмеялся её замешательству Рэтар. — Ин-ханов очень много. Это так называемое наследие богов. В Зарне в несколько раз больше. Когда вернёмся туда, я тебя отведу.

— Можно? — кивком спросила Хэла, потому что не была уверена, что такой, как она, можно дальше.

— Можно, Хэла, — обнял её плечи феран. — Можно.

С каждым шагом вибрация под ногами становилась сильнее, потом зазвенел камень в кулоне, который был внутри, скрытый платьем. Ведьма с неуверенностью глянула на мужчину, но поняла, что он не слышит.

Когда она вошла в первый круг из камней, внезапно стало пронзительно тихо. А ещё тепло. Вот прямо совсем тепло. Снега внутри камней не было. Тут была трава. Не такая, как привыкла видеть Хэла — она была какой-то бордовой, что ли. Но ведьма уже знала, что трава тут не зелёная, как в её мире, правда в живую никогда не видела, только сушёную.

— Почему тут трава? — удивилась ведьма. — И тепло...

— Внутри ин-хан всегда одно время, — ответил Рэтар. — Оно неизменно. Тут всегда тепло, всегда трава, если есть деревья, то они всегда будут цвести.

Камни не сильно выходили из земли, первый круг торчал из земли буквально сантиметром на десять, но было видно, что это очень большие камни, следующие камни выступали сильнее. Всего кругов было три — камни в третьем круге доходили Хэле до середины бедра. Дальше шёл квадрат. Тут камни были словно колонны, на них можно было сидеть и кажется для этого они и предназначались. Дойдя до середины, она увидела, что внутри колонн были углубления.

— Тут что-то было? — подняла она глаза на Рэтара.

— Да, — ответил феран. — Обычно магические предметы, выглядят как слих, ноль и этр.

— Что? — и этих слов она тоже не слышала. Вот только слихами сферы магические называли.

— А, — он нахмурился, улыбаясь и стал невыносимо очаровательным, ну насколько может быть очаровательным суровый взрослый мужик, вояка, с бородой и шрамом на всё лицо, — как магический свет, основа дома и острая крыша башен.

— Ага, — кивнула Хэла. — Сфера, куб и, а у крыши рёбра есть?

— Да, — улыбнулся феран.

— А основа с тремя углами? — она указала на расположение трёх колонн.

— Да.

— Тогда в моём мире кажется это называется треугольной пирамидой, — блеснула в познаниях геометрии Хэла, хотя до конца не была уверена, что права.

Рэтар улыбнулся сильнее и кивнул:

— А у нас это этр.

— Ну, и ладно, — Хэла повела плечом, чем вызвала очередную усмешку у мужчины. — А посередине?

— Там был сосуд Варха, — ответил феран.

— Что? — нахмурилась ведьма.

— Я не смогу тебе правильно объяснить, — теперь феран пожал плечами. — Это как кувшин и не как кувшин. Я могу показать в книге.

— Я хочу, да, — загорелась интересом Хэла.

— И если бы ты захотела, то я бы показал тебе его в живую, — улыбнулся он.

— Да, — кивнула ведьма, изучая колонну.

— Это не просто, — проговорил Рэтар. — Он настоящий остался один в Гор-Эят.

— Это остров, который считается основой этого мира, он как бы посередине? — уточнила Хэла.

— Да, — феран кивнул. — Основа Сцирцы.

Она хмыкнула, название мира — Сцирца, тут называли редко. А уж ей без надобности вообще.

— На этом острове штука, которая считает здесь время? — уточнила ведьма.

— Да.

— А мы далеко от него?

— Да.

— Рэтар! — возмутилась в шутку Хэла.

— Да? — улыбнулся он.

Ведьма улыбнулась, покачав головой.

— Жаль, что далеко, — проговорила она, на деле с сожалением.

— Только скажи, Хэла, — ответил на это Рэтар.

— Перестань, как же Изария без тебя? — слегка нахмурилась она. Хотя на деле действительно поймала себя на мысли, что с этим мужиком хоть на край света готова рвануть.

— А без тебя? — спросил феран.

— Ох, если нас двоих не будет, то вообще всё пропадёт! — покачала головой ведьма.

Они улыбнулись, почему-то смеяться здесь не хотелось, говорили-то почти шёпотом... словно тишина могла рассыпаться, как стекло, разбиться от громких звуков.

— А можно побыть тут немного? — спросила Хэла. — Или нужно уже идти?

Рэтар глянул на небо.

— Можно, сколько хочешь, не переживай, — ответил он. — Если твои хараги не убежали, то можем и в темень вернуться.

— Не убежали, они у реки, вон там, — женщина указала в сторону видимых только для неё двух, мерцающих голубым, огоньков жизни её питомцев.

Феран усмехнулся, поймал её руку, и поцеловав, отпустил, потом прошёл и сел на один из камней.

Хэла опустила в траву и закрыла глаза. У неё внутри давно уже было что-то, что она никак не могла понять, что-то что пыталось вырваться, но ведьма никак не могла разобраться хорошо это или плохо. Можно или нет. И что это вообще?

Сейчас, сидя здесь, Хэла понимала, что нельзя противиться себе, нельзя закрываться от силы, которую получила попав в этот мир. Это то, что с ней случилось, она здесь и ничего не поменять. Надо жить здесь и сейчас, надо принимать свою сущность. Любую.

Силы вокруг было сейчас так много, что она стрекалась, как крапива, она заливала, заполняла все клеточки тела — наверное сейчас Хэла светилась изнутри и хорошо, что Рэтар не видит, хорошо, что далёк от магии, хорошо, что для него всё просто, и он надеется только на себя и на свой меч.

Потому что вот сейчас Хэла могла сказать, что нет в этом мире ничего более страшного и мощного, но одинаково хрупкого и ломкого, чем магия. Заговоры — просто слова, сила

внутри неё только её собственный ресурс, и Хэла уже знала, что ресурс этот не бесконечен. Можно увеличить, но не сделать бесконечно неисчерпаемым. И можно было оказаться в ситуации, когда ты ничего не сможешь сделать, когда смерть настигнет тебя, а ты будешь беспомощен перед ней, несмотря на то, что ты самый всемогущий из всех магов. Или ведьм.

Правда, как видела Хэла, ведьмы были сильнее, основательнее, если так можно было сказать. Наверное поэтому их призывали на кровь и строго контролировали количество — одна вместо другой. Никак иначе. Двух чёрных быть не должно, не "не может", а не должно... ни в коем случае. И серых боялись по той же причине.

Внутри взметнулся какой-то животный триумф — Хэла знала, что была другой. Не такой, как все остальные чёрные ведьмы.

Она слышала это в Хангыри от магов, которые вообще смотрели на неё и не понимали "что она такое", они не отдали бы её Рэтару никогда, если бы он не призвал её на свою кровь, а обряд разрыва связи нужно было делать через этого их первого мага, а эти малохольные боялись признаться, что с её призывом что-то было не так. И ещё больше боялись гнева ферана Изарии.

Гораны вообще считались здесь кем-то сродни бессмертных богов, хотя и они умирали, но страх перед ними был неискореним. Потому что боги эти безумны. И безусловно отец Рэтара играл в этой истории основную роль. В конечном итоге, когда маги её отдали, то все трусливо сошлись на мысли — раз кровь ферана Изарии её позвала вот такую, то, такому как Рэтар Горан, именно такая чёрная ведьма и годится.

Это было похоже на то, что маги бросили женщину в яму к голодному тигру, типа "и так сойдёт"! А в итоге... А что в итоге?

Хэла была так зла, потому что это вот отношение магов к Рэтару, ей спутало восприятие человека. Она вообще была не из тех, кто по внешнему виду судил людей, а тут — они боялись до усрачки и её мозги запудрили.

И боги... вот он итог — Хэла сошла с ума от этого человека. Она была готова для Рэтара на всё. И она питалась его силой. Питалась. И ей было стыдно. Но только в нём было столько, что и на десяток хватит таких как она, а сейчас, когда она сняла заговор предыдущей ведьмы, силы стало так много, что можно было валить всех направо, спасать налево, и ещё останется, чтобы он жил поживал, здоровый, и немощь на него найдёт лет через сто, а может и нет вовсе.

Такое вообще возможно? Хотя тут возможно, блин! И сидя в этом их "стоунхендже" она поняла, что они друг для друга как... всплыла в голове эта херота про половинки. Инь-янь? Тьфу-ты!

Проснувшись глубокой ночью, она осознала, что её раздирает чувство невыносимого счастья. И стало стыдно за это перед той жизнью, перед теми кто там остался без неё. И, да что ж такое! Хотелось утопиться в слезах. А счастье рвало на части.

“Как так, чёрт, твою налево?”

— Хэла? — позвал Рэтар, и как он так спит чутко, невыносимо прям, даже пореветь не даст спокойно.

— Всё хорошо, — она вжалась в него сильнее, а он сильнее обнял. — Наверное плохой сон.

Рэтар поцеловал её в затылок и от этого скрутило в узел. Потому что когда-то кончится. Только бы не так скоро, но Хэле никогда не везло.

— Почему благословение Изар празднуют вечером, когда его уже на небе нет, —

спросила ведьма, глядя в окно, шурясь слепящим лучам восходящего первого светила.

— Празднуют весь день, — отозвался Рэтар, который как всегда устроил её на себе, держал одной рукой и гладил её спину, плечи, шею, другой.

Осталось только мурчать от удовольствия и приятной неги усталости после того, как они снова нагрелись с утра пораньше.

— Бреются с утра? — уточнила она.

— Да, — ответил феран. — Потом идут к главному костру и с благодарностью сжигают. В этот день Изар на небе дольше всего по времени в тире. А время Тэраф самое короткое. Остальные костры зажигают в момент, когда Изар скрывается с неба, считают, что так поддерживают его силу и жгут до самого утра, когда он снова восходит на небо. А ещё считают, что Изар, уходя с неба, спускается вниз и бродит от костра к костру в обличии человека, и потому нужно быть благостным и приветливым со всеми кого встречаешь в это время, и нельзя творить никакого зла.

— Но ты ждёшь это зло? — проговорила она.

— Да, я жду, — сказал Рэтар спокойно.

— Я посмотрю, — отозвалась ведьма. — Если будешь смотреть на меня, то я скажу тебе, если что-то случится.

— Я всегда смотрю на тебя, Хэла, — прошептал он. — С тобой не сравнится.

— Да, со мной нет.

— Правда знаешь, кто где? — спросил Рэтар и она угукнула в ответ. — Роар?

— Хм, — Хэла закрыла глаза. — У Миты, завтракает. И Брок тоже. Тёрк спит в кабинете...

— Стражник, — слегка рассмеялся феран.

— Элгор на башне, — нашла она бронара. — Как обычно грустит.

— Элгор грустит? — он нахмурился.

— Да, — Хэла подняла на него глаза.

— Почему? — спросил Рэтар всё ещё хмурясь.

— Иногда он мне всё сердце рвёт, так его пожалеть хочется, — ответила ведьма, вздыхая. — Он самый одинокий из всех здесь.

— Мы про одного Элгора говорим, Хэла? — и феран приподнял бровь.

— Да, — кивнула она. — Он как ребенок. Мне хотелось бы ему помочь, но он ядовитый и колючий.

— Хэла, он не ребёнок! — возразил Рэтар. — Он мужик взрослый.

— Нет. Тебе кажется, — повела она плечом. — Ты смотришь и видишь взрослого мужика, но, Рэтар, нет. Его характер — он ведёт себя так, будто ему тринадцать, в лучшем случае шестнадцать. Его тяга к выведению шрамов?

— Многие это делают.

— Да, — согласилась Хэла. — И причины у всех разные, а у Элгора — потому что он не готов быть взрослым. Он предпочитает думать, что это всё нереально, всё это плохой сон. А его женщины? Его тяга к малолеткам?

— У него в харне есть те, кто не... — феран напрягся подбирая слова.

— Кто не вчера слез с горшка, или ой, простите, вчера прошёл обряд благословения Анат? — ухмыльнулась ведьма. — От тебя в наследство остались или от Роара? Только эти женщины ему, как мамы. И его тяга к ним, намного больше меня пугает, чем его любовь к девицам у которых в голове подростковая каша. Они его разве что с ложки не кормят, эти его

“взрослые наложницы”. Эрона, может да, она единственная, кто действительно его любит, без всех этих ненормальностей. И он наверное к ней привязан и ему плохо без неё.

— Он может вернуть её назад, — заметил Рэтар.

— Для этого нужно обратиться к тебе? — спросила ведьма.

— Да, — кивнул феран.

— Этого он не сделает, — мотнула головой Хэла и ей и вправду было грустно из-за Элгора. — Ты для него как, ну, не знаю... недостижимая цель. Он не верит, что ты его слышишь, что ты хочешь его слышать. Думает, что всё, что он говорит тебе, не подходит. Он очень тебя уважает и в нём живёт страх, что никогда с тобой не сравнится. С ним сложно. Ему с тобой сложно. У Роара, несмотря на то, что не было мамы, была Мита и твоя мама, она, насколько я понимаю, очень Роара любила.

Рэтар согласно повёл головой.

— И ты Роара любил, и сейчас, — она вздохнула. — А Элгор... у него нет никого, кроме брата. И есть вещи, которые он не может с ним обсудить, поделиться...

— Брось, — возразил Рэтар. — Например?

— Например, что влюбился в Милену.

— Что? — и феран был искренне удивлён этой информацией. Нахмурился. Видимо напрягся, что не заметил, потому что был невероятно наблюдательным человеком.

— И понятно, что Роар последний человек с которым он может это обсудить, — продолжила Хэла. — Да и вообще не будет он это ни с кем обсуждать. Поэтому мучается. Они оба мучаются. Но Роар хоть тебе может пожаловаться на свою беду. А Элгор сидит на башне и изводит себя.

Рэтар вздохнул. Хэла сползла с него и устроилась рядом.

— Не переживай. Пройдёт, — улыбнулась она. — Влюблённость прекрасна именно тем, что недолговечна. Просто это мало кто принимает. Гормоны уgomоняться и всё станет, как раньше. У них, у тебя...

— Хэла? — феран посмотрел с непониманием.

— Так у всех, Рэтар, — ответила ведьма. — Очень скоро ты будешь знать, где находятся каждая из моих родинок, будешь знать сколько у меня полосочек на радужке глаз, будешь точно знать, что значит каждый из моих взглядов, вздохов, будешь различать тональность моих стонов. Ты изучишь, прочитаешь, запомнишь меня вдоль и поперёк. Новизна, тайна открытия, будут ускользать.

Рэтар покачал головой, хмурясь, а Хэла села.

— В конечном итоге, даже самая вкусная еда становятся ненавистной, если есть её каждый день, — заметила она, — к любой боли можно привыкнуть, чтобы не замечать... в близости так же. Твоя голова охладает, ты снова станешь прежним и перестанешь считать, что я тебя украла у самого себя. Всё будет, как раньше. Почти. Но эти изменения будут ничтожными. Закрывшись от них, ты быстро их забудешь. Я знаю. И ты знаешь.

Феран тоже сел.

— Нет, Хэла, нет. Я никогда не... — его рука легла на её щёку, в глазах было столько всего, что хотелось перестать говорить, но, чтоб ей, она никогда не умела вовремя заткнуться.

— Никогда и всегда самые бесполезные слова, Рэтар, — перебила его ведьма. — Потому что они самые злые, самые опасные. Нет ничего вечного, ничего не будет “всегда”, нельзя верить в “никогда”. Потому что все мы и всё вокруг нас меняется, а порой так

стремительно, что ты не понимаешь, как так, что ты вчерашний был таким глупым и наивным. Порой невозможно быть уверенным в следующем мгновении, а ты говоришь о вечности?

Хэла знала, она точно всё это знала, так хорошо, что просто невозможно.

— Почему ты такая, — прошептал Рэтар, силясь что-то ещё сказать, но не мог, он её не понимал.

— Циничная? — улыбнулась ведьма. — Я такая. Потому что лучше думать, что падаешь, ожидая, что вот-вот разобьешься о землю, чем думать, что летаешь и разбиться вдребезги, потому что это был не полёт, а падение. Потому что я лучше буду ждать, что каждый день у меня с тобой последний, и радоваться, если нет, что ты снова смотришь на меня, и твой взгляд не изменился, что я буду с тобой ещё немного.

И она повела плечом, головой, ругая себя за эту привычку дурацкую.

— Потому что я хочу быть готова к тому, что всё кончится и однажды твой взгляд станет холодным и непроницаемым для меня, и что мне будет легче смириться с этим, что боли будет немного меньше, чем, если бы я жила с верой в то, что так хорошо будет вечно. Я такая, — и она пожала плечами, вспоминая боль прошлого, ошибки, что уже не исправить. — Чёрствая...

— Нет, Хэла, — Рэтар заглянул ей в глаза. — Я же вижу, я чувствую — ты хрупкая, в тебе столько нежности, и одновременно столько страсти, буйной, яркой. И тебе самой от себя страшно порой, и ты такая невообразимая! Но внутри тебя столько боли, печали, они так бесконечно глубоки и неизмеримы, как море. И я тону в этом, пытаюсь понять, пытаюсь просто осознать, что же такое с тобой случилось. Хэла... Ты не такая, ты просто притворяешься. Расскажи мне, родная, что... расскажи, Хэла.

Боги, как ей хотелось рассказать!

— Нет, — она мотнула головой прогоняя внутреннюю слабость — ему это не надо. — Я не скажу, пусть это останется тем, что ты не узнаешь во мне, потому что вдруг это даст мне возможность побыть рядом с тобой немножечко дольше... чуть-чуть больше счастья за счёт того, что мне когда-то было больно и сделало меня такой.

Рэтар сгрёб Хэлу в объятия, с силой, с этим совершенно невообразимым, не терпящим никаких преград, напором, на который был способен только он, потому что взрывалось внутри, она видела, как взрывалось! Хэла раздула снова эту ярость, которая поднимала голову, когда больше не было никаких доводов, когда разговоры были бесполезны, когда нужна была физическая мощь, потому что — а как ещё тебе доказать, женщина, что ты ошибаешься?

Близость. Горячая, безумная, невыносимая, но без неё уже было нельзя, она была, как наркотик, отравляла кровь, мысли, нутро выло без неё. С этим мужчиной. Словно единственным в её жизни.

— Моя... — рычало чудовище и Рэтар вторил ему, шепча, сводя её с ума, — моя нежная, мягкая, тёплая, настоящая, живая, моя несносная ведьма... моя!

— Твоя, — всхлипывала Хэла, когда уже больше не было силы сдерживать себя, отпуская, и желая умереть, чтобы не было боли, когда это закончится.

И ведь она всегда была уверена, что её не пронять. Пронял... “чтоб тебе, Хэла, без него ты не сможешь!”

Глава 19

Рэтар сидел за столом и слушал доклад старшины пришедших в Трит раненых воинов из

Шер-Аштар. Он пришёл совсем рано, потому что вчера, когда они прибыли в селение, не смог попасть к ферану или митару доложить о прибытии. И потому с первыми лучами Изара уже стоял возле дверей рабочей комнаты главы дома.

Слушал Рэтар вполуха, его мысли занимала Хэла и то, что она сказала. Тоска по ней изводила. Хотры всё это пусть утащат куда подальше — он не мог ей доказать, не мог достучаться до неё...

"Боги, родная, если бы ты дала мне возможность..." — он бы умолял, если бы это имело хоть какой-то смысл. Но с Хэлой это бесполезно.

Её взгляд, такой пронзительный, такой невыносимо открытый, она бы рассказала, рассказала, хотела, ей было больно, а Рэтар пропускал эту боль через себя, чувствуя эту женщину, как никакую другую. И бессилие — он ничего не мог, только бояться отпустить.

Воин закончил отчёт и смотрел на ферана в ожидании.

— Достопочтенный феран, — обратился к нему Тёрк, стоящий за спиной старшины, когда молчание затянулось дольше, чем было положено, и становилось неуместным.

— Всех сегодня к лекарям в Трите. Завтра отдых в честь благословения Изара, а после — те воины, кто уже могут стоять в страже, должны явиться к командиру сторожевых башен и получить назначение. Остальные, когда лекари разрешат, — отчеканил Рэтар, так и не взглянув на стоящих в комнате мужчин.

— Да, достопочтенный феран, — кивнул старшина.

— Всё, — кивнул Тёрк и открыл дверь, чтобы выставить воина.

— Достопочтенный феран, а можно ещё вопрос? — замялся тот.

— Да, — отозвался Рэтар.

— А могу я с чёрной ведьмой поговорить? — попросил старшина, и Рэтар поднял на него взгляд, воин кажется дрогнул. Тёрк нахмурился.

— Зачем? — холодно спросил феран.

— Она, — он сглотнул, замялся. — Я хотел её поблагодарить. Это из-за меня её ранили, она меня вытащила, а сама...

Юноша потупил взор, а Рэтара рванула ярость.

— Я... — с трудом продолжил старшина, — когда отправлялись сюда, кисет её нашёл, хотел отдать и сказать, что в долгу перед ней.

Парень был на деле совсем молодым, тиров двадцать, может даже меньше, ему было стыдно, а ещё он ждал гнева ферана, так сжался, будто предполагал, что будет наказан.

— Она с харагами в поле сейчас, — отозвался Рэтар, как можно спокойнее и пытаясь унять себя. — Подожди её во внутреннем дворе.

— Благ вам и дому, достопочтенный феран, — поклонился старшина и вышел.

— И? — Тёрк закрыл дверь и подошёл к столу.

— Что? — ферану не хотелось ничего обсуждать с братом, он вообще не хотел ни с кем говорить.

— Это ты мне скажи, — но Тёрк был пронзительным, да и Рэтара знал слишком хорошо. — Что случилось? Вчера же несмотря ни на что вроде хорошо всё было, а сейчас на тебе лица нет, словно хоронишь кого.

И феран силился понять, что делать, надо ли говорить об этом, да ещё и с Тёрком, хотя ближе человека у Рэтара не было, а голова была уже переполнена мыслями, а душу и сердце рвало на части.

— Просто, — нахмурился феран, пытаясь собрать все мысли, что мучили его в какое-то

связное объяснение, но получалось плохо. Он запнулся на одном слове, вздохнул. — Я не могу с ней.

— Оставил её? — хмурясь, спросил Тёрк, а Рэтара дёрнуло от этой озвученной мысли.

— Нет, — мотнул головой феран, а брат сел в кресло перед ним. — Она такая... я просто не знаю, как быть. Знаешь, я знаю, что моё, словно я с ней всю жизнь, настолько привычно, спокойно, когда она рядом, но будто теряю постоянно.

— Рэтар...

— Я вчера её в ин-хан отвёл, — не дал он ничего сказать брату, потому что озвучивая, думалось, что может во всём разобраться. — Она там не была оказывается.

Тёрк повёл головой.

— И она сидела там в траве перед колоннами, глаза закрыла и, боги, я клянусь тебе я никогда не видел ничего красивее, чем это, — Рэтар нахмурился, потому что рвало всё внутри больно. — Я раньше утру радовался, потому что бессонница эта и внутри порядок тупой, что можно теперь не пытаться уснуть. А сейчас — я ненавижу утро, Тёрк. Потому что мир рушится, когда она уходит. Это безумие?

— Не знаю, Рэтар, — вздохнул старший брат. — Может любовь?

Феран невесело ухмыльнулся.

— Я ночью просыпаюсь и накатывает беспокойство, что чувствую её рядом, а она не настоящая, глаза открываю, смотрю, как спит, и схожу с ума, потому что это разве может беспокойство приносить счастье? И я не понимаю, а как я раньше был без этого? Не без женщины, Тёрк, а именно без этой женщины.

Брат кивнул, повёл головой, понимал, Рэтар знал, что понимал.

— Меня разрывает на части, когда она не со мной рядом, а где-то там, — и он кивнул в сторону дверей, — а она мне говорит — подожди, Рэтар, это пройдёт. Ещё немножко и я перестану мучить тебя. Завтра тебе станет легче. И она говорит это с такой болью, Тёрк, словно живёт этим ожиданием, что завтра наступит и я сломаю её, расколочу вдребезги... она мне это говорит и я вижу, как она в этом тонет. А я просыпаясь, не открываю глаз, слушаю её дыхание, тепло это рядом... и страшно. И она молчит, я сегодня видел, что могу узнать, но она закрылась, а я побоялся дожать. И я хочу понять, узнать, что с ней такое случилось, что разбило её так, но безумно страшно, потому что я не вынесу её боли, свою могу, а её нет.

— Тогда жди, — ответил Тёрк. — Ты умеешь. Ты терпеливый. Если не можешь доказать словами, то у тебя есть время... если завтра, которое она ждёт, не наступит завтра, или ещё через день, или через лунь, или через тир, два, пять, десять, сколько отведено? Может ты сможешь доказать ей, что не надо ждать. Или, если это завтра придёт, то она будет права. И значит ты её разобьёшь, сломаешь. Ты не можешь ничего поделаться с тем, что было с ней там, в её прошлой жизни, но ты отвечаешь за то, что сейчас. Делай, делай её счастливой. Можно бесконечно потом о чём-то сожалеть, но сожалением ничего не исправить.

Они помолчали, потом Тёрк ухмыльнулся:

— А то будешь, как Роар. В воду нырнул, а вынырнуть не получилось. Вытащили его, а он до сих пор не понял, что произошло, — мужчины ухмыльнулись.

— Элгор тоже влюблён в белую ведьму, — проговорил Рэтар.

— Что? — уставился на брата Тёрк. — Вы ошалели все, что ли?

— А ты нет? — спросил Рэтар став, серьёзным, но старший брат выдержал его тяжёлый взгляд.

— Я никогда не скрывал своих чувств к Хэле, — возразил Тёрк. — И если бы ей нужен был я, если бы я почувствовал от неё разрешение идти дальше, то я не стал бы, как ты, ждать, чтобы Хенгу её к себе прибрал почти. Я бы бросил всё и забрал бы её. И от себя бы не отпустил, хоть миру конец бы пришёл. Я терял. Второй раз не допустил бы.

Рэтар знал эту угрозу, знал также, что Тёрк пытался добраться до Хэлы... в благословение Тэраф Рэтар почти её потерял. Он знал, что если бы Тёрк добился от неё взаимности, то он бы действительно забрал бы ведьму и Рэтар не смог бы его остановить. Феран порвал бы связь слова, отпустил бы Хэлу.

— Но она твоя, — пожал плечами брат. — С этим глупо спорить. Поэтому я просто буду тем, на кого она может положиться, если плохо будет. Буду её семьёй. Тем, кто за неё в ключья даже ферана порвёт.

— Порвёт?

— Из последних сил, Рэтар, из последних...

Они сцепились взглядами. Потом Тёрк ухмыльнулся, а Рэтар кивнул.

— Чтоб меня, — фыркнул брат, становясь самым собой. — Элгор тоже умом поплыл? Откуда ты знаешь?

— Хэла сказала, — ухмыльнулся феран.

— А может ещё кто? — спросил Тёрк веселясь. — Не сказала?

В комнату зашёл Брок.

— Достопочтенный феран, Тёрк, — поприветствовал он мужчин.

— А ты, малец, может тоже ведьму любишь? — спросил командир грозно и Брок обомлел, выражение лица стало ошалевшим, он в ужасе глянул на ферана, видимо предположив, что ввиду имеется Хэла.

— Ты с ума сошёл, танар? — выдавил он из себя.

— А что, она девка, ох, вкусная, — бухнул Тёрк, — маленькая такая, светленькая, ладненькая, да и возраст у неё с твой, нет?

— Ты про белую что ли? — удивился Брок, но тут открыл рот понимая, что лучше бы догадку оставил при себе.

— А ты про чёрную? — Тёрк встал.

— Я не... отец, я не... — Брок глянул на Рэтара полными ужаса глазами и поправился. — Достопочтенный феран.

— Тёрк, хватит, — мотнул головой феран, улыбаясь и давая понять сыну, что всё хорошо.

— А что? — брат глянул на него.

— Слушай, Тёрк, если ты не выспался — то иди отдохни, а? — но тут Брок сам перешёл в нападение. — Я как раз пришёл тебя сменить.

— Он переспал, — отозвался Рэтар, ухмыльнувшись.

— Что? — возмутился Тёрк.

— Всю ночь храпел на привале, — он головой кивнул в сторону дивана, — скажешь нет?

Старший брат хотел что-то сказать, потом примирился с тем, что его подловили и поправил:

— Не всю!

Все трое рассмеялись.

— Ну, раз поспал, — Рэтар встал из-за стола. — Давай, покажи мне, как ты там ферана

рвать собирался, а?

Тёрк ухмыльнулся и вышел в коридор.

— Я хотел завтра уйти чуть раньше, можно? — спросил Брок, когда Рэтар почти вышел в коридор за братом.

— Благодарность?

— Да, я привык, как Тёрк, каждый тир, — кивнул юноша.

— Хорошо, — улыбнулся Рэтар сыну.

— А ты будешь или? — парень ступевался.

— Да. В этот раз мне есть за что поблагодарить, — ответил феран.

— За Хэлу? — улыбнулся Брок, но тут же понял, что перешёл черту, испугался и замялся. — Прости... а... простите, достопочтенный феран.

Юноша склонил голову в почтении.

— За Хэлу, — прошептал Рэтар, улыбнувшись, потом положил руку юноше на плечо и сжал его. — И всё хорошо, не переживай. Пойдём, тебя тоже погоняю.

Сын поднял на него глаза полные радости и согласно кивнул.

— Как птенец там твой? — спросил феран, выходя в коридор и махая страже, что могут идти.

— Хорошо, — отозвался Брок. — Пухом покрылся весь. И он не мой, а Хэлы.

— Неужели? — ухмыльнулся Рэтар. — А мне кажется определённо твой.

Спустившись вниз и пройдя по коридору, феран краем глаза заметил сидящего у Миты Роара:

— Роар, хватит в юбки мамки рыдать, — прижал он тана. — Давай, тащи сюда свою несчастную задницу!

— А? — с вопросом отозвалась Мита, но Роар уже выскочил в коридор, совершенно не понимая того, что происходит.

Во дворе всё ещё лежал снег, за ночь его немного подморозило, поэтому верх покрылся коркой, хрустящей под ногами, но сейчас мороз стал отпускать и снег становился мокрым. Рэтар слепил слик и с силой швырнул его в голову Элгора, стоящего на другой стороне двора, у входа в харн, разговаривающего с наложницей.

Бронар взвился, ругнулся, но обернувшись и увидев, что снег в него кинул феран, сдержался.

— Иди сюда, страдалец, — ухмыльнулся Рэтар.

В этот момент возле загона с харагами взвизгнула радостно Хэла, все обернулись на неё, а она в этот момент сгребла в объятия старшину, который стоял совершенно не в себе и с ужасом смотрел на ферана. Хэла поцеловала парнишку в щёку, потом обернулась и радостно помахала своим кисетом. Потом нахмурилась, обвела всех мужчин озорным взглядом:

— Батюшки, — всплеснув руками, усмехнулась она. — Сегодня у нас полный парад планет? Надо же, с утра пораньше, с такой радостью все хотят, чтобы им достопочтенный феран навалял! Молодцы какие!

Рэтар улыбнулся, на мгновение зацепившись с ней взглядами, — моя, родная моя, не пройдёт, не пройдёт, слышишь? Потом кивнул и отправился на тренировочную площадку.

В этот раз Тёрк был совсем злым, как показалось Рэтару, он кажется действительно попытался доказать, что может “порвать ферана”, но пока не получалось или просто не было повода, а если будет, то может и выйдет чего, да и если будет повод, то сопротивления Тёрк

не встретит.

Роар, Брок, Элгор, Мирган, а потом и присоединившийся Гир, стараясь доказать, что могут хотя бы надеяться, что измотают его и в итоге смогут просто немного задеть, нападали по очереди один за другим, остальные же командиры кажется больше одного раза даже не пытались попадать под мечи фэрана, хотя упрямые и отчаянные были и среди них.

Правило было простое: пропустил удар — убрался в конец. Так над ними мальчишками отец издевался. Рэтара было сложно достать, особенно, когда у него в руках было два меча. Это бывало редко, но сегодня видимо раздирали все эти мысли, события, тревога дошла до предела его человеческого терпения и он себя отпустил. Неважно, что завтра все они будут с синяками ходить, сейчас ему надо, а они пусть не подставляются.

Внезапно перед ним оказался Шерга, вот уж совсем зря, потому что несмотря на то, что тот был хорошим мечником, до фэрана ему было очень далеко, а учитывая все обстоятельства, в которых Рэтару приходится сейчас тонуть, пытаюсь понять, что происходит, и виновником, по крайней мере части этого дерьма был именно Шерга... очень даже зря.

Унизить Шерга получилось достаточно легко — хотя бы так, потому что иначе пока не получалось прижать, вот этот унижительный удар от меча фэрана, плашмя, хлесткий, жёсткий, чуть ниже спины. Воины рассмеялись, а Шерга взвился и не ушёл. Но уж чего нельзя было сделать никогда — это поймать Рэтара со спины. И в этот раз тоже не получилось. Все разошлись, давая им пространство для манёвра в бою, и понимая, что больше развлечения сегодня не будет.

Шерга тоже взялся за второй меч, а фэран стал серьёзным, потому что раз попросился, то и получать будешь не в шутку. Несколько раз Шерга пропускал удары, один-два раза удары пропустил и Рэтар, но незначительные, хотя его это взъело, а у Шерга на лице появилось надменное выражение. В пылу боя они сошлись и брат, злой, взвинченный, явно проигрывающий, прошипел Рэтару в лицо, как можно тише:

— Я тут подумал, а может ты прав? — они разошлись и по позвоночнику поползла леденящая тревога.

Ещё пара выпадов, мечи сцепились снова, Шерга ядовито ухмыльнулся:

— Стоит попробовать чёрной ведьмы? — прошипел он так, чтобы никто не разобрал его слов, кроме фэрана.

Зверь внутри взвыл, пути сдерживающие его пошли треском, и Рэтар словно слышал этот звук, на фоне скрежета расходящихся мечей, так отчётливо слышал, словно вот сейчас его самого разорвёт и ураганом сметёт всё живое, потому что “не дам, не позволю, даже дышать с ней одним воздухом тебе не разрешу!”

Сил, держать себя в руках почти не осталось, они стояли друг перед другом и вот теперь уже точно всё выходило из под контроля. Рэтар глянул за спину Шерга и встретился взглядом с Хэлой. Она нахмурилась, чуть заметно мотнула головой и произнесла одними губами “не надо”.

Фэран втянул морозный воздух, моргнул и снова вернулся к Шерга, который даже не заметил, что он смотрел куда-то ещё, кроме него. А потом они снова сошлись и Рэтар выдохнул, ушёл от удара, сделал подсечку — Шерга потерял равновесие, один из мечей воткнулся в землю, а сам он сделал несколько вынужденных шагов вперёд, развернулся, и в этот момент Рэтар с силой метнул меч ему под ноги. Лезвие воткнулось в землю почти на треть как раз возле ног брата и тот, встретившись со ставшим спокойными и полным холода

взглядом ферана, остановился.

— Рискни. Я закажу тебе похоронную. Может быть, — сказал брату феран, когда подошёл, чтобы выдернуть меч.

— Хэлой тебя задел? — тихо спросил Тёрк, когда все разошлись, а Рэтар вылил на голову ведро ледяной воды.

Феран кивнул, вытирая лицо рукавом рубахи.

— Так и понял, — нахмурился брат. — Как ты остановился? Я уже видел, как мы его хоронить будем. А Дэшая вопить взывая к правосудию.

— На Хэлу посмотрел, — ответил Рэтар.

— Святая женщина! — они оба глянули в сторону лавок, где совсем недавно сидели белая и чёрная ведьмы.

Рэтар горестно усмехнулся, надевая куртку.

— Лучше скажи зачем?

— А я кажись знаю — из-за камня, — отозвался брат. — Хотел тебя довести, чтобы узнать держал ты в руках камень или нет.

— Брось, Тёрк, — с сомнением произнёс феран. — Ценой своей жизни хотел узнать? Я его и без камня-то едва не уничтожил, а если бы под заговором дело было...

— Достопочтенный феран, — покачал головой Тёрк и ухмыльнулся в бороду. — Неужели ты думаешь, что я тебе дал бы это сделать?

Рэтар нахмурился.

— Я как увидел твоё лицо, понял — всё, конец. Поэтому уже мысленно думал, как тебя остановить. Может ты ранил бы его, но убить. Я не дал бы.

— Думаешь смог бы меня остановить? — спросил феран, и Тёрк мотнул головой.

— Роар тоже тебя прочитал. И я дам руку сожрать харагам, если он не думал о том же, о чём и я. Да и Мирган тебя знает. Думаю втроём свалили бы тебя.

Феран рассмеялся:

— Ну-ну, — он вышел за пределы тренировочной площадки. — Пойду на реку схожу.

— Давай.

— Тёрк, — Рэтар обернулся.

— Да, достопочтенный феран, — отозвался тот.

— Если ты прав, то он будет искать камень.

— Угу. За харном посмотреть?

— За девочкой посмотреть, Тёрк, — покачал головой феран. — За Найтой.

— Так он наверное знает, что Шера у Найты камень забрала, — возразил старший брат.

— Посмотри за девочкой, Тёрк, — всё равно попросил Рэтар.

— Хорошо. Сделаю.

После ледяной воды в реке, стало немного легче. Не сильно, но легче.

Подходя к дому, он увидел бегущего в загоне алагана, который явно нервничал, видя снег под ногами. Подойдя к перекладинам феран цыкнул, привлекая внимание зверя. Тот остановился, повёл ушами и носом, потом медленно пошёл к мужчине.

— Нервничаешь? — спросил Рэтар, осторожно протягивая руку, чтобы алаган, если захочет, ткнулся в неё. — Снег сойдёт сегодня-завтра.

Зверь понюхал, фыркнул тёплым дыханием, с опаской ткнулся, вполне возможно уловив запах Хэлы. Потом сделал ещё шаг навстречу Рэтару и, внезапно замерев, вскинул голову в сторону дома, насторожился.

Рэтар прислушался. Хэла пела. Зверь обладал лучшим слухом и потому наверняка точно понимал, что это голос человека, которому он полностью доверял.

— Мне тоже тоскливо, что она там, а я здесь, — тихо отозвался феран. — Хотел бы я просто иметь возможность ни на что не оборачиваясь, подойти и сесть с ней рядом и просто слушать её пение, взять за руку...

Алаган глянул на него, словно с вопросом.

— А ты думал, что всё так просто? — вздохнул Рэтар. — Даже у тебя не просто, а у нас у людей и подавно. Я её подведу, если сделаю так, понимаешь? На себя мне плевать, я уже столько всего перетерпел, привык, а вот, если ей плохо, и я ничего с этим поделать не могу — знаешь как больно?

Зверь поддел лапой заснеженную землю и подошёл ближе.

— Хочешь поговорить? Давай, парень, я не против, — подняв вторую руку он попробовал положить её на шею алагана и тот подался вперёд, давая себя погладить.

Рэтар удивился, но виду не подал, чтобы не спугнуть животное. Он гладил его, одновременно прислушиваясь к пению Хэлы — слова он отсюда слышал плохо, но мотива было достаточно. Эту песню он знал. Рэтар улыбнулся и вспомнил, как она спела её ему впервые.

Это было в Зарне. Когда попала к ним, Хэла мучилась бессонницей, как и он. Не спала ночами, забиралась в один из зубцов башни над рабочей комнатой ферана, пела и иногда плакала.

Скорее всего она поначалу не знала, что он тоже не спит ночами и сидит в комнате над бумаги и иногда книгами. Однажды, видимо, всё-таки узнала и петь перестала, а вот плакать нет. Точнее она думала, что он не слышит её плач.

Хэла делала это так обречённо, тихо, беззвучно, даже всхлипывала, как будто про себя, глотая звуки. Просто сидела в темноте и холоде одна, и плакала. У Рэтара рвалось сердце. Ему было невыносимо жаль её и стыд за призыв сжигал всё внутри.

Тогда он как мог старался держать между ними расстояние, потому что его сводила с ума эта женщина — вот как увидел, как услышал, как обнял впервые... он кажется пропал сразу. Но списывая это на то, что призыв был сделан на его кровь, он делал так, чтобы как можно реже видеть её, желательно и слышать, избегал изо всех сил, чтобы отпустило. Но она была вездесуща.

Она творила всякие странные, по их меркам, вещи: почти покалечила одного из стражников, когда он в шутку прижал одну из домашних, а та от неожиданности разрыдалась; в другой раз уже домашние получили от ведьмы за то, что обидели Найту; а ещё Хэла чуть не убила супруга Миты за то, что тот как оказалось бил их стряпуху, когда что-то было не по нему. Роар тогда был взвинчен из-за этого, потому что Мита никогда и виду не подавала, что у неё такие нехорошие дела дома. И, к своему стыду, Рэтар тоже ничего не замечал.

И вся эта ведьмина деятельность вызывала столько суеты и шума, что волей-неволей ему приходилось вникать в происходящее, и конечно постоянно пересекаться с виновницей.

И каждый раз это было невыносимым испытанием. Её взгляд, жесты, манера говорить — Рэтара выводило из себя всё! И главное он безуспешно пытался понять, что Хэла на самом деле из себя представляет — не получалось.

А это пение так вообще уничтожало. То тем, что песни были откровенно неоднозначного толка и за них можно было и головы лишиться, то она пела что-то от чего

тоска хватала за горло и норовила утопить в боли и печали, которые накопились за всю прожитую жизнь. И хотелось или пойти и заткнуть, схватив за шею, или заставить не петь, а стонать от близости уже где-то в его постели. И мысли эти раздражали, были назойливыми, навязчивыми и контролировать феран себя не мог.

Поначалу, когда Хэла перестала петь, Рэтар обрадовался. Но молчание в течении нескольких ночей, а потом внезапный одинокий всхлип, делали его ещё более беспомощным и выводили из себя сильнее сотен её самых безумных песен.

И как-то феран не выдержал этой тишины, боясь снова услышать очередной проглоченный всхлип и осознать, что ведьма снова молчаливо плачет.

Рэтар поднялся к ней на башню. Хэла сидела в зубце, перед ней на полу стояла магический слик, немного разгоняя тьму, по крайней мере можно было рассмотреть мокрые от слёз лицо и глаза. И ему этого оказалось достаточно, чтобы дрогнуть.

Сколько слёз он видел в своей жизни? Слёзы вдов, сирот, оставшихся без дома стариков, жизнь которых разметала вдребезги война, воинов, которые теряли самообладание, оставаясь калеками, или теряя товарищей, братьев, отцов. Он привык. Ему не было всё равно. Нет. Ему было тяжело видеть чужое горе, но он травил в себе это чувство, потому что иначе просто сойдёшь с ума.

И вот после всего этого, Рэтар смотрел на эту призванную им женщину, которая так храбрилась днём, хмурилась и улыбалась, доводила всех вокруг до исступления своими смелыми речами с шутками или угрозами, а по ночам рыдала так тихо, чтобы никто не слышал и не видел, и его сердце разбивалось с оглушающим грохотом, а самообладание покидало, и надежды на то, что отпустит хоть когда-нибудь становилось всё меньше и меньше.

— Что-то не так, достопочтенный феран? — спросила она охрипшим голосом, но склонив набок голову, чем в очередной раз заставила его пожалеть, что поднялся, потому что — как теперь уйти?

— Ты перестала петь, — сказал Рэтар, стараясь хвататься за расстояние между ними.

— Я поняла, что пение напрягает достопочтенного ферана, — ответила Хэла. — Мешает спать.

— Не мешает, — ответил Рэтар, грубее, чем хотел. — Пой, несносная ведьма, лучше пой.

“Лучше пение, чем плач”, — хотел сказать он, но не стал, потому что уж она имела полное право рыдать во всю, и то, что делала это вот так украдкой, чтобы никого не побеспокоить, заставляло испытывать к ней уважение.

Он развернулся, чтобы уйти, но Хэла запела:

— Вертись-вертись, мое колесо,

Тянись-тянись, шерстяная нить,

Отдавай, мой гость, мне мое кольцо,

А не хочешь если — совсем возьми.

Отдавай, мой гость, мне мое кольцо,

А не хочешь если — совсем возьми. [1]

Рэтар развернулся и встретился с этим невообразимыми, полными бездонной печали глазами чёрной ведьмы. Она всегда смотрела на него открыто и прямо, никогда не отводила взгляд, всегда была готова к тому, что феран имеет право наказать её. И этим Хэла была прекрасна и у него никогда не поднялась бы рука наказать её, Рэтар понимал это. Он тонул в

этих глазах. Сходил с ума и тонул.

— Я себя сегодня не узнаю,

То ли сон дурной, то ли свет не бел.

Отдавай мне душу, мой гость, мою,

А не хочешь если — бери себе.

Отдавай мне душу, мой гость, мою,

А не хочешь если — бери себе.

Звон стоит в ушах и трудней дышать,

И прядется не шерсть, только мягкий шелк,

И зачем мне, право, моя душа,

Если ей у тебя, мой гость, хорошо.

И зачем мне, право, моя душа,

Если ей у тебя, мой гость, хорошо.

Пока она пела, взгляды их были сцеплены намертво и боги свидетели Рэтар был одной ногой за чертой, той самой которую переступил безвозвратно уже намного позднее.

Хэла допела, а он прочистив горло, пожалел, что под рукой нет ведра ледяной воды, тихо произнёс:

— Иди спать, несносная моя ведьма, — она склонила голову набок, потом улыбнулась и кивнула, а феран развернулся и ушёл.

И до сих пор не понимал, как у него это тогда получилось.

[1] Мельница "Рапунцель"

— Достопочтенный феран!

— Уважаемый маг, — отозвался Рэтар, не отрывая взгляда от алагана, который услышав приближение чужого вздрогнул и отбежал на безопасное расстояние.

— Алаган? — удивился Зеур.

— Как видишь, — ответил феран.

Маг повёл головой, проследил за движением зверя.

— Ты не сообщил мне, что ведьма не просто выжила, но и пришла в себя, — Зеур встал возле ферана, лицом к нему и боком к перекадинам ограждения. — Бодрa, весела и всё так же ядовита на язык.

— Ты сказал не трогать тебя, разве нет? — феран старался говорить отрешённо, но присутствие Зеура его напрягало.

— Разве? — тот повёл бровью. — Мне кажется я такого не говорил.

— Значит ты думал, что я столько дней удерживаю её жизнь нитью?

— Вы Гораны безумны.

Рэтар пожал плечами. Он не доверял магам, потому что магия была уделом избранных и все они, постепенно утопая в этом знании, становились надменными, поддавались заразе тщеславия и презрения ко всем другим людям к магии не причастным.

Гораны всегда искали магов среди своих, впрочем как и многие другие фернаты. Свои просто как-то ближе и понятнее.

Так получилось, что Зеур был вхож в их семью. Он с братьями рос с детьми дома — Риваном, Роаром, Эларой, Элгором. Когда тогдашний их маг, увидел в мальчике потенциал и забрал его в башню магов для обучения, было понятно, что парень, став магом, скорее всего будет служить Изарии, а не какому-то другому фернату. Это случилось, когда фераном был Рэтар.

Зеур был достаточно молод, но талантлив и сейчас его знания и умения были чуть выше среднего, и вполне возможно, что он станет ещё сильнее. Но даже его дружеская привязанность к дому Горан не делала отношение самого ферана более доверчивым.

— Одно тело наложницы чего стоит, — добавил маг, когда Рэтар ничего не ответил на замечание о безумие его семьи.

Ферана передёрнуло.

— Тёрк надеюсь сказал, что об этом не нужно никому говорить? — поинтересовался он, хотя точно знал, что старший брат об этом Зеуру сказал.

— Сказал, — подтвердил тот. — Здесь никого кроме нас нет. Иначе я промолчал бы.

— По делу пришёл? — спросил Рэтар, не имея желаний разговаривать.

— На наложнице был заговор, — маг скрестил руки на груди. — Злющий такой, от чёрной ведьмы, и я решил проверить, что тут происходит.

— И как мы тебе? — спросил феран.

— Да лучше некуда, — ответил Зеур. — Но раз ты не удивлён заговору на своей девке, значит, знал о нём. Работа Хэлы?

Рэтар хмыкнул, но промолчал, предпочитая не отвечать.

— Зацепила тебя эта баба, серьёзно? Впервые видел, чтобы ты так над кем-то убивался. Себя не жалея... силу в почти мертвую, — маг обречённо мотнул головой. — Не стоит в это лезть — ведьмы народ сложный.

— А маги простой? — разговор принимал неприятный оборот.

Зеур усмехнулся.

— А вот этого не надо, — но усмешкой скрыть раздражение он не смог, — не равняй магов с чужой, пришлой грязной кровью ведьм.

Внутри Рэтара рванула злость, но он сдержался.

— Слушай, я тут подумал, — Зеур заговорил спокойнее, попытался заглянуть в лицо ферану. — Рэтар, а давай я её заберу.

Феран нахмурился, встретившись с магом взглядами.

— Не нужна тебе такая, — повел головой Зеур. — Слишком она... не знаю... странная, неправильная.

— А есть перечень правильности и привычности призыва? — феран отвёл взгляд, сосредоточившись на наблюдении за алаганом.

— Нет, просто, ты пойми, ну вот даже то, что она вернулась из-за грани, — покачал головой маг. — Как она Роара вылечила — странно. Эрона, ребенок её. Не дело это чёрной.

— Ты расстроен, что она не убила ещё никого? — спросил Рэтар.

— Я боюсь, что когда она начнёт, — и он покачал недовольно головой. — Её уже ничто не остановит...

— Зеур, — вздохнул феран.

— Рэтар, нет, — перебил его маг, решительно, теряя осторожность. — Правила призыва едины, не бывает по-другому. Она опасна, потому что непонятна ни природа её силы, ни сколько в ней её, понимаешь? Давай я заберу, ничего я не буду с ней делать, оставлю у себя, попробую понять.

И он замолчал на мгновение, ожидая реакции Рэтара, но феран затаился.

— Зачем тебе такое внутри семьи, зачем так рисковать? — и маг кажется хотел положить руку ему на локоть, но остановил себя. Придвинулся ближе. — Она сейчас хорошей пытается быть, а в другой момент потеряется, выведет её что-то из себя и всё.

Давай на кровь Элгора призовём новую чёрную ведьму. Я сам сделаю всё, поищу получше, потому что явно те, кто работу тебе делал, сделали её очень плохо.

— Меня всё устраивает, — ответил Рэтар.

— Достопочтенный феран, ты не слышишь меня? — Зеур начал терять терпение. — Я как друг говорю, прошу! Чего ты вцепился в неё? Что в ней такого? Всех тут перекрутила тебе. И тебя перекрутила. Ты, что и вправду её к себе в постель затащил, как тут поговаривают простые? Рэтар... Поэтому не отдаёшь? Всесила! С ума сошёл?

Маг взвился, а алаган испугавшись убежал на другой конец загона. Зеур помолчал, пытаясь найти слова и доводы, тяжело вздохнул.

— Думаешь справишься с ней из-за этого? — спросил он, унимая свой гнев. — Это так не работает. Ты подумай сам. Ладно, если она так уже внутри сидит — не вопрос. Бывает. Понимаю. Ты не первый, не единственный и не последний. Все мы живые, и как оказывается даже ферана Изарии Рэтара Горана можно зацепить, но тем более, тогда надо от неё избавиться тебе.

Зеур сощурился и кажется полез в голову ферана, несмотря на то, что ему было это запрещено.

— Чем дальше будет от тебя, тем лучше! — заговорил маг вкрадчиво и спокойно. — Если тебе сама баба нужна, то я же не убивать её буду, приходи, когда хочешь, пока будет к ней тянуть, и делай, что там тебе хочется. А как отпустит, то ты же понимаешь, что все женщины одинаковые, не умеют они спокойно расставания переживать, а тут ещё такая силища в ней. Коли будет здесь и ты её обидишь чем, заденешь, ты хоть понимаешь, что она натворить может?

Рэтар молчал, внутри бурлило, рвалось, кипело. Внутри была яростная буря. И он держал себя в руках, потому что вот сейчас никак нельзя было показать свои чувства, никак нельзя было выйти из себя и потерять хладнокровие. Потому что магам доверять нельзя.

— Чёрные ведьмы лживый, злой народ, проклятый, — продолжал давить Зеур. — Если она тебе говорит сладко, это не значит, что так оно и есть на самом деле. Они не чувствуют, нельзя от них ждать любви, нежности, ласки, вот этого простого человеческого. Нет в них этого! Всё ложь. Она в душу залезла — отравит, изведёт, как только слабину дашь. Будет тянуть силу из тебя, пока не вытянет всё без остатка. Не ведись на это, кто угодно может в это влезть, но не ты. Я же просто прошу, одумайся, решение можно принять не сразу, но и не тяни. Слышишь?

Рэтару очень хотелось Зеура придушить. Вот несмотря на то, что знал его с детства, несмотря на то, что парень не раз помогал, несмотря на то, что полагались на него и он приходил на зов, порой даже себе во вред — сейчас внутри бурей выло желание заткнуть его, уничтожить, чтобы не слышать больше всего этого, потому что задевало, злило, рождало неконтролируемый гнев. Зверь внутри начал шевелиться, рычать, потому что — что ты стоишь и слушаешь всё это, разорви и дело с концом.

Рэтар стиснул зубы.

— Ладно, — отозвался Зеур, который если и не переступил через запрет и не полез к своему ферану в голову, то наверняка почувствовал внутренний гнев главы дома. Наверняка правильно оценил исходящую от Рэтара угрозу. — Потом не говори, что я не предупреждал. Когда вокруг тебя трупы будут лежать, а ты будешь стоять, смотреть на это и понимать, что сделать ничего уже нельзя. Потом её остановит только смерть. Дело твоё. Вот что скажу. Она плетёт небесную нить.

Феран дёрнул головой произвольно, хотя хотел и дальше стоять и не реагировать на слова мага, но тут не вышло.

— Не знал? — усмехнулся Зеур. — Вот и верь чёрным ведьмам после этого. Смотри, чтоб ты понимал.

Маг достал из внутреннего кармана куртки моток небесной нити. Рэтар посмотрел на неё исподтишка, глянул наискосок, чтобы не давать понять магу, насколько его этот факт удивил и озадачил.

Нить была яркой, красивой, состояла из двух основ — феран никогда такого не видел. Нити были делом редким, самой дорогой материей в их мире. У всех магов они состояли из одной основы, но различались по цветам, оттенкам, а ещё толщине, по этому всему можно было определить какому магу та или иная нить принадлежит. При творении магии с использованием нити, она оставляла свой неповторимый след, который с помощью магов тоже можно было потом усмотреть.

И Рэтар никогда не слышал, чтобы ведьмы плели нить, любые хоть чёрные, хоть белые.

— Она мне её отдала, чтобы, как она сказала “не быть мне должной”. Хотя я и сказал, что не должна она мне ничего. Но дело не в том, что ведьмы нити не плетут. Обычно. Дело в другом — знаешь, почтенный феран, сколько времени мне нужно, чтобы вот такой моток сплести?

— Откуда мне знать, — ответил он.

— Лунь, Рэтар! — почти рыкнул Зеур. — Если ничего не буду делать и только плести, то может мирт пятнадцать. А она сплела, пока песню пела, и потом со мной парой фраз перекинулась! Ты конечно на это можешь сказать, что я не самый сильный маг, но вот тебе тогда — первый маг плетёт такой моток в течении десяти мирт. Десять мирт сильнейшего мага башни против незатейливой песенки с десятков строк от твоей чёрной ведьмы!

Маг качнул головой, убрал нить.

— Я просто прошу, — вздохнул он и Рэтару показалось, что во вздохе была обречённость. — И ты конечно можешь мне отказать, но есть же те, почтенный феран, кто может тебя заставить! Против кого ты не сможешь и слова сказать. И вот мой тебе совет — нельзя ей вот так открыто плести нить, и, богами тебя заклинаю, раз так она тебе нужна, то не показывай саму ведьму ни первому магу, ни великому эла. Потому что, если я не прав и ты с ней сможешь совладать, когда в ней проснётся тяга к смерти и убийству, а она проснётся, подожди немного, подожди и ты начнёшь тонуть в крови, скоро! В любом случае, если они увидят её, они не будут спрашивать, а просто заберут. Прикажут и ты отдашь.

Почти весь изар феран пытался просто понять, как ему быть. После разговора с Зеуром, внутри было столько всего, что хотелось просто перестать дышать на какое-то время, хотелось, чтобы стало тихо вокруг и в голове.

Рэтар ходил в селение, ходил на мёртвую землю, спустился оттуда к реке, перешёл и ушёл далеко за неё, в леса и всё никак не мог уняться, внутри всё горело, полыхало сотнями вопросов и чувств.

Он верил Хэле, верил. Но вот эти слова мага всё равно кусались и распространяли яд сомнения и “а вдруг ошибся, вдруг так помутился разум от того, что наконец сделал её своей, после такого мучительного и долгого ожидания и борьбы с собой, что не заметил её ложь”? Вдруг вся эта её боль внутри оттого, что она его обманывает, или это не боль, а он так видит неправильно? Что на самом деле нет в ней тяги к нему, вдруг прочитала его вдоль и поперёк, знает всё о его жизни, просто не говорит, просто вида не подаёт, а умело

управляет его чувствами?

Почему не сказала про нить? Почему? Боги... но она же сняла с него заговор. Сняла? А он был? Но голова больше не болит, вот сколько всего за это время навалилось, и в другое время он бы уже не мог вздохнуть от боли, а тут нет.

И заговор на серките. Ведь он же был. Мысль, что сама Хэла его и наложила, была какой-то просто невыносимой. Нет, нет. Зачем? Откуда? Как? Шерга дал ей камень? Ничего не вышло и пришлось исправлять? Шерга и Хэла?

Это было каким-то болезненным бредом. Но мысль уже появилась и теперь грызла и разъедала себе всё больше места, ища доказательства и, когда стало совсем невыносимо, Рэтар уже сам не понимал, где что у него в голове и как с этим всем быть.

Вернувшись в дом уже в середину тэраф и пройдя к себе в рабочую комнату, он обнаружил внутреннюю дверь в спальню открытой. Встав в дверях, он увидел на столе нетронутый обед, а Хэла сидела на диване спиной к нему. А внутри всё росло что-то ледяное и жуткое, размножалось на глазах, утаскивая в пустоту сумрака щемящей и всё сметающей ярости.

— Рэтар? — позвала ведьма, не оборачиваясь. — Ты где был?

Феран не ответил, а она повела плечом и вздохнула.

— Вообще ужасно вот так поступать, — возмутилась ведьма. — Я между прочим начала волноваться, когда просидела за столом в одиночестве столько времени, не могла понять где ты и искала, чтоб ты знал. И не ела, потому что кусок в горло не лез от волнения. И это твоя идея была меня кормить, сам хотел, а теперь хватило на один раз? А я столько всего тебе сказать хотела, а ты...

И ведьма фыркнула, повела теперь головой.

— Я между прочим нить сплела, представляешь? Я бы ещё плела, она прям из меня лезла и так становилось хорошо, но малохольный меня сбил. Я ему моток отдала, я знаю, что ты ему заплатил, что он меня вылечил, но не хочу быть должной. Но ты же с ним говорил? — и она замерла, словно прислушиваясь к нему, а его раздирало и он не мог даже выдохнуть. — Он же к тебе приходил, да? Рэтар, ты чего молчишь... или я опять говорю слишком много? Что-то случилось? Рэтар?

Хэла обернулась, встретила с ним взглядом и...

Наверное никогда он не сможет простить себе этот момент. Потому что так нельзя поступать с тем кто тебе дорог, так непростительно делать, когда знаешь, что она физически чувствует то, что у тебя внутри.

Рэтар вывалил на неё всю свою ярость, молча, с холодом и ненавистью, которая в сущности была даже не на неё направлена. И этот ураган причинил ей такую боль...

Она дрогнула, моргнула, зажмурилась, из глаз потекли слёзы... с трудом встала и пошла к двери. Нет, не пошла, Хэла была словно противник уходящий с поля боя, поверженный, но не до конца, а внутренний зверь воет и требует добить...

“Кого добить, Рэтар? Кого? Ты без неё дышать не можешь, ты что творишь?” — как наотмаш ударило пониманием, он пришёл в себя.

— Хэла? — прохрипел Рэтар отчаянно и надломлено.

Ведьма склонила голову, сжалась, словно ожидая ещё одного удара, последнего, который её добьёт.

— Стой, Хэла, родная, — прошептал феран и всего четыре шага к ней, её беспомощная рука на ручке двери, и она не успела уйти.

Когда он её обнял, а Хэла ещё раз вздрогнула, задрожала, всхлипнула...

“Сломаешь, разобьёшь вдребезги... И этого она ждала? Это ты, Рэтар, и натворил!”

— Прости меня, Рэтар, прости, — прошептала она. — Прости, отпусти... не надо больше... я не знаю за что, но я больше не буду... отпусти...

— Хэла, за что, за что ты просишь прощения? — выдавил он, не понимая, но внутри был страх, что а вдруг всё же маг был прав. Мерзкий, липкий страх.

— Не знаю, — всхлипнула ведьма. — Я сплела нить, я не должна была, да? Прости, я больше не буду. Я отдала её магу, прости, я не знала, что не должна была. Я влезла между тобой и Шерга сегодня — я не имела права... прости... прости меня, прости, что я такая... я больше не буду, я не сделаю больше ничего, только не надо так...

И это всё было полно такой искренности, такой хрупкости — Хэла была сейчас ребёнком, который просил прощения за всё подряд, что натворила... только вот это всё было таким простым, таким ничтожным. А Рэтар так с ней жестоко поступил, потому что повёлся на слова мага.

— Моя хорошая, родная моя, нет... Это ты прости, я не хотел, я не знаю, больно? Прости меня, — прижимая её к себе, он говорил это как заклинание, потому что не простит, такое не простит... потому что ничего не сделала плохого, это он сам, только он сам...

Всего несколько дней назад они стояли вот на этом самом месте и он чуть не убил её. Сначала вытащил с того света, а потом чуть снова не убил.

И это не Хэла, это он утянул её с собой в бездну. Да она изводила его, но она не просилась к нему в постель, более того она по сути сказала “нет”, потому что надеялась, что он не пойдёт на то, чтобы дать ей право быть ему равной в близости. Она хотела его так же как он её, но она держала расстояние. Держала. Потому что нельзя, потому что она пострадает сильнее его, боги, ей достанется за эту близость сильнее, чем ему, но вот она... дрожит в его руках и не от возбуждения, а потому что он под влиянием слов мага раздул яростное пламя подозрений, сомнений, презрения...

“Они не чувствуют, нельзя от них ждать любви, нежности, ласки, тепла простого человеческого”, — когда маг это сказал, Рэтар его чуть не убил, а после поверил в эти слова, хотя не было в его жизни никого настолько же любящего, трепетного, нежного, ласкового, тёплого...

Что он натворил?

— Хэла, послушай меня, Хэла... — он нагнулся к ней, встретившись с затравленным, полным слезами взглядом. Стало страшно её потерять. — Прости меня, если сможешь, Хэла, прости. Хорошая моя, родная! Я знаю, что ты не веришь в никогда и всегда, и в меня сейчас веру потеряла, но я тебе скажу, что чтобы не произошло между нами, я всегда, Хэла, всегда буду на твоей стороне, слышишь? И я клянусь тебе, я никогда не предаю тебя. Не верь, если тебе так подумается вдруг, если тебе покажется, если тебе кто-то это скажет — не верь, Хэла! Обещай мне, пообещай, прошу тебя!

— Обещаю, — выдавила она из себя с трудом.

— И плети нить, Хэла, плети, сколько хочется, если хочется плети, моя хорошая, только не говори никому и не показывай, что умеешь, хорошо?

Она кивнула.

— И прости меня, прости меня. Я сделал тебе больно, я усомнился в тебе, но я верю тебе, Хэла, я верю тебе. Прости... если сможешь, — Рэтар стал целовать её мокрое от слёз лицо: глаза, щёки, нос, губы, — Ты моя ведьма, Хэла, моя, только моя, прости, прости меня,

нежная моя, ласковая, мягкая, тёплая, настоящая, живая, Хэла... — как в горячке, — несносная моя ведьма, Хэла...

Он не знал, что ещё можно сделать, чтобы ей стало легче — у него было только это...

— Болит? Сильно? — спросил Рэтар обнимая ведьму, сидящую у него на руках.

— Уже нет. Отпустило, — прошептала она.

— Простишь меня? — никогда не было в нём столько надежды. — Я не сдержал себя, я не хотел делать тебе больно, прости.

— Простила, — шепнула она и поцеловала в плечо.

— Спасибо, — и столько облегчения.

Утро было тревожным. Рэтар встал засветло — побрил голову и сбрил бороду. Прислушался. Хэла заворочалась в постели и кажется снова уснула. Сложив волосы в обрядную ткань и положив сушёные цветы труги и хлисссы, он подготовился к костру.

Выйдя в комнату он заметил, что ведьма проснулась и лежала шурясь в окно, где уже показались первые лучи восходящего Изара.

— Что там? — спросил он, забираясь к ней.

— Изар встаёт. Ох, — она повернула к нему лицо и засмеялась. — Уже?

Феран кивнул.

— Ну, а я хотела посмотреть и покомментировать процесс, — надулась ведьма.

— Думаю это закончилось бы ещё парой свежих шрамов, — засмеялся Рэтар. — Прости.

— Вы что-то слишком часто стали прощения просить, достопочтенный феран, да ещё и у чёрной ведьмы, — промурлыкала Хэла, подтягиваясь к нему.

— Виноват, вот и прошу, — ответил он.

— А шрамы я заговорила бы, — улыбнулась ведьма. — Поцеловала бы и всё прошло.

— Вот же, теперь мне не достанется поцелуев? — сощурился феран.

— Я не решила ещё, — промурлыкала Хэла, потянувшись, и Рэтар притянул её к себе, поцеловав.

— Зато я решил.

— Как я могу спорить? — тепло её ладони на щеке было таким приятным. — Так необычно.

— Хочешь, могу ходить и без бороды, — предложил он.

— Нет, не надо, — засмеялась Хэла. — Я привыкла, и ты с ней суровее, а для ферана это же как... хм... рабочее лицо?

И Рэтар тоже рассмеялся.

— А что теперь? — спросила ведьма.

— Теперь в ткань серкиевого цвета, — начал феран.

— Жёлтого? — уточнила Хэла.

— Наверное, — пожал он плечами. — Туда сухие цветы хлисссы, труги...

— Ой, гениально, это самый пахучий сухоцвет, который тут есть, — проговорила ведьма. — Горящий, он перебьёт запах горелых волос, да?

— Да.

— И дальше?

— А дальше в очередь к главному костру, — кивнул в сторону селения Рэтар.

— А у тебя нет блата? — спросила она, а феран нахмурился новому слову. — В смысле, ты не можешь пройти без очереди?

— Нет, — усмехнулся Рэтар. — В благодарности все равны.

— Так можно весь день стоять, — буркнула ведьма недовольно.

— Не страшно, я бы и десять отстоял за тебя благодаря, — шепнул он, а Хэла покраснела.

— Дурень ты, достопочтенный феран, — фыркнула она, смущаясь, — нашёл за что благодарить, ей богу!

Рэтар рассмеялся, поцеловал её над ухом.

— Хэла, — вспомнил давний вопрос. — А что такое “парад планет”?

— О, это очень крутое астрономическое событие, — ответила она. — Ну, в моём мире. Это когда определённые небесные светила сближаются в небе и получается ощущение, что они встают в один ряд. Помнишь мы гуляли и я тебе рассказала про принцип движения своей планеты вокруг нашего светила?

Он кивнул.

— Так вот, есть ещё несколько планет, которые так же вращаются вокруг Солнца и раз в какое-то там огромное количество лет могут встать в типа линию. Я в этом не сильна, правда, — пожалала она плечами. — Названия этих планет — имена древних богов. Меркурий — бог торговли, Венера — богиня любви и красоты, Марс — бог войны, Юпитер — бог громовержец, Сатурн — бог земледелия, Уран — бог неба, Нептун — бог вод. И ещё был Плутон — бог подземного царства, но в конечном итоге учёные сняли с этого небесного тела статус планеты.

— Отлично, — ухмыльнулся Рэтар. — Я в твоём параде Марс?

— Нет, — она нахмурилась, потом повела головой. — Марс — Роар. Элгор — Меркурий, Тёрку думаю подойдёт быть Сатурном, Гир, например Уран, а Мирган — Нептун, и даже для Шерга место смотри есть — планета, названная в честь бога смерти, которая больше не планета. Та-да-ам! А ты Юпитер. Бог громовержец, главный бог. И ещё у планеты есть отметины и спутников тьма.

Хэла провела ладонью по шраму, а феран хмыкнул.

— И какие там отношения у Юпитера с Венерой?

— Ты с ума сошёл? Не вмешивай меня в это, — она рассмеялась. — И какая из меня богиня красоты и любви?

— Хэла, ты красивая, — и Рэтар так давно пытался это в ней понять, но никак не получалось. — Ты безумно красивая!

— Это ты один так считаешь, потому что у нас химия, — фыркнула она очередное незнакомое ему слова и качнула головой, явно смущаясь.

— Я не понял, про причину, но я не один так считаю, — возразил феран. — Если бы считал один, боги, я был бы счастлив! Но все, все они, Хэла, меня это с ума сводит, что... почему ты сама не видишь этого, почему тебе надо говорить очевидное?

И Рэтар заглянул в её лицо.

— Когда ты выходишь в коридор, меня уже распирает ревность, я хочу затащить тебя назад, потому что все стражники тебя считают красивой, все мои братья считают тебя красивой, Роар считает... боги! Но ты не считаешь? Почему?

— В моём мире всё не так, — отозвалась она, пожав плечами, — у нас культ тела. Табу на неправильную грудь, пухлые животы, не накаченные задницы. И всегда разные требования — ну, то есть, когда у меня была ничего так задница, то не тянула грудь, когда грудь была огонь — задница, живот, руки, ноги, лицо и вообще всё постоянно так. Хотя Милка вон отличная.

— Я не заметил, что она счастлива или считает себя красавицей, — заметил феран. — Такое впечатление, что она вообще себя боится. Тогда в чём смысл? И вообще как можно говорить о... не знаю... Разве люди в твоём мире одинаковые?

— Нет, разные, — ответила Хэла. — Но ты прав в одном — страдают все одинаково и то, что ты имеешь идеальное тело не означает, что ты имеешь идеальную голову и мысли в ней.

Феран недовольно покачал головой, потом перевалился и подмял под себя.

— А можно грешить в благословение Изара? — в ход пошла её озорная изогнутая бровь.

— Можно, — шепнул в неё Рэтар. — Тем более, Хэла — грудь, которая выкормила детей не может быть не прекрасной, чрево, которое изменилось, потому что подарило жизнь, нельзя считать некрасивым, ясно? Красота она есть всегда, главное видеть... уродство нужно искать не здесь. И красота тела это не всё. И женщина красивая, потому что удивительная, и особенной красоты вот этой конкретной женщине прибавляет то, что это моя женщина.

Хэла от смущения буркнула что-то шутливое в ответ, но уже дыхание изменилось, голос просел, тело напряглось... костёр никуда не денется, а ему ещё долго нужно выпрашивать у неё прощение за то, что вчера натворил.

Глава 20

Милена была в замешательстве со вчерашнего дня.

Девочки уже с утра были в приподнятом весёлом настроении, они взволнованно обсуждали между собой последние события.

В благословение Изара не надо было работать, вечером должны были быть костры, а до того женщины вообще старались никуда не выходить, но при этом разрешалось, как оказалось, только готовить и приводить себя в порядок. Мылись все накануне или до восхода Изара, потому что потом было нельзя.

Местные искренне верили, что если Изар увидит какую девицу голой во время мытья и она ему приглянётся, то будет у неё бурный тир, а если нет, то пустой. И то и другое было плохо, потому что понятие “бурный” было размытым и под него могло подходить всё, что угодно.

Мита накануне всем серым строго настрого запретила перед окнами голыми ходить, а если и ходить, то до того как Изар на небе появится.

И выполнив наказ, с утра все девочки заспались, и теперь валялись в постелях и трепались кто о чём. Но в основном это была тема переезда, которого так боялась Мила, и сегодняшние вечерние костры.

— А вы слышали, что Шеру отдали? — внезапно спросила Грета.

— Правда? — отозвалась Аня, оживившись.

— Да быть не может, серьёзно? — подскочила Донна.

— Да, я вчера услышала от домашних, — кивнула кругленькая серая. — А они в харне услышали. Её забрали на днях чуть ли ни ночью, а потом она исчезла. И сказали, что феран её отдал.

— И винки с ней, — отозвалась Маржи, упоминая какой-то там дух из своего мира. — Такая она была злющая.

— Мерзкая, да, — кивнула Сола. — Она как-то мимо меня шла, когда я пол мыла, и пнула меня, как бы нечаянно. Рассмеялась и прощения попросила так, что лучше и не просила бы.

— И как она к ферану в постель всё лезла? А он же на неё и не смотрел совсем, — начала Маржи

— Зато другие смотрели! — подхватила Грета.

— А ферану Хэла была нужна, — прошептала Донна и хихикнула.

— Донна, — осадил девушку Карлина, недовольно покачав головой.

— А что? — отозвалась та.

— Ничего, — буркнула Карлина.

— Он и до Хэлы на Шеру не смотрел, — кивнула Куна. — Мерзкая бабёнка. Правильно, что он её отдал — вот кому-то повезёт.

И все захихикали.

— Феран вообще на наложниц своих не смотрел никогда, мне кажется, — возразила Грета. — Я сколько тут, так он ни разу в харн не ходил.

— Не пристало ферану в харн самому ходить, — покачала головой Куна.

— Да и они к нему не ходили, он никого и не звал к себе.

— А ты прям, Грета, сидишь и ждёшь, что увидишь или услышишь? Или он тебе доложиться обязан? — поддела её Маржи.

— Да ну вас. Вот же понятно всё сейчас — вот где Хэла и где феран? Всё всем ясно. А наложницы ему не нужны были, — надулась Грета.

— Так она ему голову заговаривает и чтобы не болело, и чтобы спал, — отозвалась Сола, — разве наложницы тоже так умеют?

Все разом прыснули со смеху и даже на лице суровой Йорнарии на долю секунды появилась улыбка.

— Сола, ох, хватит, правда! — покачала головой Донна.

— Что? — насупилась девушка.

Донна встала.

— Так, всё, пора тебе просвещение устроить, а то невыносимо уже.

— Не, Донна, постой, — Сола вжалась в свою кровать, закрываясь одеялом от наступающей на неё девушки.

— Нет, я тебе сейчас всё расскажу и даже покажу. У меня дома вообще с этим не было проблем — все свободны и близость это самое обыденное дело. А главное какое удовольствие можно испытать!

— Тут испытаеть, — буркнула Маржи. — Они со своими предрассудками и суевериями этими достали уже.

— Вы чего разгалделись, аки сороки, куропатки мои? — никто и не заметил как Хэла зашла в комнату и сейчас озадаченно переглядывались, пытаясь понять в какой момент это произошло, и что она могла слышать из их разговора.

Милена улыбнулась.

Вчера, когда они сидели и смотрели на тренировку воинов Хэла держа в руках птенца, которого они с Броком и Оань выхаживали, и который сейчас спал возле сидящей в своей кровати серой, и радовалась тому, что к ней вернулся кiset с телефоном. Его даже включить удалось. Чёрная ведьма была счастлива.

— Хэла, слушай, а фотографии же наверное есть, да? Покажешь? — спросила Мила, когда получилось включить телефон.

— Неа, я всё удалила, — мотнула головой женщина не поднимая сосредоточенного на экране лица.

— В смысле? — белая ведьма опешила.

— Ну, удалила папку с фотографиями, — объяснила Хэла. — Зачем они?

— Как... ведь у тебя, — она отчаянно пыталась подобрать слова, чтобы не сделать больно, но получалось не очень, — семья... дети...

— И? — с вопросом посмотрела на девушку чёрная ведьма. — Мне от того, что я их фотки буду до одури рассматривать, легче стать должно что ли?

— Мне было бы отрадно видеть лица любимых людей, — возразила Милена.

— И рыдать, — поддела её Хэла. — Я поначалу смотрела, а потом поняла, что только хуже. И удалила всё. Они там, а я здесь. И я никогда их не увижу, а они меня. И? В чём смысл? Это только в фильмах крутые герои с сожалением и возделением сидят в тишине, наедине с собой и смотрят на фото утраченной семьи или возлюбленной, двинувшей коней. В жизни это загоняет тебя в угол и здравствуй депрессия, понимаешь? Я помню то, что помню. Страданий что ли недостаточно?

Милена смотрела на неё с непониманием и одновременно с каким-то восхищением. Она сама никогда не смогла бы так. Стереть воспоминания. Ей было так тяжело, что ничего не осталось. Мила закрывала глаза и ей казалось, что она уже не сможет вспомнить как выглядел папа, или Колька, или бабушка, или Марина, и даже мама. Хотя нет, мама стояла перед глазами иногда — злая, взъерошенная, говорящая, что лучше бы это Мила умерла, а не папа. Почему мы помним плохое лучше, чем хорошее?

Белая ведьма перевела взгляд на тренировочную площадку. Роара она видела впервые за несколько дней, если не считать вчера, когда она была на башне, а он шёл в селение. Сейчас он был таким невероятным — напряжение, азарт, попытки достать ферана, который так ловко уходил от всех выпадов. Это его похлопывание Элгора по плечу, когда в очередной раз тому не удалось достать тана и он встал в конец “очереди унижения”, как назвала это Хэла.

Они вообще все сегодня были такие необычайно радостные. Только Тёрк очень яростно нападал, но безуспешно.

— Смотри внимательнее, а завтра “держите меня семеро”, — Хэла картинно закатила глаза, — будем сидеть и думать, как брутальнее — когда они все вот такие суровые и заросшие, аки медведи, или лысые как непобедимые герои боевика.

— А? — с вопросом глянула на неё Милена.

— Почти все мужики в благословение Изара бреют бороды и головы, — пояснила чёрная ведьма. — Иногда только бороды, но чаще всего и то и другое. Проснёшься завтра и будет тут пункт призывной — сплошные лысые мальчишки. Что-то говорит мне, что лысые они сами у себя проиграют.

И она многозначительно глянула на Милу.

— Хотя, — Хэла подняла палец вверх и игриво поводила бровями, — подождать несколько дней и у нас будет полный двор брутальных лысых мужиков с небрежной трёхдневной небритостью и, мама дорожая, мне уже за себя страшно... тебе кто больше нравится Брюс или Джейсон, а может Вин?

Милена рассмеялась. Она поверить не могла, что Хэла серьёзно.

На площадке возбуждённо зашумели мужчины. Девушка посмотрела на чёрную ведьму, но озорство и весёлость прошли — она напряжённо смотрела на тренировочную площадку. Мила перевела взгляд туда же и её передёрнуло — на площадке, перед фераном стоял Шерга.

Все остальные воины разошлись, уйдя за ограждение. Шерга взял в руки второй меч и

они с фераном сошлись в схватке. Даже не очень понимая во всём этом, девушка отчётливо видела, что происходящее весьма серьёзно на этот раз, это не просто тренировка, это вот по-настоящему, хотя ферана было сложно задеть. Они сходились и расходились.

Хэла сидела рядом прямая, напряжённая, далёкая, жёсткая, и Милене стало совсем не по себе.

А потом феран и Шерга сошлись, разошлись и глава дома оказался к ним лицом и, господи, она никогда в жизни не видела ничего страшнее. Это было лицо человека, который был готов убить, нет уничтожить до основания, стереть в порошок. У такого не стоят на пути, весь его вид говорил, что ничто его не остановит. Ярость в прямом смысле рвала его на части, а глаза, наконец-то белая ведьма увидела его глаза, ледяные, голубые, такие же как у Брока, полные сейчас ненависти и жестокости.

Ей показалось, что он на мгновение перевёл взгляд на них, но может только показалось, потому что было невыносимо страшно и ещё... ей хотелось, чтобы феран убил Шерга. Она вздрогнула осознав эту мысль, хотела перевести взгляд на Хэлу, но не получилось — просто невозможно было отвернуться от того, что происходило перед ними.

Когда они двинулись друг на друга, Милена зажмурилась из последних сил и спрятала лицо в плече Хэлы, потому что была уверена, что сейчас кто-то умрёт. Но всего через мгновение мужчины дружно воскликнули что-то и она открыла глаза — Шерга стоял теперь там где только что был феран, весь серый, тяжело дышал, вид как у провинившегося пса, получившего нагоняй от хозяина и в конце призванного выполнить приказ и вернуться на своё место.

Хэла резко встала, с птицей в руках, и ушла в дом. Милена ринулась за ней, потому что что-то внутри говорило, что нельзя её оставлять одну. И всё ещё было страшно.

Это лицо ферана всё стояло перед глазами и эти мысли... она пожелала реальной смерти реальному человеку! Пусть и про себя, но... боже, что с ней такое?

Чёрная ведьма поднялась наверх и устроилась на своём любимом месте.

— Ты сбежала? — Милена села внизу, боясь, что её сейчас прогонят.

— Просто чуть не убила эту тварь, — отозвалась Хэла.

— Шерга? — дрогнула девушка.

— Да, — ответила она.

— Я захотела, чтобы феран его убил, — призналась Мила, понимая, что снова готова расплакаться.

— Понимаю, — спокойно отозвалась на это чёрная ведьма. — Это было общее желание. Этого выродка все ненавидят и все в один момент пожелали ему смерти, вот тебя и задело. И меня задело. Такие как мы, просто не можем не чувствовать что-то подобное. После такого хочется помыться.

— И ты ушла, чтобы не чувствовать? — догадалась девушка.

— Да, а то не совладала бы с собой и наложила бы заговор на него, — кивнула Хэла. — И так влезла.

— Правда?

— Да, — ответила она, но сказала, словно отрезала и больше ничего слышать видимо не хотела.

Милена не стала спрашивать. Она погрузилась в свои мысли, глядя на поля, белые от снега, черневшие на белом деревья и тёмную ленту реки... посмотрев вниз, она увидела ферана, который, по всей видимости, направлялся к реке. Белая ведьма перевела взгляд на

Хэлу. Та тоже его видела, смотрела в след с такой тоской, впервые Милена видела на лице чёрной ведьмы такое скорбное выражение. Разные видела, а вот столько печальной скорби никогда. Женщина вздохнула и закрыла глаза, прислонила голову к камню стены и Мила увидела у неё на шее цепочку.

— Хэла, а... — она запнулась, потому что может она всегда была, а Мила не замечала?

— Что? — спросила женщина.

— Да, так, ничего, — она прикусила губу, но нет, не было у Хэлы цепочки...

— Давай, Милка, спрашивай, — подначила девушку чёрная ведьма, не открывая глаз.

— Я цепочку увидела, раньше её не было...

— Не было, — махнула головой женщина и открыла глаза.

— А что на ней?

— Иди, покажу, — усмехнулась чёрная ведьма.

Милена встала и залезла к Хэле. Та потянула за цепочку, которая была матовой, тёмного цвета, такого было оружие у командиров и у Горанов, и вытащила кулон, внутри которого был невероятно красивый камень.

— О, боже! — восхитилась девушка. — Какая красота!

Она и предположить не могла, что тут такое могут сделать. Или это было не отсюда? Да нет. Блин!

— Невероятно красивый камень. Что это?

— Называется ирнит, — ответила Хэла.

— Откуда такая красота? — Милена налюбоваться не могла. — И что за металл такой?

— Феран подарил, — вздохнула женщина. — Сделали для меня на заказ мастера Ринты.

А металл — это какой-то редкий и дорогой сплав.

— Ты чего его прячешь, Хэла? — камень восхищал, невероятно переливался на свету. —

Такая невероятная красотища, его всем надо показывать, а та за пазухой держишь!

Милена разглядывала камень, как замороженная, и эти красивые фигурки по ободу — Хэле такую красоту подарил феран. Вот это да! Просто невообразимо шикарный подарок и что-то говорило девушке, что феран не мог подарить что-то дешёвое и наверняка камень страшно дорогой. Стало так завидно, как-то... не в смысле потому что обидно, а потому что такие подарки они же так много говорят, разве нет?

— Вот веселье будет, когда я вывалю наружу камень стоимостью с замок и буду всем его демонстрировать, — произнесла Хэла, ухмыляясь. — Голову мне ещё ускореннее отхерачат тогда. Действительно, чего прятать?

Милена подняла на Хэлу полный недоумения взгляд.

— Что такой подарок тебе говорит? — спросила чёрная ведьма. — Этот камень один из самых дорогих в этом мире. Не этот конкретный, а вообще. На этот можно купить вот такой замок. И вот он мне это подарил. Почему?

— Хэла, это говорит, что он тебя ценит! — ответила Милена всё ещё не до конца понимая, к чему ведёт разговор женщина.

— Потому что я первоклассная чёрная ведьма и ценит он меня за заговоры мои? Так что ли?

— При чём тут заговоры? — возмутилась девушка. — Любит он тебя!

— Тшщ, — зашипела Хэла и глянула на выход. — С ума сошла? Ты что такое говоришь, а?

— Хэла, — насупилась белая ведьма. И не понимая, не понимая, что не так —

шикарный подарок, который говорит о чувствах. И сидящая рядом с ней женщина не могла не понимать этого. Ведь правильно?

— Даже если и так, — прошептала Хэла. — Нельзя это. Думать нельзя, говорить нельзя. И камень никому лучше не видеть, потому что все увидят то, что ты видишь. И мне конец. И ему конец.

Чёрная ведьма взяла кулон из рук Милены.

— Тебе же он нравится, — отозвалась она тихо, обиженно. — Неужели неприятно получить такой подарок?

Женщина горько усмехнулась.

— Я по-твоему холодная и бесчувственная что ли? — нахмурилась она и в глазах блеснули слёзы.

— Прости, Хэла, — прошептала девушка. — Я не хотела. Я просто не понимаю. Ты говорила, что никто ничего не скажет про мою связь с Роаром, а про твою...

— А про мою скажут, — отрезала женщина. — И это я тебе тоже говорила. Чёрные ведьмы это зло, болезни, смерть. А белые — это рождение, это радость, это дар... дар жизни. Ты несёшь в себе счастье, понимаешь? Ты как звезда с неба.

Милена покраснела, стесняясь.

— А я как камень кладбищенский, — договорила Хэла, вздыхая.

— Перестань! — и Милена никак не могла принять это, старалась понять, но принять не получалось.

Чёрная ведьма горько улыбнулась и отвела взгляд в поля. А потом запела:

— Когда ты грустишь — мне хочется петь,

И так вот всегда.

Упреком ли словом захочешь задеть —

Так я не горда.

Ты хмуришься вечно, а я так беспечна,

Не быть нам вдвоем.

Мы разные песни поём — ты о вечном,

А я о земном.

Хэла спела песню целиком и после того, как закончила, они посидели в тишине.

Мила отчаянно пыталась справиться с подступившими слезами, она не хотела плакать, но ей было так невыносимо жаль. Она тонула в этой жалости — к себе, к Хэле, к ферану... она теперь так отчаянно жалела этого человека.

Внезапно пришло осознание, что он не такой, каким она его видит. Он такой, каким его видит Хэла. Такой каким Хэла его любит, потому что она любила его. Любила... и от осознания безысходности, обречённости чувств двух этих людей становилось не по себе.

Милена раздавило это понимание, что они скрывают свою близость, не говорят о ней, даже взглядами стараются друг за друга не хвататься... Если бы не этот подарок и не вот эта болезненная откровенность Хэлы, то девушка действительно могла бы сказать, что между ними ничего не происходит и что в целом все разговоры серых о чувствах между фераном и чёрной ведьмой просто “то, чего очень хотелось бы, потому что романтика же” и не более того.

— Знаешь, иногда вот так тянет, что сил нет, — сказала Хэла, хмурясь, и вдруг над ней в районе солнечного сплетения замерцала странная точка.

— Что это? — испугалась Мила.

— Это... не знаю, — нахмурилась женщина. — Я подумала и... давай сделаю ещё?

Уж что именно чёрная ведьма там из себя вытаскивала и как это происходило, но точка вдруг стала превращаться в нитку. Такую словно шерстяную, как пряжа для вязания, красивую, толстую, плотную, двухцветную — такой изумрудный и насыщенный, тёмный фиолетовый или скорее индиго. Нить появлялась из ниоткуда, тянулась-тянулась и Хэла, взяв её, стала аккуратно наматывать на ладонь, делая моток. Лицо у неё при этом было невероятным, полным восторга, таким по-детски восхищённым и это было понятно, потому что это же было настоящее волшебство, да?

Она засмеялась и запела снова:

— Вертись-вертись, мое колесо,
Тянись-тянись, шерстяная нить...

Хэла пела и тянула нить, а Милена почему-то вспомнила, как Хэла пела в тот день, когда девушка только попала в этот мир. Почему-то всплыло то, как чёрная ведьма и феран тогда смотрели друг на друга и конечно же серые говорят о чувствах между ними, слепой бы заметил, что этих двоих тянет друг к другу.

Милена восхищённо смотрела на растущий на глазах моток, рядом с ними в плетёной корзине зауркал птенец, словно тоже восхищаясь происходящему, а потом Хэла допела и...

— Вот это да, чёрная! — внизу стоял маг, у Милы напрочь из головы вылетело его имя.

— Смотрите кого нелёгкая принесла! Малохольный? — склонила голову женщина, но вытягивать нить и наматывать на руку не перестала.

— Жива-здоровая, как я погляжу? — ухмыльнулся магический гость. — И даже за пряжу взялась, ничего себе.

— Благодарствую тебе, уважаемый маг! — фыркнула Хэла. — А пряжа... а может это зараза какая на меня от тебя перешла, может ты чего напутал там, когда лечил?

— Благодарностей мне твоих не надо, — отозвался он. — И как бы самому чего от тебя не подцепить.

— Не переживай — зараза к заразе не цепляется. А благодарности, уж не обессудь, — она перестала мотать нить, оборвала её, сняла с руки моток и, завязав посередине, кинула магу. — На вот, смотрю тебе прям интересно стало? А попросить у ведьмы язык отсохнет ведь, да? Заодно считай мы в расчёте — этого же хватит за мою жизнь?

— Заплатила вперёд, — снова ухмыльнулся маг, напуская на себя самый небрежный вид, но глаза его блестели, а рукам будто было колко или горячо.

Он быстро убрал нить.

— Даже так? — повела головой Хэла. — Ничего себе! Это хорошо, а то быть магу должной — да ни в жизнь!

Маг ухмыльнулся.

— Где феран твой, чёрная?

— А ты не видишь? — она повела бровью. — Ох, уж бесполезный народ. В поле вон.

На этот раз маг скривился, словно в отвращении, потом перевёл взгляд на Милену.

— А ты, белая, как я смотрю не шевелишься вовсе? — пренебрежительно спросил он. — Может уже начнёшь дело делать, а то вон снегом всё завалило, а должна была трава расти во всю уже.

— Может поделитесь знанием, как лучше это сделать? — внезапно сама себя не узнав, с вызовом поинтересовалась Мила. Потому что как же он её сейчас взбесил!

— Пфф, — напустив на себя гримасу надменности, фыркнул мужчина. — Ты совсем

ошалела? Чтобы маг делился с ведьмой высшими знаниями о материях бытия?

— Вы идите, уважаемый маг, — отозвалась Хэла, — а то глядишь сейчас удар хватит, перекосит и так и останется.

Он ещё раз фыркнул и закатил глаза, после чего ушёл, оставив их вдвоём, точнее втроём, как обозначила себя птица.

— Мерзкий народ, — буркнула Хэла, погладив птенца. — Да, девочка моя?

— Почему девочка? — удивилась Мила. — Брок кажется считает, что это мальчик.

— Не правильно считает, — покачала головой чёрная ведьма.

Они улыбнулись, переглянувшись.

— Хэла, я боюсь тоор, — решила спросить девушка, потому что этот вопрос очень тревожил её. — Как я поеду в Зарну?

— По-твоему тут все родились в седле что ли? — повела головой женщина.

— Не знаю про всех, но я боюсь тоор, и фицр, и даже вот этот птенец, когда я с ним наедине, пытается меня клюнуть, — ответила на это Мила и с недоверием покосилась на птицу.

— Ого, ты клюёшься? — возмутилась чёрная ведьма.

— Эти их тооры никогда не дадут мне их оседлать, — заключила Милена.

— Давай послезавтра, после праздника, тебя посадим в седло и потренируем, — предложила Хэла. — Как раз несколько дней до отъезда будет у нас.

— Правда?

— Угу.

— Спасибо! — и белая ведьма просияла.

Ведьмы посидели вместе ещё немного, а потом разошлись.

Больше Милена вчера Хэлу не видела, и внутри почему-то появилась какая-то тревога за неё, но вот она стояла перед ними и озорно на всех смотрела, и белую ведьму отпустило.

— А сороки это кто? — спросила Грета, не понимая очередного слова Хэлы, которым она их назвала.

— Это птицы такие — красивые, чёрно-белые и так галдят, что сил нет, — улыбнулась Хэла и села на её кровать. — В ушах трещит.

— А почему всегда птицы? — спросила Сола.

— Не знаю, само собой выходит, — рассмеялась Хэла. — Мы все серенькие на мышек похожи, но куропатки как-то приятнее звучит, не?

Все захихикали.

— Хэла? — в дверь пролезла голова Найты.

— Доброго утра тебе, кукушечка моя, — кивнула ей чёрная ведьма.

— А не заплетёшь мне косу, с лентой? — спросила, смущаясь, девочка.

— Конечно, моя детка, иди сюда.

— Хэла, а нам? — подняла руки Маржи. — Сделаешь?

— Конечно. Хотя я хотела идти смотреть на мужиков шикарных бритых, это вы всех видели, а я как же не пойду поехидничать? Но красота конечно требует жертв, — она улыбнулась.

— Так мы тоже некоторые не видели никого, — отозвалась Грета.

— А как же прошлое благословение Изара? — спросила Сола, которая попала в этот мир самой последней из всех серых, не считая ведьм.

— Так мы видели только отряд митара, самого митара и бронара, — кивнула Донна.

— Да и те брились пополам, — отозвалась Оань.

— Это как? — нахмурилась Сола.

— Бронар голову не брил, только бороду, а митар брил голову, а бороду нет, — отозвалась Найта, пока Хэла плела ей косу.

— Бронар и так с бородой-то не ходит, — махнула Маржи. — Его растительность — не борода, а название одно.

Они захихикали.

— Есть такое, — кивнула Грета. — А отряд ферана в прошлый праздник был на границе где-то, а когда вернулись уже обросли все. А феран не брился на прошлый раз, да и не выходил весь день — в доме просидел, один совсем, потому что все на кострах были.

Девочки закивали.

— Подожди, Хэла, — вскинулась Донна. — Ты его видела с утра. Он брился? Давай расскажи. Нам же интересно! Или опять будет самый заросший, в прошлый раз так и было! Хэла!

Чёрная ведьма рассмеялась.

— Давайте, кому ещё что плести, а то уйду смотреть на марш красавцев благодарных. Я из-за вас пропущу всё интересное, — покачала головой женщина, доплетая косу Найте.

Они все повскакивали со своих постелей и обступили Хэлу, потому что у неё получалось сделать на голове что-то красивое и, так как обычно они творили себе что-то простое самостоятельно, чаще всего это были хвосты и простые косы, чтобы волосы не лезли в лицо, косы от чёрной ведьмы ценились на вес золота, так сказать.

Короткие волосы были только у Йорнарии и Карлины. Обе видимо считали, что чем короче тем практичнее. Чуть длиннее были у Хэлы, но у неё получалось сплести на голове “колоски”, то прямые, то наискосок, то два по бокам и собирать волосы несколькими заколками, снизу и потому голова у неё была убрана, только иногда особо буйные волосы выбивались спереди и придавали ей очень озорной вид.

Руки чёрной ведьмы работали достаточно долго, но в итоге получилось, что ни у кого не было похожей причёски.

А Оань, которая не расплетала своих тугих кос обычно, сегодня их расплела и у неё на голове был настоящий одуванчик, как у африканок — она была невероятно красивой с этими классными вьющимися как пружинки волосами, при чём Хэла заплела ей косу, словно ободок и вообще получилась невообразимая красота.

— Ты хочешь? — чёрная ведьма села на кровать к грустной Милене.

Несмотря на то, что происходящая суэта завораживала девушку, всё равно она была потеряна.

— Не знаю. Зачем вся эта красота, если нужно будет головы покрыть?

— С чего ты взяла? — удивилась Хэла.

— Как всегда, когда мы из дома уходим, — ответила Мила. — Ты кажется единственная, кто этого не делает.

— Ну, для начала мы из дома никуда не денемся, — улыбнулась Хэла. — Наш костёр предпоследний в цепочке костров, они идут от селения до дома, ты вчера не видела что ли как последние костры делали?

— Неа, я тут сидела, вязала. Носок связала почти, — ответила Мила.

— Тогда увидишь, — улыбнулась чёрная ведьма. — И наш костёр прям перед воротами, между сторожевых башен, а дальше последний костёр, во внутреннем дворе. Так что мы

дома будем, ну если захотим пройтись, то можно капюшон накинуть, а в целом никто сегодня чепцы и платки на голову не вяжет. Сегодня можно красивыми ходить и обжиматься по углам, а девки?

Все уставились на Хэлу с непониманием.

— Жаль только, что хватать за бороду не получится, — сказала она так, чтобы все слышали и Мила покраснела.

— Можно за что другое ухватить, а? — ткнула Донна локтем Маржи.

— Да не надо хватать — они сами прилипнут, не оторвёшь, — отозвалась Куна.

Все засмеялись.

— Давай, тебе тоже красивую голову сделаем, — предложила Хэла.

Милена улыбнулась.

— Хорошо.

Морозный воздух двора уже пах кострами, хотя они ещё не горели.

Это тянуло, как теперь из рассказов серых знала белая ведьма, от главного костра, что был в селении. Его зажигали с первыми лучами Изар и именно на нём мужчины сжигали свои сбритые волосы, чтобы поблагодарить Изара за тир, который прожили и за то, что в нём случилось.

Милена ожидала почувствовать неприятный запах подпаленных волос, но как оказалось с волосами сжигали травы, которые сгорая пахли сильнее. Запах был в итоге похож на запах горелой травы.

Хэла взяла хараг и ушла в поле, а серые устроились во дворе на лавках, пили отвар и трепались. Такое милое девичье щебетание — кто про что. В доме остались только те стражники, которые не делали обряд.

И вот наконец домой стали возвращаться те, кто с утра пораньше побрился и ушёл сжигать это на костре. Кое-где появились девушки из домашних, которые должны были устроить столы с едой, но так как другой работы у них не было, они сделали всё очень быстро и тоже уже могли себе позволить отдых.

Мужчины действительно выглядели странно и забавно. Хэла, выходя из комнаты со всеми серыми сказала, что это будет славная вечеринка братков, имея ввиду членов банд из их с Милой мира, которые обычно ходили бритыми. И они действительно походили на матёрых рецидивистов — здоровые, сильные, все с оружием, в одинаковой одежде. Если бороды делали суровыми всех, то сейчас открытость лица суровость со многих сняла, но открыла шрамы, сделала более очевидными другие изъяны лиц.

Все мужчины были сейчас в приподнятом настроении, возвращаясь кто группами, громко говоря между собой, или по одиночке, но всё равно не было угрюмых или печальных. Все они были радостными.

Вернувшиеся мужчины из домашних выкатили во двор бочки с цнелей. Всем кто хотел наливали, но воины пили не много. Кто-то, как сказали серые, знавшие про обряд, держали так называемый пост и не ели все предыдущие сутки, поэтому теперь, когда обряд был совершён, можно было наконец позволить себе поесть.

В дверях появились Мита и Целса. Дети кое-кого из домашних прибежали во двор. Мальчишки пытались пристроиться к компаниям воинов, чтобы послушать о чём те говорят, младшие бегали и радовались празднику и тому, что их кормят сладостями.

В воротах показались хараги Хэлы, потом Милена узнала Тёрка, который обнимая смеющуюся чёрную ведьму что-то ей рассказывал. По другую руку от неё шёл Роар, Хэла

придерживала его локоть, пытаясь удержать равновесие. Оба мужчины были бритыми, обоим это шло. И Роар и Тёрк выглядели моложе, чем были с бородами уж точно. Митар вообще выглядел лет на двадцать пять, а командир лет на сорок, хотя, как предполагала Милена ему было около пятидесяти. За ними шёл Элгор, а за ним Брок и феран.

— Смотри-ка, — шепнула Аня. — Бронар-то в этот раз всё сбрил.

— А он как брат всё делает, — зашушукала заговорчески Донна. — Митар сделал и этот за ним. Да и раз уж феран побрился, то как им от него отстать.

— Брок такой красавчик, сил нет, а глаза его эти... везёт вон Оань, сидит с ним по полдня, — проговорила Куна.

— Что? Я? Ты чего вообще? — возмутилась Оань, немного покраснев. — И он молоденький же, ну! Я с птицей помогаю.

— Смотри, старая она, — хихикнула Донна. — И очень расстроена по поводу.

— А я всегда говорила, что достопочтенный феран очень даже красивый мужчина, — тихо, но с гордостью кивнула Лорана, будто сейчас вот они все видели подтверждение её словам.

Хотя для Милены это было и вправду так, и ещё теперь она явно видела сходство Брока и ферана. Особенно когда они шли рядом. Шрам портил лицо Рэтара Горана, но оно действительно было красивым, а Брок был копией отца. Глаза, нос, брови, форма лба и головы. Брок был просто немного меньше, чем отец, но не в росте и размахе плечей. Посмотрев на юношу можно было сказать каким был феран в его годы. Собственно Милена как-то именно так и предположила. Сейчас Рэтар Горан был более мощным, но дело было в возрасте, который делал его более тяжёлым. Различными были только подбородки — у Брока был более мягкий, видимо в мать, а у отца тяжелее, формы такой же как подбородок того же Тёрка. Ну и эти ямочки на щеках парня — все девочки от них млели.

А схожесть между всеми братьями сейчас была особенно заметна. Феран и его командиры, которые тоже сейчас подтянулись во двор, были очень друг на друга похожи. А ещё оказалось, что Гир намного моложе, чем казалось — был или одного возраста с Роаром или может немного младше.

Взгляд Милены вернулся к братьям Горан и внутри затянуло и заныло. Может она влюбилась с обоих?

Роар теперь стоял с Элгором, оставив Хэлу с Тёрком. Тот не обращая внимания на присутствие ферана полностью завладел вниманием чёрной ведьмы, и прямо всю её измывал в свойственной ему манере. И от Милы не ускользнул тяжёлый взгляд ферана, который он бросил на старшего брата, но он был полон не злости, а какой-то грусти. И ей подумалось, что ему жаль, что Тёрк может делать что-то подобное, а ему нельзя вот так прилюдно взять любимую, а в этом Мила вот ни разу не сомневалась теперь, женщину и обнять её, поцеловать... наверное это невыносимо.

Хотя тут такое было не принято, но Мила видела как другие мужчины оказывали своим жёнам или невестам знаки внимания и понимала, что даже малости этим двоим проявить нельзя по отношению к друг другу.

Самой ей было тяжело смотреть на Роара, который был так близко и одновременно так далеко, что не докричишься, не дозовёшься.

Ещё вчера вечером она стойко решила подойти к нему на кострах и попросить прощения. Просто. Без какой-либо надежды, но она просто обязана была сказать ему, что ей жаль, что ей стыдно, что она всё испортила, но собственно она так и сказала ему... она всё

испортила.

А сейчас её тянуло к Элгору. И ей было совестно от этого, противно от самой себя, но она не могла ничего поделать. Внутри была вера в то, что он не такой, каким пытается казаться, что эта его колкость, агрессия — всё это ненастоящее, всё это, потому что он просто запирает себя от мира, потому что что-то не так, что-то там внутри... ему тяжело и ей казалось, что с ней он другой. Он добрее...

Милена вспомнила как он обнимал её, когда Роара ранили, вспомнила, как целовал на башне, как спас от Шерга... Не мог он быть плохим. Просто скрывал всё хорошее под маской угрюмости и нелюдимости. Вот феран же такой точно? Нет?

Хэла говорила ей, что Элгор испорченный, избалованный ребёнок. Но откуда тут можно было взяться баловству, в этом мире? Они все были такие жёсткие, все эти мужчины. Даже Брок, хотя на фоне всех окружающих воинов был таким пацаном, но всё равно.

Милена попробовала найти чёрную ведьму, но не нашла — хараг заперли в загонах тоор, внутренние ограждение тоже было убрано, чтобы людям, которые придут к ним на костры было где развернуться.

— Изар зашёл и может быть среди нас, — мечтательно произнесла Найта, сидящая возле Милы. — Знаешь, надо быть осторожнее, потому что, если ты ему понравишься, он тебя с собой заберёт.

— Правда? — спросила Милена.

— Да, прямо на небо, — и она указала пальцем на розовеющее небо, в котором осталась только Тэраф.

Милена посмотрела туда куда указывал пальчик девчушки.

— Я знаю, что тебе достопочтенный митар нравится, — тихо сказала Найта и белая ведьма уставилась на неё в изумлении, а девочка не отвела взгляда, смотрела прямо и была очень серьёзна. — Я понимаю. Но я тебя не боюсь, хоть ты и ведьма. Вот хоть что на меня наговори, а я от него не откажусь, поняла?

— Да, — кивнула Милена, полная серьёзности, а на глаза навернулись слёзы.

Вот хрупкая, маленькая девочка, которую все считают дурочкой, но сколько в её глазах было сейчас решимости и смелости — любая бы позавидовала. И Мила тоже.

— Ты хорошая, — успокаивая, Найта погладила её руку. — Если он тебя выберет, я конечно огорчусь, но что делать. Порадуюсь, что ты не злая, добрая.

Она так горестно вздохнула, что стало не по себе.

— А можно я тебя обниму? — спросила Милена у девочки.

— Это зачем? — нахмурилась та. — Думаешь, что я тогда тебе уступлю?

— Нет, — мотнула головой девушка. — Просто ты тоже очень хорошая, и я просто хотела бы тебя обнять.

— Ладно. Обними. Но это ничего не меняет, — прищурилась Найта.

— Не меняет, — рассмеялась белая и прижала девочку к себе.

Когда Милена подняла взгляд, то не нашла уже ни Роара, ни Элгора, ни ферана, ни Тёрка, ни других братьев-командиров...

Костры поразили её. Это были не те костры, на которых она уже была. Эти тянулись по всей дороге, уходили вереницей огней в селение и там заканчивались огромным костром, огонь которого было видно даже отсюда.

Когда Тэраф уже вступила в свои права, началось веселье. Все пили, ели, кто-то играл на дудках и ещё каких-то инструментах. Где-то в селении пели песни, которые подхватывали

на протяжении всей “огненной” дороги люди и в итоге песня проходила путь от селения до дома или обратно. Пели об урожае, пели о работе, пели об Изаре и какие-то ещё песни о войне, разлуке и любви.

Серые сидели у своего костра, с ними сидела Найта, на последнем в цепочке костре были в основном домашние, но не все — большинство ушло гулять между кострами. Воины действительно почти не пили, как заметила Донна, они хоть и вели себя непринуждённо, но тем не менее явно внутри них было напряжение.

Хэлы не было какое-то время и кое-кто из серых хихикая заявил, что видимо чёрная ведьма проведёт этот праздник вместе с фераном, которого тоже на кострах не было. Но девочки ошиблись — оба они пришли. Достопочтенный глава дома был как всегда собран и серьёзен, а чёрная ведьма — весёлой и неугомонной.

— Хэла, а какая песня в твоём мире самая грустная? — спросила Лорана, видимо потому что только что они дослушали здешнюю песню о несчастной любви.

— В смысле? — нахмурилась чёрная ведьма. — Спеть тебе про войну и мёртвых детей что-то?

— Нет, не надо! — мотнула головой девушка. — Вот про любовь, например.

— Хм, — Хэла усмехнулась. — Так они все грустные, хоть в петлю лезь. Ну, ща, жди, тексты загрузятся.

Она посидела и подумала, потом хихикнула и поддев белую ведьму локтем сказала:

— Знаешь какая песня в голову лезет?

— Какая? — спросила Мила.

— Гоп-стоп, — усмехнулась чёрная.

— Ты бы ещё Мурку вспомнила, — захихикала белая ведьма.

— Отличный выбор. А как по-твоему какая самая грустная песня о любви?

— Прыгну со скалы? Возьми моё сердце? — улыбнулась Милена. — Или Тёмная ночь?

— Детка, а тебе точно двадцать, а не восемьдесят? — шутливо нахмурилась женщина. — Ладно, стой, знаю. Уж раз бабушек вспомнили. Только ща, голос настрою.

И Хэла вдохнув, посидела с закрытыми глазами, а потом запела низким, протяжным народным, идущим откуда-то из груди, голосом:

— Что стоишь, качаясь,

Тонкая рябина,

Головой склоняясь

До самого тына?

Головой склоняясь

До самого тына?

А через дорогу,

За рекой широкой,

Так же одиноко

Дуб стоит высокий.

Так же одиноко

Дуб стоит высокий.

Чёрная ведьма пела песню, в вокруг всё как-будто замерло.

Милена, зная эту песню, которая тянула не только тоской по любви, но и по дому, по вот этим рябинам и дубам, по такому вот пению, которого она не услышит уже никогда, только если Хэла решит разорвать душу в клочья.

Никому не надо было объяснять, что песня была о деревьях и что безысходность этого рассказа настолько велика, как наверное ни у одного другого. Уж, что может быть печальнее любви двух деревьев, которых разделяет река?

— Достаточно грустно? — спросила Хэла с вопросом глядя на Лорану, когда допела.

Та обречённо кивнула, в глазах у неё тоже были слёзы, да и не у неё одной. Смотреть на мужчин Милене вообще не хотелось — страшно было до обморока.

— Хэла, ведьмочка моя, хорош сердце рвать, а? — бухнул Тёрк.

— Так что попросили, то и спела, дорогой, — улыбнулась ему ведьма, разводя руками.

— Давай тогда лучше свои про дураков и молний, а? — он кажется был тем человеком, который всегда всё говорил вовремя.

И сейчас тишину отпустило, все рассмеялись, включая Хэлу и она запела одну из видимо любимых здесь песен группы “Король и шут”.

— Грохочет гром

Сверкает молния в ночи

А на холме стоит безумец и кричит

"Сейчас поймаю тебя в сумку

И сверкать ты будешь в ней

Мне так хочется, чтоб стала ты моей!..”

И так немного приходя в себя все начали просить кто что — какие-то песни Хэла пела одна, какие-то ей подпевали Маржи и Донна. Какие-то знала и Милена, и тоже подпевала, захмелев от местной цнели, потому что в этот раз Хэла не делала никакой выпивки и об этом никто даже не заикнулся. Получилось, что песни просили кто какие, как начала Лорана, так всё поехало по кругу и в конечном итоге дело дошло до белой ведьмы

— Ну, Милка моя, что хочешь? — повернулась к ней Хэла.

Честно говоря девушке было невозможно тяжело сидеть здесь. С одной стороны было так тепло, так уютно, так вот просидела бы сколько сил было, но с другой стороны было невыносимо отчего-то тяжело, грустно, тоскливо. В каждой песне о любви она находила себя, в каждом слове тянуло и било наотмашь и воспоминаниями и печалью, горькою, невыносимой...

И когда её спросили, она просто понимала, что если сейчас попросит что-то, то наверняка напорочит будь здоров. И в результате — хотела попросить Ленинград, лучше же что-то вообще непонятное никому и отвязное, а попросила Любэ. Серьёзно? Поняла в ужасе, когда Хэла отчаянно затянула:

— Выйду ночью в поле с конём,

Ночкой тёмной тихо пойдём.

Всё оборвалось, Милена закрыла глаза и вцепилась в чёрную ведьму, потому что не в кого было больше, потому что кроме этой женщины никого у неё нет.

Мила была одна, совсем-совсем одна, в огромном, она даже не представляет настолько огромном мире.

Сейчас, вот именно сейчас пришло осознание, что она ничего не знает, она только видит горы, вот река, вот камни-валуны, вот дерево, которое сейчас едва различимо в наступившей темени, но его очертания ещё видны, ещё не скрылись до конца. Мила осознала всю свою значимость — она была такая маленькая, такая глупая, она столько времени в своей жизни провела занимаясь какими-то совершенно ненужными вещами и всё это ей зачем... знания, умения... а были ли у неё хоть какие умения? Она же ничего не знает —

только насколько её миру, тому в который она никогда больше не попадёт, вреден пластик.

Милена здесь, и все смотрят на неё и ждут. Чуда ждут. А она не может — она бы так хотела... у неё было желание уже перед всеми извиниться за то, что не может. Ничегошеньки не может. Ни вот — рожь, лён, колокольчики-васильки... ничего этого! Потому что не умеет, даже не представляет как.

Вчера сидела и смотрела как Хэла тянула эту так называемую “небесную нить” и стало так тягостно, вроде восторга через край, а всё равно тягостно, как камень лежит на душе.

И вот тебе она готова снова, опять, что ж такое, разрыдаться от песни, которую так любил папа и бабушка — по щекам текли слёзы. И зачем она вообще её попросила? Лучше бы спела с Хэлой “В Питере пить”...

Тишина резанула, но на этот раз она была какой-то странной, не звенящей, как после песни про рябину, а какой-то выжидательной что ли. Словно все ждут чего-то и стало страшно.

Милена открыла глаза и увидела вокруг себя высокую траву, с колосьями, а между ней синие цветы васильков.

— Это? — беззвучно прошептала она, совершенно очумев от произошедшего.

— Пшеница вообще, хотя должна была быть рожь. Но и про васильки в песне ничего не было, — прокомментировала Хэла, скрестив руки. Женщина тоже сидела внутри этой взявшейся неизвестно откуда травы.

— Что? — захлебнулась белая ведьма, воздуха отчаянно не хватало, рёбра скрутила невыносимая боль, а внутри разлилась такая свинцовая усталость, что кажется невозможно пошевелить даже пальцем.

— Спасибо, что обошлись без коня, — ухмыльнулась женщина.

Милена хотела спросить, но ничего не получалось, потому что в голове снова стало пусто и звонко.

— Ведьмочка, это вообще что? — спросил Тёрк, который всё время костров стоял с фераном и митаром возле бочек с цнелей, сбоку от них.

— Хлеб, дорогой, — ответила Хэла. — Это хлеб моего мира. Почти всё как у вас — берёшь колосья, очищаешь зерно, перемалываешь и получаешь муку. Из муки печёшь хлеб. Белый.

— Белый хлеб? — переспросила Мита, которая хоть и не говорила с Хэлой, но видно наряду с другими присутствующими была так поражена произошедшим, что услышав ещё одну поразительную вещь, забыла обо всём на свете.

Хлеб здесь был другой. Точнее самый светлый был серого цвета — самый дорогой. Кислые лепёшки были вообще жёлтыми, ещё был пресный — розовый.

— Да, белый, — кивнула Хэла.

— А цветочки? — спросила Найта, которая была в неописуемом восторге от произошедшего.

— Это называется васильки, — улыбнулась чёрная ведьма. — Они всегда в полях растут, и так как видимо поле в своей жизни Милка видела только одно — пшеничное, с васильками, вот именно часть его мы и наблюдаем.

Мила никак не могла прийти в себя, она все смотрела на то, что сотворила и не могла поверить глазам — она только что вырастила пшеницу! Это было что-то просто грандиозное. Усталость была жуткой, но всё равно настроение от свершения, словно подвига, её сносило...

Она подняла глаза и встретилась взглядом с Роаром. Впервые за эти дни он на неё посмотрел, и ей захотелось его обнять, захотелось, чтобы он её обнял. Захотелось уснуть, уткнувшись в его грудь...

Вдруг он вздрогнул, она потеряла его взгляд, потому что он сначала перевёл его на ферана, а потом на Хэлу, и, повинувшись этому движению, Мила сделала тоже самое — посмотрела на чёрную ведьму. Хэла сидела бледная, как смерть, она смотрела в одну точку перед собой, сосредоточено, пустыми глазами, потом она вздрогнула, посмотрела наверх, туда в потемневшее уже небо, провела незримую линию по небосводу над ними и вернувшись назад, глядя прямо на ферана, Мила уверена, что на него, произнесла:

— На нас напали.

Он отдал приказ. Быстро, молниеносно, ни секунды не сомневаясь в том, что она сказала. Всё вокруг пришло в движение — воины ринулись наружу, на сторожевых башнях запалили специальные факелы — сигналы об опасности, домашние засуетились ловя детей, женщины стали собираться внутрь башен, потому что именно туда надлежало всем спуститься, если на дом нападут.

— Мила вставай, — позвала её Хэла.

Повинуясь приказу девушка встала, хотя ноги были свинцовые, потом её подхватил кто-то из серых, помогая идти.

Они задержались на мгновение, чтобы понять, что за ними никого не осталось и тут Найта рванула назад, потому что цветочки надо было забрать. Хэла выругалась, позвала девочку. Где-то рядом ожил зов Миты. Но тщетно.

Кукушечка уже добежала до костра, возле которого они сидели и где Милена натворила чудо, а Хэла двинулась за ней, и тут из темноты, со стороны дома показалась высокая фигура воина. Найта испугалась, взвизгнула, но уйти не успела — нападавший, а это был враг, кто-то чужой, не свой, схватив её за руку, ухмыльнулся и спросил:

— Где тут у вас ведьма? Отдавайте, а то девке конец, — с этими словами он приставил под рёбра девочки кинжал.

Глава 21

Роара искренне раздражало, что от него что-то скрывают. Но открыто поговорить с Рэтаром всё никак не получалось — костры и их защита занимали всё время митара. Да и самого ферана он почти не видел и это тоже было весьма подозрительно, словно что-то происходило у Роара под носом, а он не замечал, как не пытался.

Вчера митар хотел отчитаться о готовности костров, когда во дворе сложили последний, но тана в рабочей комнате не нашёл. Брок, покачав головой, сказал, что феран вернулся в Тэраф и был настолько зол, что это ощущалось даже на приличном расстоянии. То ли это было следствием утренней стычки с Шерга, то ли дело было в визите мага.

Встретив днём Зеура, когда тот уже собирался уходить, Роар предложил ему вернуться на костры, но маг отказался. Он был невероятно угрюм, раздражён и неразговорчив, хотя обычно они с ним всегда находили о чём поговорить и пошутить.

— Что случилось-то, Зеур? — нахмурился митар.

— Ничего. Пока. Хотя, нет, — гневно мотнул головой маг. — Случилось — вам призвали неправильную чёрную ведьму.

— Что значит неправильную?

— Не важно. Надеюсь твой феран отдаёт себе отчёт в том, что делает, — и с этими словами Зеур покинул Трит через портал.

И это Роара тоже раздражало.

Что значит “неправильная”? Или маг имел ввиду то, что Хэла умела лечить? Но кто ж знает — может и другие чёрные умеют лечить, просто в них много злости, как в их предыдущей ведьме. Может они умеют, но не лечат, предпочитая калечить.

Хэла же была славной, мудрой, внимательной и тёплой. В ней было столько материнской любви, что не заметить было невозможно. И дело было не в её отношении к Найте, она даже с воинами, которые помоложе была ласковой и участливой.

Роар ухмыльнулся, вспоминая, как на днях Хэла в очередной раз назвала Гнарка милым. Тот, здоровенный изариец, сильный, зубастый вояка, весь в шрамах, выглядел сурово и пугающе, но на деле был не старше Элгора, и Хэла обожала парня и всегда была к нему внимательной и поддерживала. И ведь может и видела, хотя было чувство, что в Гнарка не смотрела, как и в того же Роара, да скорее чувствовала, что парень сирота, что не помнил материнской любви. Его мальчишкой нашли в поле почти живого после разорения селения, в котором он жил. Всех убили, а он выжил, его спас Рэтар, воспитала мать Тёрка, мальчишка рос вместе с Броком, а потом пошёл в служение, чтобы отдать долг за спасение, хотя никто от него этого не ждал. И как он смотрел на Хэлу — Роар точно знал, что был смущён её вниманию, но безусловно благодарен.

А тут маг со своей “неправильной” — уж точно оно не было дурным. Или Зеур видел то, что они не видят? Действительно так могло быть.

У Зеура появились какие-то опасения, он поделился ими с Рэтаром, но феран не прислушался? Потому что без ума от Хэлы, потому что чувства к ней серьёзные и глубокие?

Тан никогда не был бы опрометчив, он всё просчитывал наперёд, всегда слышал доводы разума, и при этом в нём сильна эта его звериная сущность. Рэтар — хищник, который чувствовал, чуял опасность и, если Хэла была опасна, феран бы знал это — Роар не сомневался.

С утра на тренировке, где Шерга решил, как показалось митару, закончить свою жизнь самоубийством, чудище так явно полезло из Рэтара, что полезло наружу это знакомое чувство войны.

Роар ощутил себя на поле сражения, когда от опасности волосы встают дыбом. Он видел просчитывающего варианты остановить ферана Тёрка, видел напряжённые лица Миргана и Гира, он и сам был готов полезть под меч тана, лишь бы остановить его в решимости уничтожить Шерга.

И что только на этого урода нашло?

Но Рэтар совладал с собой. И Шерга был жив, хотя, несмотря на то, что все они пытались просчитать свои шансы остановить ферана, но в каждом билось невероятное желание, чтобы Шерга умер здесь и сейчас.

Роар тогда глянул в сторону сидящих ведьм, Хэла была бледной и напряжённой, а Милена испуганной до предела. Внутри метнулось желание её успокоить.

Всё это его уже так сильно выматывало, что было невозможно даже вздохнуть спокойно. Митар постоянно был напряжён от того, что избегал встреч с белой ведьмой — не хотел видеть её и теревить своё сердце, да и её.

Когда Элгор потащил его в харн, ему действительно показалось, что это неплохая идея, но от близости с наложницей всё стало только хуже, словно он сам себя предал. С чего вдруг вообще?

Было хорошо только, потому что прошла тяжесть телесная, а вот чувства и ощущения —

они обострились и рвали в клочья. Глядя, как одна из его девиц лежит рядом, хотелось быть в другом месте и девушку другую хотелось, словно чужое всё. Хотя вот столько раз эта конкретная была у него в постели и не сосчитать.

Всё в голове переплелось в такой тугой узел, что разобрать на составляющие уже казалось и не получится.

Отправившись на костёр с утра, Роар столкнулся с Элгором, который в этот раз тоже решил отдать благодарность Изару. Уже по дороге от костра, после обряда, нашлись Тёрк, Брок и Рэтар.

Сам обряд обычно происходил в тишине, а потом было бы сложно избежать шутеек Тёрка — в прошлый тир даже было жаль, что никого из командиров отряда ферана не было в Зарне во время благословения Изара. Самый старший тан что-то громыхал, как обычно, подшучивая над младшими мужчинами, потом рассказал о каком-то смешном случае, который с ним случился ещё в детстве, потому что обряд он исправно творил тиров с двенадцати.

— А благодарность за качественную кровь ферана не забыли отдать? — спросил он, подмяв себе под бока Роара и Элгора.

— В честь чего? — недовольно буркнул бронар, но вывернуться не пытался, впрочем это было бесполезно.

— А как же? — сжал бронара ещё сильнее Тёрк. — На чью кровь ведьму чёрную призвали? Благодаря ей у тебя, малец, брат всё ещё есть. Да и, ох, сын даже где-то там в Кэроме растёт не один, а с мамкой.

Элгор промолчал. Рэтар усмехнулся, идя следом.

И тут, уже у дома, они пересеклись с возвращающейся из полей чёрной ведьмой и кажется невозможно было бы найти двух более острых на язык людей у них в окружении, чем Тёрк и Хэла.

— Ведьмочка моя, — громыхнул Тёрк.

— Вот уж теперь точно парад планет, — кивнула она головой, здороваясь со всеми. — Здравия желаю.

— Ты можешь представить сколько народа тебе здравия пожелали благодарности отдавая? — Тёрк в привычной ему манере сгрёб ведьму в охапку.

Роар с опаской глянул на ферана, но тот к облегчению лишь улыбнулся.

— А вот надеюсь, что никто, — ответила ему чёрная ведьма. — А то тут наслушавшись причитаний бабских по поводу разборчивости вашего Изара обожаемого и уже прям страшно.

Тёрк нахмурился и отпустил Хэлу, после чего она, чтобы устоять схватила за рукав стоящего к ней ближе всего Роара.

— Не думал, дорогой, — приподняла бровь она, поясняя свои слова, — что он сегодня, наслушавшись всех предполагаемых тобой дифирамбов, решит, что я достаточно стоящая бабёнка и утащит меня к себе вечерочком?

Мужчина застыл на мгновение, потом ухмыльнулся и гоготнул:

— Хэла, ведьмочка моя, ну с богами вроде не сражался, но уж, если ради тебя, то что мне бог, а?

— Договорись, Тёрк, и он твои благодарности перестанет принимать, — погрозила ему пальцем ведьма.

— Да и рваши с ним, думаешь я благодаря Изару здесь стою? — и он развёл руками. —

Нет, хорошая моя, вон, достопочтенный феран, мне жизнь знаешь сколько раз спасал?

— Ну, прям жаль, что не бог, — отозвался Рэтар, к удивлению поддерживая шутку.

— А то! Тогда мне бы не пришлось твою задницу спасать, — ответил старший, а феран согласно кивнул.

Они зашли во двор, где все разделились, Роар подошёл к ставшему в последнее время совсем погружённым в себя Элгору, Рэтар стоял с командирами и Броком, а Тёрк так и не отлепился от Хэлы.

— Как думаешь, сколько Рэтар ещё это терпеть намерен? — буркнул Элгор.

— Ты про что? — нахмурился Роар.

— Про Тёрка и Хэлу, — фыркнул брат.

— В смысле? — митар посмотрел на него в недоумении.

— Мне бы уже надоело это, и, если она его женщина, то чего Тёрк к ней руки тянет? — объяснил Элгор с определённой долей раздражения. — Не похоже на Рэтара — не верю, что, если бы он поставил Тёрка на место, то тот продолжал в том же духе, значит не поставил...

— Хм, — ухмыльнулся Роар. — А если бы на их месте были мы с тобой?

— А мы при чём? — недовольно зыркнул на брата бронар.

— Тёрк старший брат Рэтара, — пожал плечами митар. — Я твой старший брат. И как бы ты себя вёл, если бы был на месте Рэтара, а я был бы на месте Тёрка?

— А ты вёл бы себя, как Тёрк? — фыркнул Элгор.

— Нет, не вёл бы, — улыбнулся Роар.

— А если бы я был на месте Тёрка, а ты на месте Рэтара?

— Да успокойся, — повёл головой митар. — Всем всё понятно про них. Тёрку всё понятно. Хэла ясно с кем, чего ты разошёлся-то?

— Всем? — и было чувство, что младший брат едва себя сдерживает.

— Элгор, — нахмурился с вопросом Роар. — На, выпей, давай.

Они постояли немного, а потом все отправились в рабочую комнату ферана.

Спор был жарким. Они обсуждали, как лучше было распределить людей, исходя из того, что сегодня видели возле главного костра. Изначально всё было просто, но потом оказалось, что из окрестных селений в Трит на костры придут люди и нужно было срочно менять патрули и переставлять стражу, при чём делать это так, чтобы было не очень очевидно, что они готовятся к обороне от предполагаемого нападения, потому что тревожное беспокойство среди простых свободных была ни к чему.

Когда более менее пришли к какому-то единому решению по этому вопросу, начали спорить о том, что отряду митара досталось больше работы, чем отряду ферана.

— Чего? — громыхнул Тёрк. — Гир, ты давай, братец, не зарывайся, а? Ты у нас может весь из себя такой боевой и устал очень, но на прошлый Изар ты где был? А мы? А то вишь, пареньки его не выпьют в праздник. Я в прошлый праздник обряд провёл и пошёл мечом махать, потому что напали на нас, думая, что мы все в честь праздника пропились до беспамятства.

— Ты ещё вспомни, что ты делал в остальные благости Изара. И когда пил, а когда нет, — не сдавался Гир.

— А я тебе расскажу, — взвился старший брат.

— Пить не будет никто, — спокойно произнёс Рэтар и встретился с невообразимо нахмуренными взглядами своих братьев и танов.

— Рэтар, благо Изара же, — начал было Тёрк, говорящий сейчас за всех.

— Если кто из воинов сегодня попадётся мне пьяным, — отрезал феран, — и не способным держать меч в руках — это будет их последняя благодарность Изару. И ответственность будет лежать и на вас.

— По кружке цнели в честь разгоревшихся костров, — предложил старший брат.

— Обряды похоронные будут тоже на вас, — главу дома было сложно переупрямить.

— Может и не нападёт никто, — ответил на это Гир. — Сколько бродим по окрестностям и никого не нашли ни разу.

— Так пусть тот кто знает свои границы и может вовремя остановится — пьёт, а те, кто нет — лучше не начинают вовсе? — предложил Роар, понимая обиду командиров, а потом и воинов, которым они запретят пить.

— Я сказал то, что сказал, — проговорил феран, давая понять, что больше ничего слышать не намерен. — Цнельные будут держать ответ передо мной вместе со своими командирами. Все могут идти.

Тёрк проследил, чтобы почти всем налили по кружке цнели и пригрозил, что если кто выпьет больше, то будет иметь дело с ним или с Мирганом. Про ферана ни слова, но это было и не обязательно — двух командиров боялись больше, чем хотр. И страх гнева ферана был, конечно намного внушительнее, но и угроз от Тёрка и Миргана хватило, чтобы никто из воинов даже не заикнулся про обиду, что не могут праздновать, как всегда.

Рэтар не вышел вместе с командирами, оставшись у себя и так как Хэлы тоже не было на кострах, Роар не сомневался, что скорее всего они были вместе. Он даже думал, что они не явятся вовсе и он бы это понял, потому что феран не любил бывать на кострах и ясно, что ведьма будет с ним, хотя без её песен было бы не то. Но они пришли.

Сначала Хэла, потом Рэтар. Она устроилась между серых, как всегда весёлая и яркая, а феран поговорил кое с кем из дошедших до него городских и устроился с кружкой цнели возле бочек, что были сбоку от костра серых.

Роар решил подойти и поговорить. Подойти — подошёл, а вот заговорить не успел, потому что Хэла запела.

Как обычно тишина настала совершенно поразительная, как почти всегда бывало, когда Хэла пела что-то вот такое словно изнутри.

Такого голоса Роар у неё ещё не слышал. И песни такой тоже. Она была не длинной, в ней были неизвестные слова, впрочем сразу стало понятно, что это песня дерева. Очень хрупкого дерева, которое тоскует по другому, сильному, которое растёт на другом берегу реки?

Отчаяние, с которым рвала себя Хэла, когда пела, было просто невыносимым. У Роара всё внутри взвыло, поддаваясь этой тоске, он посмотрел на сидящую рядом с чёрной ведьмой Милену, для которой названия этих деревьев и песни родные, понятные — в глазах её было столько печали, столько горя, слёзы сами собой текли по щекам, она была такой маленькой, боги, такой невероятно недостижимо потерянной, испуганной. Она вцепилась в Хэлу, словно боясь её потерять и стало совсем невыносимо. Захотелось оказаться где угодно, но только не здесь.

Переведя взгляд на Рэтара, он понял, что тана тоже выворачивает, что тоже тянет из него тоску, боль, печаль. Но вот она, вот же его женщина и он может её обнять, может рассчитывать на близость, на тепло, на ласковый взгляд глаз...

И Роар внезапно только сейчас осознал, что ни разу не видел их просто стоящих рядом, ни разу не видел протянутой руки, ни разу даже взгляды их не пересекались, а если и

пересекались, конечно пересекались, то не задерживались друг на друге достаточно долго, чтобы не породить или скорее не укоренить мнение окружающих в том, что между ними есть близость. Вот та, порочная, страшная, так всех вокруг пугающая близость с чёрной ведьмой, которая обязательно обернётся для ферана чем-то жутким или смертельно опасным.

И совсем немногие знали точно, но даже Роар не решился бы об этом заговорить, точнее он решился, но сейчас понял насколько больно сделал Рэтару своими словами, спрашивая о том, кого феран будет спасать — Хэлу или его, своего тана.

Боги свидетели, никогда Роар не видел Рэтара такого взгляда. Никогда. Не было в жизни мужчины, стоящего рядом с ним сейчас, женщины на которую он бы смотрел так, как на Хэлу. Она действительно задела ферана с первого дня, как появилась. С того момента в башне магов, задела и самого Роара, он не врал себе, что если бы Хэла пустила к себе, он бы был счастлив близости с ней, но она не пускала, а Рэтар добрался, дотянулся, наплевал на всё, и теперь не мог даже открыто взять её руку, не то что обнять или что-то большее.

Картина утра, когда Тёрк обнимал Хэлу, стала представлять совсем с другой стороны — эти два мужчины были в связке всегда. Почти всю жизнь. Тёрк был тенью своего единокровного брата, наследника ферната, защищал его, знал о нём всё. И вот эта его громкость, шутливость, вседозволенность... он оттягивал на себя внимание от Хэлы и Рэтара. Он обнимал, млял её, любя безумно, и понимая, что дальше нельзя, но таким поведением давая понять, что все разговоры о близости между фераном и чёрной ведьмой лишь разговоры, потому что все вокруг, точно зная характер главы Горанов, понимали, что если бы близость была, то не позволено было бы никому ничего такого вот, что позволял себе Тёрк, даже ему.

Песня смолкла и настала мёртвая тишина. Кажется даже костры трещать перестали.

Хэла открыла глаза и посмотрела на видимо попросившую эту песню серую, которая сидела к ним спиной и лица её Роар не видел, но пробежавшись взглядом по лицам всех присутствующих женщин, точно мог сказать, что эта серая тоже или плакала или едва сдерживала слёзы.

Перед носом митара возникла кружка с цнелей. Это был Тёрк.

— На вот, почтенный митар, тебе надо срочно, а то сейчас взвоешь вместе с девками, — сказал он тихо, а громко попросил Хэлу не петь таких грустных песен.

Хэла пошутила, что спела по просьбе, а Тёрк попросил про дураков и молний, вставая с другой стороны от ферана и у Роара было точное понимание, почему именно эта песня.

“Тёрк, чтоб тебе!” — ругнулся про себя митар.

Феран повёл плечами и шеей, глянул на брата и усмехнулся. А Хэла запела, слова подхватили домашние и воины.

— Тебя там эйол искал, но сюда не пойдёт из-за ведьм и серых, — тихо проговорил Тёрк, обращаясь к брату.

Рэтар пожал плечами и поморщился, потом спросил:

— А скажи-ка мне, Тёрк, кто у нас ещё за молниями гоняется?

— Кроме тебя? — ухмыльнулся старший мужчина. — Хотя ты свою поймал уже.

И к удивлению Роара, тан кивнул и ухмыльнулся.

— Ну, вот Гент, ловит ту, что песню попросила, — и Тёрк указал на серую.

— Лорана, — назвал имя девушки феран, точно знавший, как какую серую зовут даже во времена, когда их было больше тридцати.

— А разве у него нет невесты? — спросил Роар.

— Да, в Зарне. Девочка совсем, — ответил Тёрк. — Но думаешь, чего это девица песню такую грустную попросила про любовь? Коли было бы всё просто нам бы тут души не рвали.

Роар нахмурился. Рэтар кивнул.

— Дальше та, что напротив неё...

— Донна, — назвал имя феран.

— ... она девочка ох, горячая, своенравная. У неё за юбку человек десять держится, а она всё всех направо и налево, — ухмыльнулся Тёрк. — Её так просто не возьмёшь, но вот к кому благосклонна — потом совсем голову теряют. Но, если что не по ней, она сразу дорогу им показывает прочь и дело с концом. Приходится пареньков на место ставить самому. Хотя кто поумнее, тот так за ней и волочится, счастливые зато смерть какие ходят. Таких человека три-четыре, наверное.

— Отлично, — фыркнул митар, тем не менее не переставая удивляться этой способности Тёрка быть в курсе всех, решительно всех дел.

— Дальше, — хмыкнул он.

— Оань, — назвал имя Рэтар.

Тёрк гоготнул:

— Она с птицей возится, Брок с птицей возится, но вроде не замечал я ничего такого. Да и парню не до того, а она строгая, да и животину любит кажись больше мужиков — видел как она украдкой тоорам морды чешет, иногда с Хэлой вместе, ну и хараг её любит. Фицры с ней тоже постоянно сидят, как и с Хэлой.

— Дальше Грета, — обозначил следующую серую феран.

— Милашка она, к ней всё Гнарк пытается подход найти, любит он миленьких таких. Ещё Брим.

— Брим? — удивился Роар, услышав имя воина из своего отряда.

— Да, он страх как млеет от неё, прям становиться сам не свой, — кивнул Тёрк. — Он такой когда пьёт. А тут и цнели не надо. Но пока ничего не получается ни у одного ни у другого.

— Йорнария?

— Не знаю, — слегка нахмурился старший брат ферана. — Она вообще от всех подальше держится и лицо у неё вечно такое, что к ней нельзя даже спросить чего подойти, не то что попытаться под юбку залезть.

Рэтар хмыкнул, словно соглашаясь.

— Куна.

— Мне кажется, что она любит кого-то, но я не знаю кого, так и не понял, — пожал плечами Тёрк. — У меня мысль была, что может из наших молодцов кто, из разведчиков или следопытов. Хорошо скрывают.

— От тебя? — ухмыльнулся феран, делая вид, что удивлён.

— Ну, знаешь, — повёл головой Тёрк. — Дальше мелкие девицы сидят...

— Сола и Анья, — назвал самых младших серых феран.

— Их не трогает никто, — пояснил старший мужчина, отпивая из своей кружки. — Хэлу все боятся.

— Карлина?

— А эту не трогает никто, потому что её саму бояться, — усмехнулся Тёрк. — Строгая очень и умная, не для нашего простого мужика.

— Последняя, — кивнул феран. — Маржи.

— Эта вместе с Донной крутила всем головы, — хмыкнул старший тан. — А сейчас смиренно и тихо сидит. Гир там шустрит. Видимо унял её наш братец хорошо.

— Чего? — не поверил своим ушам Роар, когда услышал имя младшего брата Рэтара и Тёрка, который был командиром его отряда, и его другом.

— А то, — очень многозначительно улыбнулся Тёрк, — вон стоит, мне кажется девка сейчас сторит вся, если он и дальше так смотреть на неё будет.

— И давно? — спросил Рэтар, внешне оставаясь спокойным.

— Не знаю. Вон у своего митара достопочтенного спроси, его же командир, его отряд. Друг его. Я вернулся из Шер-Ашгар, а тут такая вот невменяемость, — и Тёрк наградил Роара взглядом полным издёвки.

— Всё хорошо было, — митар поверить не мог, что проглядел, как Гир стал близок с серой.

— Угу. Смотри, — подмигнул старший брат ферана, когда Маржи встала со своего места и пошла в дом. Почти одновременно с ней туда же отправился и Гир. Рэтар и Тёрк на это ухмыльнулись. Роар потёр глаза пальцами и тоже усмехнулся.

— Чтоб меня, — ругнулся митар с досадой.

— Про белую ведьму рассказать? — ухмыльнулся Тёрк, нагибаясь к ферану.

— Тёрк, — с угрозой взвился Роар.

— А есть что рассказать? — Рэтар вопросительно глянул на тана, во взгляде было столько насмешки, сколько Роар не видел никогда в жизни.

— Да вот, — и старший брат ферана, кивнул в сторону митара, — достопочтенный наследник твой у нас там главенствует. Только проблема у него есть по жизни — он у нас мужик горячий, в руках себя держать не умеет, а ещё частенько дело на полпути бросает, если проблема какая возникает. Вот как в детстве до дома не захотел добежать от бринты и под дождь ледяной попал.

— Тёрк, — повёл головой Роар, и если бы не было рядом Рэтара, то наверное это могло бы закончиться плохо.

Правда справиться с Тёрком в рукопашную было невозможно. Единственный, кто мог ему противостоять — феран. На мечях может и смог бы достать, хотя и тут — Роар Горан был вторым мечником Кармии, но считали благородных, а Тёрк благородным по закону элата не был, хотя по опыту и умению, он был на одном уровне с Рэтаром, который в элате был первым.

— Брось парень, — повёл бровью старший мужчина. — Ты бегаешь быстрее всех, кого я знаю, и не надо мне говорить, что не добежал бы до башен, потому что нашли тебя от них недалече совсем, сколько бы ты бежал от того места? Хотя, прав, пример плохой. Ты же из вредности там остался и чтобы Ривану взбучку устроили, нет?

— А он-то тут при чём? — прорычал митар. — Сколько тиров прошло, ты мне припомни, что я может падал, когда ходить учился.

Тёрк ухмыльнулся.

— Зачем? А тот случай при том. Ты тогда характер показал, с тех пор не изменился ни разу. И тут надо сказать — или ты всё бросил, или вот ты умён, а? Пока бежал, план такой придумать — я здесь лягу, меня поколотит, может горячка случится, но я же не помру, а зато Ривана может высекут за это или хотя бы взбучку какую устроят, — повёл бровью Тёрк. — Потому что всё остальное ему прощали. Нет? Благородно, честно. Глупо, но благородно. Так

с тех пор и идёт, и с девочкой так получилось?

Старший тан говорил тихо, чтобы не беспокоить сидящих у костра. Говорил, как резал. Правду говорил. Рэтар никак не реагировал, и его невозможно было сейчас прочитать.

— Ты из благородства с ней сошёлся? Она такая несчастная вся, славная, милая, светлая, крохотная, такую защищать хочется — самому убиться, а её защитить. Да?

Роару хотелось уйти, но он понимал, что сейчас позволить себе этого не может, и стоял на месте, несмотря на то, что каждое слово Тёрка причиняло боль и дёргало с корнем.

— И ты так славно это проделал во время нападения шальных, — кольнул тот. — А потом что? Она оказывается может быть не милой, ей оказывается тоже злость известна и такая неприглядная — вся эта милость исчезает? Свет гаснет?

Старший мужчина ухмыльнулся в бороду:

— Но ты же знаешь, что обида — штука мерзкая. Не из-за неё ли ты, мальчишкой под дождь ледяной лёг? — Тёрк прищурился. — И сколько у тебя такого было, а? От обиды ещё никому легче не было. Вот и она... а ты что сделал? Испугался? Отступил? А зачем ты её в постель к себе потянул, если не знал о ней ничего?

Митар повёл головой, чувствовал, что готов вгрызться Тёрку в глотку, но понимал, что не сможет этого сделать.

— Она и луния тут толком не провела, а ты не сдержался, — прохрипел брат ферана. — Это тебе не девка из селения, она из другого мира, живущего другими законами, другими ценностями. Теперь не знаешь, как быть? Сердце рвётся, душа воет, ревёт дарланами? А смелости исправить всё нет? Проще же сделать вид, что ты не знаешь её, так?

Эта особенность Тёрка всегда выводила из себя. Он был этаким мудрым благостным мужиком, старшим, всегда улыбался и всегда был в хорошем расположении духа. Будто бы. На деле самый старший сын Эаргана Горана был въедливым, внимательным, суровым и всегда говорил правду в глаза — неприглядную, неприятную, резкую, жёсткую, хлёсткую. Бил наотмашь.

И сейчас он говорил то, что Роар не хотел слышать. Каждое слово выбивало дух и уж лучше бы Тёрк его избил, чем сказал всё это. Разве что не назвал трусом. Даже ярость внутри сейчас горела выжигая внутренности — ярость на самого себя.

Роар просто прикоснулся — Милена поддалась... он и сам знал, что всё так. Но надеялся, где-то очень глубоко, что если он сделает шаг назад, если уйдёт в тень, если перестанет пересекаться — ей станет легче, её отпустит, ей не будет больно.

— Злишься на меня? — ухмыльнулся Тёрк. — Зубами скрипишь? Ну, хочешь, попробуй меня достать, я даже ударить тебе дам первому и будет у тебя возможность срубить меня с одного удара. Ну, а если нет — не обессудь, уделаю тебя, почтенный митар, что перестанешь чувствовать, как душенька болит, потому что всё остальное будет болеть. Зато бабоньки тебя жалеть будут.

— Тёрк, чтоб тебе! — и Роар встретился с ним взглядом, потому что до того боялся, думая, что не совладеет с собой. — Отвали!

— Научись отвечать за свои поступки, парень, — и тан стал серьёзным, Роар видел все его клыки сейчас, он был готов к тому, что Роар его попробует достать. — А то Элгора опекаешь, потому что дерзкий братец, глупости творит постоянно, а сам насколько от него отошёл? Сам-то повзрослел?

Хэла снова запела что-то душераздирающее, заунывное. Тёрк фыркнул недовольно, глянул в сторону костра и обомлел. Роар глянул туда же и увидел, как вокруг Милены, всё

так же крепко держащей Хэлу за руку что-то растёт. Быстро — пока поётся песня, тянется трава, потом она теряет свой цвет, меняет его и становится другой, высыхает...

Роар глянул на танов — они во все глаза, не скрывая восторга смотрели на это чудо, которое явно творила белая ведьма. Её уже и не видно было сидящую среди этой травы, но она будто и не знала, что происходит, а вокруг все замерли, чтобы не спугнуть, чтобы не разрушить то, что сейчас происходило.

Когда Хэла допела и Милена открыла глаза, она была невероятно удивлена тому, что произошло. Хэла что-то сказала в свойственной ей шутливой манере, потом Тёрк что-то спросил, но Роар не слушал их. Он смотрел на изумлённое детское лицо белой ведьмы и больше всего на свете ему хотелось сейчас обнять её.

“Ты смогла сделать чудо, ты сотворила что-то живое, видишь — ты можешь, маленькая, ты можешь! Не сомневайся в себе!” — как бы сильно ему хотелось сказать это вслух.

Что-то возразила Мита и Хэла ответила ей, будто ничего между ними не было. А Роар встретился взглядами с Миленой и потянуло, рвануло с такой силой, что в глазах потемнело.

Как он мог отступить? Как можно было так испугаться и надеется на то, что само собой всё изменится? Её несчастье было так велико, что не было наверное возможности его измерить и в этом был виноват именно он...

— Хэла, что? — тихо прошептал тан и этот шёпот был таким ледяным, что отрезвил Роара мгновенно.

Он глянул на ферана, тот смотрел на Хэлу, нахмурившись, с нескрываемым беспокойством. Чёрная ведьма была совершенно непроницаемой — краска сошла с её лица, она смотрела в никуда, потом взгляд пришёл в движение. А потом вернулся к ним, точнее к Рэтару.

Приказы феран отдавал чётко, ясно и совершенно ни в чём не сомневаясь.

Дальше лишь ярость. Нападали вдоль всех костров. В селении всё тоже пришло в движение. Но воины из дома были первыми, на башнях запалили огни, костры помогли сделав место нападения достаточно освещёнными — врасплох Горанов не застали.

Роар отпустил сдерживаемый до сего момента гнев... на себя, на то, что случилось, на Тёрка и его, падающие на голову словно камни, слова.

Нападавших было чуть больше двух с половиной сотен, они растянулись в линию, вдоль костров и наверное не ждали, и это было странно, что их будут встречать.

Когда врага вокруг митара не оказалось, он осмотрелся в поисках Рэтара. В сражении они отошли от дома, были сейчас где-то в месте, где была та самая бринта, которую сегодня упомянул Тёрк и в которой Роар сделал то, что сейчас причиняло столько боли и жгло стыдом.

— Все? — это был Элгор, который оказался к брату ближе всего.

— Мало, нет? — отозвался кто-то из воинов с сомнением.

Роар всё же увидел в мерцании костров Тёрка. И они с Элгором переместились туда.

— Часть ушла, — сказал Гир.

— Давайте за ними, — отдал приказ Тёрк.

— Оставь, — отозвался Рэтар, который оказался ниже по дороге и сейчас они с Мирганом дошли до остальных. По куртке Рэтара расплзлось тёмное пятно — рана была от стрелы. Роар сделал движение к ферану, но тот его остановил. — В темень не нужно этого. Хотя мы знаем, что засады там нет, но Гир, обеспечь возвращение людей обратно в селение. Проверить ненавязчиво всех пришлых ещё раз и разместить в доме служения до

утра. Раненых шальных под башни.

— Мало их было, — пробормотал Мирган.

— Увели нас только, — нахмурился Тёрк, соглашаясь с братом.

Рэтар нахмурился глядя на дом, который по сути сейчас остался прикрыт только сторожевыми башнями и воинами на них.

— Возвращаемся, — отдал приказ феран, и в этот момент они услышали громкий и очень жуткий женский вопль.

К ужасу Роара, он не сомневался, что кричала Мита.

Воины ринулись к дому, на башнях начали подавать сигналы об опасности. Когда они добежали почти до ворот, под ноги им бросилась та серая, которую Тёрк назвал строгой и умной, Карлина, кажется, и никогда она не была настолько возбуждённой и взволнованной.

— Дальше нельзя, — остановила она воинов.

— В смысле нельзя, женщина? — взвился Мирган.

— Тут всё под силой энергии, — ответила она. — Наступите и умрёте.

— Что? — наступил на неё Элгор.

Девушка не стала объяснять, показала как можно было пройти по какой-то одной ей ведомой безопасной границе и Роар заступив немного почувствовал весьма ощутимый удар в ногу.

Они остановились перед одним из костров, всего в тридцати шагах от них был костёр серых, а за ним на земле сидела Хэла. Роар видел отсветы пламени на её лице. Она была совсем не в себе, безумной что ли — тот самый жуткий взгляд, который, увидев однажды, точно понимаешь, что перед тобой чёрная ведьма, истинное зло во плоти.

Присмотревшись митар увидел нескольких воинов — нападавшие, которые как-то оказались во внутреннем дворе, позади всех кто укрылся в башнях и позади воинов, которые ушли в поле навстречу тем, кто судя по всему не успели напасть, потому что Хэла предупредила об этом. Они стояли словно сотрясаемые судорогой, но не падали, словно не могли упасть.

— Что с ними? — спросил изумлённый Элгор, стоявший рядом с братом.

— Это, — Карлина нахмурилась. — Как сказать? Сила молнии. Она сейчас в земле и их бьёт этой силой, они все уже мертвы, я полагаю, но стоят, потому что молния не даёт им упасть...

— А Хэла? — спросил Тёрк.

— Там Найта, — ответила серая, — Она... я не знаю, но её точно ранили.

Сейчас Роар понял, что он слышит неприятный едва уловимый гул, а ещё вой и причитания Миты, которая сидела за их спинами смотрела в сторону двора и плакала, стелая, заламывая руки.

— Мы не можем докричаться до Хэлы, чтобы она убрала силу из земли, — продолжила Карлина, которая была относительно спокойна.

— В смысле убрала силу? — нахмурился Роар.

— Это Хэла пустила молнию в землю, — пояснила серая.

Митар поднял взгляд на ферана. Сказать, что на Рэтаре не было лица — это ничего не сказать. Он рвался внутрь и не имея такой возможности пытался понять, что можно сделать. Феран был сосредоточен до предела. Кровавый след на его плече расползлся, как видел Роар и сзади тоже.

— Хэла, — позвал ведьму феран совсем неслышно, даже не прошептав её имя, а

произнесся его одними губами, но этого к невероятности хватило, чтобы она дрогнула, перевела на них свой жуткий взгляд, который в отсветах пламени костра был ещё более ужасающим, а потом выражение её лица изменилось, едва различимый гул, который они слышали исчез и нападающие во внутреннем дворе одновременно попадали на землю.

— Всё, — кивнула Карлина.

В движение пришли только Рэтар, Тёрк и Роар. Остальные ещё какое-то время медлили, но потом тоже ввалились во двор, где между кострами сидела Хэла, держащая на руках Найту.

Девочка была мертва. Её безжизненный взгляд был обращён в небо. За воинами во дворе оказалась Мита, которая забрала тело девочки у Хэла — ведьма не сопротивлялась, а вот Рэтар взвился, но тяжело вобрав в себя воздух, выпустил, успокаивая себя.

— Чтоб меня, неужели свои, — выругался Тёрк, изучая тела нападавших.

— Элгор, — голос ферана стал ледяным и жёстким.

— Да, почтенный феран, — отозвался бронар.

— Мне всё равно насколько собран дом, но завтра утром мы отправляемся в Зарну. Всё, что не успел собрать — передай распоряжениями Гиру, он доделает и отправится вслед за нами. Сейчас всё привести в порядок и собираться.

— Я всё собрал, остались мелочи, — ответил Элгор, видимо решивший обозначить всё сейчас, но, встретив взгляд Рэтара, кивнул. — Да, почтенный феран.

— Тёрк, Мирган, вытащить всё что можно из тех, кого взяли живыми.

— Да, почтенный феран, — отозвались командиры, лица которых были такими же устрашающими, как и лицо Рэтара.

— Роар, девочку к эйолу. Заплати. К утру пусть отчитает.

Митар хотел возразить, что в благословение Изар не отчитывают мёртвых, но промолчал, потому что понимал, что сейчас тан не пощадит никого, если что будет не так, как он сказал.

— Да, почтенный феран, — ответил Роар и подошёл к Мите.

Рэтар сел, потому что всё это время он стоял над сидящей под его ногами чёрной ведьмой.

— Хэла? Пойдем со мной, — он протянул ей руку, а она словно и не видя вложила в неё свои пальцы.

Роар видел как гримаса боли исказила лицо тана. Он был не просто на грани, он был не просто в ярости — ещё немного... ещё чуть-чуть и кто-то, кто будет глуп и неосторожен и попадётся ему под руку — умрёт.

— Почему она её не спасла? — прошептала Мита и митар молниеносно сел рядом с кормилицей, прижав к себе так, чтобы она ничего не говорила, хотя бы до тех пор пока Рэтар с Хэлой не покинет двор, на деле заслоняя женщину от ферана.

Доставив тело девочки и рыдающую по ней Миту в дом эйола, митар с тяжёлым сердцем вернулся в дом.

Остановившись возле башен, Роар заметил между ещё не убранных бочек, в отсветах догорающих костров чью-то фигуру. Подойдя ближе сердце рванулось из груди, страх сковал, хотя никогда прежде такого с ним не случалось, но он не мог пошевелиться.

Она сидела на земле, обняв колени руками, спрятав голову. Шея была бледной на фоне одежды, длинная, волосы словно светились в отсветах огня, были собраны в косу, что шла по нижней кромке роста волос. Она была такой маленькой, такой... словно её потеряли.

Забыли про неё.

— Милена, — он и сам не понял, как получилось вытащить из себя хотя бы звук, потому что больно было невыносимо. — Маленькая?

Сев перед ней на колени, протянул к ней руку и тревога, что с ней что-то не так, поэтому она не откликается, разрослась в нём за это время ужасающе, словно не мгновение прошло, а вечность. Почувствовав прикосновение, она дёрнулась, подняла на него испуганный, полный ужаса взгляд.

— Тшшш, это я, Милена, я, — пальцы прикоснулись к мокрой от слёз щеке и он потерял себя.

— Роар? — прошептала она.

— Да, маленькая, ты почему здесь сидишь одна? — сдерживая себя, прохрипел он.

— Карлина должна была за мной вернуться, потому что я не могу идти, — тихо ответила она, спокойно, даже слишком спокойно. — Но Соле стало совсем плохо, поэтому сначала забрали её.

— Пойдём, я тебя отведу в дом, — предложил митар, протягивая к ней руку. — Нельзя так сидеть — можно заболеть.

— Тут от костра тепло, — прошептала Мила.

Роар сглотнул. И как только его руки ощутили холод её одежды, он сорвался. И так и должно было случиться, потому что всё с самого начала было между ними неправильно, не так как положено. А теперь уже и не разобрать всего этого до конца. Милена затряслась истерикой, схватила его за руки и Роар притянул её к себе, обняв, прижав, и вот в этот момент стало так невообразимо хорошо. Её руки обняли его шею:

— Прости меня, я так хотела попросить прощения, а ты не давал, — зашептала девушка ему в плечо. — Я... прости... я так виновата. Прости, я всё понимаю, даже если ты никогда не будешь больше на меня смотреть и говорить со мной, просто прости меня, пожалуйста...

И этот её шёпот убивал его, разрушал до основания.

— Нет, маленькая, нет, не надо! — погладил её по голове и спине Роар, прижимая к себе сильнее. — Успокойся, светок мой, не плачь!

Она мотнула головой, отчаянно хватаясь за него, словно падая.

— Нет, я всё испортила, я столько наговорила злого, всем пожелала таких страшных вещей, ужасных, может из-за меня всё это вокруг происходит такое жуткое. Все эти смерти, все эти люди... кукушечка умерла...

Она разрыдалась и Роар перестал ей что-то говорить — она не слышала. Она была так потрясена тем, что произошло, тем, что увидела, что было невозможно достучаться.

Он просто встал с ведьмой на руках и понёс в дом, крепко прижимая к себе. В воротах Роар столкнулся с Элгором, который сегодня ночью будет собирать дом в Зарну.

Брат махнул рукой на накрытые тела нападавших, сейчас сложенных вдоль ограждения тренировочной площадки. И митар сделал так, чтобы Милена не увидела их. Прошёл до двору и столкнулся в дверях с Карлиной, которая видимо шла забирать белую ведьму. Серая хотела что-то сказать, но Роар кивнул ей, давая понять, что о девушке позаботится сам. Она поклонилась и ушла в их комнату.

Постепенно рыдания Милены стихли, она провалилась в какое-то беспамятство, похожее на сон, дышала глубоко, но ровно, лишь иногда всхлипывая, отчего у Роара щемило сердце.

Принеся белую ведьму к себе, митар укутал её в укрывало, чтобы согреть, потом

устроился рядом, стараясь не беспокоить слишком, но на деле всё равно обнял, прижал к себе, потому что оставить было невыносимо тяжело.

Милена согрелась, голова её покоилась на его груди. И прижимая девушку к себе, Роар никак не мог понять, как не заметил, что без неё невыносимо. Хотя заметил и просто врал себе, что справится, что всё можно поправить, оставив её.

Тёрк был прав, прав во всём о чём сегодня говорил. И от этого было так мерзко внутри, тошно от самого себя.

Роара рвала гневная ярость, праведная, испепеляющая. С самого того момента, как Милена с болью наговорила этих страшных слов, а он оставив девушку, отправился спасать Хэлу, злостный яд сожаления травил митара изнутри.

Роар жалел себя. Ругал за то, что произошло и жалел, потому что внутри было осознание щемящей потери. Он нашёл что-то важное, невероятно ценное для себя, а потом потерял. По глупости. Но убедил себя, что так было нужно. Убедил. Поверил.

Милена вздрогнула, издала какой-то глухой, полный ужаса, не то возглас, не то очередной всхлип и очнулась. До конца не придя в себя она попыталась выпутаться из его рук.

— Тише, маленькая, — Роар сильнее её прижал и погладил по голове. — Это я. Тише.

Белая ведьма ещё какое-то мгновение была напряжена, потом расслабилась и он перестал её к себе так сильно прижимать.

— Роар, — голос Милены был хриплый после рыданий. — Я... прости... я...

— Дай я скажу, хорошо? Если это тебе так важно, — попросил он, перебивая, надеясь, что сможет достучаться. — Послушаешь меня?

Милена кивнула и он устроил её так, чтобы видеть лицо.

— В моей жизни есть люди, которые очень мне дороги, понимаешь? — Роар вздохнул, подбирая слова. — Настолько, что готов умереть ради них. И Хэла одна из этих людей. Ты можешь сказать, что она тут совсем недавно, да кто угодно так может сказать, что нельзя сравнивать Хэлу и Элгора, или Рэтара. Но время не имеет значения и даже то, что Хэла спасла мою жизнь, не имеет. Я отдал долг. Но я сделал бы для неё это ещё много раз.

Он запнулся, нахмурился, а Милена хотела что-то сказать, но Роар мотнул головой, давая понять, что не договорил.

— И ты тоже мне дорога. И я сошёл бы с ума, если бы мне сказали выбирать... я отдал бы свою жизнь только бы не выбирать. И, даже если тебе кажется, что мне есть за что тебя прощать, но прощение невозможно, всё равно я бы умер за тебя не раздумывая.

Она подняла на него свои невероятные тарисовые глаза, мокрые от слёз, уставшие, испуганные, но сейчас в них было столько какой-то невероятной надежды, столько тепла.

Милена была такой невообразимо красивой, ненастоящей от света магических сфер, ему нельзя было трогать что-то такое. Нельзя. Потому что она не просто женщина, не просто одна из многих. Она была воплощением сказаний о богинях, которые были в его мире когда-то давно, а он позволил себе не просто прикоснуться к ней, он позволил намного больше и в итоге... нельзя, это запрещено не просто так.

— Это я виноват перед тобой, — прошептал Роар, потому что и говорить ему с ней было нельзя. — Я всегда был слишком нетерпеливым, слишком упрямым и порой я просто не желаю быть разумным. Я должен был не просто не трогать тебя, я должен был, раз повёл себя так легкомысленно, остановиться, не идти дальше. И у меня была такая возможность, я мог, но я не стал, потому что ты лишаешь меня воли, потому что я теряю голову просто

взглянув на тебя. Но это не твоя вина, это я... прости, что повёл себя так. Прости, что не дал тебе возможности сказать “нет”, не дал возможности вздохнуть и понять, что происходит. То, что случилось лишь последствия моей безрассудности...

Милена, нахмурилась, мотнула головой.

— Почему все считают меня глупой? — спросила она глухим шёпотом. — Я понимаю почему все считают меня слабой и немощной, я же такая вечно рыдающая жертва, меня только сожрать, чтобы не мучилась...

— Милена, — и Роар потерялся.

— Нет, — сказала она резко, и была такой твёрдой, сиплым, пропавшим от плача голосом, но она сказала это “нет”, как отрезала. — Ты считаешь меня именно такой. Ты говоришь, что не дал мне возможности подумать, но никто здесь не считает, что я вообще умею думать. Все смотрят на меня снисходительно и никто не смотрит как на равную. А ты вообще видишь во мне человека? Женщину видишь? Нормальную. Обычную...

Роар пытался понять её, внезапный наполненный печалью протест, его озадачил. Он повёл головой, но Милена вздохнула и нахмурилась.

— А, или я же дар богов, да? — проговорила она, и слёзы потекли из её глаз снова. — Меня надо под стекло и любоваться, а то вот мало ли что? Живёшь всю жизнь и слышишь, что ты ничего не достойна, что ты никчёмная, пустоголовая, так себе на вид, а потом попадаешь вот куда-то хрен знает куда и ты особенная, с тебя внезапно пыль начинают сдувать, только почему-то легче не становится, и твои слова продолжают считать пустыми и...

Она была в отчаянии, она снова стала злой, обиженной...

“Обида — мерзкая и злая штука...” — прохрипел у митара в голове Тёрк.

И Роар притянул её к себе и поцеловал. Вот он дурак, а? Почему он решил, что её “да” было не настоящим? Насколько он уверен в том, что ему было не отказать? А он мог ей отказать? От этой мягкости, податливости, хрупкости Роар переставал соображать, терял волю...

— Ты не пустая, — прошептал он ей в губы, — и я тебя слышу. Я исправлюсь, хорошо?

— Я тоже, — прошептала она и уже не обязательно было ещё что-то говорить.

Он действительно чувствовал себя с ней как мальчишка, который ничего не знает и ничего не умеет. Почему она так на него действовала? Что было такого с ним, когда он держал её в руках, когда пальцы почему-то переставали делать то, что делали столько раз? И почему это единение было так нужно, как воздух прям, как будто до этого не дышал совсем?

— А как Хэла, ты знаешь? — спросила она лёжа рядом с ним, потерявшись где-то под боком, такая она была всё-таки маленькая.

— Не знаю, — честно ответил Роар. — Но она с фераном.

Она кивнула и он решился спросить:

— Милена, что там случилось? — и от вопроса ведьма сжалась, а он пожалел, что спросил. Рано. Надо было дать ей возможность прийти в себя. — Не можешь — не отвечай. Это не важно сейчас. Попробуй поспать немного, скоро нужно будет вставать...

— Я плохо помню, — начала Мила. — Как будто меня там не было, а я кино смотрела... ты не знаешь, что это... прости... я наверное не смогу объяснить. Словно со стороны. Когда вы все ушли, женщины потянулись к сторожевым башням, меня Хэла подняла и я пошла с ней, а потом Найта побежала назад, потому что там остались цветочки, те что я вырастила...

Она всхлипнула, а Роар прижал её к себе сильнее.

— Хэла меня оставила и пошла за ней, я стояла там и вдруг возле девочки появился здоровенный мужик, он её за шею схватил, а под рёбра сунул кинжал и все замерли, а он спросил кто из нас ведьма и Хэла сказала, что она. Я даже не поняла, откуда их столько взялось... человек десять точно было, да?

Он кивнул, напрягся невольно.

— Один Хэлу схватил и потащил, — прошептала Милена. — Но не наружу, а обратно, только не в дом, а я даже не поняла куда... А Найта вдруг укусила того, что её держал и он...

— Всё, хватит, не надо дальше, — попытался остановить рассказ Роар, но ведьма упрямо замотала головой.

— Он её наверное не специально, — ответила она, смутившись от своих слов. — Но когда Найта упала, и он что-то сказал на это... Мита закричала, и тот, что держал Хэлу, вдруг какой-то странный звук издал, и прямо отпихнул её от себя. А она кинулась к девочке и тут тот, который её ранил, выругался и схватил, точнее попытался, а потом этот гул... я даже не поняла сначала, но это у меня в мире так линии электропередач гудят. И все эти воины вдруг выгнулись и их стало трясти, а потом вы прибежали. Это было электричество.

— Эле... что? — нахмурился Роар.

— Электрический ток, — ответила Мила, стараясь объяснить. — Молния, которую у меня в мире человек научится делать сам и она даёт нам энергию. Без неё ничего не работает... в общем это наше всё. Мой мир мало что сможет без электроэнергии. И она опасна. Смертельно. И Хэла пустила ток в землю и их всех убило разом.

Милена шмыгнула носом.

— Хэла так любила девочку, — с болью произнесла ведьма. — Так трепетно и так... тоскливо. Я никогда такого не видела. Она с ней обращалась как ни с кем, она понимала её. Как она вообще теперь будет?

Роар погладил её по голове. Он прекрасно понимал о чём говорит Милена — Хэла будет разбита. Но не только этим... Чёрная ведьма никогда никого не убивала в их мире. Ни разу. Даже в этом проклятом Шер-Аштар она защищала, а не нападала. Шальных, напавших вв время торгов, она просто лишила сознания, но не убила. И понятно, что видимо могла убить совершенно спокойно.

— Как они оказались в доме, эти люди? — спросила девушка. — Через портал?

— Нет, — ответил митар. — Порталы закрывают обычно в праздники, когда нет охраны рядом, чтобы нельзя было ими воспользоваться без согласия принимающей стороны. Они пришли иначе.

— Иначе?

— Не думай об этом, — мотнул головой митар. — Послезавтра будем в Зарне. Там такого не случится.

— Роар?

— Ммм?

— Я совершенно не умею ездить верхом и тооры меня не любят, — поделилась Милена. — Хэла обещала после костров меня научить, а теперь...

— Не переживай, маленькая. Я буду рядом, — он прижался губами к её макушке. — Попробуй поспать, хорошо?

Она согласно кивнула и через какое-то время погрузилась всё-таки в сон. А Роар лежал, прижимая её к себе и внутри поверх невообразимой радости, что она снова рядом, расплывалась жуткая тревога, полная страха и бессилия.

Глава 22

Можно ли изменить какой-то из моментов, можно ли просто перестать двигаться вперёд и остаться в точке наивысшего покоя, когда счастлив, когда ничего не нужно больше?

Рэтар смотрел на спящую Хэлу и его уничтожала мысль о том, что совсем немного времени назад они были вместе, он чувствовал её, она смеялась, она была рядом. Просто разговор, просто сплетение рук, потом всепоглощающее желание, обжигающая близость...

И вот руины. Она разбита, сметена, раздавлена, словно ураганом вырвана из его рук и он ничего не может с этим поделать, не может исправить и снова не уберёт... Рэтар был не там, где был так нужен... ей нужен.

Он тяжело вздохнул и сел рядом с кроватью, отдаваясь на волю тяжёлым думам.

Перед кострами, когда в доме уже было мертвенно тихо и даже привратник портала был отпущен отдыхать, Рэтар нашёл Хэлу на привычном месте, между зубцов, сидящую в задумчивости и смотрящую в бесконечность полей, гор, линии где земля встречается с тускнеющим небом.

Странное дело, но когда он был ребёнком он тоже часто любил забираться вот в такие места. Сидел здесь и на башне, которую потом присвоил себе Элгор.

Хэла была настолько погружена в себя, что даже не заметила, как он забрался к ней. Впрочем застать её врасплох не получилось — она перевела на него взгляд и улыбнулась.

— Почему ты не на кострах, Хэла? — спросил Рэтар.

— Хотелось побыть одной, — ответила ведьма.

— Что-то случилось? — нахмурился феран.

— Нет, — это привычное движение головой и плечом. — Всё хорошо. Просто...

Почему он никогда не замечал, что она так смущается?

— Я на самом деле не люблю людей, точнее... их внимание ко мне, — ответила Хэла, прикусывая губу. — Мне неловко и оно меня утомляет. В моём мире я жила в огромном городе, где было невообразимое для этого мира количество людей и все спешат куда-то, и ты можешь быть в толпе и быть абсолютно одиноким, знаешь... Никому не нужным, пропадёшь и никто не заметит.

Последние слова она прошептала, улыбнулась так робко.

— И конечно это странно, но мне нравилось это, — кивнула ведьма. — А здесь — все знают кто я, я постоянно притягиваю к себе внимание и я устаю... а ещё эта способность, когда, сам того не желая, видишь то, что не хочешь. И я научилась видеть не сами действия, а эмоции... чувства. Но всё равно выматывает.

Рэтар понимающе кивнул, и было так важно, что она говорила о себе, потому что это было такой редкостью, кажется он ценил эти моменты, как никакие другие.

— Даже когда выступала, — склонила голову Хэла, — в момент, когда стоишь на сцене и все на тебя смотрят, и все на таком драйве, ну в смысле эмоциональном... эм... подъеме чувств, — нашла она, как объяснить, — и так хорошо, но после... я могла сутки лежать и не шевелиться, потому что пустота внутри невыносимая — словно все вокруг вытянули из тебя все силы без остатка. А я люблю быть одна. Мне это нравится. Такая спокойная тишина. Мыслей.

И она пожала плечами, ухмыльнулась озорно:

— Я сегодня с утра хотела быстро прогулять хараг, чтобы не оказаться в толпе всех вас, возвращающихся из селения, а в итоге зашла к серым и они меня закрутили, я заплела больше десяти кос, ответила на страшное количество вопросов. А потом...

— Попала в толпу из нас? — договорил Рэтар.

Ведьма согласно кивнула и слегка улыбнулась.

— Ты можешь осадить Тёрка, чтобы он не делал так, — предложил феран. — Или я скажу, хочешь?

— Нет, — мотнула головой Хэла. — Тёрк такой, не знаю, но он тянет внимание на себя и рядом с ним легче, потому что все смотрят на него. С ним рядом кажется реально быть невидимым.

Рэтар хотел бы что-то сказать, но лишь улыбнулся. Он и сам столько раз пользовался этой особенностью Тёрка — быть рядом с ним неприметным.

— Костры зажигают, — отозвалась Хэла, кивая в сторону виднеющейся отсюда части дороги. — Красиво.

Ведьма снова улыбнулась, потом перевела на него взгляд и повела бровью:

— А ты решил снова сидеть в доме, один, как сыч?

— Как кто? — феран нахмурился.

— Сыч — это птица, хищная, из совиных, — объяснила Хэла. — Идеальный охотник. Удивительная птица, ночная и она абсолютно бесшумно летает. В моём мире есть такое выражение “один, как сыч”, не знаю почему, наверное, потому что совы птицы-одиночки. А ещё совы символ мудрости. Научное название сыча — афина. А Афина — это богиня мудрости и военного ремесла. По-моему идеально для тебя.

— Действительно, — ухмыльнулся Рэтар.

— Почему ты не любишь костры?

— Я люблю костры, — возразил он. — До того как стал фераном, я почти не пропускал их. Особенно в детстве. Даже в военных походах, костры в честь праздника, особенно Изара — это неприкосновенное.

— Что изменилось с того момента, как ты стал фераном? — поинтересовалась Хэла. — Разве ферану нельзя на костры? Без него же их даже не зажигают.

— Мой отец никогда на них не ходил, — вздохнул Рэтар. — Но при том, что он был вечно мной недоволен, да и вообще всем недоволен. Он никогда ничего против костров нам не говорил. И я тоже думал, что он просто их не любит. А потом стал фераном. И понял, что феран на кострах всех стесняет. Достаточно и митара. А феран он, как...

— Батя, — проговорила Хэла серьёзно, а потом улыбнулась. — Как отец, а при отце не поругаешься матом, не выпьешь и уж тем более не пообжимаешься... надо вести себя прилично, а какое тогда веселье?

— Да, Хэла, — рассмеялся он, — как-то так.

— Но разве отец не человек? — ведьма сконила голову, и слегка улыбнулась.

— Человек, — согласился феран. — Но когда ты отец целого ферната и все эти люди смотрят на тебя, как на кого-то подобного чуть ли не богу... Ты для них тот, кто всё может, ты их опора, надежда, защита. Ты должен быть непоколебим, как гора...

— Тут и не повеселиться, — проговорила Хэла, а Рэтар усмехнулся. — Можем не идти, так? Или нет?

— Эти костры пропустить нельзя, — вздохнул феран.

— Из-за нападения? — спросила ведьма. Он кивнул и Хэла, спустившись со стены, протянула ему руку. — Тогда пошли?

Взяв её руку с ледяными пальцами, феран потянул ведьму на себя и она оказалась у него на коленях.

— Мы можем задержаться, — прошептал Рэтар, целуя ей пальцы.

— Достопочтенный феран, ты с ума сошёл, — она нахмурилась и попыталась встать, глянув на выход.

— Хэла, в доме пусто, — улыбнулся он, прижимая её сильнее, и поцеловал в шею. — И ты об этом знаешь.

— Кто-то может вернуться и, — шепнула ведьма, — я не замечу, и...

Его рука добралась до её ног под юбкой, Хэла выдохнула и Рэтару удалось её поцеловать. Получив стон со своим именем в губы, он развернул её спиной к стене, чтобы закрыть собой.

— Отпусти, Хэла, — шепнул он и, в очередной раз, утонул в бездне её замутнённых от страсти глаз.

И словно не было близости утром, словно он в руках её не держал вечность. И внутри эта пустота, которую можно заполнить только вот этой нежностью рук, мягкостью тела, ласковым дыханием на коже, и этой настоящей, живой страстью... стоны, бездна взгляда...

Никогда не было такой тяги к женщине, никогда не было столько вот всепоглощающего желания, которое рвало на части, сметая всё кругом. Он вообще сможет без неё?

Всё, что происходило там, за пределами этого их маленького, но такого бескрайнего кажется мира на двоих, было не важно, не нужно и так тяготило. Рэтар понимал Хэлу, когда она говорила об одиночестве, каждое слово, потому что у него было так же.

— Ну, что пошли петь? — спросила Хэла хриплым голосом, пытаясь прийти в себя.

Рэтар прижимал её к себе, невообразимо хрупкую после их близости, внезапно ставшую совсем маленькой рядом с ним. Улыбнувшись и поцеловав, ему больше всего на свете хотелось сейчас утащить её к себе, укутать и не отпускать, и вообще ничего не делать.

— Про дурака и молнию? — спросил феран.

— И не только, — хихикнула ведьма.

— Эта песня кажется про меня, — заметил Рэтар.

— Правда? — нахмурившись, она посмотрела на него с удивлением.

— Да, — шепнул он, всё никак не желая отпустить.

— Эта песня про дурака, — заметила Хэла.

— Разве? Люди считали его дураком только, потому что он хотел поймать молнию, но кто сказал, что он был дурак? Молнию-то он поймал. И я поймал, разве нет? Вот она — светит только мне.

Ведьма рассмеялась, уткнувшись ему в шею:

— Да ну тебя! И правда — дурак, — смущённо буркнула Хэла.

Улыбнувшись Рэтар поцеловал её, потом сильнее к себе прижал. Снаружи запели песни, они начинались где-то в селении и по подхватывающим на кострах людям доходили до дома.

— Идём? — шёпотом спросила ведьма.

— Идём, — кивнул феран с неохотой и помог ей затянуть шнуровку на платье.

— Ты меня растрепал всю, — насупилась она, ощупывая свою голову.

— Мне так больше нравится, — ответил Рэтар, — но сейчас это и вправду плохо.

Хэла уставилась на него, приподняв вопросительно бровь.

— Потому что так мне сложнее держать себя в руках, точнее свои руки от тебя подальше, — пояснил он. — Невозможная будет мука.

Ведьма стояла мгновение, а потом рассмеялась звонко и заразительно.

— Вот вы неугомонный, достопочтенный феран.

Он ухмыльнулся и подав ей руку, чтобы помочь спуститься, пошёл в дом.

— Рэтар, — позвала Хэла и, когда он обернулся, увидел в ирнитовых глазах что-то неуловимо тревожное.

— Да? — нахмурился он. Её взгляд пугал. — Что, родная?

— Нет, ничего, — ведьма мотнула головой, потом слегла улыбнулась, пытаясь показать, что всё хорошо.

Но хорошо не было.

— Хэла, — феран вернулся и обнял руками лицо, заглядывая в глаза.

— Просто... не хочу туда идти... и... если что-то случится всё-таки, ты... — она сглотнула и закусила губу.

— Я обещаю, что буду осторожен, хорошо? — проговорил Рэтар, надеясь её успокоить. Хэла кивнула, уткнулась лбом ему в грудь.

“Боги, хорошая моя, не тревожься!” — обнял её, втянул тёплый запах.

Она действительно переживала и это была такая чистым, открытым чувством, что защемило сердце.

Пока Тёрк разделявал Роара, внутри билось понимание, что вчера Рэтар поступил так же, как митар. Сомнения полезли наружу, а он с ними не совладал и сделал своей ведьме больно.

Стоял, ждал в тревоге, грыз себя, а Хэла с её песнями разбивала внутри всё безжалостно. И становилось только хуже.

А дальше понеслось... поскакало... Как звери, на кровь, на добычу, обостряя все чувства до предела — как же Рэтар был зависим от этого. Как оно его сметало — запах битвы, звук битвы, дух битвы. Так просто не отпускает. Уж такого как он точно.

Вот тут было хорошо, до воя, до скрежета в зубах, до дикой радости. Это мерзкое ощущение, когда тебя не могут достать, ты словно высшее создание. Бессмертный. Высший хищник в самом лучшей своей форме.

И уже когда заметил стрелу, летящую в спину Миргану, и сам собой подставился под неё и кольнуло вот это обещание. Ухмыльнулся сам себе — вот тебе и осторожен! Хэла теперь наваяет и будет права. Брат ошалело уставился на него.

— Рэтар, я...

Феран мотнул головой, давая понять, что всё хорошо, потому что дышал этим кровавым воздухом, потому что азарт наполнял лёгкие и этот триумф, потому что поймал мгновение.

Стрела прошила насквозь плечо и теперь тянула в ране, но кости были целы, а в пылу боя так вообще была чем-то незначительным. Ощупав плечо и убедившись, что ранение не страшное, он с силой выдернул стрелу. Опрометчиво, конечно, но сейчас носиться с раной было глупо.

Нападавших было меньше, чем ждал Рэтар. Он почему-то был уверен, что их должно быть больше, особенно против отряда ферана и отряда митара, которые сейчас были в Трите и уж, хоть рубите его на куски, он не поверил бы, что напавшие этого не знали.

Или они дураки, или самоубийцы... Или всё это ради чего-то совсем другого и Рэтар смотрит на всё происходящее совсем с неправильной стороны.

Сомнение в выводах разрослось мгновенно, стало гнетуще огромным, удушающим. И крик со стороны дома его сломал.

Вот тот ужас, который феран испытал, когда увидел тело Хэлы у мага, этот ужас снова поднял голову и щёлкнув клыкастой пастью, вгрызся в позвоночник.

А потом этот водоворот — Хэла жива, но к ней нельзя, это её лицо, страшное, жуткое, безумное... потерявшее всё человеческое в отсветах огней костра.

“Потом не говори, что я не предупреждал. Когда вокруг тебя трупы будут лежать, а ты будешь стоять, смотреть на это и понимать, что сделать ничего уже нельзя”, — слова Зеура загромыхали раскатами внутри.

Хэла никого не убивала, Хэла боялась убивать...

А Карлина за его спиной объясняла что-то про молнию в земле, которой чёрная ведьма убила нападающих. И дальше — вопросы-ответы. И... они не могли докричаться до неё.

— Хэла, — беззвучно проговорил Рэтар одними губами.

“Родная моя, хорошая моя, Хэла... несносная моя, прошу тебя, Хэла...” — умолял он про себя, не имея больше никакой возможности что-то сделать. В бессилии феран повёл плечом со злости на себя и рана, о которой он успел уже напрочь забыть, ударила болью с силой, начала разрастаться.

И вдруг, словно чувствуя эту его боль, Хэла подняла на него свой взгляд. В нём было столько горя, что захотелось уничтожить всё вокруг, пламя внутри метнулось, а его чудище взвыло.

Гул, неприятный, навязчивый, исчез и даже не зная до конца что это было, Рэтар понял, что теперь можно добраться до ведьмы.

Тела нападающих разбросанные по двору, а в руках Хэлы мёртвая Найта — как Рэтар мог так просчитаться?

Из последних сил, яростно, переступая через отчаянное желание просто обнять свою ведьму, прижать к себе, он разорвал себя, пытаюсь понять, что нужно сделать в первую очередь и, стараясь ничего не забыть, отдал приказы.

Оказавшись в доме, на лестнице сдерживать себя уже не было сил, да и не надо было — Рэтар подхватил потерянную, идущую словно неживая, Хэлу на руки. Ведьма была холодная, такая, что стало страшно, словно и вправду умерла.

— Ты ранен? — будто в бреду спросила она, протянув руку к плечу.

— Это ничего, родная, ничего. Пройдёт, — усадив её на кровать, он стал её раздевать, снимая платье с кровавыми пятнами на нём, потом нижнюю рубашку.

Хэла не сопротивлялась, дала закутать себя в укрывало, но, когда Рэтар хотел её уложить, не далась:

— Кукушечка умерла, — тихо отозвалась она с таким спокойствием, что стало жутко.

Паника, его заполнила паника... как ответить? Что ей сказать, чтобы не сделать больнее, чем уже есть, потому что Рэтар кажется чувствовал эту боль внутри ведьмы, которая отзывалась в нём и как бы хотелось сейчас хоть немного уметь того, что умела Хэла, чтобы забрать это, чтобы ей стало легче.

— Хэла, тебе надо поспать, хорошо? — выдавил из себя феран.

— Я их всех убила? — склонила голову набок ведьма, внимательно всматриваясь в его глаза.

— Да, — подтвердил Рэтар и почувствовал, как Хэла уменьшилась в его руках, сжалась, став совсем маленькой.

Он прижался к её лбу губами, потом своим лбом, её руки обняли его:

— Хэла, поспи, не думай об этой сейчас, — попросил феран в отчаянии, — не надо. Просто попробуй поспать, хорошо? Я побуду с тобой, я здесь. Хэла...

Ведьма слегка кивнула, её руки, державшие его, через какое-то время ослабли, скорее

всего она даже не уснула, а это сила магии вытянула из неё сознание, опустошила.

Рэтар осторожно отстранился, уложив её, и бессильно сел на пол оперевшись спиной на кровать. Рука Хэлы лежала на краю и феран чувствовал её мертвенную холодность на своей шее. Мысли то путались, тянули за собой в омут, то начинали скакать в ошалелой безумной пляске.

Рэтар с трудом встал — надо было снять кровавую одежду, обработать рану, несмотря на то, что больше всего ему хотелось сейчас обнять Хэлу, согреть её, просто слушать, как она дышит, просто утешить, когда проснётся. Но как же стало страшно от осознания того, что будет, когда она проснётся...

Уже снимая рубаху, Рэтар почувствовал странность в том месте, куда попала стрела. Нахмурившись, он усталился на плечо, повёл им, потом рукой — болело, была кровь на ткани. Ощупав место, где вошла стрела и сейчас на рубахе было пятно крови, он снял рубаху — на месте входного отверстия был только шрам, след от стрелы, и судя по всему сзади было так же...

Хэла его заговорила. Пока обнимала, вылечила и сейчас осталась только тупая, неприятная, но уже совсем отдалённо напоминающая о себе боль.

Рэтар глянул на её бледное, полное усталости лицо и словно провернули меч — боги, да что ж такое? Хорошая моя... не надо было!..

— Они пришли через нижние ходы, с мёртвой земли за замком, — отчитывался Тёрк, злой, как хотра.

— Мы проверили, они были внутри и долго, сегодня весь день точно, как попали не знаем, но пустили их изнутри, — Мирган тоже был на пределе.

— Свои, кто-то из своих, — прорычал старший брат. — Но те, которых мы вскрыли в допросе, знали только, что в доме есть отряд, а кто и откуда не знали. И при них ничего нет. Вот вообще пусто. Даже горюшек нет. А оружие всё одинаковое.

— Один сказал, — добавил Мирган, — что те, что в доме, шли за ведьмой.

— За какой? — спросил сидящий в комнате угрюмый и не менее злой Элгор.

— В том-то и дело, что непонятно, — повёл плечом Тёрк.

Бронар мотнул головой:

— Я вообще не понимаю как это? — он с возмущением посмотрел на ферана, потом на командиров. — А если бы там стояла не чёрная, а белая? И когда спросили, она сказала бы что она ведьма — забрали бы её?

И вопрос Элгора был понятным. Доклад Тёрка о том, что происходило во дворе пока они были в битве, Рэтара тревожил не меньше, чем его младшего тана.

Рэтар знал, что Хэла справилась бы — сомнения в ней не было. Ферана так же не тревожило то, что она переубивала всех нападавших разом — на врага ему было наплевать. Главное, что от силы чёрной ведьмы не пострадал никто из домашних, а значит всё было правильно, и Хэла была в себе. Скорее всего, она позволила бы им увести себя, а потом уже справилась с ними. И это давало ферану понимание, что слова мага, опасения, которые Зеур так усиленно пытался вбить в голову Рэтара, были пустым недоверием мага к ведьме.

Но вот смерть девочки... Хэла будет винить себя, как и в смерти этих нападавших — не спасла, не помогла... Слова Миты, что она бросила в горе, будут бить по Хэле, несмотря на то, что Рэтар был уверен — если бы она могла спасти девочку, то спасла бы её.

И ещё вопрос — зачем... зачем всё это? И неопределённость, неизвестность раздражала ферана пожалуй сильнее всего остального.

— Рэтар? — позвал Элгор. — Можно скажу?

— Скажи, — разрешил он.

— Давай отправим ведьм в Зарну через портал? — предложил тан. — Не надо тащить их в переход. Пусть с ними отправится кто-то из нас — Тёрк, Мирган, Роар или ты отправляйся. Мы сделаем всё. По-хорошему, конечно, всех серых бы отправить так, потому что, если их никого с нами не будет и на нас нападут, так и искать будет нечего... и Миту бы туда тоже, а то она совсем никакая.

— Портал сломаешь, парень, — отозвался Тёрк, — столько серых он не выдержит. Для него и две ведьмы подряд это слишком. Но вот переодеть серых в платья домашних или харна — неплохо было бы.

— Хорошо, — согласился Рэтар. — Подготовь привратников для перехода и позови Роара.

Больше всего ферану сейчас не хотелось бы оставлять Хэлу, но переход дома под угрозой нападения он оставить без своего внимания не мог.

— Тёрк, — он глянул на старшего брата, когда Элгор вышел.

— Слушай, — перебил его тот. — Я знаю о чём ты думаешь, но мы справимся с нападением, не первый же раз, правда. Отправляйся в Зарну с ведьмами...

— Звал? — дверях показался Роар.

— Да, — ответил феран, стараясь не вестись на убеждения старшего брата. — Отправишься в Зарну с ведьмами, через портал. Брока с собой возьмешь.

— Хорошо, — нахмурился митар. — Это из-за того, что они за ведьмой пришли?

— Откуда знаешь? — спросил Тёрк, потому что Роара не было во время доклада.

— Милена рассказала, — ответил митар.

Тёрк фыркнул и повёл головой:

— Теперь уж придётся идти до конца, понимаешь?

— Тёрк, давай, — рыкнул Роар.

— Что? — громыхнул старший брат ферана.

— Хватит, — прервал начинающуюся перепалку Рэтар.

Ему было искренне всё равно сейчас на решение Роара и он не хотел думать к чему это может привести — только надеялся, что произошедшее между белой ведьмой и митаром, научило его хоть чему-то и повторно Роар себя так же опрометчиво не поведёт.

— Тёрк, ты остаёшься с Гиrom, — решил Рэтар. — Поможешь ему всё тут доделать, чтобы к вечеру отправиться за нами. Шерга бесполезен в этом, да и... я его заберу с собой.

Старший брат был явно недоволен решением ферана, но перечить не стал, лишь с неохотой кивнул.

— У нас проблема, — за спиной стоящего в дверях Роара показался Элгор.

— Парень, каждый раз, когда ты это говоришь, начинается какая-то неприятная возня, — недобро проворчал Тёрк.

— Что? — спросил Рэтар, тоже напрягаясь.

— Портал в Зарну закрыт, — ответил бронар.

— Так благо Изара, — отозвался Мирган. — Как Изар взойдёт — откроют.

— Мирган, — мотнул головой Элгор, — с трифом не работает. Закрыли для трифа Горанов? Праздник не при чём.

— Может по ошибке закрыли, — нахмурился командир.

— По ошибке? — хмыкнул зло Тёрк. — Начинается...

— Зеура нужно найти, — предложил Роар.

— Элгор, отправь магу послание, и запросы отправляйте в Зарну, пока мы тут, — Рэтар был на грани. — Не достучимся — Тёрк, приготовь разведку, чтобы в Зарну отправились и сообщили нам, что происходит. А ведьмы значит с нами, как изначально планировали.

И феран был с одной стороны рад этому обстоятельству. Да, он понимал, что Элгор прав, но чтобы Хэла исчезла из поля зрения, особенно в такой момент — внутренний зверь сходил с ума от этого.

Все разошлись, последний был Тёрк, он задержался, дождался пока все выйдут и спросил:

— Как она? — брат кивнул в сторону комнаты ферана.

— Не знаю, Тёрк, не знаю, — ответил Рэтар.

— А плечо твоё?

— Хорошо, — он дёрнул им непроизвольно. — Хэла вылечила.

— Это же хорошо, значит была в себе, — предположил Тёрк.

— По-моему она сделала это неосознанно, — ответил Рэтар.

Брат тяжело вздохнул.

— Хочешь расстрою тебя ещё сильнее, хотя куда больше, да? — и Тёрк с рыком повёл головой. — Не знаю, кто там тебе попался, но я сражался с наёмником.

Феран нахмурился, встретился взглядом со старшим братом.

— Да, — кивнул Тёрк, щуря глаз. — Это был наёмник. Не шальной, не кто-то кого научили сражаться, не бывший служака, а наёмник. Настоящий, умелый, зубастый вояка. И я думаю, что те, что ушли, отступив, это тоже были наёмники. Их подписали напасть, но что к чему не рассказали и, когда не получилось застать врасплох, они просто отступили.

— Я не понимаю зачем? — взвился Рэтар, озвучивая тот вопрос, что мучил его больше всего.

— Шерга надо вскрыть, — рыкнул Тёрк. — Кто ещё мог пустить чужих? Он или его форы.

— И каков был план?

— Вскроем и узнаем!

— Нет, — отрезал Рэтар, понимая, что причин для того, чтобы прижать Шерга нет.

— Зря, — ответил на это Тёрк.

— Что с девочкой? — спросил феран, переводя разговор.

— Оговорили уже, — тихо отозвался брат. — Мите плохо стало, поэтому Элгор предложил её через портал отправить. До восхода Тэраф предадут огню.

— Хорошо. Иди, — кивнул Рэтар. — И Тёрк, скажи Элгору, или сам, чтобы серые передали Хэле вещи, а то её все в крови.

Брат склонился корпусом и вышел, а феран пошёл в спальню.

Уже совсем скоро должен был взойти Изар и надо будет отправляться в дорогу.

Рэтар понимал опасность перехода, но так же хотелось верить, что если это был кто-то из своих, кто-то кто знал о планах перехода дома в Зарну, то ждали этого через несколько дней, а значит при внезапном изменении плана. Хотелось верить, что получится не нарваться на засаду, а если она и случится, то будет создана хуже, чем должна была бы быть. Но закрытый портал в Зарне беспокоил, потому что это действительно было странно и поразительно к месту.

Подойдя к кровати Рэтар увидел, что Хэла уже не спит. Она лежала с открытыми

глазами, взгляд её был обращён в пустоту.

— Хэла, — он присел на край и протянул к ней руку, но она дернулась, словно от страха.

— Ты не боишься меня? — прошептала она, переводя на него взгляд.

— Нет, боги, Хэла, родная, нет! — прикоснулся к волосам, к щеке, второй рукой сжал едва тёплую руку. — Я не боюсь тебя. Иди сюда.

Притянув к себе, Рэтар прижал её так сильно, как мог позволить, чтобы не сделать больно. Внутри всё разрывалось.

— Я тебе не говорила, потому что была не уверена, — прошептала ведьма ему в шею, — но я не могу с этим ничего поделать, поэтому я очень тебя прошу — прости меня... прости меня, если сможешь...

— О чём ты, Хэла? — нутро схватило ледяными пальцами ужаса. — Мне не за что прощать тебя.

— Камень, — ответила она. И Рэтар замер, в ожидании чего-то ужасного. — На нём был заговор на злость, яростную, не знающую пощады, а ещё на смерть, от которой нельзя уйти.

Кажется его сердце перестало биться.

— Я не сказала тебе, потому что была не уверена, — проговорила ведьма. — Я увидела только, когда чистила камень, заговор на смерть был очень глубоко, понимаешь? Я даже подумала, что я ошиблась. Я отговорила Элгора, потому что он не держал камень, Миргана, тоже... кукушечку... эту смерть нельзя снять, оно либо случится, либо нет. Смерть или доберётся или не сможет.

Хэла запнулась, вздохнула, потому что быстро шептала и Рэтар ощутил, как рубаха мокнет от слёз ведьмы.

— А Найта, она была другая, на неё по-другому действовали заговоры... — она всхлипнула. — Прости, если не получилось от Миргана и Элгора смерть отвести, я правда очень старалась. Я буду ещё делать, пока смогу, но там, как они сами...

В голове Рэтара вспыхнуло воспоминание о стреле. Может он отвёл смерть от Миргана? Значит только Элгор...

А потом удар, ещё удар... в ушах зазвенело, внутри всё сотряс ужас... Хэла...

— Родная, — он с трудом отстранился от неё, чтобы заглянуть в глаза. — Ты тоже держала камень.

Хэла не ответила, эта жуткая тоска в глазах, словно уже прощается с ним, словно всё кончено. Схватившись за неё сильнее, не думая уже о том, что сделает ей больно, потому что сковало, в глазах появились слёзы.

Его руки почувствовали мокрые, ледяные пальцы её руки, тогда у мага, он никогда этого не забудет, как не забыл руку матери, которую держал в последний раз, как ощущение тела Элары, когда прижимал перенося из её комнаты в комнату мамы, и даже рука отца в крови из последних сил сжимающая хватающая его в страхе. И эта рука Хэлы, которую взял, когда она умирала. И вот оно снова.

— Эта злость, она такая ужасная, такая жуткая... теряешь себя, — проговорила ведьма и это значило, что всё это время она сражалась с этой злостью внутри себя. Его маленькая храбрая и такая недоверчивая женщина.

— Хэла... я запрещаю тебе умирать, слышишь? — если бы на ней было бы его слово призыва, он бы мог запретить, мог бы и оно сбылось, да?

— Я очень постараюсь, — прошептала она, уголок губ дрогнул от робкой улыбки. — Но если не смогу... прости меня.

Рэтар мотнул головой, уткнулся в её макушку, втянул запах волос, пропахших кострами, и захотелось взвыть. Кто в итоге сломлен, кто раздавлен и теперь теряет себя?

В дверь постучали. С трудом Рэтар встал и забрал вещи Хэлы, которые принёс сам Элгор.

— Изар встал, портал не поддаётся, — сказал тан с нескрываемым разочарованием.

— Собираемся, — глухо отдал приказ Рэтар и, закрыв дверь, обернулся к Хэле.

— Тебе помочь одеться? — и обыденные вещи были сейчас такими болезненными.

— Не надо, я сама, — ответила ведьма.

— Хорошо.

И ему сложно было просто стоять, ничего не делая. Утопая в тревоге, страхе за неё. Но его ведьма ещё жива. Если стрела была смертью брата, то он смог всё изменить. Теперь Хэла и Элгор. Значит глаз с неё не спустит, да он собственно и не собирался.

Ведьма быстро оделась, собрала волосы в хвост, и кивнула ему в знак готовности отправляться.

— Хочешь попрощаться с Найтой, — спросил Рэтар. — Я тебя отведу в селение.

— Нет, — мотнула головой Хэла и отвела взгляд. — Не надо.

— Хорошо, — отозвался феран. — Тогда пойдём.

Они вышли вместе. Не ускользнуло от внимания, что стоящий у двери ферана стражник из отряда митара, имени которого Рэтар почему-то не помнил, вжался в стену при виде Хэлы. Испугался. Стало не по себе, потому что вот об этом феран не подумал — теперь Хэлу будут бояться. Будут шарахаться, как от хворой, потому что чёрная, теперь уже точно всем понятно, что чёрная ведьма.

Спустившись вниз, они наткнулись на Тёрка.

— Ведьмочка моя, Хэла, — брат сгрёб её в охапку и Рэтар решил оставить их одних, потому что точно знал, что Тёрк знает, что можно сказать нужное, чтобы ей, может быть, стало немного легче.

Во дворе было шумно. Все суетились. Часть обозов, собранных в дорогу, отправлялись из селения вместе с ними, а другая должна была отправиться в Зарну с Гиром, Тёрком и отрядом митара.

Сейчас во дворе были только командиры отряда ферана, его феры и серые, которые к сожалению должны были совершать переход на тоорах и он заметил, что тооры эти были самые неподходящие для неопытных всадников, какими были почти все серые.

Феран позвал загонщика. Тот долго оправдывался, потому что больше не осталось, потому что отряд разделил хороших, да и стадо перепуталось оказывается, часть добротных, послушных животных оказались в селении, в загонах при корте служения и получается, что на них отправятся воины отряда митара и много ещё оправданий.

— С тоорами серых проблема? — Шерга при всей своей мерзости характера в деле был собран, особенно сейчас, когда понимал, что простили и вести себя с вызовом опрометчиво и глупо. — Может поменяемся с ними?

Рэтар согласно закивал и обернулся на стоящих кучкой серых. Хэла уже была во дворе и чесала морду одной из тоор.

— Давай, мы поменяемся с вами, я отдам тебе свою, а командиры отдадут своих, одиннадцать, так? — подошёл к ней феран.

— Десять, — поправила его ведьма, — и не надо. Всё будет хорошо, не переживай.

— Почему десять? — удивился Рэтар.

— Потому что вон та, — она указала на одну из тоор, — с всадником не поедет, она через лунь где-то родит, пусть идёт налегке.

Рэтар вздохнул и нахмурился.

— Сола и Аня на одной поместятся, вон тот крупный, — отозвалась Хэла, словно читая его мысли. — Не переживай, говорю же.

— Этот злющий, — феран повёл головой на того, возле которого они стояли.

— Не правда, я на нём сюда ехала. Видишь, жива-здоровая, — улыбнулась ведьма. — Я послежу за серыми, достопочтенный феран. И за торами тоже, не тревожься.

— Хорошо, — согласился Рэтар и, снимая плащ, надел его на Хэлу, потому что она была в одном платье.

— Не надо, я схожу за своим, — нахмурилась ведьма, смущаясь.

— Не трать время, надо догонять отряд, — проговорил он и крикнул Шерга, чтобы все отправлялись. Тот кивнул и воины стали один за другим покидать двор.

Хэла поправила плащ, закрепила застёжки, потом сказала серым на каких тоор кому садиться, подошла к каждой. Помогла забраться Милене, которая явно ни разу не сидела в седле.

— Я поеду с ними, — Роар подъехал уже сидя на тооре.

— Хорошо, — согласился глава дома, направляясь к своей тооре.

Он выезжал последний.

— Рэтар, — позвал Тёрк и подошёл вплотную. — Я хотел сказать ещё наверху, но как-то... не знаю... Все мы знакомы с потерей и все мы творили что-то, за что потом стыд сжигал и больно было. Вспомни каково было тебе.

— Я не... — нахмурился феран.

— Я знаю. Я про её чувства, а не про твои, — он положил руку ему на плечо и сжал. — Лёгкой дороги, брат. В Зарне свидимся.

— Свидимся, Тёрк.

Развернув тоору, Рэтар вышел с ней из ворот, после чего сел в седло и обернулся во двор, где старший брат прижал к груди сжатую в кулак руку. Кивнув ему, феран с тяжёлым сердцем отправился догонять отряд.

Глава 23

— Держись коленями, — сказала ей Хэла, усадив в седло.

Как будто это могло помочь. Страшно было до жути. Милена никогда не сидела в седле, она к лошадям-то ни разу не подходила в своём мире, а тут... почему она не общалась с тоорами? Надо было пытаться, уж тем более когда узнала, что придётся ехать в седле. И была же возможность. Ну, не попросила бы Хэлу, можно было бы попросить Оань. Она наверное лучше всех, как казалось Милене, из серых сейчас ехала в колонне, спокойно и размеренно. И Хэла, понятно.

Женщина вообще не держалась коленями, кстати, она просто подобрала ноги, скрестив их где-то на шее тооры, как видела белая ведьма, совершенно не напрягаясь и держалась только одной рукой за спину или как там правильно, круп животного? Вторая рука держала поводья, но не сильно, лишь иногда подтягивая их, уж наверное, чтобы животное понимало, что им управляют. Или зачем-то ещё? Для Милены это был лес дремучий.

Девушка была просто раздавлена своим неумением... Да чего там — как попала,

каждый день приносил новые пинки.

У Милены было отличное образование: гуманитарные науки на отлично, точные на хорошо, но какой ей прок от всего этого здесь и сейчас? Из бытовых умений — уборка и готовка? Она отлично пекла пироги, но здесь это тоже не имело никакого значения, потому что продукты были другие. Да и кто её подпустил бы к плите или печи?

Шитьё-вязание... да, Мила связала один носок! Кривой правда, но кажется она скорее сотворит тут всем долгожданную весну, чем свяжет второй. Хотя конечно, зима наступит снова, Милена смирилась, что теперь она здесь и вариантов никаких нет, и носки явно не будут лишними. Но и всё?

Серые весело болтали в дороге, переговариваясь между собой. Некоторые тооры порой фыркали и упрямылись, но тогда на помощь приходила Хэла, или Роар, или Брок. Последний тоже ехал с ними, и ещё несколько бойцов замыкали их процессию, которая ехала небольшой группой после телег с домашними и некоторыми необходимыми видимо вещами.

— А почему мы не можем ехать в телегах? — спросила Милена ещё в Трите, когда стояла с серыми и ожидала, что подготовят их тоор.

— Потому что мы серые, — отозвалась Лорана.

Она кстати тоже неплохо держалась в седле.

— Лорана, а где ты научилась ездить верхом?

— Так я в своём мире из благородных, — пожалала она плечами. — У нас всех с детства учат. Только животинка другая.

— Оань, а ты?

— А я была зрителем в лирских зверинцах, — ответила девушка. — У меня знаешь какие твари были в ведении? Ого-го! А тооры славные. Но вот, как Хэла, я бы не стала на них ездить.

— Нормально, я и лёжа на них могу, добротные животные, — отозвалась Хэла, которая была непривычно молчаливой и погружённой в себя.

— Хэла, а ты с лошадьми со сколько лет? — спросила Милена, надеясь отвлечь чёрную ведьму от печали и может разговорить.

— С четырёх, — отозвалась чёрная ведьма. — Сначала я в садике была, меня никто там не любил, потому что себе на уме, и однажды я мальчишку укусила, который меня задирает. Мама была на занятиях, папа на смене, бабушка тогда уехала в другой город к родственникам, ни до кого не смогли дозвониться, кроме дедушки.

Она ухмыльнулась, глянула на Милу через плечо:

— Дедушка у меня был ветеринаром по лошадям, коровам и прочей крупной деревенской животинке. С лошадками войну прошёл, а после переселились в Москву и он устроился на ипподром, а потом в конный клуб. И вот приехал он из клуба в садик, — продолжила рассказ женщина. — Ему воспитательница говорит, какая я ужасная, потому что укусила мальчика, а сама его за руку держит и дед говорит: “тебя укусила?” Тот кивает, а дедушка ему: ”покажи”. Тот показал. И дед фыркает: “и это укус?” И заворачивает рукав, а у него там след до крови лошадиная челюсть во всю руку — и такой с гордостью “вот это укус!”

Хэла хихикнула.

— Мальчишка в слёзы, воспитательница в шоке, — чёрная ведьма пожалала плечами. — Наверное они поняли после этого, почему я такая странная. Короче забрал он меня оттуда и, так как деть было некуда, привёз в клуб. Я там и осталась — вместо сада, а потом в любое

свободное время, которого было не много, но всё равно. Десять лет жизни в этом. Конкур, выездка, вольтижировка... я умела всё.

— Почему перестала? — спросила белая ведьма.

— Потому что меня жеребец чуть не убил, — усмехнулась Хэла. — Мне было четырнадцать, а ему года два, здоровенный и злой. Его по ошибке в загон выпустили, а он людей терпеть не мог, особенно девок, а нас было много в клубе. Я оборачиваюсь, а мне передние копыта прямо в голову летят, я подумала, что всё, хана мне, но уж не знаю — дёрнулась в сторону и он меня ударил в плечо по касательной. Результат — оскольчатый перелом ключицы.

И женщина повела плечом.

— Знаешь как доктор из травмы был счастлив? Прямо не передать: "серьёзно, конь ударил?" — фыркнула она и тоора под ней кажется ответила, тоже фыркая. Хэла похлопал животное по шее. — Всё спрашивал меня и ржал потом, будто сам конь. А мама, когда увидела меня, сказала на очень понятном матерном, а она не выражалась у меня вообще, балерина, блин, в общем сказала — лошади только через её труп.

И чёрная ведьма замолчала на мгновение, потом снова глянула на Милену.

— А у нас, ну, у меня, был конь тогда, мерин, Атос, он этого жеребца от меня, кстати отогнал, иначе добил бы тот меня, — и она снова отвернулась и стала смотреть перед собой. — Красавчик был породы тинкер. И я не могла его бросить, потому что он был дедушкин, а дедушка умер, за три года до того, и я тогда видела, как лошади плачут — пришла к Атосу и сказала, что дедушки больше нет, умер, и что не придёт никогда, а он на меня так посмотрел, а потом лёг в деннике, я с ним села, а у него из глаз слёзы текут... как я могла его бросить? После дедушки я за ним ухаживала, и в итоге пришлось сесть на него, работать. И какой же он был молодец... Я конечно с мамой спорить не стала, активные занятия прекратила, соревнования, выступления показательные, но всё равно ездила к Атосу, украдкой, а через год он от рака умер. И всё. С тех пор к лошадям я не возвращалась.

Вот ты, Милена, молодец... спросила, чтобы отвлечь от печали. Было чувство, что все сейчас посмотрели на неё с осуждением. Мила и сама бы сейчас так на себя посмотрела. Ответить было нечего, девушка решила, что спрашивать больше ничего не будет, потому что ну куда больше можно ещё подпортить обстановку? Хотя у Милены явно получилось бы.

Одна из хараг Хэлы бежала рядом с ними, а другая бежала вообще где-то в самом начале, там где был достопочтенный феран. Там же был Шерга, и вот этому факту Милена несказанно радовалась. И хотя он совершенно по-другому вёл себя сейчас, словно его вообще подменили, но ехать с ним рядом всё равно совершенно не хотелось.

Часть с обозами возглавляли Элгор и Мирган. Последний ездил челноком между ними, а точнее Роаром и бронаром. Они постоянно переговаривались о чём-то и иногда их части колонны приходилось замедлять шаг, потому что телеги тормозили всех.

Когда взошла Тэраф, им разрешили сделать первую, так называемую, "санитарную" остановку. И когда Роар снял Милу с тооры, то девушка поняла, что она совершенно не чувствует своей промежности и заодно задницы. Кажется уже завтра она вообще не встанет... боже, придётся снова ехать! Захотелось разрыдаться.

— А когда мы прибудем завтра в Зарну? — спросила она у Лораны, за которую держалась, пока углублялись в небольшой лесок, чтобы сделать необходимое.

Было стрёмно невероятно — зимний пролесок, вокруг мужики, девки под каждым мало-мальски похожим на куст голым огрызком растительности... Всё просматривается насквозь.

Вот стыд. А ведь скоро захочется не только писать.

Милена решила заранее впасть в панику.

— Завтра в Тэраф, если ничего не случится, — ответила ей Лорана.

— А что должно случиться? — спросила с ужасом белая ведьма.

— Они, — кивнула в сторону воинов девушка, — ждут нападения. Смотри какие все напряжённые. Командир Таагран вон мельтешит как.

— Кто? — Милена кажется была ещё и самой недогадливой среди всех окружающих.

— Мирган, — пояснила ей девушка.

Дальше спрашивать уже было невозможно, потому что они разошлись.

Вообще сейчас Милена почувствовала плюс отсутствия всяких там трусов — была возможность сделать свои дела в максимально комфортной, если вообще можно говорить о каком-то комфорте, справляя нужду в голем зимнем лесу после того, как несколько часов отбивала попу в седле, обстановке, не слишком отсвечивая обнажёнными ягодицами.

Вернувшись и снова сев в седло, она поняла, что стало только хуже и если она слезет ещё раз, то обратно уже не сможет забраться. Теперь болело всё.

Пока они стояли и ждали остальных, из сумки, прикреплённой к тооре Хэлы, вылезла холёная и достаточно крупная фицра.

— Хэла? — позвали одновременно сидевшие на тооре сразу за чёрной ведьмой Сола и Анья.

— А? — та обернулась и девочки указали на фицру.

— Это вообще что? — удивился Роар, проверявший какой-то ремень на тооре Милены.

— Это фицра, — озвучила очевидное женщина.

— Хэла, я это понимаю, — нахмурился митар. — Зачем ты забрала с собой фицру?

Она пожалала плечами.

— Я не брала, — спокойно ответила чёрная ведьма.

— В смысле? — не понял он.

— Роар, — к ним подъехал феран.

— Всё хорошо, достопочтенный феран, — отчитался митар. — Ждём ещё троих и можем отправляться.

Глава дома кивнул и тут тоже заметил фицру, приподнял бровь. Тем временем зверюга прыгнула и ушла в лесок, чтобы, удивительно, но факт, тоже сделать санитарную остановку.

Все внимательно посмотрели ей вслед, а потом перевели взгляды на Хэлу.

— Я тоже не понимаю, — повела она плечом, — почему фицра достопочтенного ферана сначала ехала в Трит из Зарны в моей сумке, ну а теперь возвращается обратно таким же образом.

— Фицра ферана? — поперхнулся вопросом Роар.

— Да, она живёт у достопочтенного ферана в покоях, — теперь уже Хэла лукаво приподняла одну бровь.

— Они ходят через порталы, вообще-то, — отозвался сидящий рядом Брок.

— А этой не нравятся порталы, ей нравится походная жизнь, — улыбнулась чёрная ведьма парнишке. — И держи птицу от неё подальше, а то сожрёт, подумав, что это ты персонально для её задницы пропитание везёшь элитное. Но мне другое интересно — чем ей сумка достопочтенного ферана не нравится?

И Хэла посмотрела на главу дома, который повёл головой, Брок нахмурился, а Роар рассмеялся. В этот момент к всеобщему удивлению вернулась фицра, пройдя мимо лежащей

на земле хараги она ткнулась ей в нос, после чего ловко запрыгнула чёрной ведьме на колени и устроилась там, явно не собираясь залезать обратно в сумку.

— С тобой она будет целее и она это знает, — ухмыльнулся митар.

— Зоопарк моей головы, — отозвалась женщина, когда феран на всё это всё же усмехнулся и отправился обратно во главу колонны, а птица Брока издала какой-то странный звук, похожий на кваканье.

Дальше ехали молча. Местность была очень красивой, хотя понятно, что в любое другое время красивее намного, — далеко просматриваемые поля, переходили в обрывистые, скалистые выступы и целые площадки, а иногда превращались в скалы, где-то чернели леса, где-то виднелись селения. Дорога шла вдоль реки, и если у Трита Нрава была размеренной и спокойной тёмной лентой, то по мере их продвижения в сторону Зарны она становилась всё более бурной, иногда встречались пороги, по виду, ну точнее на взгляд дилетанта, коим была Милена, весьма опасные. Но всё равно вокруг было такое невообразимое спокойствие.

Однажды они наткнулись на внушительные разрушенные строения и стало интересно, что это такое, но спрашивать девушка не стала, потому что побоялась, что опять сейчас что-то испортит. Просто сделала себе заметку спросить об этом у Роара, когда они будут наедине.

Смотря на его спину, ей становилось невообразимо хорошо. Даже кажется вся эта нестерпимая боль во всём теле была незаметной и не доводящей до слёз. Она с таким невообразимым воодушевлением думала о том, как он её пожалеет. Ведь Роар пожалеет, да?

События предыдущего вечера всё ещё держали её мертвой хваткой. Как бы не были прекрасны пейзажи, которые её сейчас окружали, как бы не было отрадно, что Роар простил её, и что ей удалось не просто, как ей казалось, попросить прощения, но и донести до него свои чувства, но всё равно было жутко.

Нападение, ранение и смерть Найты, Хэла и её сила, гнев, который Милена почувствовала словно он прошёл сквозь неё тем самым током, которым убило тех нападавших. А ещё этот взгляд Элгора...

Милена закрывала глаза и видела этот его взгляд, с которым она встретилась, когда Роар уносил её со двора.

Даже невозможно описать, насколько тяжело было смотреть в этот момент в эти его тёмные полные боли глаза. Милена считала себя и вправду глупой, потому что не понимала, не разбиралась в чём-то подобном, потому что видела уже очевидные и понятные даже маленьким детям вещи. Элгору было больно смотреть как Роар её уносит. И почему-то ей казалось, что он в тот момент шёл именно к ней, но не успел, потому что старший брат его опередил.

От мыслей об этом становилось совсем не по себе. И главное это было для неё таким невыносимым падением, таким словно предательством, только она сама не могла понять кого и что она предавала.

Остановились уже когда Изар давно зашёл, потому что раньше не было никаких лесов, а этот, вдоль которого сейчас вытянулась колонна, был густым и почему-то жутким.

Роар снял её с тооры и она, непонятно как оказалась рядом с Йорнарией, которая сейчас гордо шла в гущу леса, а Милена семенила за ней проклиная каждую клеточку своего тела. И ведь тело было подготовлено к изнурительным нагрузкам — почему верховая езда стала таким страшным испытанием? Или она что-то делала не правильно? Надо спросить у Хэлы...

В рёбра ей уткнулось что-то острое, а рот закрыла огромная ручища в перчатке:

— Пикнешь и умрёшь, — шепнул ей пробирающий до костей ледяной шёпот.

Первое что захотелось сделать — это понятно дело закричать, но почему то была полная уверенность, что в рёбра упирается ни что иное, как острие меча или кинжала.

— Ты ведьма? — спросил её мужчина.

Она слегка кивнула.

— Отлично, пойдёшь с нами.

“С нами?” — ужаснулась девушка.

И тут Милена осознала, что вокруг неё стоит целая толпа. Как вообще такое возможно? Вот только что она видела спину Йорнарии, а перед ней была Аня? Боже, а если эти мужики их убили?

Ужас стал нестерпимым. Её подхватили за талию и потащили куда-то в совершенно другую, как ей показалось, сторону от дороги, от колонны, от воинов, от Роара...

“Господи, Роар, Роар... ну, пожалуйста...” — из глаз потекли слёзы. Милена ничего уже не видела, ничего не понимала и ничего не слышала.

И когда ощущение, что всё кончено, стало практически осязаемым, всё стало двигаться. Тот, который её нёс, резко развернулся с ней в руках и девушка сквозь слёзы увидела озлобленные лица таких уже ставших ей родными людей. Мила кажется никогда не была так счастлива видеть эти перепаханные шрамами, со сломанными носами и хмурыми бровями, суровые, жестокие лица изарийских воинов из отряда ферана. Они стояли сейчас полукругом, с мечами наголо, готовые напасть и отбить её. Боже, они готовы были умереть ради неё. И это осознание было таким невероятным и одновременно невыносимым, разбивающим её вдребезги.

— Я вскрою девку, если не дадите уйти, — прорычал держащий её воин, подставив к горлу лезвие.

От холода металла передёрнуло. Насколько он крепко её держит? Мила кончиками пальцев ног ощущала землю под ногами, но этого было недостаточно — почему-то отчаянно хотелось встать ногами, вот основательно, даже с этим ножом? Кинжалом? Мечом у горла?

— Бросай, — крикнул кто-то, но Милена так и не поняла с какой стороны.

Девушка с трудом нашла среди изарийцев Роара, а с ним рядом ферана. И вот что угодно было можно ожидать от него, но только не того, что он бросит меч. Стало страшно.

— Бросай, — крикнул кто-то ещё раз и лезвие сильнее впилося в её кожу.

Милена видела глаза Роара. Сейчас в них не было ничего мягкого, доброго, нежного, человеческого... в них и цвета этого невероятного медового не было — они были тёмными, жуткими.

Феран едва заметно кивнул и воины сложили мечи, но сам феран меч не положил.

— Уходим, — сказал тот, что держал Милену и стал пятиться назад.

— А меня захватить не хотите? — голос полный яда и озорства прозвучал где-то сзади.

Как Хэла оказалась за спинами нападавших? Откуда она вообще взялась? Долго там стояла? Боже, Хэла... Хэла... пожалуйста!

Перед тем, как Милену резко развернули лицом к чёрной ведьме, она увидела лицо ферана. Боги... её наверное понять сможет только тот, кто видел лицо хищника перед тем, как умереть...

— Шлюха ферана нам не нужна, — рыкнул воин Хэле, прислонившейся плечом к дереву.

Почему? Откуда? И тут Милена осознала, что на чёрной ведьме плащ ферана, который он надел на неё в Трите, перед тем, как они все отправились в путь.

— Ну, что ж, — ухмыльнулась она, — зря, воздали бы за неё хвалу богам. Шлюха ферана не нужна, а что насчёт его чёрной ведьмы?

И она, оттолкнувшись от ствола, выставила из под плаща руки. Стало видно, что на ней серое платье и Милена могла бы поклясться, что кто-то из стоящих рядом воинов шепнул “ведьма”... но в этот момент Хэла просто щёлкнула пальцами одной руки и группа нападавших справа от них просто осела вниз, словно марионетки, у которых перерезали держащие их нити. Потом она щёлкнула пальцами другой руки и уже упали те, что были слева.

Белая ведьма почувствовала страх того воина, что держал её. Непонимание и животный ужас. Он проник в неё, его руки сначала сжали до боли, а потом вдруг ослабли и он отпустил её. Девушка встала на землю и почти перед её лицом возник из ниоткуда огонёк. Такой яркий, от него исходило слабое тепло, и он поплыл в выставленную вперёд руку Хэлы.

— Одно можно точно сказать о каждом из нас, — проговорила чёрная ведьма, — мы все когда-нибудь умрём, но это то, что неуловимо и неизвестно. Но вот тебе повезло — ты знаешь не только время, но и место своего свидания со смертью.

Огонёк доплыл до её протянутой ладони. А воин просто застыл глядя на него. Милена стояла достаточно близко, чтобы видеть, что он понимает происходящее, что он видит огонёк, что он дышит, но ничего не может поделать, а лицо его было бледным, лишённым красок, в нём был даже не страх, не ужас, это было что-то совершенно неопишуемой простыми словами.

— Прощай, — шепнула Хэла и сжала ладонь в кулак.

Огонь на мгновение мелькнул между её сомкнутых пальцев, словно сопротивляясь, а потом потух и с ним воин тоже осел наземь, как и все его товарищи.

— Самое незатейливое похищение на свете — похитители умерли со скуки, пока ждали жертву, — фыркнула ведьма и, развернувшись, просто ушла.

Сначала в мир вернулся звук, которого, как оказалось, не было до этого, а Милена и не заметила. Кто-то выругался, кто-то что-то сказал по поводу произошедшего, а потом голос ферана чётко, глухо, грубо и жёстко раздал указания — мёртвых обыскать, похоронить, прочесать лес, выставить стражу, остановиться в ночь на стоянке нападавших.

Следом в мир вернулось движение. Она почувствовала себя, как героиня фильма — уже в который раз вокруг неё что-то происходило, а Милена просто стояла и не могла пошевелиться. Вокруг всё словно в ускоренной съёмке — кто-то подбежал к лежащим на мёрзлой земле мертвецам, проверил действительно ли они мертвы, к ней подскочил Роар, ощупал её, осмотрел шею, что-то сказал, потом заглянул в лицо... Мила уловила, что взгляд его стал почти привычным, но она смотрела в его глаза всего мгновение.

Сама не поняла, как оказалась сидящей возле непонятно откуда взявшегося костра, укрытая плащом Роара, а рядом сидел феран. Милена не знала также сколько времени прошло, но она очнулась, словно вот это ускоренное движение вокруг неё пришло во временную норму хронометража.

Девушка заметила, как один из воинов тащит за ноги мертвеца и тут на неё опустилось осознание того, что только что произошло, с силой, как безудержный поток ледяной воды, отрезвляющий и пробирающий до костей.

Милену затрясло и она зарыдала, уткнувшись в свои колени. Ей на спину легла чья-то

тяжёлая рука. Девушка вздрогнула, оторвалась от колен, и столкнулась с полным сочувствия взглядом ферана. Вот такой отцовский взгляд, понимающий, успокаивающий. Она не помнила и не понимала, как уткнулась ему в грудь, рыдая, как руки обняли его и сжали куртку.

Милена всегда так боялась этого человека, безумно боялась, с самого первого взгляда. Её пугало в нём всё. И вспоминая этот взгляд, которым он смотрел на нападавших, который появился в момент появления Хэлы... становилось вообще невозможно представить, что можно просто дышать рядом с этим человеком.

Но ведь чёрная ведьма любила Рэтара Горана. И он так сильно любил её. Мила всё никак не могла понять, как это? Что именно Хэла видела в этом человеке, таком жутком, как сама смерть.

А сейчас он обнимал её, успокаивая, молча, просто обнимал одной рукой и ничего больше. Уже немного позднее, когда она перестала плакать, но всё ещё сидела уткнувшись в достопочтенного ферана к нему подошёл Мирган.

— Смотри, чего тебе нашёл. Знакомая наша?

И командир протянул ферану стрелу. Тот взял её свободной рукой, так как вторая обнимала Милену, повертел в пальцах, а потом сломал и кажется с досадой бросил в костёр.

— Тёрк прав был — наёмники, — отозвался Мирган. — Нашли письма при них, я собрал, в Зарне тебе отдам. Вот ведь... угадали с местом? Или хотели нас так атаковать. Только не понимаю куда они хотели отступить? Тут мы, там река, в сторону скалистый прогалок дороги. Отсюда пока будут спускаться мы бы их разделали. Неужели надеялись девочкой прикрыться?

— Не собирались они на нас тут нападать, — это был Роар.

Митар оказался где-то за её спиной, а потом на талию легла его рука. Мужчина заглянул ей в лицо, обращённое к костру. Сейчас Милена сидела укутавшись в его плащ, обнимаемая рукой ферана и крепко прижатая к его боку, голова упёрлась ему в грудь. И от биения его сердца было так мирно, что словно вообще ничего с ней не происходило.

От Рэтара Горана исходило титаническое спокойствие, которое проникало в неё, так же как совсем недавно проник ужас несчастного, у которого Хэла забрала огонь. Огонь жизни...

Роар сел рядом.

— Что думаешь? — спросил митар, но Мила не поняла у кого, однако феран кажется кивнул из чего она сделала вывод, что вопрос был обращён к нему.

— Смотри, как я думаю, — проговорил митар. — Они были здесь давно. Отсюда дорога не видна, она как-бы на возвышенности, и получается, что они в низине, и с дороги не видны — отличное место. Местность постепенно, проседает, уходит ниже, а дальше срывается в обрыв возле реки. Вот там наверху у них было три лёжки. Там были наблюдатели и они следили за дорогой. Когда мы появились бы, они должны были дать сигнал остальным и они, разделившись скорее всего на две группы, должны были — одни остаться и ждать, когда мы пройдем, и зайти нам в тыл, а другие вдоль обрыва пройти к тому скалистому проходу. Как раз хватило бы времени спуститься и занять оборону, пока мы шли по дороге круглеса. В том месте и с десятком неумелых воинов можно дорогу держать, а уж наёмникам...

— Но что-то пошло не так? — спросил Мирган.

— Не знаю, — ответил Роар.

— Всё так, — отозвался феран. — Только с поправкой, что они не по сигналу должны были туда отправиться, а тогда, когда мы выдвинулись бы по плану из Трита. На это у них была ещё пара дней. Это они отступали частично от селения. Вернулись к тем, что оставались здесь в лагере, начали думать, как быть, но мы вышли раньше и вот результат. Они просто не сообразили сделать так, как ты говоришь. Решили рискнуть и взять с хода.

— И поплатились, — фыркнул Мирган, — глупцы.

— Где Хэла? — спросил Роар.

— Там, — ответил феран и Милена даже предположить не могла куда именно надо смотреть.

— Я не вижу, — с сомнением произнёс митар.

— Достаточно того, что я её вижу, — и хотя его голос был спокоен так же как и когда он говорил о планах нападавших, Милена уловила внутреннее напряжение.

— Ты знал, что она там? — спросил Роар, наверное про нападение и про то, что случилось.

Кажется феран кивком подтвердил предположение митара.

— Стражу расставили, — это уже был Элгор.

— Хорошо, — ответил ему феран.

— Шерга настаивает на усиленной, — проговорил бронар.

— Не надо, пусть спят. И вы идите. Роар, девочку к серым, — приказал глава дома.

Мила слышала, как Элгор ушёл, а потом такие любимые ею руки взяли её и она потеряла покой исходящий от ферана, словно осиротела снова. И эти мысли были странными, удивительно поразительными.

— Ты уверен, что не надо усилить стражу? — внезапно из темноты возник полный нервозности голос и тревога заполнила Милу мгновенно. Если бы был выбор, то она снова уткнулась бы в ферана, потому что, вот когда его рука обнимала её, было безопасно.

— Да, Шерга, уверен, — ответил феран. — Идите спать.

— Спать? Ты шутишь? — он был взвинчен, даже зол. — Ведьма убила их щелчком пальцев! Сорок девять наёмников, мы закопали сорок девять трупов. Каково?

— Ты расстроен, что тебе не удалось никого прирезать и ни у кого не было возможности прирезать тебя? — спокойно отозвался Мирган.

— А вот этого не надо, — прошипел Шерга. — Скажешь, что не страшно тебе до окаменения? Всем хорошо тут? Это же...

— Шерга, — прервал его феран спокойно. — Ты свободный человек, ты волен снять регалии и уйти, когда и куда тебе вздумается, да хоть сейчас.

— Достопочтенный феран, я, — начал он, желая оправдаться, но запнулся.

— Ты впервые видишь силу чёрных ведьм, ты не знал, как эта сила работает? — спросил глава дома. — Тогда нечего вопить, как девица, которая никогда в жизни мужика голого не видела.

Мужчины ухмыльнулись.

— Не хочешь спать, тогда вставай в стражу, вместо простых воинов, — сказал феран и Милена услышала удаляющиеся шаги.

Краем глаза она видела, что Шерга у костра уже не было — ушёл. Роар осторожно поднял её на ноги.

— Не для меня придёт весна,

Не для меня Дон разольётся,

И сердце девичье забьётся
С восторгом чувств — не для меня...

До них донесся низкий, грудной голос Хэлы.

Она запела песню, которую Милена кажется слышала, но уверена не была.

Слова долетали, но было понятно, что чёрная ведьма достаточно далеко от них. И девушка удивилась, что феран видел чёрную ведьму.

Милена уставилась, как она думала, в сторону доносившейся песни, но увидеть ничего и никого не смогла. Лес уже погрузился в сумерки, потому что второе светило почти зашло. Деревья вокруг стали устрашающими, даже зловещими, и девушка никогда не стала бы вот так сидеть где-то совсем одна, ну или даже с харагами, потому что скорее всего те были сейчас с Хэлой.

— Не для меня сады цветут,
В долине роца расцветает,
Там соловей весну встречает,
Он будет петь не для меня.

Роар повёл Милену к серым, которые, как оказалось, были совсем рядом. Они сидели, жались друг к дружке, некоторые грели руки в костре. Митар передал белую ведьму в чьи-то тёплые руки — это была Грета. Лицо её было сейчас совсем бледным, задорный румянец сошёл с щёк, а отблески огня в костре делали её какой-то мертвенно уставшей и напуганной.

— Не для меня журчат ручьи,
Бегут алмазными струями,
Там дева с чёрными бровями,
Она растёт не для меня.

— Ты знаешь эту песню? — спросила Донна у Милы.

— Честно, не очень понимаю, — призналась та. — Словно знакома. На казачью похожа.

— Попробуйте поспать, — сказал всем Роар. — Хотя знаю, что это будет нелегко.

— А Хэла там будет? — испуганно спросила Сола.

— Не знаю, как она решит, но не переживай, мы приглядываем за ней и с той стороны тоже есть стражники, — улыбнулся девочке митар, на что та слегка кивнула, вроде успокаиваясь.

— А для меня кусок свинца,
Он в тело белое вопьётся,
И слезы горькие прольются.
Такая жизнь, брат, ждёт меня.

Хэла закончила петь и настала вот эта тишина, когда все погружены в себя и свои мысли.

— Как отпела их всех, — отозвалась Маржи.

— Отпела? — спросила Аня.

— Да, у меня в мире по мёртвым поют, — ответила та. — Есть песня, мотив одинаковый во всех полстях моей родны, только в зависимости от самой полсти отличаются иногда слова. И когда умирает кто — поют эту песню. Обычно просят таких, как я.

— Таких, как ты? — нахмурилась Аня.

— Ну, храмовых, — пояснила Маржи и девочка понятиливо кивнула.

— Мне так жаль Хэлу, а домашние тётки её обвиняют, что она не спасла Найту, —

сказала тихо Сола.

— Я думаю, что если бы могла спасти, то спасла бы, — кивнула Оань.

— А теперь все боятся будут, страх как... — вздохнула Куна

— Хорошо хоть не видели огонь... — отозвалась Лорана.

— Вы видели огонь? — встрепенулась Милена.

— Видели, — кинула та.

— Не все, — буркнула Аня. — Я не видела.

— И я тоже не умею, — покачала головой Оань.

— И Томика не видела, — ответила Куна. — А я вот вижу. И то не всегда, а вот так чтобы снаружи, вообще впервые.

— В смысле? Ты видишь огонь внутри? — нахмурилась белая ведьма.

— А ты нет?

Мила отрицательно покачала головой.

— Воо, видно тепла ты нам в ближайшее время так и не сделаешь, — покачала головой Куна.

— Не переживай, — погладила спину Милены Грета. — Если снаружи увидела, то уже очень хорошо. Потихоньку всё.

Милена шмыгнула носом и уткнулась в плечо серой.

— Давайте попробуем лечь спать? — вздохнула Карлина. — Завтра скорее всего встанем до рассвета.

Глава 24

Хэла могла бы назвать это внутренним параличом. Когда-то давно с ней уже такое было. Было... страшное, мерзкое — пусто, яростно, зло, окуная в безумие.

И Хэла действительно была удивлена, что такого с ней здесь не случилось ни разу. Даже когда попала только в эту их белую комнату.

Ей казалось, что она была готова ко всему. Но кажется она снова вляпалась и как бы не старалась научиться быть независимой, но вот тянуло к мужчине, без которого не было кажется жизни. Не опять, а снова.

Но, в сравнении с болезненным прошлым, в этот раз прям так скручивало, что сейчас Хэла поняла, что если всё кончится, то надо будет уходить, схватить себя и бежать, потому что она не сдюжит с собой...

Всё это было невыносимо.

А эта злость. Неконтролируемая и беспощадная. Как же было страшно снова столкнуться с ней лицом к лицу. Нет ничего ужаснее безумия, психоза, когда контроль, понимание, реальность уходят, оставляя тебя наедине с каким-то жутким чудовищем, способным только на разрушение. И хорошо, если это разрушение тебя самого, но хуже когда кого-то... она не могла бы простить опасность внутри себя для окружающих людей.

Хэла была счастлива, что сейчас ей, несмотря ни на что, удалось удержаться. Она смотрела в лицо Рэтара и знала, что он не осудит, ему не будет страшно... ему нет — Хэла может потушить внутренние огни целой армии, а он всё равно обнимет её, всё равно подарит тепло своих рук.

Потому что он был таким вот хищником... чудовищем, таким, каким она всегда боялась быть, таким, которое жило и у неё внутри, но она не хотела смотреть ему в лицо. А Рэтар смотрел в лицо своему, он даже не боялся его отпустить... это Хэлу в нём восхищало, но с другой стороны — в этом мире всё было просто. А у неё в мире? Но что об этом теперь?

Сидя в тишине ночного тёмного жуткого леса, женщина чувствовала себя невероятно прекрасно. Это было так... боги... дико до одурения, какой-то эйфории...

Ещё на кострах, перед тем, как Хэла увидела тени и закрутился вокруг танец смерти, перед ней возник образ Ллойда. Он сидел по другую сторону костра, словно живой. Улыбался.

Внутренности скрутило — сколько она вообще не вспоминала, как он выглядел?

“Хочешь, я заберу тебя, детка? Нет? Важно быть живой, тогда пусти внутрь тени. Пусти... Иначе они тебя поглотят, детка, и я заберу тебя к себе”, — проговорил он шёпотом, но почему-то голосом Джокера, и это с ней говорило её личное безумие, потому что Ллойд стал отправной точкой осознания бесконечности одиночества и обречённости в той жизни, которая теперь казалась далёкой и нереальной. А Джокер? Илья... больнее быть уже не могло. Он невольно сделал сначала самой живой, а потом...

И Хэла пустила внутрь тени. Пропустила их через себя.

Убила, забрала чужие жизни... и стало так хорошо. Боги, как же хорошо.

Призрак Ллойда с голосом Юхи, или может голос Вселенной в образе любимых людей, а может это была её личная поисковая система? Или всё вместе?

Они были правы!

И это пугало до жути! И хотелось выть, потому что ничего не доставляло столько удовольствия, как эти смерти.

Если потерять разум, то будешь убивать направо и налево, потому что это так охрененно — вот она истинная чёрная сила ведьмы.

Никакое спасение жизни не доставляло Хэле столько радости. Дар жизни наоборот делал её слабой, немощной, словно она свою отдавала, спасая другие. А здесь!

— Хэла? — это был Брок.

Парнишка был смущённым, осторожным, и злое в ней сейчас зашипело: “Он боится, боится тебя, как все... теперь все будут такими с тобой! Теперь уже не спишешь на то, что была поражена смерти девочки, не спишешь на шок, аффект и прочую херь, нет! Этих ты убила хладнокровно, без угрызений совести и всякой моральной хероты! Но платить придётся вот этим аккуратным дрожащим осторожным тоном... Ты для всех стала тем, кем и должна быть! Больше никаких вопросов о твоей сущности. Только страх. Животный страх. Парализующий.”

Хэла зло ухмыльнулась про себя.

— Хэла, может пойдём к костру, ко всем? — предложил юноша. — Не надо здесь сидеть одной? Это опасно...

— Очень смешно, мальчик! — ехидно отозвалась ведьма. — Хорошая попытка — засчитано! Но не надо, хорошо? Ничего со мной не случится. Я и мертвецы, мои мертвецы будут меня хранить...

— Перестань, Хэла, — он сел рядом с ней на поваленное дерево.

Брок был тёплый. Его внутренний огонь отличался от огня отца — огонь сына Рэтарара был спокойным, сильным, таким основательным, но не жарким, а тёплым, не обжигающим, приятным, уютным, словно плед... и захотелось его отобрать.

Лёд этой мысли сковал нутро.

— Иди спать, Брок, — выдавила она из себя. — Не думаю, что мне будут рады, особенно сейчас. Оставь.

— Тогда буду здесь с тобой, — вот упрямство у него определённо было отцовское.

— Мальчик, — вздохнула она и мотнула головой.

— Я не мальчик, Хэла, — проговорил он.

— Для меня мальчик, Брок. Для меня ты ребёнок. И я... не надо бороться с собой, чтобы казаться... — она вздохнула и на глаза навернулись бессильные слёзы, — смелее... делать вид, что не страшно.

— Мне не страшно, — нахмурился он. — Я не боюсь тебя.

— Я убила, — тихо проговорила ведьма, — сколько?

— Не важно, — повёл он головой. — При таких — я воин, Хэла, я тоже убиваю. Сколько я убил с тех пор как в службе? Меня тоже надо бояться?

Она качнула головой, хотела возразить, что воина и ведьму не сравнить.

— Они всё равно умерли бы, их бы не отпустили, — Брок не дал ей ничего сказать. — И разница лишь в том, что благодаря твоей силе мы избежали боя. Мы все живы. Все.

Он всматривался на неё, сел так, чтобы быть к ней лицом. Был очень серьёзен.

— Если у меня спросят — я скажу, что благодарен богам, что у нас есть ты, — и Хэла чувствовала, что он говорит искренне. — И единственное, что меня расстраивает, это то, что все они лягут на тебя грузом греха. Это большая цена. Мне жаль, что ты будешь платить за это. Потому что ты хорошая. Ты добрая и...

— Ты не знаешь этого, Брок, — заупрямилась ведьма. — Ты не знаешь.

— Знаю, Хэла, — возразил юноша. — Есть одна вещь в людях, которая для меня определяет их ценность, важность, доброту... это сострадание, — ведьма всё-таки посмотрела на него. — Безразличие, равнодушие для меня пороки, Хэла. Если кто-то может переступить через беду другого, пройти мимо, не обратив внимание, не пытаясь помочь, без веской на то причины... И это не про тебя. И ты можешь тут много всего наговорить мне, но я ведь видел, что ты неравнодушная. И больше мне не надо. Кому-то может, а мне нет. Мне достаточно, чтобы понять, что ты добрая, что ты хорошая.

— Ты пытаешься заменить Тёрка? — повела она бровью.

— У танара получилось бы лучше, мне до него далеко, — улыбнулся юноша.

Хэла тоже улыбнулась.

— Почему ты пошёл в служение? — спросила она. — Из-за отца?

— Нет, — ответил парень. — Я хотел в служение ещё до того, как узнал, кто мой отец.

— А когда ты узнал?

— Хм, — он прищурился, — тиров в восемь, может девять...

— Подожди, как так? Почему ты не знал? — Хэла действительно была удивлена. — А церемония возложения рук, там же должен быть отец? Достопочтенный Рэтар Горан её пропустил, потому что мечом махал у чёрта на кульках?

— Хочешь расскажу? — подмигнул ей Брок, улыбаясь. — Занимательная история.

Она рассмеялась:

— Расскажи.

— В общем мама не говорила мне кто мой отец, — начал парень. — А я не настаивал и как-то сам сделал для себя вывод, что это какой-то воин, который просто погиб до моего рождения, и если мама не была с ним обвязана, то понятно, что она не скажет мне ничего. Я был далёк от понимания, что такое харн, наложницы... Мама была обижена.

Хэла с пониманием кивнула.

— Нет... ты знаешь? Впрочем, наверняка знаешь, ты же всё про всех знаешь, — кивнул он, уверенный в том, что говорил. — Но мама была обижена не на поступок отца, а на то,

что он больше не обращал на неё внимания, а как узнал, что она в бремени, отправил её в Кэром. Ей хотелось быть особенной, но увы... впрочем, как я понял уже повзрослев, никто из наложниц особенной не был и не мог быть особенной.

Юноша снова кивнул, потом пожал плечами, сел к Хэле боком.

— Я конечно бы сказал себе тогдашнему, что всё же было очевидно, но... когда пришло время церемонии и на мою пришёл сам Рэтар Горан, — и Брок так смешно изобразил восхищение, что чёрная ведьма не удержалась от смешка. — У меня и в мыслях не могло возникнуть, что он пришёл именно ко мне и потому что он мой отец! Он-мой-отец! Это как... да чего там, я и сейчас наверное с трудом в это верю.

— Что такого, вот та-ко-го, в Рэтаре Горане? — улыбнулась Хэла, хотя, боги, она понимала...

— Всё, — ответил он, словно это было само собой разумеющееся. — Это же Рэтар Горан, Хэла... он как... он герой. Понимаешь? Все мальчишки хотели тогда, да и сейчас хотят быть, как он. Он первый воин Изарии, он первый воин Кармии, сильнейший воин элатов Сцирцы. Это...

— Круто, — сказала ведьма. — Прямо дух захватывает.

— Да, — он рассмеялся.

— Ты же знаешь, что дети с пяти до тринадцати принадлежат фернату? — Хэла неуверенно кивнула, а парень уточнил. — Точнее ферану, то есть родители несут ответственность за своих детей перед ним. Но изначально был другой закон, что если у ребёнка нет отца, то руки на него возлагает феран и как бы, делает его ребёнком ферната. Это оттуда пошло.

И Брок махнул рукой, словно в прошлое:

— Пару сотен тиров назад было время, что женщин, которые были в бремени, но не имели супруга, нещадно гнобили, дети эти были без каких-либо прав, им нигде не было места, — и это Хэла очень даже понимала, увы. — Тогда были постоянные войны и мужики уходили воевать, а после них оставались девки в бремени и они шли к магам и чёрным ведьмам. И в итоге получилось, что пришло время, когда детей стало очень мало.

"И тут демографический кризис", — подумала она, но вслух странные слова не произнесла.

— А изарийцы всегда были воинами, всегда на службе, — продолжил Брок. — В то время, мы служили или Изарии, или нас нанимали другие элаты. И вот вспомнили про этот закон — что такие дети, это дети ферана. Сейчас, конечно, уже намного легче всё. Но тогда это помогло. И я думал, что раз у меня нет отца, то значит на мою церемонию придёт феран, а раз пришёл митар, то значит, феран просто не смог.

Хэла понимающе кивнула.

— И да, церемония — это... ммм... ты наверное не знаешь? — он собрался с мыслями. — Так. Ребёнок стоит между эйолом, стоящим за его спиной, и отцом, который стоит спереди, лицом к своему ребёнку. Эйол черпает воду богов в ладони, она такая странная на вкус, цвет и запах, и поднимает ладони с водой над головой ребёнка и произносит хвалу богу, потом просит хранить дитя, потом выливает воду на голову и покрывает ладонями вслед, а дальше переносит их на плечи и произносит слово "дочь" или "сын" и имя. А отец должен произнести имя рода, то есть признать ребёнка.

И ведьма снова кивнула, а парнишка усмехнулся.

— И вот я стоял там, а Рэтар Горан стоял передо мной. И, — он улыбнулся

воспоминаниям, — знаешь, тогда ведь шла война, и он был таким уставшим, потрёпанным, на нём была простая одежда, боевая лёгкая броня, вся в зазубринах, царапинах, от него пахло битвой.

Юноша слегка нахмурился.

— Это такой запах. На войне к нему привыкаешь и не замечаешь, а в мирной жизни, когда уже отмылся, успокоился... и попадаетея вещь оттуда — рукавица, ремень, часть брони и ты понимаешь, что вот этот запах и он никуда не денется. Запах войны, — кивнул сам себе Брок. — И вот я был так поражён, словно передо мной стоял не человек, несмотря на это всё, он всё равно был невероятным. Я смотрел на него снизу вверх, и когда эйол сказал моё имя, а он назвал род — Онар... даже тогда я не понял, что это значит.

Хэла улыбнулась. Наверное для ребёнка пяти лет, вид Рэтара, вытасченного из боя, действительно был внушительным и поражающим до глубины души.

— Я вообще словно и не участвовал во всём этом, — усмехнулся он. — Он положил мне на голову руку и улыбнулся. И, Хэла, это было... Когда я рассказал маме, она только недовольно фыркнула. А я хотел в служение, но она говорила, что я слабый. И конечно тогда, когда я увидел самого Рэтара Горана вот так, близко, я понял, что мама права.

Брок помолчал, вслушиваясь в тишину.

— А через несколько тиров, я столкнулся с одной из дочерей Эаргана Горана, — продолжил рассказ сын Рэтара. — И ей что-то не понравилось в моём поведении, она схватила меня за шкуру и прошипела в лицо, что я недостаточно почтительно отношусь к своей танаре. И отшвырнула меня. И я был... словно меня ударили. Я бежал домой и не понимал, как так вышло, что она моя танара, это значит, что кто-то из сыновей Эаргана Горана мой отец. Я, пока бежал, перечислил в голове всех, кто умер и кто был жив, всех... Даже Гира вспомнил, хотя он старше меня всего на несколько тиров. И я вбежал в дом и сходу спросил у мамы, кто из сыновей Эаргана Горана мой отец. А у нас в гостях оказывается была одна из его наложниц и она... ну, мама наверное выкрутилась бы, но в общем та рассмеялась и сказала, что знает только одного сына Эаргана Горана с такими же картинскими глазами, как у меня.

— Такими как у Рэтара, — улыбнулась Хэла.

— Да... И всё встало на свои места, потому что такие были только у него и у меня. И если внешне тогда я был похож на многих сыновей Онар и Таагран, то глаза отличают меня от всех, — он повёл плечами и усмехнулся. — Мама была в ярости. Но в конечном итоге она сказала, что если я уйду в службу, то она мне этого не простит. И я послушался. А потом случилось окружение при Тронфе и феран был убит, а митара доставили в Йерот почти мёртвым. И его ранил орт... орт! И Рэтар Горан его убил! Это... это... даже не знаю.

— С ума сойти? — прокомментировала ведьма.

— Даже больше, — кивнул головой юноша.

— Ты видел ортов? — ей всё ещё было интересно, действительно в этом мире есть такие великаны. Хотя конечно было понимание, что вполне возможно Рэтар, рассказывая о них, мог бы преуменьшить размер, а не наоборот.

— Да, Хэла, видел, — ответил Брок. — И они... нельзя в одиночку убить орта. Опытный воин орт может раскидать с десятков обычных воинов, словно они дети. Понимаешь? Они жуткие. И то, что он в одиночку убил орта, это невероятно. И я, я наплевал на то, что мама сказала, я хотел, я... мне казалось, что должен попытаться быть с ним рядом. Просто попытаться, ну а вдруг, просто прикрыть его спину. И ушёл в служение.

— Мама была зла?

— Да, но оказалось, что я не такой уж слабый. Не слабее многих, я хороший лучник, а уж ножи метаю вообще лучше всех, — он улыбнулся. — И я пробыл в корте служения где-то полтира, а потом в один из дней пришёл Тёрк, прямо во время тренировки показал на меня, и сказал, что я иду с ним. И так я попал в отряд. Я стал фором при Тёрке и Миргане. Я следил за оружием и бронёй, я выполнял всякие поручения, и они меня учили, смотрели за мной, а одно время я даже жил в главном доме и был кем-то вроде хранителя Итры...

Тут Брок запнулся, глянул на Хэлу наискосок, проверяя реакцию. Она кивнула:

— Про Итру я всё знаю, — ответила ведьма.

— Он был слабым, — пожал плечами Брок. — У него голова отлично работала, не тело... а ещё он всегда хотел угодить отцу, но ему казалось, что получается не очень. Однажды, незадолго до гибели, он сказал мне, что я хотя бы похож на отца, а у него даже с этим проблема.

— Итра не знал, что он... — она закусила губу, потому что, ну а вдруг Брок не в курсе всего этого?

— Что он не его сын? — уточнил Брок и Хэлу отпустило.

— Да.

— Думаю, что он догадывался, — пожал плечами юноша. — Но никто никогда ему этого не говорил в лицо, да и относились к нему всегда... не знаю, как к сыну ферана, с уважением и любовью. И отец, он никогда и виду не подал, что что-то не так. Итра был сам в себе, всегда. С Элгором они были дружны. Итра помогал ему в управлении фернатом, потому что было интересно, это же нужно ум приложить — а он был очень умным.

Где-то подала голос птица, птенец за пазухой Брока подал голос. Юноша шикнул на него, а Хэла захихикала.

— А однажды отец меня спас, — проговорил парень. — И я вернулся домой, потому что был при Тёрке всё время, особенно на войне. А он всегда маму свою навещал, чтобы показать, что с ним всё хорошо. И я тогда пошёл к своей и рассказал, что феран меня спас, а она мне сказала, что и этого не достаточно. И тогда рассказала о том, что произошло, о том, как отец с ней поступил.

Он смущённо повёл плечом, пнул сапогом камень.

— Я любил маму, но она была зла только потому что не было возможности выбраться из Кэррома, а ей хотелось в харн, потому что там не надо было работать. А в Кэрроме надо было, — проговорил Брок. — Её рассказ меня конечно подкосил, потому что я же уже знал какой отец человек. Что он справедливый, честный, добрый, что он любит простоту, ясность, ему не нравится стеснять людей. Я знаешь сколько его фор? И я ни разу не чистил его оружие и ни разу не чинил одежду, броню, даже к оружейникам не носил ничего и не забирал — он всё делает сам.

— Феран штопающий свои рубахи, и предпочитающий вяленое мясо, самому изысканному из дорогущих явств? — улыбнулась Хэла, а сын Рэтара усмехнулся.

— Да, — подтвердил он. — И я видел, как он с женщинами обращается. И я расстроился. И ушёл от неё. Я понимал, что она не станет врать, но верить ей было тяжело. И принять тоже. И я пришёл к Тёрку, но он ушёл к книтам Кэррома, а я наткнулся на его маму. У него была потрясающая мама. Она была строгая — весь Кэрром под собой держала, но при этом была доброй и такой... мудрой, наверное. Она увидела, что я не в себе, и вытащила из меня то, что случилось. И сказала, конечно, что не имеет значения, что там

когда-то произошло, что я вижу своего отца, своего фэрана, и знаю какой он, знаю о нём всё. А судить легче лёгкого. Особенно, когда не знаешь, что это такое, когда не ходил в чужой одежде, не примерял её на себя. А мне потом удалось.

Хэла посмотрела на него озадаченно, поборола в себе желание глянуть внутрь паренька, чтобы увидеть — неужели он мог девушку силой взять?

— Точнее, мне не удалось, но я почти, — нахмурился Брок. — Это было в последнюю войну. Тогда ещё Итра погиб и отец был очень лютым. Все сражения были просто каким-то сплошным ужасом и мы, в самом конце уже войны, попали в одну горную область одного из соседних элатов и те люди сами попросили помощи, а потом смотрели на нас как на захватчиков.

Парень мотнул головой, глянул на Хэлу виновато. Ей показалось, что он пожалел, что начал об этом говорить, но вполне возможно, при его характере, он всё ещё винился, оттого говорил об этой ей, не чтобы оправдаться, а чтобы было понятно, что он этого не скрывал. Рэтар был такой же.

— И однажды я перебрал, потому что усталость была такая беспросветная, что ли, напряжение, словно на тебя давят и ты не можешь уже, — проговорил Брок. — И, в общем, я толком только помню ту девушку, лицо её испуганное, а потом мне по голове, как бухнуло.

И юноша снова глянул на ведьму.

— Я проснулся на следующее утро, а надо мной Тёрк... и знаешь у него есть два лица — добродушного танара и беспощадного убийцы. И когда видишь второе — надо бежать. А я не мог бежать, — Хэла очень не хотела смеяться, но как представила эту картину, удержаться не смогла и прыснула со смеху, хотя Брок тоже веселился это вспоминая. — Я даже пошевелиться не мог, с пьяну и голова болела от удара. Думал всё, мне конец. Как я не обоссался со страха не знаю.

— Что он тебе сделал? — спросила ведьма.

— Ничего. Но этого его лица было достаточно, — и парень снова стал серьёзным. — И мне конечно было стыдно — девушку я ту не нашёл потом, но Тёрк наверняка перед ней за меня прощения просил, и за это мне тоже стыдно...

— Мы все совершаем поступки, за которые нам стыдно, — ответила на это Хэла. — Они разные. Но то, что мы испытываем стыд делает нас чуточку лучше, хотя нужно конечно найти в себе силы просить прощения и пытаться всё исправить. Одним стыдом делу не поможешь.

Брок согласно повёл головой.

— И перед отцом тогда стало ужасно стыдно, потому что он всегда хорошо ко мне относился, всегда... я знаю, что мне и просто понимания того, что он мой отец, было бы достаточно, но то, что обо мне ещё и заботятся... я же понимаю, что Тёрк, да и Мирган, следят за мной, потому что отец приказал.

— Иди отдыхать, Брок, — улыбнулась ему ведьма.

— А ты? — спросил сын Рэтара. — Я же сказал, что с тобой останусь, или ты думала, что разговорами меня отвлечь удастся? Я же Тёрком воспитан, меня разговором не взять.

Хэла рассмеялась. Какой же он был невыносимо милый, просто не было сил, так хотелось обнять, сказать “спасибо” за вот это участие, которое в целом было только от него самого, просто потому что сам он был добрым и открытым мальчишкой, и кажется таким бы был Рэтар, если бы ребёнком не перекутило его мясорубкой войны.

— Хорошо, я приду, — кивнула женщина, решив унять переживания Брока за неё. —

Иди, я приду спать к костру.

— Обещаешь? — парень прищурил глаз.

— Ты невыносимо похож на своего отца, знаешь?

— Это как похвала, но не переходи на другую тему, — улыбнулся он.

— Хорошо. Я обещаю, что приду, — Брок всё ещё смотрел в неё прищуривая глаз, и действительно был один в один Рэтар. — Прямо следом за тобой. Даю слово. И я его держу.

— Я знаю, Хэла, — отозвался Брок и встал.

Когда он ушёл, захотелось разрыдаться. Ведьма сделала над собой усилие, вдохнула-выдохнула. Деймос, который всегда острее брата чувствовал её эмоции, ткнулся ей в лицо мордой, положил на плечо, слово обнимая. Хэла обнала зверя, который до этого лежал в ногах и грел её.

Фобос был позади и, конечно, если бы не Брок, она легла бы спать здесь — подальше от людей, потому что было жутко от самой себя, потому что ужас душил, и даже вот так сидеть с Броком было отчаянно страшно. И хараги не дали бы ей замёрзнуть, и она уверена, что Рэтар, тяжёлый взгляд которого, она ощущала на своей спине, не тянул её туда к кострам понимая, что она не пропадёт.

Но она дала слово мальчику, а ещё ей было жаль этого такого обожаемого ею мужика, который ведь просидит в напряжении всю ночь, наблюдая за ней сквозь эту непроглядную темень. Поэтому пришлось немного всплакнуть в шерсть хараги, а потом встать, взять на руки несносную фицру и пойти к костру.

Сначала были мысли пойти к серым, но они спали крепко прижавшись друг к дружке, согревая. А Хэле было нельзя. Она подошла к костру, около которого в одиночестве сидел Рэтар.

Феран не спускал с неё глаз и это было бы так невероятно приятно в любой другой момент, но не сейчас — потому что сейчас это была пытка, беспощадная, злая... как и сама Хэла.

— Я лягу здесь, если ты дашь мне обещание, что меня не будут трогать и говорить со мной. И ты тоже, особенно ты, — тихо и как можно холоднее проговорила она. — Если тронешь — я уйду.

Ему было тяжело. Боги, как же Рэтару было больно это слышать.

— Хорошо, Хэла. Не надо уходить. Я обещаю, — словно кусками мяса от себя отрывал каждое слово.

Ведьма легла на самодельную лавку, которые были сделаны возле костров, на стоянке несчастных воинов, которых она отправила за гнань, даже не моргнув. Деймос устроился возле её ног, Фобос как и там в лесу, растянулся вдоль спины, даря тепло и успокаивая.

Она закрыла глаза — конечно, Рэтару будет больно и тяжело, но так надо. Иначе никак. Ей самой хотелось рыдать в голос от обиды, ей так хотелось, чтобы он её обнял, поцеловал, утащил в лес, нагрешил с ней... даже наверное через её запрет, хотя она знала, что этого он не сделает, потому что уважал. Через свою боль — ценил и уважал.

— Как она? — тихо спросил Роар, видимо подошедший к костру, когда Хэла уже почти уснула.

Рэтар промолчал, только вздохнул и наверное посмотрел...

— Иди спать, Роар, — отозвался феран глухо.

— Не могу. Как подумаю о том, что случилось и такая ярость внутри, — митар тоже говорил тихо, шёпотом, чтобы не разбудить никого и чтобы лишней кто не услышал.

— Роар, всё обошлось.

— Ты меня знаешь, — отозвался он. — Меня это не успокоит.

— Знаю. Иди спать. Или сиди здесь, но молча, — проговорил, точнее приказал Рэтар.

И настала тишина. А Хэла уснула и ей снова приснилось то далёкое лето. Был дождь, Ллойд и она лежали на полу его квартиры, слушая Брамса, а Джокер валялся на диване и комментировал, слыша каждую неправильно сыгранную оркестром ноту, да и Брамса он не очень любил... и было так хорошо... было... всё хорошее в жизни заканчивается. А в её жизни оно не длится дольше четырнадцати дней... значит пора заканчивать и сейчас.

Глава 25

Утром боль стала невыносимой. Болело всё. Казалось, что Милену били весь день и всю ночь. Точнее она думала, что именно так чувствуют себя люди, которых били. Даже то, что получилось сесть было совершенно невообразимым чудом.

“А как теперь встать? Бл*...”

— Давай помогу? — на спину легла рука Лораны.

— А? — Милена нахмурилась и устала рядом присевшую светловолосую девушку.

— Давай я тебе немного помогу — заговорю боль, чтобы ты могла встать, а потом сесть на тоору, — улыбнулась та.

— Правда? — на глаза навернулись слёзы.

— Не обещаю, что всё пройдёт навсегда — я как Хэла не умею, но на некоторое время приглушить боль могу, — улыбнулась девушка.

— Спасибо, — кивнула Милена. — Если бы и я умела.

— Всё будет, — отозвалась Лорана и погладила белую ведьму по спине, отчего по телу разлилось тепло и боль стала отступать.

— Ого, — выдохнула девушка.

— Полегчало?

— Да, боже, я могу пошевелить руками и кажется ногами и даже встать не умирая, — белая ведьма улыбнулась.

— Отлично, — кивнула Лорана. — Но это ненадолго, к сожалению. Ты скажи мне, когда отпустит и станет невозможно терпеть, хорошо?

— Да!

Двигались по дороге в тишине, Хэла ехала на этот раз в самом конце их группы. От внимания Милы не ускользнул тот факт, что чёрная ведьма спала всё-таки не где-то в тёмном лесу, а возле костра, за которым сидел феран.

Глава дома сейчас, как и вчера, был впереди. С чёрной ведьмой они кажется не обменялись и словом — будто поругались, но этого никто не видел.

Хотя Милена точно знала, что у неё получилось ощутить эту отчуждённость и потерянность, что сейчас плескалась внутри Хэлы. Женщина была разбита, раздавлена. Ехавший рядом с ней Брок о чём-то говорил и она иногда улыбалась ему, порой очень открыто и искренне.

Роар ехал немного впереди относительно Милены. Вид у него был угрюмый и суровый.

Таким задумчивым и отрешённым белая ведьма видела его только, когда они стали друг другу чужими. Она так хотела с ним поговорить, но не могла и это нервировало и расстраивало.

Вспоминать о вчерашнем не хотелось. Хотя всё обошлось, но чувства словно

обострились и эта мнительность теперь шептала, что все вокруг чувствуют себя перед ней виноватыми. Им неуютно рядом, они хотят что-то сделать, но не выходит, или они просто не знают, что именно можно сделать, чтобы успокоить и помочь.

Они проехали по кромке леса и вдоль дороги начали появляться каменные глыбы, которые переросли в скалистую местность. В одном месте дорога шла между двух как будто сросшихся наверху скал, образовавших природную арку.

Там вся колонна остановилась. Роар привстал на стременах и, покинув строй, устремился вперёд, за ним последовали Мирган и Элгор, ехавшие, как и вчера, перед обозами с домашними и харном.

Люди начали беспокойно переглядываться и перешёптываться. Милена обернулась на оставшегося с ними Брока. Он тоже беспокойно привстал в стременах и устремил взгляд на начало колонны. Потом Хэла что-то сказала ему, он глянул на неё, хмурясь, и выругался с досадой.

Милена вспомнила о разговоре мужчин у костра, который слышала вчера, когда сидела уткнувшись в ферана. Они говорили о месте предполагаемой засады. Может это оно? И наверное что-то там произошло.

А ещё от воспоминания о костре стало не по себе. Милена глянула через плечо на чёрную ведьму и почему-то почувствовала себя предателем, будто пыталась увести ферана или что-то в этом роде. Съёжившись под тяжестью гнетущих мыслей, она с радостью увидела, как вернулись Роар, Мирган и Элгор.

Митар ничего не сказал, не объяснил. Он угрюмо смотрел, как воины, под присмотром Элгора, освобождают одну из телег, перекладывая вещи в другие. Потом выводят её из колонны и оставляют на обочине дороги, чтобы она стала замыкающей.

Бронар отмахнулся, впереди идущим, и колонна снова пришла в движение. Проходя в созданные природой скалистые ворота, справа от дороги в камнях Милена увидела тела нескольких воинов в привычной ей коричневой одежде.

— Это разведка, — отозвался тихо кто-то из серых, но белая ведьма не разобрала, кто это прошептал.

Захотелось плакать. Ей показалось, что лицо одного из них ей знакомо, и конечно она могла видеть каждого из них в доме, когда они стояли на своих постах, охраняя покой домашних. Внутри всё зацемило.

Замыкающие колонну воины спешили и стали грузить тела в пустую телегу. Хэла тоже осталась там. И белая ведьма не знала зачем, но конечно уж чёрная-то ведьма точно знала погибших, кажется она знала всех.

Телега нагнала колонну. Теперь замыкающими были Элгор и Роар. И сейчас можно было точно сказать, что они действительно братья — так они были сейчас похожи. Одинаково бритые головы, с накинутым капюшоном, лица с появившейся щетиной на лице — видимо последние дни Элгор не следил за лицом, а Роар понятное дело будет растить усы и бороду, как обычно носил.

Милена вдруг осознала, что различие было в том, что старший брат был менее угрюм, он чаще улыбался, он вообще был таким для неё, солнечным, что ли. В отличии от Элгора, который был в своей обычной суровости очень похож на ферана. Но, когда они сейчас ехали рядом, и у обоих была на лицах скорбь и что-то похожее на досаду, злость, они были очень похожи.

— Не нужен бродягам дом и уют, нужны — океан и земля.

Что звёзды Медведицы им поют, — не знаем: ни ты, ни я.

Велик океан, и земля велика, надо бы всё пройти.

Большая Медведица издалека желает тебе пути.

А где-то с неба скатилась звезда, как-будто слеза с лица.

И к детям твоим пришла беда, Большая Медведица!

Наляжем, друг, на вёсла свои. Волна, пощади пловца!

Большая Медведица, благослови, Большая Медведица!

Твёрд капитан и матросы тверды, покуда стучат сердца,

Большая Медведица, в путь веди! Большая Медведица.

Хэла пела тихо, мягко, но из-за скалистой местности голос её эхом разносился над всей процессией и Милена была уверена, что в начале её слышали так же отчётливо, как и в конце. Когда женщина допела она вытянула наушники из кисета и воткнув один из динамиков в ухо, полностью погрузилась в себя.

А белая ведьма после песни не смогла удержаться и не заплакать. Мимо проехал Роар и в движении мягко погладил её по спине. Почти невесомо, может даже никто и не заметил, но этот жест подарил ей столько тепла, был таким ободряющим. Хватило, чтобы успокоиться, а ещё не замечать того, что боль вернулась и тело снова начало бунтовать против этой пытки — поездки верхом.

Правда Милена была уверена, что сейчас они двигались намного быстрее, чем вчера. Когда скалистая местность перешла в очередные равнины, основной отряд вообще перешёл на быстрый шаг тоор. К сожалению в этом она мало что понимала, а спрашивать у Хэлы было сейчас невообразимой глупостью.

Если Роар вернулся на своё прежнее место, то Элгор так и остался позади колонны. Иногда Милена оборачивалась на него и порой даже встречалась с тяжёлым взглядом бронара. Ей было так жаль его, сама не понимала почему, но хотелось обнять.

Он ехал один, позади телеги с телами павших и словно сам был мертвецом. Под его тяжёлым взглядом, сердце стучало, как бешеное.

Весь прошлый день она смотрела в его спину, а теперь, когда он ехал позади, отчего-то казалось, что он не спускает с неё глаз ни на мгновение. Это было глупо, потому что столько всего случилось, и у него в голове наверное столько мыслей, что мысль о Милене должна быть последней, волнующей его. Но эта глупость червём сидела в голове и она вспомнила его лицо, когда в Трите, после нападения Роар забрал её со двора.

Милена была в горячке от этого воспоминания. Снова и снова пытаюсь прийти в себя, хватаясь за воспоминания о митаре, она отталкивала от себя темень Элгора, но тонула в ней и чувствовала себя до безумия скверно.

А потом дорога снова вернулась к реке. Здесь буйной, яростной, потоком сметающей всё на своём пути. Они перешли воду по добротному каменному мосту, спустились в низину, а потом начали подъем вверх по холму. И взобравшись на него впереди перед ними предстал город.

Крепостные стены замка, да и сам замок, было видно даже отсюда. Это было такое красивое зрелище. В голове возникли фотографии средневековых замков, которые Милена видела на обоях рабочих столов. Или на открытках, которые Настя, наверное единственная подруга Милены, присылала по почте из своих поездок с родителями по Европе.

И сейчас Милена поняла, почему говорили, что в Зарне безопаснее, чем в Трите. Отсюда замок казался маленьким, игрушечным, но сомнения в его внушительном размере не

было. Это было строение из камня чёрного цвета, с высокими башнями и двумя рядами крепостных стен, возвышающихся одна над другой..

Милене были видны две стороны замка. С одной была скалистая отвесная стена. По ней словно разлили синие краски разных оттенков и они смешались в красивые пятна, контрастирующие со светло-серым основанием скалы.

Подумалось, что цвета одежды ферана, митара и бронара, именно поэтому именно такие.

С другой стороны был пологий спуск с извилистой дорогой и среди неё множество построек с разнообразными крышами. В основном тоже синего и черного цветов. Хотя были и белые, сиреневые, даже розовые, но они тонули в темных оттенках и издали были словно мозаика. Часть построек была внутри массивной крепостной стены, а все остальные снаружи. Дома россыпью спускались вниз с возвышенности на которой красовался замок. Крепостных стен было две. Одна наружная, а другая окружала сам замок.

Наверное оттого, что стала видна конечная цель их путешествия, ехать стало отраднее и легче. Зарна приближалась, разрасталась на глазах. Уже были заметны не только дома, но и дороги внутри города, потому что это был самый настоящий город, а не селение, как она изначально почему-то предполагала. Стали заметны люди, животные, птицы — движение внутри.

Совсем скоро Милена уже видела, как начало колонны по извилистой дороге въехало в черту города, которая была очень условно отделена от полей небольшой, на вид доходившей Милене до груди каменной стеной.

Люди стали приветствовать их. Кто-то из воинов отмахивался проезжая мимо того или иного дома. Где-то за воинами бежали ребятишки с сопровождающими их какими-то странными животными, которых она не видела раньше. Ещё она наконец увидела бегущую впереди всей колонны одну из хараг Хэлы. Вторая, какая именно Милена так и не поняла, всё это время бежала рядом с чёрной ведьмой. Уже когда колонна въехала почти на самый верх и первые воины добрались до ворот самого замка, зверь развернулся, оставил воинов и вернулся к Хэле. А Роар наоборот прибавил шаг и вскоре был уже где-то наверху.

С этого места отчётливо было видно сам замок за крепостной стеной и Мила, нахмурившись, поняла, что башни его словно затянуты тёмной дымкой. Внутри дёрнулось что-то тревожное и недоброе. Накатило паника.

Милена хотела отогнать от себя беспокойство, думая, что это всего лишь оптическая иллюзия, вызванная заходящим Изаром, или может она устала в дороге, что теперь видит не весть что. Но в момент, когда она пыталась договориться с собой, Хэла объехала её на своей хараге, потом повернулась к Элгору:

— Элгор, тормози всех, в замок нельзя, — сказано это было чётко и практически приказным тоном.

Может даже с заговором.

После этих слов Хэла подначила тоору и та поехала быстрее. Проезжая мимо Миргана чёрная ведьма и ему что-то сказала. Видимо тоже, что и бронару, потому что командир поднял вверх руку и остановил часть колонны, за которую отвечал. Милена видела как из одной из телег выглянула Мита. Она что-то проворчала, а потом и вовсе вылезла и отправилась к замку пешком, на ходу отмахиваясь на ругающегося на неё Миргана.

Серые послезали со своих тоор, Брок помог Милене выбраться из седла и встать на твёрдую мощёную камнем дорогу.

Некоторое время спустя мимо белой ведьмы проехал на тооре Элгор, попутно оставляя указания Броку, а потом и Миргану.

Некоторое время девушка пыталась прийти в себя, но тревога росла, паника заполняла всё внутри и Мила не выдержала — она пошла туда, наверх, к замку. Сначала она просто шла, а потом сама не поняла как, но побежала, потому что ничто в жизни не казалось сейчас настолько важным, как то, чтобы она оказалась вот там.

Добежав до ворот замка, она увидела невероятного размера нечто. Словно кто-то взял фото вот этого красивого замка и налил чёрной краски поверх башен, крыш, обширного двора. Эта краска будто бурлила, была в движении. Она медленно расползлась и от неё становилось так жутко, что Милена в одно мгновение окаменела, застыв посреди двора.

Никто не обращал на это что-то внимание.

Феран и митар стояли возле высокого мужчины, который хоть и был почти одного с ними роста, но показался девушке мелким и каким-то несчастным. Он что-то объяснял. Феран, стоявший к Милене лицом, хмурился всё сильнее и сильнее. А потом в углу двора запричитала Мита. Мужчины обратили к ней свои лица. Мила не понимала почему-то ни слова, она стояла и страх растекающейся невидимой тьмы пугал её, душил, и кажется, именно из-за него она переставала соображать.

С трудом посмотрев по сторонам, белая ведьма увидела Хэлу и Томику. Серая была бледной, потерянной. Они стояли совсем рядом с ней.

— Это вчера началось, — разобрала Милена слова Томики. — Я пряталась от этого, но оно всё равно меня находит.

— Всё, моя хорошая, всё, — кивнула ей Хэла. — Теперь не тронет. Где Эка?

Девушка кивнула в ту сторону, откуда выбежала что-то кричащая Мита.

Белой ведьме стало странно оттого, что она не понимала, что говорила кухарка. И нет, она не оглохла, а просто не могла понять речи. И в момент, когда Милена отчаянно пыталась разобрать хоть слово, весь двор огласил чёткий и зловещий приказ Хэлы:

— А ну все вон!

Она не говорила, она рычала. Милена видела как к ней по стене подползла одна из этих мерзких чёрных щупалец, даже хотела сказать об этом, но ведьма ударила по ней рукой и та, словно взвизгнув, отползла на приличное расстояние.

“Как живая!” — подумала девушка.

Вокруг всё задвигалось. Воины, которые успели заехать во двор, спешно его покидали. Мимо Милены прошёл тот мужчина, что стоял перед Роаром и фераном. Сами они тоже подхватили своих тоор за ремни и направились на выход.

— Что ты тут делаешь? — Роар налетел на неё, на лице было беспокойство.

Милена посмотрела на него, радуясь тому, что поняла сказанное, но страх не отпускал.

— Что ты видишь, Милена? — спросил феран, наклонившись, чтобы быть с ней лицом к лицу.

— Тьму, — ответила она. Роару не смогла, а вот ферану невозможно было не дать ответ. Мужчина нахмурился. Обернулся на то место, где только что была Хэла, но чёрной ведьмы там уже не было.

— Роар, уходите, — отдал он приказ.

Митар кивнул и взял поводья тоор в одну руку, а Милену в другую. Он дотащил её до выхода.

— Что? — спросил Элгор, который тоже уже был здесь.

— Милена говорит, что тени, — ответил брату Роар.

— Тени? Много? — спросил бронар и она с трудом сообразила, что второй вопрос обращён к ней.

— Очень, — выдавила белая ведьма и снова повинувшись какому-то незримому зову сделала попытку вернуться во двор.

— Куда? — Роар не отпустил.

— Мне надо, — сказала она так твёрдо, как только могла.

Она не знает как так получилось, но он кивнул:

— Хорошо, пошли.

— Какого? — ругнулся Элгор за их спинами.

Но Милу тянуло туда, в тот угол, где тьмы было больше всего. При её приближении тени, как назвал их бронар, шипели и словно разбегались в разные стороны. Роар оказался впереди. За теньями была дверь, которую они скрывали плотным покровом. Оттуда тянуло совершенно невозможным запахом. Это было что-то тухлое, резкое, вызывающее тошноту. Роар зашёл.

— Не ходи, подожди здесь, — Милена уставилась на Элгора, который обошёл её и сначала зашёл в дверь, но застыл на пороге, а потом развернулся назад к белой ведьме.

— Вы ошалели что ли? — зарычала изнутри проёма Хэла.

Голос был совершенно неестественный, грудной, она пела таким, когда нужно было в песне нагнетать обстановку.

— Я по вашему что должна с вами теперь со всеми делать? — возмутилась женщина. — Элгор и ты? Кого ещё притащили? Я же сказала — всем уйти вон!

Хэла вылетела на улицу, как ураган, потом уставилась на Милену.

— И ты? Серьёзно?

Что можно было ответить?

— И я, — кивнула девушка.

Чёрная ведьма явно выругалась про себя, потом посмотрела куда-то в сторону.

— Томика, тащи все чистые тряпки, какие найдёшь, а ещё три чистые простыни.

Потом Хэла перевела взгляд на сидящую возле стены и плачущую Миту. Милена так и не поняла, как кухарка оказалась здесь, ведь она должна была по идее выйти вместе с ними за пределы двора. Чёрная ведьма присела перед ней и положила руки на колени.

— Сейчас полегчает, — ласково сказала она.

Мита подняла на неё заплаканный взгляд.

— Хэла, хорошая моя, спаси Эку, прошу тебя, она же... ей нельзя умирать, — кухарка заикалась, плача, — у неё же детки, ты же знаешь. Хэла-а-а-а-а!

И Мита уткнулась лицом в руки ведьмы.

— Мне нужна вода, сможешь принести? — всё так же ласково спросила та.

— Да, — закивала женщина, хотя Мила подумала, что в таком состоянии сложно собраться и делать хоть что-то.

— Хорошо, неси, — с этими словами Хэла встала и вернулась в темноту жуткого дверного проёма.

С несколько секунд, как показалось Миле, они стояли с Элгором в полнейшей тишине и смотрели в никуда. А потом из проёма показались Роар и феран. Они несли окровавленную простынь. В ней лежала совершенно измученная, смертельно бледная женщина. Но даже в таком состоянии можно было сказать, что женщина эта невероятно красивая. У неё были

яркие привлекательные черты лица — брови, глаза, даже губы, сейчас потерявшие свой обычный цвет. Волосы цвета воронова крыла.

— Милка, ну-ка иди сюда, — рявкнула Хэла и девушка подняла на неё полный непонимания взгляд. — Сколько можно звать-то?

Хэла была взвинчена до предела, она стояла подбоченившись уже у другой двери. Тьмы там было намного меньше. Женщину занесли внутрь. Милена и Элгор проследовали туда же.

Это было что-то вроде общей комнаты — камин, диваны, огромный обеденный стол со стульями, потолочные люстры размером со слона. Комната была огромной, потолок был белый, по верхней границе потолка были оконные проёмы в которые сейчас проникал розовый свет Тэраф, но было светло. И если бы не обстоятельства при которых они сейчас все тут находились, то Милена сказала бы, что это невообразимо красиво, романтично и всё такое, но сейчас розовый цвет был зловещим и напоминал, какую-то кровавую дымку.

А потом по потолку начала сочиться эта мерзкая чёрная масса. Милене было странно, что эта чернота есть, а в комнате всё равно так же светло как и до того, как она сюда начала проникать. Она обернулась и увидела как тени тянутся из-под закрытой входной двери.

Женщину положили на обеденный стол и теперь Милена увидела, что та беременна. Стало страшно до обморока.

— Эка, милая моя, послушай, детка лежит поперёк, — обратилась к ней Хэла. — Я попробую развернуть, но какой стороной не знаю. Как получится. Надеюсь головой и тогда всёйдёт хорошо, но если ножками... ну что делать, значит ножками.

Женщина замотала головой.

— Не могу, не могу, — прошептала она, совсем неслышно, обречённо, протянула руку к стоящему у её головы ферану. — Рэтар, прошу тебя позаботься о детях, я не смогу. Не смогу...

— Глупости оставь, — отрезала Хэла, а потом обратилась к мужчинам, — достопочтенные, раз уж припёрлись, давайте работайте — Роар держи эту ногу, Элгор другую. А вы, достопочтенный феран, саму мамку держите.

Чёрная ведьма огляделась.

— Томика тряпку ей в зубы. Милка сюда иди и вот тут руку держи, — и Хэла указала куда-то в район солнечного сплетения. — Где горе-повитуха?

Только сейчас белая ведьма заметила, что помимо роженицы, ферана, митара, бронара, Миты, Томики и двух ведьм, в комнате была ещё девочка, на вид лет пятнадцати, а может шестнадцати. Лицо у неё было испуганное и потерянное.

— Давай-ка, дорогуша, в себя приходи, — обратилась к ней чёрная ведьма. — А то я конечно много чего могу, но не всё, уж не обессудь поработать!

А потом началось что-то одновременно жуткое и прекрасное в своей чудесной основе. Милена вообще никогда не могла представить себе, что роды это так страшно. Так невообразимо уничтожающе пугающее. Отвратительное и прекрасное.

Как вообще это так происходит?

Не верилось и даже сознание отказывалось принять и понять происходившее.

Хэла подошла к одному из принесенных вёдер с водой, нагнулась к нему и кажется заговорила. Потому что когда она вернулась от неё пахло спиртом, а это значит, что ведьма хоть так хотела обеззаразить свои руки перед тем как, Милена не могла поверить, засунула руку внутрь несчастной женщины. Та взвыла. Мужчины прижали её к столу. Хэла была сосредоточена и казалось точно знает, что делает. Она что-то бормотала себе под нос и

выглядела совершенно безумной. Потом она вытащила руку, всю в крови и тяжело вздохнув заговорила, обращаясь к роженице.

— Эка, сейчас сделаю, чтобы была схватка. И надо будет выталкивать со всей силы, потому что в два раза нельзя, надо сразу родить, понимаешь? Она маленькая, слабая очень, время вышло совсем. Слышишь меня, Эка?

Та кивнула, совсем невнятно, промычала что-то в тряпку перекрученную жгутом, что была вставлена между зубов.

Милена стояла и держала руку, не понимая зачем она тут стоит. Что вообще тут делает. Чувствовала себя невероятно бесполезной. И паника крутила её ураганом — больше всего на свете хотелось убежать отсюда без оглядки.

Хэла тем временем взяла Эку за талию и закрыла глаза. Всего через мгновение роженица застонала, а потом начала рычать. Феран, митар и бронар так и держали женщину прижатой к столу.

Элгору повезло меньше всех. Он был в первом ряду жуткого представления, в отличии от Роара, которому удалось встать так, чтобы можно было смотреть в другую от происходящего действия сторону. Бронар видел всё и Милена видела, как лицо его меняется словно кадры на киноплёнке: отвращение, ужас, боль, сожаление, потом удивление и какой-то странный триумф, и снова отвращение и страх.

На руке Хэлы лежал ребенок. Он был синего с белым цвета, маленький, сморщенный, жуткий. И он молчал.

Милена ничего, абсолютно ничего, не зная о родах, была уверена, что дети кричат сразу же, как рождаются и потому сейчас это молчание её встревожило, и она была убеждена, что ребёнок мёртв.

— Он мёртв? — спросил Элгор тихо, но получилось, что тишина вокруг была поразительная и он прогромычал.

Чёрная ведьма не ответила. Она мотнула головой, наклонилась к малышу, лежащему на её руке и прислонившись к его спине щекой. Потом перевернула и накрыла ртом нос и рот, сплюнула. Прислушалась и ласково сказала:

— Ну же, давай, детка, давай...

И раздался еле слышный детский крик — словно котёнок запищал.

— Ну, певицей тебе явно не быть, — ухмыльнулась Хэла и положила малышку на живот матери и закрыла глаза. — Эй, горемычная, сюда иди. Бабка же учила тебя перевязывать пуповину?

Девочка была за спиной Милены и она только слышала, как та зашуршала юбками поднимаясь и подходя на непослушных ногах к столу. Мила видела, что девочке страшно. Она тряслась как осиновый лист. Хэла глянула на неё и нахмурилась:

— Только не говори, что не умеешь.

— А? — девушка подняла на чёрную ведьму взгляд полный ужаса.

— Да, боги спасите, — всплеснула руками та. — Серьёзно? А что ты умеешь?

На глаза девочки навернулись слёзы. Она глянула теперь уже на Роара, потом на Элгора и наконец на ферана. Встретившись с ним взглядами, она отчаянно разрыдалась и осела на пол.

— Тьфу, — ругнулась Хэла и посмотрела на Элгора, — давай, достопочтенный бронар, держи, как биться перестанет в руке, сжимай со всей силы.

Мужчина был явно против участвовать хоть в чём-то, но тон ведьмы был

безапелляционным и не предполагал, что можно возразить что-то или тем более отказаться. Поэтому в его руке оказалась пуповина, которую он взял с осторожностью и даже брезгливостью. Рука стала кровавой.

— Антисанитария сотого уровня, — проворчала Хэла, потом она явно стала ругаться себе под нос, отборные матерные словечки, которые привели бы в смущение даже заправских грузчиков и слесарей. — Так, Эка, это последний ребёнок твой. Больше нельзя и не будет, прости, но кажется твоя матка сказала тебе, что твой муженёк перестарался. И что тут сказать — я с ней согласна, тоже мне конвейер. Надо же хоть немного дать возможность себе отдохнуть, серьёзно. Закрываем лавочку или ты до заката не доживёшь. Поняла?

Эка кажется была в полном неосознании происходящего. Хотя понять что именно сказала Хэла наверное им всем было сложно. Несчастливая роженица кивнула, но явно уже по инерции.

— Она теряет сознание, — сказал феран.

— Она умирает, — проговорила Хэла и покачала головой.

— Хэла, милая, делай, делай, — вдруг отозвалась Мита. — Как детки без матери-то, их же не раз-два, их девять и вот десятая лежит. Угробит её чудовище это, правда, делай, как надо. Рэтар, ну скажи ей, богами всеми тебя молю, она же не может без приказа сделать такое, или без согласия Эки. Или, рваши его утащите, супруга её...

Дальше Мита тоже видимо отборно ругнулась, потому что Роар с укором глянул на неё и покачал головой.

— Биться перестало, — сказал Элгор прерывая их разговор и возвращая внимание обратно на малюсенькую девочку, которая лежала на животе потерявшей сознание матери.

— Зажимай, — скомандовала Хэла. — Мита, ты то можешь перевязать?

Кухарка кивнула и, оторвав два отрезка от принесённых Томикой тряпок, сделала на пуповине сначала один узел, а потом стала вязать другой.

— Этот не обязательно, — сказала Хэла и подняла глаза на ферана.

— Делай, — тихо ответил мужчина на её немой вопрос. — Если силы есть.

Чёрная ведьма повела головой едва заметно, потом плечом.

— Элгор, режь, — приказала она и бронар перерезал своим кинжалом пуповину. — Ребенка забирайте. Мила отойди. Рэтар, Роар тоже отпустите её. Отходите на шаг хотя бы.

Всё послушно выполнили указание. Томика помогла девочке, что должна была быть повитухой, выбраться из под стола и поддерживая её отвела в сторону.

Хэла обхватила бёдра Эки и закрыла глаза.

Милена видела как тени, до этого замершие, пришли в движение. Тишина ушла, тени действительно издавали какой-то странный мерзкий звук — кричали, но будто на другой волне, не воспринимаемой обычным ухом человека. Они стали тянуться к Хэле, разрастаться и становились плотнее. В какой-то момент Милене показалось, что они стали осязаемыми и перестали быть бесплотным туманом.

Эка выгнулась на столе дугой, потом выдохнула и затихла. Показалось, что умерла, но всего через каких-то несколько секунд снова вздохнула и теперь её грудная клетка стала двигаться ровно и размеренно.

— Надо уложить её куда-то, следить, чтобы не было кровотечения, — проговорила Хэла хрипло, глядя на ферана. — Если начнётся — я не помогу, надо будет знать мага.

— Хорошо, — ответил глава дома и посмотрел на митара.

Роар кивнул.

— Давайте её ко мне, — отозвался Элгор и указал движением головы куда-то в сторону.

Милена проследила за траекторией и увидела дверь. Бронар отправился туда, а Роар подойдя к столу взял на руки Эку. Девочка заплакала в руках Миты.

— Сейчас моя сладкая, сейчас я тебя умою и к маме пойдём.

С этими словами она подошла к одному из вёдер и с ходу окунула туда ребёнка. Было чувство, что проделывала Мита такое не первый раз и, как это было не странно, девочка даже не заплакала. Кухарка завернула её в одну из лежащих на стуле возле вёдер то ли тряпку, то ли простынь, и пошла туда же куда ушли Элгор и Роар с Экой на руках.

Милена посмотрела на Хэлу. Она так и стояла оперевшись на стол, вокруг неё клубились тьма, тянулась к ней и, если недавно во дворе от ведьмы шло какое-то незримое сопротивление, то сейчас она словно сдалась. Густая чернота подползала к ней всё ближе и ближе. Томика громко выдохнула и сжалась, и Милена вспомнила, что серая тоже видит тени.

— Хэла, — Милена сделала шаг по направлению к женщине и тьма на её пути завизжала и расступилась.

“Я их пугаю?” — с сомнением спросила Милена сама у себя и снова сделала шаг, протянула руку. Тени яростно отшатнулись.

— Не трожь, — остановила белую ведьму Хэла как раз тогда, когда девушка хотела обнять женщину, чтобы спасти от этой подступающей тьмы.

С этим приказом Мила сделала непроизвольно два шага назад и в ужасе сжалась, потому что тени добрались до рук чёрной ведьмы, до ног, стали спускаться сверху на голову. Это было так жутко, дико. Милена застыла. Из-за тьмы не было видно уже саму женщину, она была вся в ней, внутри, словно в коконе. Это было само зло. Яростное, смертельное, издающее мерзкий звук.

“Будто в фильме ужасов, только наяву...”

— Что? — возле Милены был феран, он схватил её за плечи, заглянул с беспокойством в лицо.

— Тени, — шепнула она, скорее просто себе, а не в ответ на его вопрос. — Хэла вся в них. Они со всего дома к ней тянутся.

И Милена с трудом оторвалась от созерцания этого парализующего сознание действия и посмотрела на мужчину. И лучше бы она этого не делала — он был сейчас настоящим жутким чудовищем. Он всматривался в Хэлу и белой ведьме показалось, что он тоже видит эту тьму. И ни одна вот такая тень не смогла бы сейчас сравниться по жути с Рэтаром Гораном, достопочтенным фераном Изарии.

В Миле сейчас снова зашевелилось это недавно появившееся чувство понимания внутренних эмоций человека. И, когда она стояла сейчас рядом с этим мужчиной, она физически чувствовала его тревогу, ярость, дикий необузданный огонь горел у него внутри, и тянул его к Хэле, он безумно хотел сейчас подойти и обнять, забрать отсюда, защитить, но внешне его лицо было непроницаемым. Внутри буря, а снаружи холодное мертвенное спокойствие.

Мила глянула на Хэлу. Тени впитывались в её руки, проникали внутрь её тела и наконец стали редеть, становиться всё более прозрачными и пропадать.

— Исчезают, — шепнула Мила.

И Хэла тяжело вздохнула, а потом воздух вышел из неё, словно это был последний выдох в её жизни. После чего она пошатнулась и упала прямо в руки ферана, который успел

её поймать, иначе голова её ударилась бы о каменный пол.

И Милена видела невероятное чувство нежности, такое острое желание спрятать, скрыть от лишних глаз. Без труда глава дома поднял Хэлу на руки, невесомо поцеловал в висок, прижал к груди и направился к противоположной от них стене. Там Милена видела проём коридора или что-то такое.

— Он забрал Хэлу к себе? — спросила Томика.

— А? — Милена обернулась на серую, которая стояла и прижимала к себе находящуюся в бессознательном состоянии юную повитуху.

— Феран унёс Хэлу к себе? — повторила она вопрос, а потом добавила, может вспомнив, что Милена в Зарне впервые. — Он там живёт.

— Хэла спит в его покоях, он приказал, — отчеканила Милена на автопилоте.

Томика уставилась на белую ведьму полными какого-то ужаса глазами.

— Не твоё это дело, — отозвалась Мита, которая вернулась, но никто не заметил когда именно, и Милена не знала, что именно кухарка видела.

— А ну-ка, давай тащи Милену отдыхать, а я займусь этой горемычной, — женщина подошла к ним и забрала из рук Томики бледную повитуху.

— Теней больше нет? — спросил Элгор, выходя из двери.

— Нет, — мотнули головами белая ведьма и серая девочка.

— Отлично, — и бронар пересёк комнату, вышел на улицу.

Томика взяла Милену за руку.

— Пойдём, покажу, где ты будешь жить, — живо заявила она, будто ничего сверхъестественного буквально некоторое время назад не произошло.

Они прошли в дверь в третьей стене и оказались в огромной стеклянной галерее, с цветными витражами.

— Вот там на первом этаже крыло, которое серые делят с домашними слугами, — затараторила девушка. — Там много комнат. Каждая вмещает в себя примерно четыре-пять кроватей. Но сейчас нас мало и мы можем жить по двое или трое в комнате. Есть просторное общее помещение, там столы для трапезы, а ещё можно вечерами посидеть.

Томика тянула Милену за собой в таком возбуждении, а у белой ведьмы казалось не было сил даже дышать.

— Над нами харн. В том крыле, напротив, ну куда достопочтенный феран ушёл, поняла? — Милена кивнула. — Там наверху его личные покои, ещё там такая большая комната, они в ней собираются иногда по вечерам, и ещё огромная комната с книжками, прям вот ты не представляешь какая здоровенная. Внизу живут воины, которые дом охраняют. Ой, я так рада, что вы вернулись!

За разговором они прошли галерею и вышли в коридор, где были двери, словно в отеле. Дальше виднелось большое помещение, про которое видимо упоминала Томика.

— А вот где комната достопочтенного бронара, — продолжила Томика, — ну куда Эку унесли, там дальше по коридору комнаты достопочтенного митара, и другие командиры там тоже спят в общих. А над ними огромная часть дома для всяких приёмов и всего такого — праздники, гости, знаешь? Там почти целый дом ещё. Но это потом посмотришь.

И с этими словами девочка резко остановилась.

— Выбирай, — Томика встала перед несколькими комнатами, — вот в этой Лорана живёт с Хэлой, или Хэла уже не живёт с нами? Или? Ой, ладно, я потом узнаю от Куны. Вот тут Йорнария живёт одна. Так что можешь выбрать кого-то и с ними жить.

— А можно с Лораной? — попросила Мила.

— Да мне-то что? — улыбнулась Томика и пожала плечами. — Я бы тоже не стала с Йорнарией жить. Ладно, побегу я, встречу Куну и девочек. Соскучилась ужасно!

И она развернулась, оставляя белую ведьму, и побежала дальше, видимо где-то там впереди был ещё один выход. Логично, конечно, не могут же слуги выходить через главный вход.

Милена зашла в ту комнату, которую Томика определила как комнату Лораны и Хэлы. Здесь было тепло и даже уютно. Четыре кровати, на стенах нарисованы красивые цветы, похожие на привычные глазу Милены хризантемы. Она опустилась на одну из кроватей — у неё болела каждая клеточка тела, усталость была неизмеримой. Она понятия не имела сколько времени прошло с их приезда, и сколько длился кошмар с родами.

В комнате горела потолочная люстра, а окно под потолком не давало ни малейшего понятия о времени за ним. Мила прилегла на кровать, закрыла глаза и провалилась в непроницаемую темноту сна.

Конец второй части

Больше книг на сайте - Knigoed.net